К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: ***Токио, Иокогама***.
- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: ***Обути Кэйдзо*** и ***К. Обути***.
- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.
- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.
- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.
- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.
- Сроки представления статей в редакцию – до конца октября текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2011

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2011

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, А. И. СЕНАТОРОВ, Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

Я 70 **Япония 2011.** Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2011. – 288 с.

В настоящем выпуске ежегодника исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии. Внимание читателей привлечет статья, рассказывающая о трагедии, постигшей Японию в марте 2011 г. (подробный анализ трагических событий и ущерба, нанесенного стране цунами и землетрясениями, будет рассмотрен в следующем выпуске ежегодника); исследуются исторические и правовые аспекты в сфере энергосбережения; рассказывается о возросшем интересе Японии к энергетическим запасам в Центральной Азии. Статьи, опубликованные в разделах «Общество и культура» и «Страницы истории», несомненно, заинтересуют читателей, которые увлекаются историей и культурой Японии.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 978-5-91022-139-4

© Ассоциация японоведов, 2011

Япония после 11 марта: итоги и уроки Великого восточно-японского землетрясения

В. Э. Молодяков

Пятница 11 марта 2011 г. стала «черным днем» в истории Японии. Начиная с 14:46 по местному времени на регион Тохоку – северо-восточную часть острова Хонсю – обрушились сначала несколько подземных толчков (самый сильный магнитудой 9,0), а несколько минут спустя разрушительные цунами. Наибольший урон был нанесен префектурам Мияги, Иватэ и Фукусима. Даже в Токио, за несколько сот километров от эпицентра, землетрясение такой силы чувствовалось впервые после другого «черного дня» – Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г.

Итог – более 20 тыс. погибших и пропавших без вести, без шансов на спасение[1], в основном унесенных в океан гигантскими волнами, в 12 префектурах; ущерб, который предварительно исчисляется сотнями миллиардов долларов; возможно, самая серьезная в мировой атомной энергетике авария на АЭС «Фукусима-1», масштаб которой в полной мере еще невозможно оценить. Налицо необходимость восстановления крупного региона страны, для общего руководства которым создан специальный министерский пост.

Катастрофа, получившая официальное название «Великое восточно-японское землетрясение» (Хигаси Нихон дайсинсай), породила сотни тысяч новостных корреспонденций на всех языках мира, десятки тысяч журналистских и тысячи аналитических статей. В Японии появились и первые книги о последствиях разбушевавшейся стихии и человеческих ошибок. Полностью охватить этот объем информации мозг одного человека не в силах, даже если в его распоряжении новостные базы информационных агентств (автор настоящей статьи использовал главным образом ИТАР-ТАСС и Киодо) и самые совершенные поисковые системы Интернета. Не рассчитывая объять необъятное, пишущий эти строки попытался выделить и проанализировать наиболее важные социально-политические

[1] Уточненные данные на 29 августа: 15 745 погибших и 4467 пропавших без вести.

последствия и уроки катастрофы, опираясь в том числе на собственные наблюдения, поскольку с 11 марта практически непрерывно находился в Токио.

Кто виноват?

Можно ли было предотвратить столь многочисленные жертвы и разрушения? Этот вопрос сначала приглушенно, а затем в полный голос зазвучал со страниц японской печати.

К сейсмологам и метеорологам особых претензий не было, поскольку к случившейся трагедии идеально подходят слова императора Александра из поэмы Пушкина «Медный всадник»: «С божьей стихией царям не совладать». Крупных ошибок в их деятельности не выявили, а необходимость расширения ее финансирования и раньше не ставилась под сомнение.

Выдержали экзамен японские строители. Если во время землетрясения в Кобэ в январе 1995 г. большая часть жертв осталась под руинами зданий, то сейчас не менее 92% погибших пришлись на цунами, сметавшие все на своем пути. Многие здания, вне ближайшей прибрежной зоны, уцелели даже после того, как по ним прошлись гигантстские волны, и остались пригодными для дальнейшего использования после ремонта. Другой вопрос, захотят ли вернуться туда прежние обитатели. Строительные компании, вдохновляемые не только патриотическим долгом, но и внушительным государственным заказом, сразу включились в правительственную программу по срочному сооружению временного (рассчитанного на 2–3 года) жилья для оставшихся без крова (их число приближается к 200 тыс. человек).

В целом на высоте оказались местные власти пострадавших префектур, сумевшие обеспечить спасателям, в том числе прибывшим из-за границы, максимально благоприятные условия для работы, организовать эвакуацию населения и снабжение его всем минимально необходимым. Спасатели зарекомендовали себя с наилучшей стороны. По мнению экспертов, власти Тохоку извлекли некоторые уроки из последствий катастрофы в Кобэ, к которой местные муниципалитеты и руководство префектуры Хёго оказались не готовы, несмотря на периодически проводившиеся проверки и радужные отчеты по их итогам. Однако, масштаб нынешней катастрофы, особенно цунами, они не предвидели, что потребовало пересмотра всей системы мер безопасности в отношении стихийных бедствий.

Поведение центральных властей вызвало несравненно более серьезную критику. К моменту землетрясения уровень поддержки правительства Кан Наото упал до отметки 20% (по данным некоторых опросов, еще ниже). В японских политических кругах такой рейтинг неофициально считается критическим и означает, что кабинету пора в отставку. Оппозиция в парламенте, где она с лета 2010 г. имеет большинство в верх-

ней палате, и в СМИ избрала тактику «булавочных уколов», критикуя кабинет и правящую Демократическую партию Японии (ДПЯ) по самым незначительным поводам и противодействуя принятию практически любого правительственного законопроекта. Катастрофа примерно на месяц заставила забыть о межпартийных распрях, но лидеры оппозиции, отказавшись от откровенно обструкционистских действий, не изменили критического отношения к администрации Кана. Конструктивного сотрудничества между демократами и их оппонентами, необходимость которого диктовалась обстоятельствами, не получилось, что отрицательно сказалось на имидже Либерально-демократической партии (ЛДП) как ведущей силы оппозиции.

Сразу после аварии на АЭС «Фукусима-1», вызванной двойным ударом землетрясения и цунами, премьер совершил короткую поездку в зону бедствия, облетев ее на вертолете[2], а затем фактически скрылся с телеэкранов и первых полос газет. В течение первого месяца после землетрясения сравнительно малую активность проявляли и другие министры, за исключением генерального секретаря кабинета Эдано Юкио, который, облачившись в рабочую спецовку вместо привычного костюма, дабы подчеркнуть чрезвычайность ситуации, «отдувался» за своих коллег на ежедневных пресс-конференциях. «Ушел в подполье» и бывший председатель ДПЯ Одзава Итиро, возглавляющий в ней «анти-кановское» крыло.

Производивший впечатление энергичного и деловитого администратора, Эдано в прямом смысле слова стал «лицом» правительства, в том числе озвучивая непопулярные и сомнительные, с точки зрения многих независимых специалистов, меры вроде значительного повышения предельно допустимых норм содержания радиоактивных изотопов в пищевых продуктах, которое сопровождалось успокоительными заявлениями о безвредности подобных доз для организма. В медийном отношении Эдано за первые месяц-полтора после катастрофы выиграл больше, чем кто бы то ни было из японских политиков, хотя в кулуарах распространялись слухи, что он при первых известиях об аварии на АЭС срочно отправил семью за границу.

Когда прошел первый шок, власти призвали сограждан «возвращаться к нормальной жизни», символически использовав для этого начало нового финансового года 1 апреля, когда министры переоделись из спецовок обратно в костюмы. Признаком «возвращения к нормальной жизни» стало традиционное любование цветущей сакурой в начале

---

[2] Поездка вызвала резкую критику со стороны ряда японских экспертов и СМИ, заявивших, что пребывание Кана в зоне аварии не только не способствовало ее ликвидации, а, напротив, отсрочило начало выпуска радиоактивного газа из зданий реакторов (это вызвало бы повышение радиоактивности в районе АЭС), что затем привело к взрывам на энергоблоках. Японское правительство попыталось официально дезавуировать эти утверждения.

апреля, хотя некоторые политики, например, мэр Токио Исихара Синтаро, призвали воздержаться от этого ритуала, чтобы подчеркнуть масштаб трагедии и солидарность с ее жертвами. Еще одним признаком возвращения к докризисной ситуации стала новая волна нападок на правительство.

Оппозиция вновь обвинила Кана в «недостатке лидерских качеств», ранее адресовав тот же упрек его предшественнику Хатояма Юкио. Поведение премьера в первые месяцы после катастрофы удивило многих аналитиков. Имевший репутацию закаленного бойца, хорошего оратора и умелого полемиста, Кан редко и неубедительно обращался к соотечественникам, не посещал зону бедствия, свел до минимума контакты с прессой, не отвечал по существу на критику со стороны оппозиции и в то же время не выступил со сколько-нибудь серьезными инициативами по преодолению кризиса. Создалось впечатление, что премьер то ли устал, то ли растерялся. Так, отвечая на критику положения дел в атомной энергетике со стороны оппозиции, он лишь 7 июля напомнил, что оно во многом является результатом более чем полувекового правления либерал-демократов.

Закономерным итогом критики стало внесение в парламент 2 июня – в годовщину отставки кабинета Хатояма – законопроекта о вотуме недоверия правительству за отсутствие лидерских качеств, неэффективность действий по преодолению последствий стихийных бедствий и неспособность справиться с кризисной ситуацией на АЭС. После того, как идею публично поддержал Одзава, имевший много сторонников среди депутатов-демократов, над партией нависла реальная угроза раскола. Кан сумел предотвратить его лишь ценой обещания уйти в отставку после принятия второго дополнительного государственного бюджета на 2011/12 фин. г. и выполнения ряда намеченных работ по восстановлению пострадавших регионов. Точной даты ухода премьер не назвал, чем навлек на себя новую волну яростных и, надо признать, неконструктивных нападок. С этого момента он однозначно стал рассматриваться как «хромая утка». Утром 30 августа Кан ушел в отставку, уступив кресло премьера министру финансов своего кабинета Нода Ёсихико, который днем раньше был избран председателем правящей партии.

Продиктованное, несомненно, патриотическими мотивами предложение образовать «большую коалицию» или хотя бы войти в состав правительства, которое Кан через неделю после землетрясения адресовал своему визави в оппозиционном лагере – главе ЛДП Танигаки Садакадзу (бывший министр финансов в администрации Коидзуми), закончилось провалом после отказа последнего. Танигаки разъяснил, что его партия будет сотрудничать с демократами в деле ликвидации последствий катастрофы и восстановления страны, даже не входя в правительство, но формирование «большой коалиции» невозможно без достижения договоренностей по принципиальным политическим и

экономическим вопросам, не имеющим отношения к землетрясению. Кан подвергся жесткой критике со стороны однопартийцев и за форму, в которой он сделал столь важное предложение, – по телефону. «Вы должны были лично приехать в штаб-квартиру ЛДП и с почтительным поклоном предложить господину Танигаки войти в состав кабинета», – наставительно заметил премьеру Ватанабэ Кодзо, один из партийных «старейшин», который часто критикует премьера и его действия.

Масштаб последствий катастрофы побудил 77-летнего императора Акихито 16 марта обратиться к населению по телевидению, чего монарх ранее не делал по таким поводам, включая землетрясение в Кобэ в 1995 г. и в Ниигата в 2004 г. Его медийное общение с подданными традиционно ограничено днем рождения (23 декабря) или празднованием Нового года. Можно предположить, что одной из причин обращения стали распространившиеся в японском интернете слухи о том, что после взрывов водорода на реакторах АЭС «Фукусима-1» монарх в спешном порядке покинул Токио и перебрался с семьей в Киото (по понятным причинам, японские СМИ об этом не писали). После этого император и императрица, а также их дети, неоднократно встречались с беженцами из зоны бедствия в предоставленных им временных убежищах в Токио и его окрестностях, а затем посетили все три наиболее пострадавшие от стихии префектуры.

После того, как прошел первый шок от известий о многотысячных жертвах подземных толчков и гигантских волн, внимание Японии и всего мира было приковано к ситуации на АЭС «Фукусима-1», принадлежащей компании «Токио дэнрёку» (официальное английское название «Tokyo Electric power» или сокращенно TEPCO). Именно с ситуацией на ней были связаны наибольшие тревоги японцев («взорвется – не взорвется»), наиболее резкая критика в адрес «кризисного менеджмента» компании и правительства, наиболее острая реакция со стороны других стран (частичный запрет на ввоз японских продуктов и на посещение прилегающей к станции зоны из-за угрозы радиации), а также самые нелепые слухи в СМИ. Наконец, эта авария чревата самыми большими убытками и компенсациями, окончательный размер которых пока невозможно определить, и может сыграть заметную роль в дальнейшей судьбе мировой атомной энергетики.

Автор настоящей статьи не является специалистом в области ядерной физики или атомной энергетики, чтобы судить о характере и причинах аварии и ее возможных последствиях, а также о правильности или неправильности действий TEPCO, местных и центральных властей по ее ликвидации. Суммируя сказанное специалистами, можно сделать следующие выводы. 1) Главной причиной аварии стали не подземные толчки, а цунами, разрушившее систему охлаждения реакторов, в результате чего произошло спекание ядерного топлива. 2) Стандарты и системы мер безопасности не были рассчитаны на землетрясение и цуна-

ми такой мощности, а потому нуждаются в кардинальном пересмотре. 3) В контроле над работой АЭС страны были допущены нарушения имеющихся законов, включая «закрывание глаз» на несоблюдение действующих правил и стандартов, поскольку Управление атомной и промышленной безопасности находилось в подчинении министерства экономики, торговли и промышленности – главного лоббиста развития ядерной энергетики. 4) Авария еще не закончилась, поскольку состояние топлива в реакторах и отработавшего топлива в бассейнах выдержки по-прежнему представляет опасность с учетом разрушений в зданиях энергоблоков и возможности нового землетрясения. 5) Оценить степень загрязненности окружающей среды сразу после аварии пока не представляется возможным.

Наибольшую критику – которую коротко можно суммировать известной формулой «too little, too late» – вызвал именно «кризисный менеджмент» в деле ликвидации аварии, по которому, вероятно, пройдет самый серьезный «разбор полетов». Прежде всего, это относится к руководству TEPCO, которое систематически обвиняли в сокрытии от общественности информации о реальном положении дел на аварийной АЭС, в избирательном и несвоевременном оповещении правительства (подобная критика звучала даже из уст Кана и Эдано), в поспешном принятии технически непродуманных мер (заливка раскаленных реакторов морской водой из-за нехватки пресной) и, напротив, в неделании того, что необходимо было сделать.

Процитируем комментарий заместителя генерального директора Курчатовского института профессора В. Асмолова: «Японцы, которые научились почти идеально эксплуатировать станцию, в кризисный момент потеряли управление. Японская модель с долгой и строгой иерархией усложнила последствия аварии. Чем дальше уходил вопрос от места аварии, тем медленнее принималось решение, тем хуже было управление. Образно говоря, если русскому дяде Ване, чтобы починить залипшую кнопку, требуется лом и пять минут работы, японцы создают комиссию, мучительно совещаются, а ответственность на себя может взять только один начальник, которого срочно найти не всегда удается. Говорить с кем-нибудь ниже уровня заместителя министра бессмысленно… Девять дней после аварии и обесточивания на станцию не могли перекинуть электрический ток. Русский человек быстро катушку по земле раскатал бы, запасной генератор притащил. Если бы удалось сразу запустить насосы с водой, худшего на станции удалось бы избежать. Нельзя сказать, что японцы ничего не делали, они по своей логике проходили долгие этажи иерархии. А станция горела»[3].

Закономерными итогами этого стали, с одной стороны, создание в правительстве поста государственного министра по ликвидации аварий в атомной энергетике (его получил 39-летний Хосоно Госи, который в

---

[3] Цит. по: *Куланов А. Е.* Обратная сторона Японии. М., 2011.

качестве специального советника премьера курировал работы на «Фукусиме-1»), а с другой – отставка президента ТЕРСО Симидзу Масатака и рекордное падение курса акций компании, которые считались эталоном надежности: на Токийской бирже они потеряли около 80% своей докризисной стоимости. Падение удалось остановить лишь путем правительственных обещаний взять на себя часть компенсации пострадавшим от аварии, общий размер которой пока никто не берется подсчитать. Токио допустил на аварийную АЭС специалистов МАГАТЭ и предоставил им всю запрошенную информацию. Глава этой международной организации японец Амано Юкия клятвенно пообещал, что его национальная принадлежность никак не скажется ни на отношении комиссии к работе, ни на ее выводах. Эксперты подтвердили, что власти и ТЕРСО оказали им максимальное содействие, однако независимые наблюдатели выразили сомнение в полной беспристрастности и критичности МАГАТЭ в отношении происходящего на АЭС «Фукусима-1», поскольку Япония является вторым по объему финансовым донором этой организации.

Бедствие, постигшее Японию, неизбежно отразилось на ее отношениях с другими странами и на ее имидже в окружающем мире. Природный характер и масштаб катастрофы, которая, по тем или иным причинам, могла разразиться практически в любой стране, вызвали всеобщее сочувствие к японцам, которые перед лицом трагедии проявили достойную восхищения солидарность и выдержку. Большинство стран не только выразили японскому народу симпатию и поддержку, но и вызвались помочь материально, включая деньги и грузы, необходимые пострадавшим.

Россия одной из первых откликнулась на беду соседей, что было высоко оценено как властями и политиками, так и простыми гражданами, но крайне выборочно и тенденциозно освещалось в местных СМИ. Отношения между Москвой и Токио заметно ухудшились в феврале из-за очередного обострения японскими официальными лицами, включая премьер-министра, так называемого «территориального вопроса», что обусловило безрезультатность визита в Россию главы МИДа Маэхара Сэйдзи ровно за месяц до землетрясения. После катастрофы общественное мнение нашей страны, за исключением небольшого и явно ангажированного сектора Рунета, было едино в симпатиях к японцам, хотя мало кому пришло в голову поддержать их осторожные зондажи относительно желательности «возвращения северных территорий» в знак «сочувствия и солидарности». Случившееся ни на йоту не изменило официальную позицию обеих стран по болезненным вопросам двусторонних отношений, а невольная разрядка напряженности в них не была использована для каких-либо конкретных позитивных шагов.

Особого внимания заслуживает освещение событий этих месяцев японскими и иностранными, в том числе российскими, СМИ. Автору статьи этот аспект особенно близок и как исследователю имиджей и

имиджмейкинга, и как свидетелю событий, получивших столь причудливое медийное отражение. Количественно информации было много: ведущий общенациональный телеканал NHK в течение нескольких недель освещал события в зоне бедствия и на «Фукусиме-1» в круглосуточном режиме. Сообщения ведущих японских СМИ (общенациональных газет и телеканалов) «для внутреннего употребления» сводились к транслированию заявлений правительства и TEPCO и к комментариям специалистов (оценить последние по существу пишущий эти строки не берется). Однако вскоре на информационном пространстве, не находящемся под контролем элиты и бюрократов, начала расти волна публикаций (на момент написания статьи более десяти книг и тысячи статей), утверждавших, что правительство, TEPCO и чиновники с помошью СМИ и «карманных» экспертов сознательно дезинформировали сограждан об истинном положении дел на АЭС и возможных последствиях этого, создав, как заметил один иностранный аналитик, «мощный информационный шум из неполных, ложных, бессмысленных либо взаимно противоречивых сообщений». Автор настоящей статьи сам неоднократно слышал подобные утверждения, но не берется однозначно оценивать их.

Несколько иная ситуация сложилась с информацией, которую японские ведомства и СМИ давали на иностранных языках, прежде всего на английском. Изначально ее эффективность была невысокой из-за сравнительной скудости и неоперативности, а также из-за волны сознательной или несознательной, но несомненной дезинформации, которую создали иностранные медиа. Деятельность последних заслуживает особого рассмотрения. Пишущий эти строки мог на собственном опыте убедиться в том, что расхожее представление «СМИ всё врут» не так далеко от истины. Во время выступлений в марте-апреле в эфире различных российских и русскоязычных радиостанций (в общей сложности, вероятно, не менее 100 раз), мне приходилось изо дня в день повторять, что токийцы не бегут в ужасе из столицы, что город не погружен в хаос и панику, что уже через несколько дней после землетрясения поезда метро и электрички ходили по расписанию, в магазинах начала появляться исчезнувшая было питьевая вода, а ограничения на продажу бензина не парализовали жизнь города, но лишь уменьшили количество автомобилей. Вопросы ведущих были основаны на сообщениях ньюсмейкеров, которые заметно противоречили тому, что я видел собственными глазами. Напомню, речь шла о ситуации в Токио. Представители некоторых СМИ, включая съемочные группы, прямо требовали «моря крови» и «гор трупов», а в лучшем случае с надеждой в голосе просили – в том числе лично меня – сказать в эфир, что на «Фукусиме-1» все-таки «возможен худший сценарий».

Сознательное искажение ситуации с целью вбросить на информационное поле как можно больше «horrible» и «terrible» велось несколькими способами. При этом репортеры, похоже, не задумывались ни о между-

народных последствиях своих действий (дискредитация имиджа Японии), ни о репутации своих СМИ, ни об эмоциях потребителей, включая тех, у кого были родственники или знакомые в Японии, не говоря уже о журналистской этике. К этим способам относилась: выборочная трансляция информации (акцентирование внимания на показателях роста уровня радиации без упоминания о том, что даже такой уровень безвреден для здоровья); экстраполяция ситуации в зоне бедствия на всю страну (заголовки типа «Японию накрыло цунами», «Япония заражена», «Японцы в панике бегут на юг»); раздувание частных трудностей, вроде перебоев с питьевой воды и нормированной продажей бензина, до размеров общенациональных; использование ненадежных и недостоверных источников информации, включая перепуганных туристов и слухи из Интернета. Я подробно остановился на этом аспекте проблемы, поскольку абсолютное большинство потребителей информации в мире получило неверное и даже сознательно искаженное представление о случившемся, что уже имеет далеко идущие последствия.

Действия МИДа и других официальных лиц Японии по противостоянию волне паники и дезинформации также можно охарактеризовать формулой «too little, too late»: призывы верить немногочисленным и не слишком убедительным англоязычным сообщениям официальных источников не могли компенсировать огромный ущерб, который был нанесен имиджу Японии как «безопасной страны». Показателями этого стали «обвальное» падение количества иностранных туристов в первые месяцы после землетрясения (более чем в два раза по сравнению с 2010 г.) и «исход» из страны иностранцев, масштабы которого пока сложно оценить из-за появления в СМИ взаимоисключающих сведений (это относится и к гражданам РФ). Попутно ситуация четко высветила, представительства каких стран в Японии вели учет своих сограждан и были готовы оказать им действенную помощь в чрезвычайной ситуации, а каких – нет.

Что делать?

Пять с половиной месяцев после Великого восточно-японского землетрясения поставили перед страной и ее руководством множество стратегических и тактических задач. Попробуем обозначить важнейшие из них.

Первое – скорейшая ликвидация последствий аварии на «Фукусиме-1», точнее, предотвращение их разрастания: «холодная остановка» аварийных реакторов, ограничение распространения радиации с помощью «колпаков» из защитной синтетической ткани (а затем, вероятно, саркофагов), дезактивация почвы, загрязнение которой некоторые эксперты сравнивают с чернобыльским. Можно не сомневаться, что на это будут выделены все необходимые средства и задействованы все необходимые резервы, включая помощь из-за рубежа, в том числе из России. Авто-

ритетный российский специалист в данной области в конце июня сообщил автору статьи, что у японского правительства, заинтересованных ведомств и ТЕРСО есть стратегический план ликвидации аварии, понимание того, что именно надо делать, и техническое возможности сделать это, однако было упущено драгоценное время, что сделает ликвидацию последствий аварии более долгой, опасной и дорогостоящей. Не вполне понятна и дальнейшая судьба территорий вокруг АЭС – 20-километровой зоны обязательной эвакуации и следующего пояса, в котором население продолжает жить в условиях повышенной радиации, подвергаясь постоянной опасности.

С этим непосредственно связан более глобальный вопрос о дальнейшем использовании «мирного атома», который дает японской экономике порядка 25–30% электроэнергии. Часть общественности, в основном популисты и «зеленые», требует полностью отказаться от нее, ссылаясь на пример Германии и Италии. Премьер-министр Кан несколько раз заявлял о необходимости «пересмотра» (что в японской политической лексике не обязательно означает «изменение», а скорее «рассмотрение заново») государственной политики в этой сфере и даже высказался за создание в будущем «общества, свободного от зависимости от ядерной энергетики», но был вынужден разъяснить, что это его «личное мнение», а не позиция кабинета. Официально о полном отказе от «мирного атома» пока не говорится, поскольку за его сохранение, даже при сокращении объемов и отказе от строительства новых АЭС, однозначно выступают деловые и промышленные круги.

Многие политики, представители деловых кругов и, конечно, лоббисты атомной энергетики указывают на колоссальные трудности и, соответственно, убытки, которые повлечет за собой «выключение» всех АЭС в стране. Особенно, добавляют некоторые, это почувствуется жарким летом и холодной зимой, когда вынужденная экономия электроэнергии в прямом смысле слова коснется каждого. Кроме того, экспорт ядерных технологий гражданского назначения считается в Японии перспективным направлением расширения своего экономического присутствия за рубежом, от стран АСЕАН до Ближнего Востока. Возможно, под влиянием случившегося на «Фукусиме-1» какие-то страны откажутся от применения ядерной энергии, но явно не все. Рынок «мирного атома» не потерпит пустоты, а Токио уже показал, что не намерен уступать таким активным конкурентам в данной сфере, как Россия или Франция.

Второе – восстановление пострадавших от стихии районов. Разработка конкретных планов в этом направлении уже ведется, но всё упирается в средства и силы, поскольку, по данным на 29 августа, 83 тыс. беженцев из зоны бедствия оставались во временных убежищах, под которые были наспех переоборудованы школы, спортивные сооружения и т. д. Восстановление займет не один год, причем сначала пред-

стоит физически расчистить поле для него, убрав десятки миллионов тонн обломков. «Возрождение региона Тохоку», которое правительство объявило приоритетным направлением национальной политики, может стать мощным стимулом для ряда отраслей экономики, поскольку оно потребует масштабного строительства жилья, административных зданий и инфраструктуры и может дать работу части тех людей, кто остались без нее после катастрофы. Дальнейшая экономическая судьба Тохоку – в первую очередь аграрного и рыболовного, а значит дотационного региона – пока не ясна, хотя на неофициальном уровне ведутся разговоры о его возможном перепрофилировании в рамках общенационального разделения труда.

Где изыскать сотни миллиардов долларов на выплаты компенсаций и на восстановление пострадавших регионов? Как определить объем компенсаций, которые хотя бы частично удовлетворят пострадавших и не опустошат при этом государственную казну? Этот вопрос является особенно трудным для демократов, которые в 2009 г. пришли к власти под популистскими лозунгами и обещали осуществить масштабные социальные программы без повышения налогов. Оппозиция и многие ученые-экономисты критиковали эту программу как практически невыполнимую. Став правящей партией, демократы были вынуждены отказаться от некоторых наиболее экстравагантных идей, вроде бесплатного проезда по скоростным дорогам всей страны, чтобы обеспечить выполнение более важных обещаний, включая выплату пособий детям, однако события 11 марта, похоже, поставили крест на большинстве таких программ. Более того, демократам пришлось пойти на изменение принципиальной позиции по одному из наиболее дебатируемых внутриполитических вопросов и согласиться на повышение потребительского налога с нынешних 5% до 10% в течение «первой половины 2010-х годов», т. е. очевидно не позднее начала 2014/15 фин. г. После землетрясения эта непопулярная, но необходимая, по мнению большинства экономистов, мера стала неизбежной.

Какова бы ни была политика центрального правительства по восстановлению региона Тохоку, очень многое зависит от местных властей пострадавших префектур – как законодательных, так и исполнительных. «Ключ к успеху возрождения лежит в участии людей на местах, на всех уровнях. Без этого не будут реализованы никакие замечательные планы. Особая ответственность лежит на мэрах городов и деревень», – подчеркнул, выступая 16 июля на симпозиуме в Токио (где присутствовал и автор настоящей статьи), бывший губернатор префектуры Иватэ Масуда Хироя. В отношениях между центральным правительством и местными властями – не только в Тохоку – накопилось много проблем, включая возобновление работы ядерных реакторов, которые в настоящий момент остановлены из-за стихийных бедствий или для проведения проверок безопасности. Префектура Фукусима уже постановила навсегда рас-

прощаться с «мирным атомом», и это решение вряд ли удастся изменить. Фукусима создала привлекательный прецедент для других регионов, которые могут попытаться использовать судьбу находящихся на их территории АЭС как «козырную карту» в переговорах с центральным правительством, добиваясь от него уступок в других сферах.

О многом придется призадуматься и главным политическим партиям Японии – демократам и либерал-демократам. По данным опросов, опубликованных 11–12 июля, через четыре месяца после катастрофы, рейтинг популярности (точнее, непопулярности) демократов рухнул до 13,6% (NHK), а кабинета Кана – до 15% («Асахи»), хотя в июне он одно время приблизился к 30%. При этом более 40% участников опросов общественного мнения не отдают предпочтение никакой партии. Не имевшие опыта управления страной, демократы приобретали его не только «на ходу», но в условиях сначала мирового финансового кризиса, а теперь разрушительных стихийных бедствий. Заявленное ими намерение вырвать разработку политики из рук бюрократов и передать ее народным избранникам с самого начала наталкивалось на глухое сопротивление чиновников, в «активе» которых оставались профессионализм и умение взаимодействовать с местными властями и бизнесом. Оказалось, что реалии государственного управления и экономики заметно отличаются от представлений демократических лидеров, которые, по меткому замечанию одного видного японского политолога, знали ситуацию лишь по отчетам и другим бумагам, которые им клали на стол. Без помощи чиновников, местных властей и бизнеса никакое возрождение страны невозможно. Однако его реализация – это вопрос не только власти той или иной партии, но и будущего всей страны.

Если демократы в эти кризисные месяцы не заработали дополнительные политические «очки», то их противники либерал-демократы также не остались в барыше, хотя и немного повысили свой рейтинг. Партия, практически безраздельно руководившая страной более полувека, не выдвинула никакой конструктивной программы выхода из кризисной ситуации, не продемонстрировала готовности забыть о мелких политических распрях перед лицом общей беды и, тем более, придти на помощь менее опытным демократам, показав им пример истинно государственного мышления. Напротив, ЛДП так и не отказалась от тактики «булавочных уколов», больше подходящей для мелкой партии, которой необходимо любой ценой напоминать о себе. Принесет ли ей это успех на выборах, покажет будущее. Однако внесенный либерал-демократами проект вотума недоверия кабинету Кана вызвал резкое раздражение в Тохоку. «Пусть депутаты лучше приедут сюда и помогут нам, – говорили журналистам жители пострадавших районов, – если им больше нечем заняться».

Последствия катастрофы 11 марта обозначили целый ряд новых международных проблем, с которыми Токио предстоит сталкиваться в будущем. Многие страны, искренне выразив Японии сочувствие и предложив помощь, одновременно ввели запреты и ограничения на ввоз овощей, фруктов, мяса, молока и рыбы из ряда префектур страны, включая те, на которые авария на «Фукусиме-1» никак не подействовала. Некоторые запреты имели превентивный характер и не мотивировались обнаружением повышенного уровня радиации в конкретных продуктах. Масла в огонь подлили слухи о «зараженности» японских автомобилей, поскольку в ситуации «у страха глаза велики» потребитель готов был верить чему угодно. Глава МИДа Мацумото Такэаки, назначенный на этот пост как раз перед землетрясением, неоднократно обращался к иностранным импортерам с призывом дифференцированно подходить к данному вопросу, поскольку это бьет не только по экспорту, но и по имиджу страны. Оценить потери первого уже можно: в апреле вывоз продукции сельского хозяйства и рыболовства Японии упал на 14,7% (по сравнению с тем же месяцем предыдущего года), а в мае на 16,6%; при этом экспорт в Россию снизился на 70,9%, в КНР на 48,4%, а в Южную Корею на 40,4%. Разумеется, в этих условиях активизировался Китай, считающийся экспортером относительно дешевой сельхозпродукции с практически неограниченными возможностями, хотя ее качество и безопасность уступали японской «до катастрофы».

Оценить имиджевые потери Японии я пока не берусь, но образу «самой безопасной страны» нанесен мощный удар, афтершок от которого продолжается и четыре месяца спустя – например, в виде разыгравшегося в середине июля скандала с попавшей в торговую сеть говядиной из Фукусимы, в которой обнаружено повышенное содержание радиоактивного цезия. Японцам придется доказать, что они снова сделали страну максимально безопасной, насколько это возможно физически, и приложить большие усилия к совершенствованию своего имидж-мейкинга, направленного на иностранцев, в котором до сих пор остается много слабых звеньев.

«Япония обязательно возродится!». Эти слова в стране повторяют буквально все, заключив в них веру и надежду, готовность к работе и волю к победе. Автор настоящей статьи, переживший трудные месяцы вместе с японцами, тоже уверен в этом. Как именно это произойдет, мы, надеюсь, узнаем из следующего выпуска ежегодника.

30 августа 2011. Токио

Политика Японии в сфере энергосбережения: исторические и правовые аспекты

Д. В. Стрельцов

Среди стран, добившихся наибольших успехов в сфере энергосбережения, Япония занимает особое место. Это связано со спецификой модели экономического развития и особенностями исторического пути, который прошла страна в послевоенный период.

Начиная с конца второй мировой войны, энергопотребление в Японии росло быстрыми темпами. В 2000 г. общий объем энергопотребления в Японии примерно в 9 раз превышал уровень 1955 г.[1] Лишенная собственных источников энергетического сырья, страна на разных отрезках послевоенной истории искала решение вопроса обеспечения энергетическими ресурсами в основном в двух плоскостях. С одной стороны, это путь повышения надежности системы внешних поставок сырья и материалов за счет диверсификации маршрутов транспортировки, активной инвестиционной политики в области разработки новой ресурсной базы, заключения новых контрактов на поставки в различных регионах мира, экономической дипломатии с целью создания политических условий для усиления своего присутствия в странах-производителях энергетического сырья. Этот путь был характерен для периода, когда углеводороды на мировых рынках были относительно дешевыми, предложение преобладало над спросом, а фактор политических рисков не оказывал своего действия на мировую конъюнктуру цен на нефть. Именно в этот период, который пришелся на этап высоких темпов роста и экстенсивного экономического развития, закрепилась односторонняя зависимость Японии от ближневосточных маршрутов поставок нефти, от которой она не может избавиться и по сей день.

Принципиально отличным был путь обеспечения энергетической безопасности за счет проведения активной политики энергосбережения и снижения внутренних потребностей в ископаемых видах топлива. На этот путь Япония встала в основном под давлением внешних обстоятельств – «нефтяных шоков» 1970-х годов, поставивших страну на грань выживания.

В послевоенной политике энергосбережения можно выделить три основных этапа. Особенности каждого из этих этапов определяются

---

[1] Top Runner Program Developing the World's best Energy-Efficient Appliances / http://egs.apec.org/uploads/docs/METI_ECCJ_TopRunnerProgram2008.pdf, p.3.

системой приоритетов политики правительства в области энергосбережения. В целом наблюдается отчетливая корреляция между этими этапами и теми периодами экономического развития, которые получили наибольшее распространение в профильной литературе по проблемам экономической истории Японии.

Первый этап можно условно назвать этапом структурной перестройки энергобаланса (середина 50-х – начало 70-х годов). Он пришелся на период высоких темпов экономического роста. Отличительной чертой данного этапа является существенное изменение структуры энергобаланса, для которого характерно постепенное сокращение удельного веса угля в общем энергобалансе в пользу нефти, ставшее результатом планомерной политики правительства. Соответственно, политика энергосбережения в этот период не проявлялась в виде консолидированной государственной стратегии.

Второй период (начало 70-х – конец 80-х годов) получил в профильной экономической литературе название этапа снижения удельных показателей энергопотребления. Он соответствует периоду умеренных темпов экономического роста. Началом данного этапа явились «нефтяные шоки» 1973-го и 1979-го гг. В связи с тем, что энергетические кризисы 70-х годов поставили вопрос о системной уязвимости Японии, связанной с односторонней зависимостью от поставок нефти из нестабильных и взрывоопасных стран Ближнего и Среднего Востока, японское правительство взяло курс на активное внедрение энергосбережения в промышленности, сфере услуг, жилищно-бытовом секторе и на транспорте. Для снижения зависимости от внешних поставок нефти определенные шаги были предприняты в сторону изменения структуры первичного энергобаланса в пользу газа, ядерной энергетики, а также альтернативных источников энергии. В результате предпринятых мер, доля нефти в первичном энергобалансе Японии сократилась с 77% в период первого «нефтяного шока» 1973 г. до 50% в 1979 г.[2]. Это позволяет Японии оставаться одновременно крупнейшей экономической державой и страной с высоким уровнем энергосбережения.

Третий период политики энергосбережения (начало 1990-х годов – 2000-е годы) получил название этапа борьбы с глобальным потеплением. Реализация государственной политики на этом этапе происходила в условиях экономической стагнации и низких темпов экономического роста. Особенностью данного этапа является выход с начала 90-х годов на передний план в политике энергосбережения вопросов защиты окружающей среды и, в частности, проблемы глобального потепления. Поскольку использование ископаемых видов топлива является одним из источников двуокиси углерода – основного вида парниковых газов, по-

[2] Ibid, p. 19.

литика энергосбережения стала тесно коррелировать с мерами борьбы против глобального потепления.

Смещению приоритетов в государственной политике Японии способствовало два крупных обстоятельства. Во-первых, традиционная политика энергосбережения, основанная на снижении удельных показателей энергопотребления, во многом исчерпала себя. Резервы энергосбережения были практически полностью использованы во всех отраслях экономики. Япония стала прочно занимать передовые позиции в мире в этой области, и существенного прорыва здесь ожидать не приходилось.

Во-вторых, на повестку дня встал вопрос о реализации мер борьбы с глобальным потеплением. Япония выступила в качестве страны-инициатора крупного международного соглашения по вопросам борьбы с глобальным потеплением – Киотского протокола. Протокол был подписан на 3-й Конференции участников Рамочной конвенции ООН по изменению климата в 1997 г. и вступил в силу в феврале 2005 г. В соответствии с Киотским протоколом, Япония взяла на себя обязательство сократить эмиссию парниковых газов на 6% по сравнению с уровнем 1990 г. в период 2008–2012 гг. Поскольку примерно 90% общего объема эмиссии приходится на углекислый газ – продукт сжигания углеводородного топлива, основная часть принятых по Киотскому протоколу обязательств оказывается напрямую связанной со сферой энергетики. Именно на нее приходилось около 80% эмиссии парниковых газов. Решение задач борьбы с глобальным потеплением, таким образом, попало в прямую зависимость от успехов страны в политике энергосбережения, а также постепенного отказа от углеводородов, перестройки энергетического баланса страны в пользу возобновляемых источников топлива. Поэтому со второй половины 90-х годов произошло объединение целей политики в энергетической и экологической областях: развитие энергетики должно было сочетаться с решением задач охраны окружающей среды, в то время как экологическая безопасность оказывалась в зависимости от успехов модернизации энергетической сферы. Иными словами, энергетическая политика отныне тесно увязывалась с проблемами защиты окружающей среды. Феномен перехода к безопасной, с точки зрения экологии, модели энергопотребления, получил терминологическое закрепление в виде понятия «чистой энергетики».

Основные направления современной политики Японии в сфере энергосбережения

Политика Японии в сфере энергосбережения имеет ряд особенностей, определяемых спецификой рыночной модели экономики страны. Речь, в частности, идет об особой роли государственного регулирования, использующего как налогово-финансовые рычаги, так и моральные стимулы.

Таблица 1
Топливно-энергетический баланс Японии (%)*

Год	Уголь	Сырая нефть	Природный газ	Гидро-энергетика	Ядерная энергетика	Альтернативные источники энергии
2001	18,9	50,2	13,3	3,5	12,7	1,3
2002	19,6	50,5	13,6	3,4	11,6	1,3
2003	20,2	50,7	14,4	3,9	9,4	1,4
2004	21,4	48,8	13,9	3,7	10,8	1,3
2005	21,6	48,7	14,0	3,6	10,7	1,4
2006	21,7	48,6	14,0	3,6	10,7	1,5
2010	22,6	46,6	14,1	3,4	11,3	2,0
2015	21,9	45,1	14,9	3,4	11,8	2,9
2030	19,1	40,5	17,8	3,3	14,8	4,5

* Handbook of Energy & Economic Statistics in Japan. – The Institute of Energy Economics, Japan, 2006.

Государственную политику в сфере энергосбережения можно разделить на три крупных направления.

1) Нормативно-правовое регулирование со стороны правительства и местных властей. Сюда входят в основном методы административного воздействия, хотя значительное место занимают и моральные стимулы.

2) Налогово-финансовые рычаги (льготы субсидии, низкопроцентное кредитование и прочее в отношении частных компаний), направленные на поощрение политики в сфере энергосбережения. Важность этих мер определяется спецификой рыночной модели экономики страны, для которой характерна высокая роль государственного регулирования.

3) Добровольные планы отдельных компаний и предпринимательских организаций в сфере энергосбережения.

Нормативно-правовое регулирование

При оценке эффективности мер нормативно-правового регулирования в сфере потребления энергии следует учитывать то обстоятельство, что помимо законодательных актов государство активно использует систему так называемого «административного руководства», под которым понимается комплекс распорядительно-административных норм, издаваемых органами исполнительной власти. Эти нормы являются подзаконными актами и основываются на соответствующих законах, конкретизируя, развивая и дополняя содержащиеся в них положения.

Применительно к сфере энергосбережения субъектами «административного руководства» выступают центральные органы правительства (министерства и ведомства), местные и префектуральные власти, а также государственные органы технического надзора.

Основополагающим законодательным актом в сфере энергосбережения является Закон о рациональном использовании энергии (№49, 1979 г. Energy Conservation Law). Первоначально его основная цель заключалась в том, чтобы обеспечить эффективную политику энергосбережения в промышленном секторе экономики. Закон был принят в целях рационального использования топливных ресурсов и содействия эффективному экономическому развитию с помощью мер по оптимизации энергопотребления на промышленных предприятиях, в офисных и жилых помещениях, включая меры, связанные с внедрением отдельных видов оборудования. Этот закон неоднократно пересматривался. Поправки к нему вносились до мая 2008 г. 13 раз: в 1983, 1993, 1998, 2002, 2005 и 2008 гг.

Особенность данного закона заключается в том, что основная ставка при его применении делается на позитивную мотивацию, а не на боязнь наказания. Предполагается, что потребители энергии будут сознательно выполнять требования закона и придерживаться заданных государством требований, проникшись общей целью – добиться энергосберегающей и конкурентоспособной экономики.

Целью закона является стимулирование энергосберегающего типа экономического развития, основанного на рациональном использовании энергии на промышленных предприятиях, на транспорте, в процессе эксплуатации зданий и помещений, при использовании машин и оборудования. Этот закон ориентирует на эффективное использование энергоресурсов, обеспечивающее удовлетворение энергетических потребностей Японии.

Законом конкретизируется базовое понятие «энергии», в которое входят топливные (энергетические) ресурсы – нефть, природный газ, уголь, а также тепло и электроэнергия, полученные путем сжигания этих видов топлива. В то же время этим понятием не охвачены тепло и электроэнергия, вырабатываемые с помощью возобновляемых источников энергии (солнечной, ветряной и т. д.), а также новые виды энергии, подпадающие под действие «Закона о новых видах энергии» (световая и термальная энергия солнца, ветряная энергия, электро- и тепловая энергия, получаемая на топливе из промышленных и бытовых отходов, биомассы, использование энергии холода и прочее) Список «новых видов энергии» постоянно пополняется.

«Закон о рациональном использовании энергии» носит общий характер, определяя лишь основные принципы, нормы и правила, действующие в отношении политики энергосбережения. Законом устанавливается, что для активной реализации политики рационального использования энергии правительство Японии обязано систематически разрабатывать

и публиковать базовый курс, касающийся рационального использования энергии.

Головным ведомством, отвечающим за выполнение этой задачи в промышленной сфере, является министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП). Именно оно отвечает за конкретные виды государственной политики в сфере энергосбережения и формирует нормативную базу для применения закона в отношении отдельных отраслей промышленности.

МЭТП устанавливает и публикует критерии оценки мер, предпринимаемых для достижения целей рационального использования топливных ресурсов. Например, в сфере промышленного энергопотребления МЭТП определяет основные направления работы по экономии энергии и разрабатывает стандарты деятельности предприятий в данной области.

К этим стандартам, в частности, относятся рациональное потребление топлива, оптимизация режимов обогрева, охлаждения и теплопередачи; меры по снижению потерь тепла за счет конвекции, теплообмена, сопротивления материалов и т. п.; использование и попутного тепла; рациональный перевод тепла в другие виды энергии и электроэнергии и т. д.

Критерии оценки представляют собой набор детально прописанных инструкций по реализации мер в области рационального энергопотребления. Ясность, недвусмысленность и подробный характер издаваемых министерством методических материалов позволяют не только проводить эти меры в жизнь, но и оценивать их эффективность на базе четких критериев. Подобные же инструкции разрабатываются и прочими министерствами и ведомствами (министерством дорог, коммуникаций и строительства, министерством сельского, лесного хозяйства и водного промысла и т. д.) Помимо методического руководства, государственные органы обеспечивают предприятия соответствующих отраслей и консультационными услугами, касающимися рационального использования тепла и электроэнергии.

Следует отметить, что на первом этапе «Закон о рациональном использовании энергии» имел, скорее, индикативный характер. Определенные МЭТП и другими курирующими министерствами стандарты энергопотребления в различных отраслях экономики первоначально не имели обязывающего действия, хотя их применение являлось достаточно эффективным. Другая особенность этого закона заключалась в том, что он был ориентирован, прежде всего, на сферу промышленного производства. Его целью на первом этапе было добиться улучшения экономических показателей промышленных предприятий за счет повышения эффективности энергопотребления.

Между тем со второй половины 90-х годов на первый план в политике энергосбережения стали выходить вопросы борьбы с глобальным потеплением климата. В 1997 г. по инициативе Японии был подписан Киотский протокол, который становился одним из основных мотива-

ционных факторов политики энергосбережения. На этом фоне закон стал активнее утрачивать индикативное начало и усиливать нормативный, т. е. обязующий характер. Из общего ориентира технической политики он постепенно становился для предприятий инструментом принуждения, заставлявшим добиваться определенных показателей энергоэффективности в жестко оговоренные сроки.

Кроме того, существенно расширялась сфера действия закона. Он преодолевал рамки отраслевого закона, регулирующего промышленную политику государства, и распространял свое действие на транспортную, жилищно-коммунальную и бытовую сферы, т. е. практически на все области экономической и общественной деятельности. Принимаемые к закону поправки и дополнения стали охватывать вопросы нормативной базы жилищного и промышленного строительства, технические стандарты энергопотребляющих приборов и оборудования, а также сферу строительства, архитектуры и эксплуатации зданий и помещений. Постепенно модифицировалась и общая философия данного закона, который с начала 2000-х годов начал увязываться с концепцией строительства низкоуглеродного общества.

Можно выделить три основные сферы, охватываемые «Законом о рациональном использовании энергии»:

– вопросы энергосбережения на промышленных предприятиях;

– электропотребление приборов и оборудования;

– вопросы энергосбережения при строительстве и эксплуатации зданий и сооружений.

Вопросы энергосбережения на промышленных предприятиях

Согласно Закону о рациональном использовании энергии, меры по энергосбережению являются обязательными для всех предприятий и организаций, уровень электропотребления которых превышает установленные на данный момент показатели (в 2011 г. свыше 1500 кл условного топлива в год). Следует отметить, что поправки и изменения к закону призваны постоянно расширять сферу регулирования процесса энергопотребления на производстве. Например, ранее под действие закона в общей сложности подпадало лишь 10% от общего объема энергопотребления в промышленности, принятыми в мае 2008 г. поправками сфера действия закона была расширена на предприятия, на которые приходится в совокупности 50% энергопотребления.

Законом в качестве экономического субъекта энергопотребления устанавливаются как отдельные компании, так и сетевые бизнес-операторы, под которыми подразумеваются сетевые торговые или ресторанные сети, имеющие однотипную структуру энергопотребления. В зависимости от уровня энергопотребления действующим законодательством предусматривается дифференциация энергопотребляющих предприятий на два типа. Субъекты первого типа имеют потребление более 3 тыс. кл условного топлива в год, а второго – 1,5 тыс. кл в год.

Согласно требованиям закона, в состав менеджмента (совета директоров) таких компаний должен назначаться специальный менеджер по вопросам энергетического управления (Energy Management Control Officer), который бы имел достаточный уровень компетенции при принятии управленческих решений и обладал бы возможностью оказывать влияние на технологическую политику предприятия. Кроме того, в кадровом расписании таких компаний должна присутствовать должность специалиста по планированию энергетического управления (Energy Management Planning Promoter). Такой специалист обязан иметь соответствующий уровень квалификации и профессиональной подготовки, который бы позволял ему оказывать управляющему по вопросам энергопотребления практическую помощь в решении конкретных проблем, связанных с рациональным использованием энергии на производстве. Он должен иметь соответствующую лицензию, которая выдается на основании экзамена по электро- или теплопотреблению, проводимому МЭТП или Японским центром энергосбережения.

В круг обязанностей менеджера по вопросам энергетического управления входит составление и выполнение ежегодных планов мероприятий по экономии энергии, предоставление по требованию курирующего министерства письменных отчетов о предпринятых в данной области действиях и т. д. Именно он несет ответственность, в том числе материальную, за невыполнение установленных правительством нормативных требований в сфере энергосбережения.

Заключение о соответствии принимаемых предприятием мер в области энергосбережения действующим нормативам принимает специализированный орган – Японский центр энергосбережения (The Energy Conservation Center, Japan ECCJ), основанный в 1978 г. Цель его деятельности – проведение оценок и экспертиз состояния дел в сфере энергосбережения на отдельных предприятиях[3]. Большое место в деятельности центра занимают обучение и повышение квалификации специалистов по вопросам энергосбережения, проведение экзаменов и присвоение соответствующей квалификации менеджерам и специалистам по вопросам энергетического управления. Кроме того, на основе «Закона о рациональном использовании энергии» проводятся различные проверки и экспертизы состояния дел в сфере энергосбережения на предприятиях, составление аналитических отчетов, консультирование и методическая помощь компаниям по проблемам энергосбережения. Центр занимается распространением передового опыта и иной информации по вопросам энергосбережения, затрагивающим как бытовую, так и промышленную сферы, путем издания брошюр и иных видов методической литературы, проведения лекций и семинаров, размещения информации на своем интернет-сайте. В связи с запуском в Японии системы торговли квотами

[3] Подробнее см.: http://www.eccj.or.jp/profile/summary.html

на выброс парниковых газов Центр осуществляет верификацию достижений отдельных компаний в этой области, а также иных видов экспертизы, связанной с выбросами двуокиси углерода.

Центр по энергосбережению играет важную роль в деле сертификации энергопотребляющего оборудования в соответствии с нормативами. Центр присваивает маркировку, свидетельствующую о соответствии оборудования действующим нормам «Топраннер» («Лидер гонки»), в том числе международную маркировку такого оборудования (экобрендинг). Благодаря его усилиям в жизнь и быт японцев постепенно внедряются требования и стандарты энергосберегающего общества в качестве одного из важнейших видов жизненных ценностей.

Для примера приведем меры правительства, предпринимаемые в сфере импорта и производства приборов и оборудования, а также в области строительства и эксплуатации зданий и помещений.

Электропотребление приборов и оборудования

Улучшение показателей энергопотребления приборов и оборудования является важнейшей задачей политики энергосбережения. Меры правительства нацеливают производителей на улучшение показателей выпускаемого оборудования, принятие необходимых инновационных решений на стадии конструирования и дизайна, а импортеров – на закупку за границей передовых видов такого оборудования.

Министр экономики, торговли и промышленности, министр земель, инфраструктуры и транспорта и другие руководители ведомств устанавливают и вводят в действие нормативные стандарты энергопотребления. Эти стандарты являются целевыми ориентирами для производителей и устанавливают технические характеристики приборов и оборудования, которые должны быть достигнуты к определенному оговоренному сроку. Эти стандарты получили название «Топраннер» («Лидер гонки»), а сама система подобных стандартов – Программа «Топраннер», что подчеркивает ее индикативный характер.

Для включенных в перечень «Топраннер» видов оборудования производители и импортеры обязаны достичь установленных для них показателей энергопотребления на уровне имеющихся на рынке лучших образцов. Программу «Топраннер» отличает постепенность и последовательность ввода в действие стандартов энергопотребления, которые с течением времени распространяются на все новые категории оборудования, тогда как в отношении уже имеющихся в перечне категорий проводится их ужесточение. Следует учитывать, что нормативы «Топраннер» вводятся в отношении тех номенклатурных групп товарной продукции, производство которых компанией имеет массовый характер и превышает определенный уровень (например, более двух тыс. автомобилей или более 500 кондиционеров в год).

Таблица 2
Требования по снижению энергопотребления по программе «Топраннер»[4]

	Вид оборудования	Целевой период (фин.г.)	Ожидаемый эффект (снижение энергопотребления в % к базовому фин. г.)	Примечание
1	Легковые автомобили с бензиновым двигателем	2015	24% от уровня 2004 г.	В силе с июля 2007 г. Деление на бензиновые и дизельные устранено
	Дизельные автомобили	2015	24% от уровня 2004 г.	
	Легковые автомобили на LPG	2010	11% от уровня 2001 г.	
	Автобусы малого класса	2015	7% от уровня 2004 г.	В силе с июля 2007 г.
	Обычные автобусы и автобусы городских маршрутов	2015	12% от уровня 2002 г.	В силе с апреля 2006 г.
2	Грузовые автомобили малого класса	2015	13% от уровня 2004 г.	В силе с июля 2007 г. Деление на бензиновые и дизельные устранено
	Обычные грузовые автомобили и тракторы	2015	12% от уровня 2002 г.	В силе с апреля 2006 г.
3	Кондиционеры (с функцией отопления)	2010 (частично 2007 г.)	22% от уровня 2005 г.	В силе с сентября 2006 г.
4	Телевизоры с кинескопом Телевизоры с ЖКД или плазменным дисплеем	2003 2008	16% от уровня 1997 г. 15% от уровня 2004 г.	В силе с апреля 2006 г.
5	Видеомагнитофоны	2003	59% от уровня 1997 г.	
6	Флуоресцентные лампы	2005	17% от уровня 1997 г.	
7	Ксероксы	2006	30% от уровня 1997 г.	
8	Компьютеры	2007	69% от уровня 2001 г.	
9	Магнитные диски	2007	71% от уровня 2001 г.	
10	Холодильники	2010	21% от уровня 2005 г.	В силе с апреля 2006 г.

[4] Энэруги кэйдзай дэта-но ёмиката нюмон (Введение в курс интерпретации данных энергетической статистики). Токио, 2008, с. 86.

11	Морозильники	2010	13% от уровня 2005 г.	В силе с апреля 2006 г.
12	Газовые отопительные приборы Керосиновые отопительные приборы	2006	1% от уровня 2000 г. 4% от уровня 2000 г.	
13	Газовые плиты Горелки Грили Духовые шкафы	2006	14% от уровня 2000 г. 27% от уровня 2002 г. 20% от уровня 2002 г.	
14	Газовые водонагреватели	2006	4% от уровня 2000 г.	
15	Водонагреватели на мазуте	2006	4% от уровня 2000 г.	
16	Электросиденья для туалета	2012	10% от уровня 2006 г.	
17	Автоматы для продажи	2012	34% от уровня 2005 г.	
18	Трансформаторы	2006	30% от уровня 1999 г.	
19	Рисоварки	2008	11% от уровня 2003 г.	В силе с апреля 2006 г.
20	Проигрыватели DVD Нецифровые Цифровые	 2008 2010	22% от уровня 2004 г.	
21	Микроволновые печи	2008	21% от уровня 2006 г.	В силе с апреля 2006 г.
22	Рутеры	2010	16% от уровня 2006 г.	
23	Переключатели L2	2011	28% от уровня 2006 г.	

Введенные 1 апреля 1999 г. стандарты «Топраннер» охватывали такие виды оборудования, как бензиновые и дизельные автомобили, кондиционеры, флуоресцентные лампы, телевизоры, видеомагнитофоны. 22 декабря того же года в этот перечень были добавлены холодильники и морозильные камеры, 27 декабря 2002 г. – бытовые обогреватели, газовые плиты, керосиновые водонагреватели, электросиденья для унитаза, торговые автоматы, электротрансформаторы и т. д. С 2003 г. к этому списку добавились пассажирские транспортные средства, с 2006 г. – микроволновые печи, рисоварки и DVD-записывающие устройства. Последние дополнения к списку, установленные с июля 2009 г., касаются стандартов энергопотребления для рутеров и переключателей. Таким образом, происходит постоянное пополнение товарной номенклатуры, охваченной «Топраннер»: если в начале действия программы в нее входило 9 позиций, то к 2008 – 23 позиции (см. табл. 2).

Реализация нормативов «Топраннер» обеспечивается с помощью широкого инструментария административных методов воздействия на производителей и импортеров. К его числу относятся такие методы, как индивидуальные рекомендации компаниям (*канкоку*); публикация нормативов (*кохё*), позволяющая вооружить корпорации необходимыми ориентирами; издание министерством приказов и распоряжений (*мэйрэй*); наконец, наложение штрафов (в пределах 1 млн. иен). Следует учитывать, что в Японии большую эффективность имеет не сам страх наказания, а моральные стимуляторы, в частности, стремление не оказаться позади «лидеров гонки» и получить, таким образом, существенные репутационные издержки.

В числе методов морального стимулирования компаний следует назвать также специальную маркировку энергоэффективной продукции, осуществляемую в соответствии с процедурами, устанавливаемыми соответствующим министерством (МЭТП для приборов и оборудования, министерством государственных земель и транспорта – для автомобилей). Если же производитель устанавливает маркировку на товары, не отвечающие действующим нормативам энергоэффективности, министерство может придать подобные факты огласке (что само по себе является эффективным методом воздействия), а также заставить производителя принять меры для исправления ситуации.

Меры по энергосбережению в сфере строительства и эксплуатации зданий и сооружений

Впервые правительство ввело практику стандартизации мер по энергосбережению в сфере строительства в 1980 г. Первоначально объектом регулирования служили нежилые помещения, однако постепенно требования распространились и на жилые здания. Стандарты регулярно пересматривались. Например, принятые в 1999 г. стандарты нового поколения ориентируют застройщиков в направлении того, чтобы добиться уровня энергопотребления зданий и помещений, связанного с эксплуатацией отопительных приборов, на уровне от 1980 г. Объектом действия этих стандартов стали 80% нежилых и 50% жилых зданий, что позволило существенно повысить их энергоэффективность[5].

Меры по энергосбережению в сфере строительства и эксплуатации зданий и помещений, предусмотренные Законом об энергосбережении и распоряжениями правительственных органов, оказывают существенное влияние на общее положение дел в сфере энергосбережения. Это связано с тем обстоятельством, что в ходе эксплуатации зданий и помещений потребляется значительная часть энергии в непроизводственном секторе. Считается, что только за счет использования современных

---

[5] Сёэнэруги 30-нэн-но аюми Тикю канкё ходзэн-о мэдзаситэ (30 лет политики энергосбережения. Добиваясь глобальной экологической безопасности). Токио, 2008, с. 64.

изоляционных материалов можно снизить расход электроэнергии на отопление помещения примерно на 60–70%, на кондиционирование воздуха – на 30–40%.

Собственники недвижимости и эксплуатирующие организации обязаны предпринимать необходимые шаги с целью предотвращения потерь тепла в ходе эксплуатации здания за счет его утечки через стены, окна, вентиляционные люки и т. д., обеспечения энергоэффективности электрооборудования системы жизнеобеспечения, включая кондиционеры, вентиляцию, осветительные приборы, водонагреватели, лифты и т. д.

Практическим руководством являются соответствующие эксплуатационные нормы и стандарты, вступающие в силу после приказа министра экономики, торговли и промышленности. Действующая в 2011 г. редакция стандартов эксплуатации зданий вступила в силу 30 января 2008 г.

Меры административного воздействия применяются как к строительным и девелоперским компаниям, так и к владельцам возводимых строений (заказчикам строительных работ), в том числе и индивидуальным застройщикам. Среди наиболее распространенных методов так называемого «административного руководства» – консультирование, предоставление информации об имеющихся нормативах и стандартах, отдача иных директивных указаний, которыми застройщики обязаны руководствоваться при принятии конструкционных и дизайнерских решений.

Инструменты «административного руководства» применяются также в отношении производителей строительных материалов. Министерство экономики, торговли и промышленности, например, может рекомендовать им принять меры по улучшению качества изоляционных материалов и решению вопросов теплопотерь при отоплении и кондиционировании помещений и т. д., применение которых, в свою очередь, выступает решающим фактором в деле улучшения теплоизолирующих свойств зданий и помещений.

Особую роль в этой сфере играет Центр по энергосбережению, который издает брошюры с обоснованием действующих норм и стандартов и рекомендациями к их применению на практике, а также иные методологические материалы. Специалисты Центра могут проводить на местах диагностирование уровня энергоэффективности зданий.

Большое значение при применении мер энергосбережения в сфере строительства имеет дифференцированный подход к различным типам зданий и сооружений. Поправки к Закону об энергосбережении, принятые в мае 2008 г., предусматривают классификацию зданий, которые имеют более 2 тыс. кв.м. нежилых помещений на одном этаже (тип 1) и более 300 кв.м. нежилых помещений на одном этаже (тип 2). Владельцы недвижимости и строительные компании, намеревающиеся постро-

ить здания и помещения этих двух типов, либо внести существенные изменения в их конструкцию или дизайн, обязаны предоставить в органы строительного надзора предварительное уведомление о мерах по энергосбережению, которые предполагается предпринять при проведении строительных работ. Регулярные отчеты о мерах по энергосбережению, касающиеся эксплуатации зданий и помещений, должны представляться компетентным органам и после завершения ремонтно-строительных работ.

Если нотификационные меры (уведомления, отчеты, доклады и т. д.) признаются несоответствующими действующим нормативам, надзорный орган выступает с соответствующими рекомендациями. Они не носят обязательного характера, но в связи со сложившейся практикой практически всегда принимаются к исполнению. Помимо нежелания портить отношения с властями, свою роль играет и фактор репутационных издержек: список застройщиков и эксплуатационников, не выполняющих предписанные меры, подлежит публикации. Однако более существенную роль играет стремление компаний укрепить свои рыночные позиции за счет повышения инновационной капитализации. Реноме компании, идущей в ногу со временем и стремящейся поддерживать наиболее высокие производственные стандарты, оказывается важным фактором ее коммерческого успеха.

Финансово-экономические методы реализации политики в сфере энергосбережения

Еще в 1978 г. в Японии была установлена специальная система налоговых вычетов, стимулирующая внедрение энергосберегающего оборудования. Пониженные ставки налогов при приобретении такого оборудования обеспечили активизацию инвестиционной политики компаний, направленной на обновление оборудования[6]. В частности, компании, приобретающие энергосберегающее оборудование, имеют возможность претендовать на получение специального налогового вычета в размере 30% от суммы сделки. Малые и средние компании при этом имеют в качестве альтернативы возможность оформить 7%-ный налоговый вычет от общей суммы налога. Помимо сферы производства, с 2006/07 фин. г. подобные налоговые вычеты были распространены на жилищно-коммунальную и бытовую сферы, что позволило применять их при закупке таких видов дорогостоящего оборудования, как системы кондиционирования воздуха, оконные блоки с повышенными изоляционными свойствами, осветительное оборудование на светодиодах и т. д.

---

6 http://www.asiaeec-col.eccj.or.jp/st-takes/pdf/jpn/2_1_a.pdf

Другим примером успешного применения налоговых рычагов является ***система льготного налогообложения на автомобильном транспорте***[7]. С 2002 г. в Японии действует специальная система налогообложения, направленная на снижение удельного расхода топлива и повышение экологической безопасности находящихся в эксплуатации автомобилей. В частности, практикуется система вычетов на автомобильный налог в отношении транспортных средств, достигших нормативных показателей по уровню расхода топлива и выхлопов двуокиси углерода. В свою очередь, автомобили, эксплуатируемые свыше определенного периода и не отвечающие требованиям экономичности и токсичности выхлопов, подвергаются повышенным ставкам налогообложения. Кроме того, используются пониженные ставки налогообложения на покупку новых автомобилей, отвечающих действующим нормативам экономичности и токсичности.

При этом конкретные меры льготного налогообложения носят дифференцированный характер по отношению к конкретным достижениям и меняются в сторону постепенного ужесточения. Например, в 2008/09 и 2009/10 фин. гг. в отношении автомобилей, которые достигли нормативов расхода топлива «Топраннер» досрочно и сократили уровень выбросов двуокиси углерода более чем на 25% по сравнению с 2005/06 фин. г., базовая ставка эксплуатационного налога сократилась на 25%, а налогооблагаемая база при приобретении нового автомобиля сокращалась на 150 тыс. иен. Соответственно, 25%-ное сокращение расхода топлива при тех же 25% сокращения выбросов позволяли рассчитывать на 50% сокращения налога и уменьшение налогооблагаемой базы на 300 тыс. иен[8].

Применение данной системы позволило добиться того что, например, в 2006/07 фин. г. около 80% выпускаемых автомобилей соответствовали действующим нормативам «Топраннер». Всего же экономичность автомобилей с 1995/96 по 2006/07 фин. гг. повысилась на 26%[9].

Широкое распространение получили также меры прямой финансовой поддержки политики компаний по внедрению энергосберегающего оборудования. С 1998/99 фин.г. в Японии действует специальная государственная программа софинансирования, позволяющая отдельным корпорациям всех секторов экономики получить специальные бюджетные субсидии на сумму до 1/3 общего объема проводимых ими программ обновления оборудования (не более 500 млн. иен). В 2008/09 фин. г. на эти цели, в частности, было выделено около 29,6 млрд. иен. В результате применения таких мер только в период с 1998 по 2006 гг. в корпоративном секторе было успешно реализовано 1127 программ об-

---

[7] http://www.asiaeec-col.eccj.or.jp/st-takes/pdf/jpn/2_1_b.pdf
[8] Ibid.
[9] Ibid.

новления оборудования, которые позволили добиться среднегодового объема экономии 2,209 млрд. кл условного топлива[10].

С середины 2000-х годов на повестке дня – активное обсуждение возможности введения специализированного корпоративного налога на защиту окружающей среды (environment tax). Однако с учетом того обстоятельства, что уровень корпоративных налогов в Японии является одним из наиболее высоких в мире, внедрение этого налога сталкивается с активным противодействием деловых кругов.

Для успешного внедрения технологий энергосбережения преимущественно в мелких и средних предприятиях, не имеющих для этого достаточных финансовых, кадровых и инновационных ресурсов, японским правительством была разработана специальная система мер финансовой помощи. Ее адресатом первоначально становились специализированные корпоративные структуры, создаваемые для предоставления консультаций и проведения в жизнь технологических и управленческих решений, направленных на сокращение спроса на энергоресурсы и снижение эмиссии углекислого газа. Такие структуры, получили название «компании энергетического обслуживания» (energy service companies, ESCOs). Поскольку данная идея оказалась весьма плодотворной, в категорию ESCO со временем стали входить не только венчурные компании, но и крупные корпорации нефтегазового сектора, электрогенерирующие компании, производители энергетического и контрольно-измерительного оборудования и даже крупные торговые корпорации. Например, концерн «Хитачи», являющийся крупнейшим производителем энергетического оборудования, в течение многих лет осуществляет ряд проектов по внедрению энергосберегающих технологий и энергоэффективного оборудования в партнерских компаниях химической промышленности, металлургии и иных секторов экономики.

Проекты в сфере энергосбережения, реализуемые «компаниями энергетического обслуживания», частично финансируются за счет целевых государственных дотаций. Дотации могут покрывать до половины стоимости проекта (на один проект выделяется не более 30 млн. иен бюджетных средств). В течение года после завершения проекта, на который затрачиваются бюджетные дотации, компании ESCO должны направить в адрес Японского центра энергосбережения подробный отчет выделения субсидий. В 2008/09 фин.г. на проекты ESCO было затрачено 500 млн. бюджетных средств.

Помимо проектов энергосбережения в промышленности, «Компании энергетического обслуживания» участвуют в реализации программы внедрения систем энергосбережения офисов и жилых комплексов, а также программ по внедрению энергоэффективных систем эксплуатации зданий (Promotion Program Building energy management systems, BEMS).

---

[10] http://www.asiaeec-col.eccj.or.jp/st-takes/pdf/jpn/2_3_a.pdf

Добровольное участие корпоративного сектора

Большую роль в реализации политики энергосбережения играют инициативные действия самих экономических субъектов. Самостоятельные и добровольные программы предпринимательских организаций и отдельных частных компаний по вопросам рационального использования энергии выступают в качестве важного дополнительного средства в достижении определенных государством нормативных целей энергосбережения.

Каждая из предпринимательских ассоциаций принимает собственную программу борьбы с глобальным потеплением, утилизацией отходов и мер по защите окружающей среды. Особое внимание привлекает к себе деятельность Федерации предпринимательских организаций Японии (*Ниппон кэйданрэн*). В 1991 г. она приняла «Глобальную экологическую Хартию», в которой впервые ставилась цель борьбы с глобальным потеплением и решения иных экологических проблем мирового значения. В 1996 г., когда на повестку дня встала борьба с эмиссией парниковых газов, Федерация выступила с экологическим призывом и взяла на себя добровольную ответственность за решение насущных экологических проблем, стоящих перед обществом.

В июле 1997 г. Федерация предпринимательских организаций приняла «План добровольных действий в сфере защиты окружающей среды». План ставил своей целью повысить вклад бизнеса в борьбу против глобального потепления. Им, в частности, предусматривалось снижение эмиссии двуокиси углерода в промышленном и энергетическом секторе до уровня ниже 1990 г. Философия плана основывалась на понимании того, что инвестиции компаний в сферу защиты окружающей среды являются важнейшей частью их экономической активности. Экологическая политика компаний становится одним из ключевых средств обеспечения конкурентоспособности и, таким образом, важным фактором их коммерческого успеха.

Поскольку энергосбережение является важным направлением деятельности по сокращению эмиссии, в плане уделялось первоочередное внимание мерам в этой области. При этом предусматривается секторальный подход, предполагающий, что в каждой отрасли будет на добровольных началах принят собственный план мероприятий, нацеливающих предприятия на достижение определенных нормативов энергосбережения. Первоначально в разработке таких планов участвовало 131 предприятие. Подготовленные ими предложения позволили сверстать секторальные добровольные планы для 29 отраслей экономики[11].

В процессе реализации данного плана активно использовались соответствующие механизмы, позволяющие добиться существенного улучшения экономических показателей за счет инноваций в системе

---

[11] http://www.asiaeec-col.eccj.or.jp/eng/e3104keidanren_outline.html

управления. Например, лучшие показатели энергопотребления позволяли создать более привлекательное потребительское свойство продукции и обеспечить предприятию лучшие условия во внутриотраслевой конкуренции, в том числе и по ценовым характеристикам.

Важной частью плана служила система самопроверки, в рамках которой ежегодно проводился обзор достигнутых результатов с обязательной их публикацией. Таким образом, обеспечивалась прозрачность и открытость оценочной деятельности. С 2002 г. для повышения достоверности самопроверки каждой отрасли была создана независимая оценочная комиссия с участием представителей правительства (соответствующего ведомства), а также независимых представителей деловых кругов и экспертного сообщества. Оценка проводилась как на уровне отдельных предприятий, так и в обобщенном виде для всей отрасли. Результаты проведенной комиссией оценки подлежали обязательной публикации.

Применявшийся для достижения нормативных целей метод получил название PDCA (plan-do-check-act, т. е. «планирование – осуществление – проверка – принятие мер»). Подобный подход позволял по мере необходимости проводить корректировку планов энергосбережения. Например, бóльшие, чем планировалось, успехи позволяли изменять сроки реализации планов в сторону их ускорения и выдвигать более амбициозные цели.

План добровольных действий Федерации предпринимательских организаций получил высокую оценку со стороны японского правительства. В Плане действий по достижению целей Киотского протокола, одобренном кабинетом министров Японии в апреле 2005 г., «Плану добровольных действий» отводится центральная роль в усилиях японского промышленного бизнеса по борьбе с глобальным потеплением. В правительственном документе подчеркиваются преимущества добровольного подхода к достижению поставленных целей, предполагающего, в частности, экономию на организационно-процедурных издержках, а также активное использование креативного потенциала самих бизнес-структур, каждая из которых может выступить с собственными инновационными идеями и инициативами[12].

По положению на 2008 г., в «Плане добровольных действий» Кэйданрэн принимали участие предприятия 61 секторов экономической и социальной сферы, в том числе 35 секторов промышленности и энергетического сектора, 13 секторов непроизводственной сферы и 13 секторов транспорта. Федерацией была поставлена цель добиться к 2010/11 фин. г. снижения эмиссии в отраслях первичного сектора промышленности и энергетики, обеспечивающих около 40% всей эмиссии двуокиси углерода страны, до уровня ниже 1990 г. Следует отметить, что указанная

---

12 http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2010/109.pdf

цель была достигнута досрочно еще до начала контрольного периода реализации Киотского протокола (2008–2012 гг.). К 2009/10 фин.г. в 34 отраслях промышленности и энергетики было достигнуто совокупное сокращение уровня миссии двуокиси углерода на 16,8%.

При этом вклад от общего сокращения промышленного производства в эту цифру составил 2,1%, вклад от сокращения эмиссии на единицу выпускаемой продукции – 13,2%, вклад от улучшения коэффициента вредности производства (отношение массы двуокиси углерода в выбросе к массе исходного сырья или готовой продукции) – 1,4%. Таким образом, собственно усилия корпоративного сектора (сокращение эмиссии на единицу продукции плюс сокращение эмиссии за счет снижения коэффициента вредности производства) позволили сократить эмиссию на 14,6% по сравнению с уровнем 1990 г.[13] Это достижение является результатом планомерной и целенаправленной политики корпоративного сектора по сокращению эмиссии, включающей меры по переходу на новые энергосберегающие технологии, повышению эффективности использования топлива, внедрению энергосберегающего оборудования, использованию энергии производственных отходов, улучшению режима операционного управления оборудования и т. д.

* * *

Проводившаяся Японией на протяжении нескольких десятилетий политика в сфере энергосбережения позволяет вычленить несколько важных особенностей, которые могут быть использованы и в нашей стране, стоящей перед острой необходимостью снизить удельные показатели энергопотребления.

Прежде всего, опыт Японии позволяет заключить, что успех в этой сфере не может быть достигнут только за счет административных рычагов, без активного добровольного участия самого частного бизнеса. Поставленные государством долгосрочные цели в сфере энергосбережения получили со стороны частных компаний отклик в виде различного рода «добровольных планов», которые, по сути, явились элементом дальнейшего развития государственной политики. Именно симбиоз государственной воли и инициативы корпоративного сектора стал решающим фактором для успешной реализации программ энергосбережения.

Другим важным моментом является то обстоятельство, что политика энергосбережения в корпоративном секторе рассматривалась отдельными компаниями в качестве эффективного метода повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, улучшения ее потребительских, инновационных и ценовых характеристик, а также роста

---

13 http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2010/109.pdf

производительности труда. Фактор положительной мотивации заключается для отдельных компаний не только в стремлении выполнить спущенные сверху нормативы или индикаторы, но и в том, чтобы достичь в ходе такого уровня инноваций, который бы позволил им победить своих соперников в рыночной конкуренции. Таким образом, целенаправленный курс в сфере энергосбережения выступал важным методом государственного регулирования, обеспечивающего инновационное развитие всей японской экономики.

Большое значение имела также избирательность политики энергосбережения применительно к отдельным секторам экономики, а в некоторых случаях – и отдельных предприятий. Для каждой из отраслей правительство находит собственный, наиболее оптимальный в сложившихся условиях план действий по энергосбережению. Например, совершенно различным был инструментарий государственной политики в отношении отраслей первичного сектора (производство стали, цементная промышленность и т. д.), сферы производства потребительской продукции, строительства и проч. В каждом случае предпринимаемые меры были направлены на то, чтобы обеспечить синергетический эффект от проведения энергосберегающих мер для инновационного развития той или иной отрасли. Установление нормативных показателей для потребительской продукции («Топраннер»), став для отдельных компаний важным стимулом для производства технически более совершенных видов товаров, позволило предприятиям отрасли добиваться передового уровня на мировом рынке.

Энергетическая дипломатия Японии и Центральной Азии

О. А. Добринская

Дипломатические усилия, направленные на обеспечение энергетической безопасности, занимают ключевое место во внешней политике Японии, почти на 90% зависящей от импорта энергоносителей. Целью энергетической дипломатии является налаживание стабильных поставок энергоресурсов, а также диверсификации их поставщиков и источников энергии.

Энергетический фактор в формировании политики Японии в Центральной Азии заслуживает серьезного внимания в контексте обеспечения энергетической безопасности. Следует заметить, что в академических кругах не только в Японии, но и за рубежом нет единого мнения по этому вопросу. Так, ряд японских ученых отмечает, что желание обеспечить доступ к энергоресурсам не являлось ключевым при формировании внешней политики в регионе (например, Т. Уяма[1], Т. Хиросэ). Т. Юаса считает, что импорт газа и нефти из Центральной Азии не является приоритетной целью Японии, так как географическая удаленность не позволяет наладить постоянный маршрут поставок, и большая часть нефтегазовых месторождений региона уже находится под контролем крупных западных компаний[2]. Напротив, американские и европейские ученые, такие как К. Калдер, К. Лен и другие, подчеркивают энергетическую подоплеку активности Японии в Центральной Азии.

Анализ инициатив Токио в регионе позволяет сделать вывод, что Япония не стремилась в первую очередь установить связи с потенциальными поставщиками энергоресурсов – Казахстаном и Туркменистаном. Напротив, наиболее успешно начали развиваться отношения с Кыргызстаном, не наделенным богатыми запасами углеводородов. Таким образом, энергетический фактор не следует ставить во главу угла всех японских инициатив в регионе. В то же время не стоит и недооценивать соображения энергетической безопасности при формировании центральноазиатского вектора внешней политики Японии.

---

[1] *Уяма Т.* Политика Японии в отношении Казахстана: есть ли стратегия? с.205, *Хиросэ Т.,* с. 182–183.

[2] *Yuasa T,* Central Asia in the Context of Japanese-Russian Relations. – The China and Eurasia Forum Quauterly. Summer 2010, p. 127.

Энергетическую дипломатию Японии в Центральной Азии можно условно разделить на несколько этапов. Первый этап охватывает период с момента распада СССР до лета 1997 г. С самого начала образования молодых государств Центральной Азии в Токио рассматривали регион как перспективного поставщика не только нефти, но и природного газа. В «Белой книге по энергетической политике» (1993 г.), отмечалось значение природного газа для диверсификации источников энергоресурсов, и в этой связи упоминались резервы государств Центральной Азии и Таримского нефтегазоносного бассейна в Китае, а также предлагалось создание трубопроводов, несущих из региона нефть и газ через Китай в Японию[3].

Токио, безусловно, проявлял интерес к ресурсам Сибири и Дальнего Востока, однако увязывал полномасштабное сотрудничество с решением территориального вопроса. Японии было легче рассматривать как потенциальных партнеров по энергетическому сотрудничеству республики Центральной Азии, в первую очередь Казахстан и Туркменистан[4]. В то же время главным препятствием на пути получения доступа к ресурсам региона стала его географическая изолированность. Изначально Япония проявляла заинтересованность в скорейшем разблокировании Центральной Азии по любому из возможных маршрутов – через КНР, Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан[5]. Ей было бы выгодно создание нескольких альтернативных маршрутов экспорта центральноазиатских углеводородов.

В первой половине 1990-х годов Токио с энтузиазмом приступил к изучению возможностей энергетического сотрудничества с Центральной Азией. Японская национальная нефтяная корпорация (ЯННК) уже в марте 1993 г. объявила, что начнет полномасштабное изучение проектов по коммерческому производству нефти и газа в Туркменистане, Узбекистане и Казахстане.

Активно подключились к сотрудничеству с Центральной Азией и представители частного сектора. Например, компания «Мицубиси» начала изучать вариант прокладки трубопровода из Туркменистана в Китай, а также была готова участвовать в строительстве нефтепровода Западный Казахстан – Кумколь. «Итотю» заявляла о намерении стать участником международного консорциума по сооружению газопровода через Иран в Турцию[6]. В целом первоначальный период характеризовался осторожным интересом компаний к ресурсам региона, и подход к

---

[3] *Christopher Len.* Japan's Central Asian Diplomacy: motivantions, implications and prospects for the region. CEF quaterly, vol.3, № 3, p. 130.

[4] Ibid.

[5] *О. В. Резникова.* Центральная Азия и страны Азиатско-тихоокеанского региона. – МэиМО, 1999, № 4. с. 82.

[6] *И. Комиссина.* Япония и Центральная Азия: партнерство набирает силу, Центральная Азия и Кавказ, 1999, № 2, с. 84.

энергетическому сотрудничеству с Центральной Азией не имел систематизированного характера. По сравнению со странами Запада Япония нерешительно действовала в этом регионе, новом для нее и значительно удаленным географически.

Второй этап связан с выдвижением доктрины Евразийской дипломатии Р.Хасимото, в которой были впервые четко изложены стратегические направления сотрудничества с Центральной Азией и Кавказом (в доктрине они объединены). В преддверии этого в июне-июле 1997 г. многочисленная делегация, состоящая из представителей политических, деловых и академических кругов, во главе с К. Обути посетила Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан и Узбекистан. Одной из главных тем переговоров было обсуждение инвестиций в энергетическую сферу. По результатам поездки был подготовлен доклад с рекомендациями по политике Японии в отношении Центральной Азии, который лег в основу программы Дипломатии Великого Шелкового Пути. Уже через несколько месяцев после речи Хасимото регион стал объектом пристального внимания деловых кругов Японии, о чем свидетельствуют их частые визиты в регион. Например, уже в августе 1997 г. в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане побывал бывший тогда главой управления экономического планирования Т. Асо. Одной из главных тем стало привлечение японских инвестиций в энергетическую сферу. В сентябре 1997 г. регион посетила миссия «Общества экономических единомышленников» (Кэйдзай доюкай). В апреле 1998 г. в Казахстан и Узбекистан отправилась делегация крупного бизнеса – Федерации экономических организаций (Кэйданрэн). Основной темой переговоров стало налаживание сотрудничества в разработке месторождений нефти и газа[7]. В этот период энергетическая дипломатия Японии начала набирать силу. Государство принимало участие в налаживании деловых связей, проводились масштабные мероприятия, направленные на стимулирование экономического сотрудничества. Развитие энергетической отрасли центральноазиатских республик рассматривалось Токио как способ подтолкнуть процесс их экономического развития и способствовать региональной интеграции.

Следующий этап энергетической дипломатии Японии в Центральной Азии можно отсчитывать с 2002 г. К этому времени создались предпосылки для того, чтобы Япония предприняла еще одну попытку активизировать связи с регионом. После 11 сентября 2001 г. в Центральной Азии впервые закрепились США, основной военно-политический союзник Японии. Новая расстановка сил ослабляла позиции Китая в регионе и побудила Токио более решительно зондировать возможности экономических, в первую очередь, энергетических проектов в регионе. Всплеск интереса к ресурсам Центральной Азии был связан с необхо-

---

[7] Там же, с. 82.

димостью поиска новых поставщиков нефти, поскольку в 2000 г. Япония потеряла права на разработку крупных концессий на Ближнем Востоке (в нейтральной зоне между Саудовской Аравией и Кувейтом). В апреле 2002 г. бывший в то время премьер-министром Дз. Коидзуми с трибуны Азиатского форума в Боао объявил о намерении развивать энергетическое сотрудничество с регионом. По поручению премьер-министра в 2002 г. страны Центральной Азии посетила «Энергетическая миссия Шелкового пути», возглавляемая заместителем министра иностранных дел С. Сугиура. В ходе поездки обсуждались перспективы нефтегазовых проектов.

Результаты политики Токио в сфере углеводородов были весьма скромными по сравнению с другими странами.

Разведочные работы на казахстанском шельфе Каспия начались еще в 1993 г. В сентябре 1998 г. для проведения разведочных работ и добычи углеводородов была создана Казахстанская международная шельфовая операционная компания (ОКИОК). Осенью 1998 г. в связи с финансовыми затруднениями после кризиса правительство Казахстана продало свою долю в ОКИОК двум новым участникам – японской компании «Инпекс Норд Лтд» и американской «Филипс Петролеум». Покупка доли в консорциуме стала первым прецедентом выхода японских компаний на рынок нефтедобычи в Центральной Азии.

Контракт был увязан с рядом договоренностей и условий – Япония предложила мягкий кредит в 1 млрд. долл. для развития социальной сферы. Японские частные компании обменялись с казахстанским правительством меморандумами, предусматривающими инвестирование 2 млрд. долл. в реконструкцию Атырауского НПЗ, реконструкцию завода по производству полипропилена и другие проекты.

В мае 2000 г. было официально объявлено об открытии крупного месторождения нефти на шельфе Северного Каспия – Кашаган. Япония возлагала большие надежды на реализацию проекта. Неслучайно в Белой книге по энергетике за 2006 г. Кашаган фигурировал на первом месте среди основных проектов, в которых участвует Япония[8].

В настоящее время – это единственный реальный проект, в котором участвует Япония. Его называют крупнейшим нефтяным месторождением за пределами Ближнего Востока. Геологические запасы этого месторождения оцениваются в 4 850 млн. т. нефти, а извлекаемые – в 1476 млн. т. нефти[9].

Однако его реализация до сих пор пробуксовывает. Изначально предполагалось, что консорциум начнет коммерческое производство

---

[8] Кашаган. Краткая информация по Северо-каспийскому проекту. Казмунайгаз. http//www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan

[9] Энеруги хакусё… Белая книга по энергетике. 2007. http//ehecho/metigo.jp/topics/ hakusho/ 2007 energyhtml

нефти в 2005 г., однако эта дата постоянно переносилась, и сегодня речь идет уже о 2013 г.[10] Значительно возросла и стоимость затрат на разработку месторождения, что во многом связано со сложными условиями добычи нефти в этом районе.

Трудности в реализации проекта стали причиной того, что правительство Казахстана пересмотрело условия соглашения о разделе продукции и приостановило лицензию оператора проекта. После долгих переговоров проект был восстановлен, при условии, что Казахстан вернул себе долю в консорциуме Северокаспийской операционной компании[11]. Доля казахстанской стороны была увеличена за счет снижения долей других участников, в частности, доля Инпекс уменьшилась с 8,33% до 7,56%[12]. Эта ситуация неблагоприятно сказалась на инвесторах и, безусловно, снизила уровень доверия деловых кругов по отношению к ведению бизнеса с Казахстаном.

Помимо участия в Кашаганском проекте Япония заинтересована и в разработке других месторождений в Казахстане. Еще в 1994 г. «ЯННК» безвозмездно приступила к проведению геологоразведочных работ в прибрежной зоне северо-западной части Аральского моря, через несколько лет распространив их на шельф Каспийского моря. В соответствии с Основным соглашением между национальной нефтяной корпорацией «Казахойл» и «ЯННК» с марта 1999 г. проводились геолого-геофизические исследования, в том числе на площадях, находящихся в труднодоступных зонах Каспийского моря[13]. Однако эта деятельность не привела к существенным результатам, и на настоящий момент нефтяные ресурсы Казахстана не играют осязаемой роли в обеспечении энергетической безопасности Японии.

Серьезной проблемой является доставка углеводородов из Казахстана в Японию. В частности, изучается возможность строительства ветки, соединяющей Кашаганское месторождение с трубопроводом Баку–Тбилиси–Джейхан, в котором японские компании также имеют долю. Каспийская нефть поступает в Японию по схеме своп (физически каспийская нефть в страну не поступает, аналогичное количество сырья Япония получает из Индонезии)[14]. Для Японии было бы выгодно получать каспийскую нефть через Иран, либо по трубопроводу, либо мето-

---

[10] Срок получения «большой нефти» из Кашагана могут перенести еще на три года. 12.04.2011. – http://www.enecho.meti.go.jp/topics/hakusho/2007energyhtml/html/3-4-1-2html

[11] *Shadrina E.* Japan's energy relations with Russia and Kasakhstan.//Syingetsy electronic journal of Japanese–Islamic relations, vol. 5, March 2009.

[12] www.inpex.co.jp/english/business/nis.html (20.11.2010)

[13] Государственная программа освоения казахстанского сектора Каспийского моря. Правительство Республики Казахстан.– http://ru.government. kz/resources/docs/doc 7.

[14] *С. Лузянин.* Евразийские энергетические «коридоры»: проблемы сотрудничества России с регионами Центральной и Северо–Восточной Азии. – Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии, с.501.

дом своп. Одно время Казахстан совместно с французской фирмой «Тоталь» при участии японских партнеров изучал возможность строительства трубопровода через Иран к терминалам Персидского залива с целью расширения экспорта каспийской нефти в Японию и другие страны ЮВА. Однако санкции США в отношении Ирана сделали этот проект малореализуемым[15].

В Туркменистане Японию привлекают ресурсы природного газа. На протяжении нескольких лет Токио выражал желание участвовать в крупных проектах по транспортировке голубого топлива, либо через Китай, либо через Пакистан. В августе 1995 г. в Пекине было подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве в строительстве трубопровода Туркменистан–Казахстан–Китай–Южная Корея–Япония между «Мицубиси», «Эксон» и КННК. Этот «мегапроект» предполагал строительство трубопровода протяженностью 6,4 тыс. км и отличался дороговизной – 11 млрд. долл., из них стоимость морского участка – около 1,7 млрд. долл. Строительство планировалось начать в 2000 г., а коммерческую эксплуатацию – в 2005–2010 гг. К концу 1998 г. завершилась подготовка технико-экономического обоснования проекта[16]. Япония возлагала большие надежды на этот маршрут. Об этом свидетельствует то, что эта тема постоянно обсуждалась в ходе деловых переговоров двух стран во время визита делегации К.Обути в Туркменистан, а также во время визита в эту страну делегации «Итотю» в ноябре 1998 г.[17]

Высокая стоимость проекта, а также изменившаяся в XXI в. энергетическая политика Китая повлияли на то, что восточное направление вероятных поставок туркменского природного газа было «модернизировано». Вариант прокладки газопровода в Японию перестал рассматриваться, а конечной его точкой стал Китай[18]. Эксперты отмечают, что завершение строительства китайского газопровода Запад-Восток могло бы вдохнуть в этот проект новую жизнь[19]. Однако на настоящий момент никаких подвижек в этом направлении не наблюдается.

Еще одним проектом, к которому Токио проявил интерес, был газопровод Туркменистан–Афганистан–Пакистан. Идея создания консорциума по строительству Трансафганского трубопровода появилась еще в 1995 г., инициаторами проекта были американская компания Юнокал

---

15 http://ru.//www.caspianmonitoring.ru/indecs.php?id=3&nid=410.

16 *И. Комиссина*. Япония и Центральная Азия: партнерство набирает силу. – Центральная Азия и Кавказ, 1999 г., с. 84.

17 *Christopher Len.* Japan's Central Asian Diplomacy: motivations, implications and prospects for the region.CEF quaterly Vol.3? no3.p. 130.

18 *Куртов А.* Саммит ШОС в Екатеринбурге и энергетическое наступление Китая к Каспию. Часть 2-я, 09:46 19.06.2009. – http://www. centrasia. ru/news A.php?st=1245390360.

19 *Ефремова К.* Региональные направления энергетической дипломатии КНР// Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии, с.748.

и компания Саудовской Аравии – «Дельта». В 1997 г. в консорциум вошли японские компании «Итотю» с долей 6,5% и «Инпекс» с участием 6,5%[20]. Однако развитие событий в Афганистане расстроило планы по прокладке трубопровода. В 1998 г. «Юнокал» заявила о выходе из консорциума, и он был заморожен на неопределенное время.

После поражения талибов в Афганистане дискуссия о трубопроводе возобновилась. Главы Туркменистана, Пакистана и Афганистана в мае 2002 г. договорились о сотрудничестве в деле строительства трубопровода. Япония вновь обозначила свой интерес к проекту Трансафганского трубопровода. Эта тема активно обсуждалась во время визита Энергетической миссии в Туркменистан. Глава миссии С. Сугиура заявил прессе о том, что Япония изучает возможности участия в этом проекте[21].

Непредсказуемая ситуация в Афганистане не позволяла делать благоприятных прогнозов относительно прокладки этого маршрута. Тем не менее, эта тема долгое время присутствовала во внешнеполитической повестке дня Японии. В частности, министр иностранных дел Т. Асо подчеркивал, что этот трубопровод позволит создать для Центральной Азии «Коридор мира и стабильности», связывающий ее с другими странами. Прокладку трубопровода активно поддерживает Азиатский Банк Развития, где Япония и США являются основными акционерами. Реализация газопровода позволит отвлечь внимание от другого проекта – трубопровода из Туркменистана в Иран, который не одобряет Вашингтон. В последнее время тема Трансафганского газопровода (на этот раз речь идет о его продлении до Индии) обрела новое звучание, в декабре 2010 г. было подписано рамочное соглашение между Туркменистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией. Японские компании пока не высказывали намерений относительно участия в этом проекте, однако в будущем нельзя исключать такой возможности.

После охлаждения отношений с Западом в 2005 г. Узбекистан более активно стал приглашать к сотрудничеству азиатские страны, которые не увязывали экономическое взаимодействие с политикой соблюдения прав человека. Так, уже в ноябре 2006 г. Ташкент предложил Японии участвовать в геологоразведке в Устюртском регионе на западе страны при стоимости работ около 100 млн. долл.. В июне 2010 г. Японская корпорация по нефти, газу и металлам заключила с Узбекистаном соглашение о разработке горючих сланцев, запасы которых оцениваются в 47 млрд. т. В середине 2010 г. Япония и Узбекистан подписали меморандум о сотрудничестве в разработке месторождений горючих сланцев, а в 2011 г. стороны обсудят вопрос о создании СП по разработке

---

[20] *Ахмед Рашид*. Талибан: ислам, нефть и новая «Большая игра» в Центральной Азии. М., 2004, с.240.

[21] Япония готова подключиться к реализации проекта газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан –http//www.centuasia.ru./news A.php4?st=1027148700

участков. Эти ископаемые являются ценным источником нефти и редкоземельных металлов, поэтому участие в их разработке чрезвычайно выгодно для Японии, являющейся крупнейшим импортером редкоземельных металлов.

Несмотря на то, что энергетика является важной сферой интересов Токио, на сегодняшний день Япония не получает углеводородные ресурсы из Центральной Азии. Сотрудничество с Центральной Азией в нефтегазовой сфере в основном представлено совместными проектами по переработке углеводородного сырья. Так, Япония занималась реконструкцией НПЗ в г. Туркменбаши, Сейдинского НПЗ – крупнейших заводов на территории Туркменистана, а также поставками газоочистных установок, труб, техники для прокладки трубопроводов. Японские компании занимались реконструкцией Новожаналожского и Атырауского НПЗ в Казахстане. В Узбекистане японские фирмы участвовали в реконструкции Ферганского и строительстве Бухарского НПЗ, а также в обустройстве нефтяного месторождения Кокдумалак.

Сотрудничество в сфере добычи углеводородных ресурсов осложняется отсутствием рентабельных путей их доставки в Японию. Проекты трубопроводов отличаются дороговизной, противоречивостью оценок их наполняемости и маршрутов, позиций. Перевозки железнодорожным транспортом значительно повышают себестоимость добытого сырья, что делает его импорт невыгодным. Единственный маршрут доставки их морским путем на сегодняшний день – через Черное море, что занимает слишком много времени и средств. Так, доставка одного барреля центральноазиатской нефти из акватории Черного моря на японский рынок обходится на 1,2 долл. дороже, чем ближневосточной из Персидского залива. К этому нужно добавить и издержки на трубопроводную или железнодорожную доставку до нефтеналивных портов. Немаловажным является и такой фактор как осторожность японских бизнесменов, предпочитающих работать в странах со стабильным инвестиционным климатом и эффективным законодательством. Японские представители также обращают внимание на то, что сырая каспийская нефть слишком дорогостоящая для японских НПЗ, которые спроектированы под высокосернистую нефть Ближнего и Среднего Востока[22].

Гораздо более динамично развивается деятельность, направленная на обеспечение урановыми ресурсами Центральной Азии. Сегодня Япония является одним из мировых лидеров по потреблению урана. По данным МАГАТЭ, в 2009 г. этот показатель достигал 8790 т, что составляет 12,7% мирового спроса на уран[23]. Согласно планам прави-

---

[22] Каспийская нефть. Восточный вектор//Международный деловой журнал. Kasakhstan, 2009. – http://www.investkz. Com/journals/68/661.html.

[23] Uranium 2009: resoursec, production and demand. RAF 3007, Workshop on uranium data collection and reporting. IAEA .July 2010.

тельства удельная доля атомной энергетики в энергобалансе страны будет увеличиваться. Кризис на АЭС Фукусима, по-видимому, внесет корректировку в эти планы, но вряд ли приведет к отказу от программы развития мирного атома. Правительство стремится к развитию стратегических отношений с поставщиками урана. Естественным образом в зоне его повышенного внимания находятся Казахстан и Узбекистан, в которых сосредоточено соответственно 12% и 2% мировых запасов этого элемента.

В середине 2000-х годов наблюдается возросший интерес Токио к урановым резервам стран региона. В условиях роста цен на нефть, нестабильности в странах-поставщиках нефти Япония, стремясь обеспечить экологически чистое производство энергии, проводит в жизнь усиленное внедрение атомной энергетики, что диктует спрос на уран. В 2006 г. была принята новая Энергетическая стратегия, ставящая целью повышение доли атомной энергетики с 15% до 30%. В эти же годы возросла активность Кореи и Китая по обеспечению доступа к урановым резервам региона. Примером осуществления энергетической дипломатии стал визит Дз. Коидзуми в Казахстан и Узбекистан летом 2006 г. По стопам премьер-министра эти страны посетила многочисленная миссия, возглавляемая министром торговли А. Амари. Впервые премьер-министр представлял энергетические интересы страны в Центральной Азии. В то же время Япония начала проявлять активный интерес к редким и редкоземельным металлам, которыми богаты страны Центральной Азии. Это позволило бы ей уменьшить зависимость от поставок этого стратегического сырья из Китая.

Конкретное выражение японская «дипломатия ресурсов» нашла в первом в истории визите японского лидера в Казахстан и Узбекистан в августе 2006 г. Накануне визита в прессе появилась информация о том, что премьер будет отстаивать права японских компаний в конкурентной борьбе с Китаем за доступ к урановым рудникам. Итогом поездки в Казахстан стал Меморандум о продвижении сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, открывший дорогу для совместных проектов в этой области. Вслед за Дз. Коидзуми в апреле 2007 г. Казахстан посетила представительная деловая делегация во главе с министром экономики, индустрии и торговли А.Амари. Тогда было подписано Совместное заявление об укреплении стратегического партнерства в области мирного использования атомной энергии, а также более 20 соглашений в этой сфере. Были подписаны контракты на поставку уранового концентрата. Также стороны договорились о создании совместных предприятий Байкен и Кызылкум по разработке урановых месторождений Харасан-1 и 2, запасы которых оцениваются в 160 тыс. т. урана. Финансирование этих проектов было произведено за счет кредитов Японского банка международного сотрудничества. В

2006 г. японские компании «Сумитомо» и «Кансай электрик пауэр» вошли в ТОО АППАК по эксплуатации месторождения Западный Мынкудук. Рудник был официально открыт в июне 2008 г.

Была достигнута договоренность о создании Японией атомной станции в Казахстане. Осенью 2010 г. «Japan Atomic Power Co.», «Toshiba Corp.» и «Marubeni Utility Services, Ltd.» подписали меморандум с Национальным ядерным центром РК о проведении предварительных исследований по строительству АЭС[24]. По заявлению пресс-службы «Japan Atomic Power», Казахстан проявил интерес к строительству блока с водяным кипящим реактором мощностью 1000 МВт(эл.). Япония, в свою очередь, располагает современными технологиями водяных кипящих реакторов ABWR.

Стороны договорились о том, что Казахстан будет изготавливать компоненты ядерного топлива для японских АЭС. В декабре 2007 г. был подписан соответствующий Меморандум о взаимопонимании, согласно которому Ульбинский металлургический завод будет производить и поставлять компоненты ядерного топлива для изготовления топливных сборок на предприятиях «Nuclear Fuel Industries» для дальнейшей поставки их на АЭС компании «Kansai» в Японии.

«Казатомпром» стал первой компанией, которой была предоставлена возможность страхования привлекаемых кредитов по отдельной линии NEXI. Ранее страховки NEXI давались на конкретные сделки. В ноябре 2008 г. сумма страхового покрытия была увеличена более чем в 2 раза[25].

Важным шагом стало установление стратегического альянса между национальной корпорацией «Казатомпром» и компанией «Тосиба». Осенью 2007 г. «Тосиба» продала «Казатомпрому» 10% акций в холдинге «Вестингауз Электрик Компани», где она владела 67% акций. По оценкам экспертов, альянс компаний «Тосиба» и «Казатомпром» позволяет первой в поиске поставщиков топлива и покупателей атомных реакторов, а также обеспечивает позиции «Казатомпрома» в области атомной энергетики, особенно в сфере производства топлива. Помимо этого, компании намерены развивать научно-исследовательское направление своей работы. Для этого они создают международный научный центр на базе Института атомной энергии в г. Курчатов, для исследований всех аспектов ядерного топливного цикла и реакторных технологий.

Ратификация Казахстаном в 2007 г. дополнительного протокола МАГАТЭ положила начало переговорам о заключении соглашения о сотрудничестве в области использования мирного атома между Казах-

---

[24] 6 мая вступило в силу соглашение между Казахстаном и Японией о сотрудничестве в атомной области//Российское атомное сообщество –http//www. Atomic-energy.ru/en/node/22012.

[25] «Казатомпром» и ряд ведущих компаний Японии подпишут 24 соглашения в сфере атомной энергетики в Астане.30.04.2007.

станом и Японией. В марте 2010 г. энергетическое партнерство обеих стран было окончательно оформлено в виде Соглашения о мирном использовании атомной энергии, позволяющего осуществлять полномасштабное сотрудничество в сфере мирного атома.

По оценкам японских экспертов, общий объем урановой продукции, которую смогут приобрести японские компании в результате осуществления этих проектов, составит около 40% спроса на уран в Японии[26]. Казахстан намерен заняться переработкой отработанного ядерного топлива с японских АЭС.

Таким образом, в обмен на урановые ресурсы Казахстан получает доступ к передовым технологиям в сфере атомной промышленности. Представители Казахстана оптимистично оценивают достигнутые договоренности и рассчитывают увеличить долю казахстанской урановой продукции на японском рынке с 1–2% до 40%. Кроме того, около 30% этого объема составят продукты высокого передела, что будет означать повышение добавочной стоимости экспортируемой Казахстаном урановой продукции. Это отвечает интересам страны, ставящей целью переход от экспорта уранового сырья к экспорту урановой продукции. За несколько лет Японии удалось наладить взаимовыгодное сотрудничество с одним из крупнейших поставщиков урана, что можно расценивать как успех японской «дипломатии ресурсов» в Центральной Азии.

Привлекательны для Токио и урановые ресурсы Узбекистана, однако масштабы двустороннего сотрудничества в этой области до последнего времени были сравнительно малы. Несмотря на то, что в стремлении прекратить американскую монополию на продажу узбекского урана в 2006 г. И. Каримов пригласил японцев участвовать в разработке урановых месторождений. Во время визита Дз. Коидзуми японская сторона не пошла на заключение каких-либо документов в этой сфере, ограничившись решением «об обмене информацией касательно разработок урановых рудников»[27]. Тем не менее, визит придал импульс японо-узбекским отношениям. С 2007г. через компанию «Итотю» начались поставки узбекского урана в Японию. После 2006 г. ряд японских корпораций подписал с Узбекистаном протоколы о намерениях проводить совместную разведку урановых месторождений и добывать уран. В частности, – это протоколы о намерениях создания СП между концерном «Мицуи» и Государственным комитетом по геологии (Госкомгео), протокол Госкомгео и «Содзиц групп» о намерении проведения геологоразведочных работ на площади «Четвертое» в Кызылкумах. В ноябре 2006 г. Госкомгео и «Итотю» подписали протокол о намерениях изу-

---

[26] Contribution to Nuclear Power Generation . Japan Bank for international cooperation. – www.jbic.go jp/en/special/resource/006. index. html

[27] Визит премьер-министра Дз. Коидзуми в Республику Узбекистан – содержание и оценка визита. Посольство Японии в Республике Узбекистан. – www.uz.emb-japan.go.jp

чить возможности создания СП для проведения геологоразведочных работ на месторождении Рудное. Однако эти в принципе ни к чему не обязывающие протоколы так и не были претворены в жизнь. Японский бизнес не устраивает торговый и инвестиционный климат в стране. Токио неоднократно поднимал этот вопрос на переговорах. Наконец, стороны пришли к заключению соглашения о либерализации, содействии и защите инвестиций, которое вступило в силу в 2009 г. Кроме того, предлагаемые к разработке месторождения относятся к черносланцевому типу, а это технически затрудняет их разработку и требует значительных инвестиций. В условиях низких цен на уран их разработка считалась нерентабельной, однако с учетом ожиданий роста цен на это сырье можно предположить повышение интереса японцев к этим месторождениям.

В июне 2009 г. Госкомгео и Японская госкорпорация по нефти, газу и металлам подписали договор о совместной разведке месторождений в Навоийской области[28]. Эта договоренность носит предметный характер, в отличие от упомянутых выше протоколов о намерениях, и свидетельствует о том, что Токио активизирует это направление своей энергетической дипломатии.

В том же ключе стоит рассматривать визит И. Каримова в Японию в феврале 2011г. Накануне визита был подписан меморандум о сотрудничестве в целях расширения торговли и инвестиций, а также соглашение о сотрудничестве в урановой сфере и соглашение о закупке по 500–1000 т. урана в год в течение 10 лет. Ожидается, что Япония в ближайшие годы привлечет технологии и финансы ведущих компаний к добыче и производству урана в Узбекистане в обмен на стабильные поставки этого сырья. В 2009 г. Узбекистан, занимающий седьмое место в мире по запасам урана, произвел 2500 т. этого сырья и намерен увеличить эти показатели, в том числе за счет модернизации производства и открытия новых рудников, для чего японские инвестиции были бы весьма желательны. Кроме того, в Узбекистане нет собственных мощностей по переработке урана, поэтому Ташкент заинтересован в налаживании взаимодействия с Японией в этой сфере.

Достигнутые договоренности отражают намерение Японии обеспечить стратегические позиции в добывающей промышленности Узбекистана. Мотивом, лежащим в основе недавних японских инициатив, является необходимость противостоять довольно жесткой конкуренции со стороны своих азиатских соседей.

И Корея, и Китай проводят активную «дипломатию ресурсов» в регионе, в том числе используя возможности дипломатии на высшем

---

28 Узбекистан и Япония о совместной разработке урановых месторождений.//REGNUM, 21.06.2009

уровне. Во время визита лидеров государств обсуждаются конкретные возможности сотрудничества в энергетической сфере. Это побуждает Японию более решительно отстаивать свои энергетические интересы на пространстве Центральной Азии. В целом можно сказать, что соседи Японии обладают высокой конкурентоспособностью в регионе. Еще в 1990-е годы Китай стал важным торговым партнером центральноазиатских стран, а Корея начала активно инвестировать в их экономику. Эти страны могут предложить передовые технологии в обмен на энергетические ресурсы, по сравнению с Японией более решительно ведут бизнес, опережая ее по показателям торгового оборота и инвестиций, они толерантно относятся к авторитарным местным политическим режимам.

Преимущество Японии состоит в том, что она предоставляет значительные суммы на безвозмездную помощь странам региона, а также является их крупнейшим кредитором. В 2008 г. Токио выделил странам Центральной Азии около 105 млн. долл. США в виде Официальной помощи развитию[29]. Япония завоевала положительную репутацию в регионе и, соответственно, может рассчитывать на создание благоприятных условий для японских компаний в этих странах.

Оценивая результаты энергетической дипломатии Японии в Центральной Азии, можно сделать следующие выводы. Создается впечатление, что на сегодняшний день Япония не рассматривает Центральную Азию как реальный источник углеводородных ресурсов. Причинами являются отсутствие рентабельных путей доставки нефти и газа и, соответственно, дороговизна центральноазиатских углеводородов. Оценки предлагаемых маршрутов весьма противоречивы, как с точки зрения гарантий безопасности, финансовых затрат, так и с точки зрения наполняемости нефтью и газом. Доминирующие позиции в нефте- и газодобывающей отрасли региона занимают западные страны, а также Китай в силу своего выгодного географического положения и активной экономической деятельности. Играет роль и осторожность японских бизнесменов, которые предпочитают работать в странах с благоприятным инвестиционным климатом, транспарентными механизмами принятия решений, на рынках с низкой степенью рисков. Следует учитывать и фактор проамериканского внешнеполитического курса Японии, который сдерживает ее сотрудничество с Ираном и, соответственно, не позволяет реализовывать поставки центральноазиатских ресурсов через это государство. С учетом этих факторов более выгодным для Японии было бы развитие проектов добычи и транспортировки углеводородов из России.

Гораздо более успешно был дан старт взаимодействию в области разработки урана и редкоземельных металлов, ресурсов, имеющих стратегическое значение для Японии. Токио достаточно быстро добился

---

[29] Official development assistance. White book 2009. Ministry of foreign affairs of Japan. – www.mofa.go. jp/policy/oda/white/2009/pdfs/part3-2. pdf (06.02.2011)

существенных результатов в Казахстане и имеет хорошие перспективы реализации ряда проектов с Узбекистаном. Растущая активность Китая и Кореи, направленная на получение доступа к урановым ресурсам региона, подталкивает Японию к тому, чтобы более решительно отстаивать свои энергетические интересы.

Очевидно, что чем теснее энергетическое сотрудничество Японии со странами Центральной Азии, тем более зависима она будет от процессов, происходящих в этом регионе. Энергетическая политика Японии в дальнейшем будет формироваться под влиянием таких факторов, как отношения с Россией и Китаем, энергетическая политика, проводимая этими странами, активность в регионе таких крупных потребителей энергии, как Корея и Индия, а также обстановка в Афганистане и ситуация вокруг Ирана.

Аграрная политика демократов

С. Б. Маркарьян

Ко времени прихода во власть Демократической партии Японии (ДПЯ) в сентябре 2009 г. аграрный сектор экономики оброс множеством проблем, которые отвлекают финансовые средства на поддержку нерентабельных хозяйств и зачастую затрудняют проводить внешнеторговую политику, отвечающую интересам экономического развития страны в целом. Прежде всего, это недостаточный уровень сельскохозяйственного производства, нехватка рабочей силы, особенно молодой, низкий уровень сельскохозяйственных доходов и конкурентоспособности на внешнем рынке.

Эти проблемы ждут своего решения также и потому, что значение сельского хозяйства для жизнедеятельности общества продолжает оставаться достаточно важным не только как поставщика продовольствия, но и как выполняющего многофункциональную роль, прежде всего, сохранения окружающей среды[1]. Видимо, именно поэтому ДПЯ в своем предвыборном Манифесте (сентябрь 2009 г.) провозгласила развитие сельского хозяйства одним из трех главных направлений ее политики после завоевания власти.

Основная причина сегодняшних проблем – мелкие размеры хозяйствования (особенно в растениеводстве), прежде всего, в связи с мелкими наделами, средняя площадь которых не достигает в настоящее время и двух гектаров, хотя она и выросла за послевоенный период в два раза. До середины 1990-х годов аграрная политика правительства основывалась на Законе о сельскохозяйственной земле (1952 г.) и Законе о контроле над продовольствием (1942 г.), которые накладывали строгие ограничения на размеры землевладения и землепользования и устанавливали административный контроль над производством и распределением основных видов продукции.

Многие из упомянутых выше проблем проявились уже в конце 1950-х годов. В 1961 г. был принят Основной сельскохозяйственный

---

[1] Речь идет о том, что, например, затопляемые рисовые поля предохраняют террасированные земли от оползней, не приводят к оскудении почв, предотвращают их эрозию, служат резервуарами воды, смягчают климат и т. д. Кроме того, они создают красивые пейзажи, что является немаловажной составляющей для качества жизни. И, наконец, сельская местность является хранилищем традиционной культуры.

закон, который провозгласил курс на повышение эффективности производства и снял ряд существовавших ограничений на производство и распределение сельскохозяйственной продукции. В последующие годы правительство продолжало смягчать остающиеся ограничения. Однако делало оно это излишне медленно и зачастую непоследовательно, не соблюдая им же самим намеченные планы, продолжая поддерживать все слои крестьянства. Все это задерживало переход земли, вымывание мелких и рост крупных хозяйств.

В основе такой политики (создание тепличных условий существования для всех слоев крестьянства) лежали как социально-экономические причины (боязнь разорения мельчайших хозяйств и, соответственно, сокращения производства и возникновения социальных волнений), так и политические мотивы (деревня традиционно голосовала за ЛДП). В результате эффективность производства оставалась низкой, что ставило сельское хозяйство в тяжелое положение перед внешними вызовами, а потребителя – перед высокими розничными ценами.

Лишь во второй половине 1990-х годов упомянутые выше законы были отменены. В конце 1995 г. вошел в силу Закон о спросе и предложении основных видов продовольствия и стабилизации цен, который заменил Закон о контроле над продовольствием 1942 г., а в 1999 г. – Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и деревне[2] (его для краткости называют «Новый основной сельскохозяйственный закон», поскольку он заменил закон 1961 г.).

Первый из них юридически закрепил принятые ранее положения, направленные на снятие различных ограничений и расширение рамок функционирования рыночных рычагов, определил основной курс аграрной политики в области обращения сельскохозяйственной продукции и, в частности, необходимые меры для стабилизации спроса и предложения основных ее видов. Однако при этом сбыт основной продукции, как и раньше, гарантировался для тех хозяйств, которые сотрудничали с государственной программой регулирования производства.

Новый основной сельскохозяйственный закон 1999 г. провозгласил необходимость стабильного снабжения населения безопасным для здоровья высококачественным продовольствием по разумным ценам (т. е. с учетом интересов потребителей). В нем отмечается необходимость «устойчивого развития» сельского хозяйства[3]. Важная роль отводится политике комплексного развития сельских районов, прежде всего, холмистых и горных, условия которых не вполне благоприятны для ведения

---

[2] Тексты этих законов см.: http://www.shugiin.go.jp

[3] Концепция «устойчивого развития» была принята на конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. Она предполагает такое развитие отрасли, при котором удовлетворение текущих потребностей общества не наносило бы ущерб жизни будущих поколений, т. е. не ухудшало бы состояние окружающей среды.

сельского хозяйства, но которые очень важны не только с точки зрения производства (на них приходится примерно 40% стоимости продукции), но и с точки зрения многофункциональной роли сельского хозяйства. Закон обязал правительство регулярно принимать базисные планы развития производства продовольствия, сельского хозяйства и сельских районов (сокращенно: план развития сельского хозяйства).

Первый базисный план был принят в 2000 г. В нем были намечены меры, направленные на достижение стабильного снабжения населения основными продуктами питания, на увеличение потребления отечественной продукции, на принятие мер для устойчивого развития отрасли и поддержки сельских районов. План предполагал повышение уровня самообеспеченности продовольствием до 45% к 2010 г.

В 2005 г. был принят десятилетний план развития сельского хозяйства. Учитывая результаты развития в предыдущий период, достижение 45%-ного уровня самообеспеченности было перенесено на 2015 г. Правда, уже в рабочем порядке, эта планка несколько позже была поднята до 50% (к 2020 г.). Были предложены также несколько более радикальные меры, нацеленные на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Можно отметить важные мероприятия, намеченные или уже проведенные для достижения заявленных целей, в частности, введение адресных субсидий только для крупных фермеров, прекращение поддержки цен на сельскохозяйственную продукцию, ликвидацию практики административного регулирования размеров производства риса, привлечение частного сектора к участию в определении цен на рис, предоставление промышленным и торговым компаниям права вести сельскохозяйственное производство на арендуемой земле.

Кроме того, важную роль стали придавать политике комплексного развития сельских районов и, прежде всего, холмистых и горных. Все большее внимание начали уделять производству безопасного для здоровья продовольствия, связям между городом и деревней и пропаганде потребления отечественной продукции. Все эти меры были направлены на повышение степени самообеспеченности продовольствием.

Представляется, что предпринятые в последние годы правления усилия по повышению эффективности производства в аграрном секторе уже дали некоторые результаты. Так, выросло число сравнительно крупных хозяйств, как индивидуальных, так и коллективных (число последних, остававшееся в 2000–2005 гг. стабильным, за следующие четыре года увеличилось на 4 тыс.). Только за три года (2005–2008) в три раза увеличилось число акционерных предприятий несельскохозяйственного сектора экономики, которые начали работать в сельском хозяйстве. В семь с лишним раз за 2002–2009 гг. возросло число экоферм. Начали сокращаться издержки производства: за 1995–2005 гг. из расчета на единицу продукции при производстве молока они снизились на 1,7%, риса – на 15%, пшеницы – на 23%, соя-бобов (из расчета на единицу

площади) – на 12,6%[4]. Постепенно растет потребление отечественной продукции[5].

ЛДП меры по повышению эффективности производства можно было принять гораздо раньше, и это не вызвало бы, на наш взгляд, деструктивных последствий. В результате структурная перестройка к настоящему времени уже могла бы состояться, и ряд проблем, указанных выше, нашли бы свое решение.

В то же время представители промышленных и общественных организаций, а также академических кругов перечисленные выше меры посчитали недостаточными. В последнее время появилось много новых проектов развития сельского хозяйства, альтернативных правительственным программам[6]. Их общий мотив – как можно быстрее провести структурные реформы, чтобы отрасль сумела выйти на уровень развития аграрных секторов в других странах. Ключевыми словами всех выступлений по этому вопросу являются: дерегулирование и создание крупных эффективно работающих хозяйств с низкими издержками производства, высоким уровнем производительности труда. Другими словами, предлагаются следующие меры: внедрение полноценных рыночных отношений в функционирование отрасли, развитие здоровой конкуренции, снижение таможенных барьеров, открытие внутреннего рынка для продукции других стран, выход Японии на мировой рынок зерна. Как можно видеть из перечисленных выше предложений по развитию сельского хозяйства, большинство из них совпадают с направлением аграрной политики правительства, но являются, пожалуй, более жесткими. Исключение составляет предложение не сокращать площадей под рисом для возделывания других сельскохозяйственных культур (эта политика проводилась с 1970-х годов), а, наоборот, увеличивать его производство с целью последующего экспорта.

---

[4] Подсчитано по: Хэйсэй 22 нэмпан Сёкурё, ногё, носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству за 2009 г.) Токио, 2010, с. 110; www.maff.go.jp/toukei/ . Следует при этом иметь в виду, что цифры о снижении издержек, например, показывают общую тенденцию, а результаты на сегодняшний день могут и не быть такими благоприятными, учитывая значительный рост цен на средства сельскохозяйственного производства в последующие после 2005 годы. Например, в 2008 г. средний индекс цен на средства производства для сельского хозяйства превысил уровень 2005 г. на 13,6% (Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas FY2008, p.6).

[5] В частности, в 2008 г. увеличилось потребление отечественных продуктов: риса, пшеницы, овощей. Правда, кроме мощной пропаганды потребления японской продукции во многом в этом отношении «помогли» инциденты с некачественными продуктами, ввезенные из Китая.

[6] В наиболее общем виде альтернативный правительственному вариант структурных реформ сельского хозяйства представлен в опубликованном в январе 2009 г. документе «Стратегия Японии в отношении развития сельского хозяйства в глобализированном мире», предложенном группой участников Японского форума по вопросам международных отношений.

Что же предлагает для развития аграрного сектора Демократическая партия Японии (ДПЯ) в отличие от политики ЛДП? В предвыборном Манифесте 2009 г. ДПЯ основной посылкой своей политики провозгласила лозунг «Жизнь населения – превыше всего» и выдвинула три главных направления своей политики – решение проблем пенсий, воспитание молодого поколения и развитие сельского хозяйства.

В части, касающейся сельского хозяйства, партия взяла обязательство создать условия для стабильного снабжения населения безопасной сельскохозяйственной продукцией, причем, по мере возможности, отечественного производства. Для достижения этого планируется внедрить «систему поддержки доходов фермеров», чтобы они, занимаясь сельским хозяйством, чувствовали себя защищенными. Эта мера, как считают авторы Манифеста, приведет к повышению уровня самообеспеченности продовольствием, который в настоящее время у Японии является самым низким среди промышленно развитых стран. А укоренение системы поддержки доходов послужит также устранению «региональных различий» и приведет к возрождению сельских районов и сохранению окружающей среды[7].

Для того чтобы выполнить предвыборные обещания, в марте 2010 г. был принят новый десятилетний базисный план по проблемам продовольствия, касающийся развития сельского хозяйства и возрождения сельских районов. План был составлен в соответствии с основными положениями аграрной политики, заявленной демократами в предвыборном Манифесте. О его содержании подробно говорится в «Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни» (издание министерства сельского хозяйства) за 2009/10 фин.г.[8]

В этом документе, прежде всего, отмечается неудовлетворительное положение с продовольствием и развитием сельских районов, для подтверждения чего приводятся статистические данные о динамике отдельных показателей развития аграрного сектора и ситуации в отрасли (см. таблицу 1) и подчеркивается, что в аграрной политике грядут серьезные перемены.

Что и говорить, картина, конечно, не очень благополучная, но при этом нельзя не заметить, что в таблице нет показателей о росте урожайности культур и продуктивности скота и птицы (т. е. тех показателей, которые японцам не стыдно было бы продемонстрировать), или о некоторой положительной динамике в снижении издержек производства, о которых мы упоминали выше.

В плане 2010 г., предложенном демократами, подчеркивается, что проводимая до сих пор политика в отношении развития отрасли и сельских

---

[7] www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto03.html

[8] 21 нэндо сёкурё, ногё носон хакусё (Белая книга по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2009 фин. г.) Токио, 2010.

районов препятствовала (хотя конкретно, в чем заключалось это препятствие, сказано не было) увеличению степени самообеспеченности

Таблица 1
Показатели развития аграрного сектора*

	ед. изм.	1965 г.	1985 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2015 г.
Степень самообеспеченности продовольствием (ккал)	%	73	53	43	40	40	41*[2]	45
Степень самообеспеченности (по стоимости)	%	86	82	74	71	69	65*[2]	76
Степень самоснабжения кормами	%	55	27	26	26	25	26*[2]	35
Обеспечение продуктами питания (на одного человека в год):	кг							
Рис		117,7	74,6	67,8	64,6	61,4	59,0*[2]	
Пшеница		29,0	31,7	32,8	32,6	31,7	31,1*[2]	
Овощи		108,1	111,7	106,2	102,4	96,3	94,2*[2]	
Фрукты		28,5	38,2	42,2	41,5	43,1	40,1*[2]	
Мясо		9,2	22,9	28,5	28,8	28,5	28,5*[2]	
Молоко и молочные продукты		37,5	70,6	91,2	94,2	91,5	86,3*[2]	
Рыба и моллюски		28,1	35,3	39,3	37,2	34,6	31,5*[2]	
Масла и жиры		6,3	14,0	14,6	15,1	14,6	13,9*[2]	
Индекс потребительских цен на продовольствие (в % к предыдущему году)	%		1,7	-1,2	-1,9	-0,9	0,2	
Объем производства пищевой промышленности	трл. иен	–	20,8	24,3	24,1	22,5	25,1*[2]	
Производство сельскохозяйственной продукции	трл. иен	3,5	13,7	12,3	10,6	9,9	9,7*[1]	
Индекс цен на сельскохозяйственнуюпродукцию		38,5	115,3	114,7	100,3	100,01	95,5	
Индекс цен на производственные товары для сельского хозяйства		37,6	98,3	95,5	97,4	100,0	111,3	

Число товарных хозяйств	тыс.	—	3310	2650	2340	1960	1700	
Число крупных хозяйств	тыс.	—	—	820	500	430	350	
Число занятых главным образом в сельском хозяйстве	тыс.	8940	3460	2560	2400	2240	1910	
в том числе доля 65-летних и старше	%	—	19,5	39,7	51,2	57,4	60,4	
Число новых фермеров	тыс.	176	94	48	77	79	60[*2]	
Число сертифицированных фермеров	тыс.	—	—	19	145	192	246	
Число объединений в рамках поселков	тыс.	—	—	—	10	10	14[*3]	
Число юридических лиц, производящих сельхозпродукцию	тыс.	—	3	4	6	8	11	
Размер обрабатываемой площади	тыс. га	6000	5380	5040	4830	4690	4610	4500
Размер заброшенных площадей	тыс. га	—	135	244	343	386	—	—
Степень использования обрабатываемых земель	%	123,8	105,1	97,7	94,5	93,4	92,2[*2]	105
Размер посевной площади	тыс. га	7430	5660	4920	4560	4380	427[*2]	
Размер обрабатываемой площади на одно хозяйство	га	0,9	1,1	1,5	1,6	1,8	1,9	—
Численность населения сельских районов	тыс. чел.	51010	47700	44320	44120	433440	—	—
в % ко всему населению	%	52	39	35	35	34	—	—
в т. ч. 65 лет и выше	%	8	13	18	21	24	—	—
Сельскохозяйственный бюджет	трл. иен	0,3	2,7	3,4	2,9	2,3	2,2	—

Доля производства сельхозпродукции в ВВП	%	6,8	2,3	1,4	1,1	1,0	0,9*[1]	

*Хэйсэй 21 нэндо Сёкурё, ногё, носон хакусё (Белая книга по вопросам продовольствия, сельского хоязйства и деревни за 2009/10 фин.г.) Токио, 2010,с. 11,13.

*[1]2007 г.

*[2]2008 г.

*[3]2010 г.

продовольствием и выполнению аграрным сектором своей многофункциональной роли. Поэтому новый план, как считают его авторы, вносит серьезные изменения в аграрную политику и ставит своей целью создание лучшего будущего для японского населения путем содействия развитию творческих сил, занятых в аграрном секторе, и раскрытию в возможно большей степени потенциалов сельского хозяйства и сельских районов.

В плане продовольствие и сельские районы признаны объектами национальной стратегии, а стабильное снабжение населения безопасным для здоровья потребителя продовольствием рассматривается как главнейшая ответственность государства. В основе плана, по мнению его составителей, лежит философия «лучше предотвратить, чем потом лечить»[9].

В преамбуле плана отмечается также, что сегодняшнее состояние сельского хозяйства таково, что только своими силами фермеры не смогут преодолеть трудности, связанные с ввозом дешевой импортной продукции. Поэтому условием выполнения плана является, по мнению его разработчиков, создание «общества, в котором весь народ поддерживает сельское хозяйство и сельские районы», т. е. все население в той или иной степени должно содействовать развитию этой отрасли.

Ключевым стержнем новой аграрной политики считается программа предоставления прямых выплат в поддержку сельскохозяйственных доходов (*кобэцу сётоку хосё сэйдо*) при производстве риса и других наиболее значимых видов продукции, выращиваемых на затопляемых полях, – пшеницы и соя-бобов.

План предусматривает отход от «нерезультативной» политики прежней администрации и переход к политике более адекватной сложившейся ситуации, политике, отвечающей поставленным целям – увеличению объемов производства для повышения уровня самообеспеченности продовольствием и созданию продукта с высокой долей добавленной стоимости, политике, направленной на создание производственной системы, отвечающей интересам потребителя, политике сохранения сельскохозяйственной земли и ее эффективного использования, политике возрождения сельских районов и охраны окружающей среды, политике, которая была бы не только эффективной, но и проста для понимания населением, чтобы объект такой политики мог бы наилучшим образом применить

---

[9] Summary of the Basic Plan for Food, Agriculture and Rural Areas. Martch, 2010 (MAFF UPDATEю. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 9 July, 2010).

свои способности к ее реализации, политике, учитывающей возможную ситуацию в будущем в связи с положением с продовольствием в мире, в частности, с производством зерна, политике, учитывающей интересы производства продовольствия, самого сельского хозяйства и развития сельских районов.

Основные цели плана – поднять к 2020 г. уровень самообеспеченности продовольствием до 50% , которое рассчитано, исходя из количества заключенных в нем калорий, и до 70% – при подсчете по стоимости продукции; сохранить к 2020 г. площадь обрабатываемой земли в нынешних размерах, а процент использования земель довести до 108% (т. е. восстановить, хоть и в меньших размерах, практику вторых и третьих урожаев).

В частности, производство пшеницы планируется довести к 2020 г. до 1,8 млн. т, что в 2,2 раза больше по сравнению со средним показателем за период 2005–2009 гг., соя-бобов – в 2,6 раза (до 600 тыс. т), кормов – до 4,6 млн. т (из расчета усвояемого количества), т. е. примерно на 1 млн. т больше, чем в 2005–2008 гг. При этом планируется, что уровень самообеспеченности грубыми кормами повысится по сравнению с 2008 г. до 100%, концентрированными – до 19,5% по сравнению с 11,5% , а в целом по кормам – до 38% (26% в 2008 г.)[10].

Для достижения такого результата предлагается, в частности, ввести систему поддержки сельскохозяйственных доходов; создавать условия для работы в сельском хозяйстве не только основных хозяйств[11], но и всех слоев крестьянства. Для повышения качества производимой продукции фермерам рекомендуется применять в сельскохозяйственном производстве метод так называемой хорошей сельскохозяйственной практики (GAP, good agriculture practice, *ногё сэйсан котэй канри*)[12] и систему проведения мониторинга всей цепи производства продовольствия, его распределения на выявление патогенных микроорганизмов и тяжелых металлов, постепенно устраняя возникающие риски (HACCP, Hazard Analysis and Critical Control Points, *кигай бунсэки дзюё канри*). Это должно обеспечить высокое качество продовольствия. Предлагается искать пути для возрождения сельских районов; поддерживать развитие более тесных связей между первичными, вторичными и третичными секторами экономики для укрепления сельскохозяйственного бизнеса, выпуска продукции с высокой долей добавочной стоимости и создания новых производств; укреплять связи между городом и деревней;

---

[10] Хэйсэй 22 нэмпан сёкурё...хакусё санко токэйхё, с. 58, 59, 64;. FY2009 Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan, Japan, 2010, p.38.

[11] Это – хозяйства, где свыше половины дохода семьи формируется за счет работы в сельском хозяйстве и в которых есть члены семьи моложе 65 лет, занятые в отрасли не менее 60 дней в году.

[12] Речь идет о проведении самоконтроля на каждом этапе производства, чтобы избежать сегодняшних ошибок в будущем.

поддерживать политику потребления местной продукции; содействовать развитию органического сельского хозяйства. Необходимо усилить контроль над импортной продукцией; при заключении соглашений о свободной торговле иметь в виду усиление продовольственной безопасности и повышение уровня самообеспеченности продовольствием, избегать нанесения ущерба отечественному сельскому хозяйству и сельским районам.

Как можно видеть из перечня основных пунктов нового плана, содержание большинства из них практически не отличается от того, что заявляли и часто делали в последние годы своего правления либерал-демократы. А это означает, что основные направления, намеченные ранее для развития отрасли, демократы собираются сохранить, равно, как и меры, которые должны решать те или иные проблемы. Но разберем более детально несколько основных пунктов Программы ДПЯ и по ходу изложения постараемся провести некоторые сравнения.

Прежде всего, о главном стержне программы демократов. Как это было указано в предвыборном Манифесте ДПЯ и подтверждено в новом десятилетнем плане, и что является действительно новым, это – программа поддержки сельскохозяйственных доходов путем предоставления прямых выплат (*кобэцу сётоку хосё сэйдо*) фермерам, которые выращивают на затопляемых полях наиболее важные для подъема уровня самообеспеченности продовольствием виды продукции: рис для производства муки и кормов, пшеницу и соя-бобы. Программа начата в 2010/11 фин. г., но пока только для производителей риса. Если результаты первого года ее реализации будут приемлемы, в 2011/12 фин. г. она будет выполняться и для производителей пшеницы и соя-бобов. Со временем она должна быть распространена и на хозяйства, занятые в овощеводстве, плодоводстве, животноводстве и рыболовстве. Разработчики плана считают, что эта мера сможет стать панацеей для разрешения всех трудностей аграрного сектора.

С целью добиться более интенсивного использования затопляемых полей размер субсидий определен при производстве пшеницы в 40 тыс. иен за 0,1 га; соя-бобов – в 27 тыс. иен; риса (для переработки на муку, корма и биотопливо) – в 80 тыс. иен[13].

Кроме того, предусматривается предоставление субсидий производителям пищевого риса, если розничная цена в данном году окажется ниже, чем стандартная цена за последние три года. Эта разница берется за основу для определения суммы субсидий на единицу площади. Издержки производства исчисляются в среднем за пять лет последнего семилетнего периода. Средняя розничная цена подсчитывается за последние три года. Пока что фиксированная средняя цена по стране установлена в размере

---

13 Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan FY2009, MAFF, Japan, Tokio, 2010, p.13.

15 тыс. иен за 0,1 га. Следует заметить, что компенсации в случае падения цен в форс-мажорных обстоятельствах предусматривались и ранее.

Надо также отметить, что эта субсидия полагается и тем фермерам, которые сотрудничают с правительственной программой сокращения площадей под рисом. Хотя демократы и предлагают фермерам самим решать, что им делать, но в целом они эту практику хотят сохранить. И этот аспект, как и ранее в отношении подобной политики либерал-демократов, подвергается критике со стороны ряда специалистов. Последние считают, что рис надо производить в том объеме, в котором это могут делать фермеры. Конечно, подразумеваются фермеры, которые будут иметь сравнительно большие площади и поэтому смогут снижать издержки производства. Поскольку спрос на рис (в связи с сокращением численности населения и его старением) будет, безусловно, ниже предложения, то цена упадет, и его можно будет без ущерба экспортировать в другие страны (кстати сказать, по хорошей цене, ибо японский рис на рынке котируется) взамен импорта пшеницы и другой продукции. В случае же возникновения продовольственного кризиса в мире, что осложнит и экспорт риса, и импорт необходимых японцам продуктов питания, этот рис спасет от голода японское население[14].

Необходимо отметить, что эта программа прямых выплат в поддержку дохода весьма важна с точки зрения отношений Японии с другими странами, ибо поддержка доходов не считается мерой, искажающей правила торговли. Ее применяют многие страны. Однако либерал-демократы в течение длительного времени осуществляли поддержку цен, за что их и критиковали внешнеторговые партнеры. Европа и США после принятия решений Уругвайского раунда перешли на систему поддержки доходов, Япония же продолжала осуществлять ценовую поддержку[15]. В то же время в этой программе есть моменты, вызывающие некоторые сомнения.

Основной пафос этих мер заключается в том, что субсидии выплачиваются всем без исключения фермерским хозяйствам. С социальной точки зрения эта мера очень привлекательна и понятна, но как бы демократы не столкнулись с теми же трудностями, что и их предшественники, ибо мелкие хозяйства и фермеры-совместители в таких условиях вряд ли станут сдавать землю в аренду. Более того, они могут вернуть себе обратно и ту землю, которую уже сдали в аренду. В результате перспективы появления крупных по земельной площади хозяйств и эконо-

---

[14] Подробнее о такой альтернативе см.: *С. Б. Маркарьян*. Сельское хозяйство в условиях протекционистской политики ЛДП. –Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010, с. 156–175; *Yamashita Kazuhito*. Free Trade is the Way to Achieve Japan's National Food Security. – Shoko Journal, June, 2010.

[15] Из-за поддержки цен японский потребитель платит, по подсчетам ОЭСР (2006 г.), примерно 88% общей суммы денежных средств, идущих на поддержку сельского хозяйства, в то время как в США – 17%, Европе – 45% (в 1986-1988 гг. в США и Европе этот показатель был соответственно 37и 86%).

мии на масштабах производства станут весьма проблематичными. Ясно, что демократам, как и их предшественникам, нужны голоса избирателей. Так что во многом эта акция, как и в свое время у ЛДП, является скорее политической, чем экономической. И в этом случае, как и прежде, политика привлечения голосов избирателей может обернуться провалом политики снижения издержек производства.

Ну и, наконец, что касается выращивания риса для производства кормов и рисовой муки с целью подъема уровня самообеспеченности продовольствием. И эта инициатива уже начала претворяться в жизнь прежней администрацией. По данным Белой книги за 2009/10 фин. г., уже в 2009 г. по программе регулирования производства риса площади для «альтернативного» его использования увеличились по сравнению с 2008 г. более чем в 4 раза. При этом производство риса на корма выросло почти в 3 раза, на рисовую муку – более чем в 20 раз[16]. Другими словами, и эту проблему начинали решать либерал-демократы.

Однако в связи с этим встает, например, вопрос, сможет ли эта программа поддержки производителя действительно поднять степень самообеспеченности продовольствием.

Конечно, это – благо поддерживать доходы фермеров, которые производят такую продукцию как пшеницу и сою. Но, при этом надо иметь в виду, что они уже во многом потеряли свой рынок в борьбе с иностранной конкуренцией, а вернуть его будет не так легко, тем более что большая часть импортируемой продукции весьма высокого качества.

В связи с этим серьезной проблемой может стать незначительный спрос на рис, предназначенный для переработки на муку и корма. Представители мукомольной промышленности, в частности, сомневаются в успехе этого предприятия. Дело в том, что вкус хлеба, выпеченного из рисовой муки, намного отличается от того, который получают, используя пшеничную муку. Как заметил президент «Ниппон сэйфун» Савада Хироси, рис в Японии едят уже не одну тысячу лет, а хлеб из рисовой муки для японцев – что-то чуждое[17]. Более того, специалисты считают, что ее можно использовать только для изготовления японской лапши *удон*, а для хлеба и макарон она не подходит. Расширение производства пшеницы может привести только к увеличению запасов, что тоже вряд ли можно приветствовать.

Сейчас хлеб из рисовой муки распределяется в начальные школы и в средние школы первой ступени. В 2008 г. он поступил в 8960 школ по всей стране. За один месяц 2009 г. в г. Асикага (преф. Тотиги) такой хлеб получили все начальные и средние школы первой ступени. И хотя это – обнадеживающий факт, но вообще-то такой хлеб продается с трудом, и лапша из этой муки тоже не очень нравится школьникам. Может

---

16 Хэйсэй 22 нэмпан....хакусё санко токэйхё, с. 57.

17 Nikkei. Weekly.17.05.2010.

быть, потребитель еще не привык? И вопрос теперь только в том, насколько приемлемым будет для японцев вкус хлеба не из пшеничной, а из рисовой муки.

Существует проблема и с кормовым рисом, хотя для его производства уже есть специальные сорта. В 2010 г. впервые под эгидой сельскохозяйственной кооперации 125 хозяйств должны были выращивать рис на корма и получать на это субсидию. Для того чтобы иметь на нее право, фермер должен поместить заявку в Интернете, указав сколько он сможет продать и кому (это требуется для того, чтобы предотвратить попадание риса на черный рынок). Но просьб со стороны животноводческих хозяйств не было. Представитель одного из кооперативов (Этиго Дзёэцу, преф. Ниигата) в этой связи в феврале 2010 г. пожаловался заместителю начальника отдела животноводства и кормов (о чем сообщает еженедельник «Nikkei Weekly»), что у него не достаточно покупателей риса, предназначенного на производство кормов. Чиновник министерства нашел ему в списке тех, кто хочет купить рис на корма, ферму по производству цыплят в г. Рандзан, преф. Сайтама. Соглашение было заключено, но на продажу только 250 м. т, а произведено должно было 450 тыс. И встает вопрос, куда он денет оставшееся количество?

Есть еще одно «но», связанное с этой программой. Предоставляя субсидии для поддержки доходов, новая администрация сильно сокращала бюджетные ассигнования на строительство и поддержание инфраструктуры (в 2010 г. – на 63% по сравнению с предыдущим годом[18]). Был остановлен, например, ремонт канала Асакасосуй (преф. Фукусима) длиной более 500 км. Он был построен 130 лет назад, и бетонные стены уже во многих местах треснули, и подземные воды уходят в никуда.

Эта сфера ранее всегда была объектом в основном государственного финансирования. Сейчас же считают, что ее будут обслуживать сами фермеры из своих, теперь более высоких, доходов. А это означает, что большие площади перестанут быть объектом улучшения земель. Но дело в том, что, например, в холмистых и горных районах (а это примерно 40% всех обрабатываемых площадей страны и примерно столько же объема всего производства сельскозяйственной продукции) не только очень мало хозяйств, имеющих крупные доходы, но есть много деревень, в которых остались только старики, не имеющие возможности поддерживать в должном состоянии ирригационные сооружения и дороги. Это чревато не только снижением урожайности в этих местах. Под угрозой оползней могут оказаться и населенные пункты, расположенные в долинах.

Кроме того, пока нет четкого описания механизма, как будет действовать система непосредственных выплат для поддержания доходов. Комментарии несколько разнятся между собой. Кроме того, трудно сказать, сможет ли эта система поднять эффективность сельскохозяй-

---

[18] Подсчитано по: Хэйсэй 22 нэмпан сёкурё....токэйхё, с. 140.

ственного производства и увеличить выпуск продукции с высоким уровнем добавленной стоимости. Технология достижения соответствующих результатов пока не ясна.

Подвергается критике и расчет субсидий в случае падения цен ниже издержек производства. Обозначенная фиксированная сумма равна приблизительно средней цифре потерь у производителей риса в результате сокращения площадей в целом по стране. В этом случае используемые при подсчете издержки производства близки к издержкам фермеров-совместителей (имеющих побочные доходы), которые обрабатывают примерно 40% площадей под рисом. Но для тех, кто производит рис на больших площадях, например в деревне Огата (преф. Акита)[19], размер субсидий, по мнению специалистов (в частности, президента Центра изучения внешней политики Танака Наоки), должен быть выше, ибо у них благодаря рационализации производства издержки гораздо ниже средних[20].

Выдвигаются сомнения в возможности получения весьма значительных денежных средств для поддержки доходов производителей риса и других видов продукции, поскольку сельскохозяйственный бюджет весьма ограничен. Об этом не раз писала пресса[21].

Вице-президент университета Мияги Оидзуми Кадзунуки, касаясь идеи распространения с 2011 г. системы компенсации дохода на производителей других культур или другой продукции, кроме риса, расценивал ее лишь как пиар перед очередными выборами, который не даст результатов: «До тех пор пока правительство не будет задумываться о средней и долгосрочной перспективе вместо подготовки к следующим выборам, деградация сельского хозяйства будет прогрессировать»[22].

Теперь следует обратить внимание на некоторые другие пункты плана. Безусловно, рациональным можно считать создание в рамках министерства сельского хозяйства ведомства, отвечающего за безопасность продовольствия. Речь идет о слиянии двух других ведомств – об организованном несколько ранее под эгидой того же министерства «Бюро по вопросам потребителя» и «Бюро по вопросам здорового питания», находящегося в ведении министерства здравоохранения.

Далее следует пункт о внедрении в производство систем передовой сельскохозяйственной практики и производства продовольствия, свободного от патогенных микроорганизмов и тяжелых металлов (GAP и HACCP). Эти методы пропагандируются уже в течение достаточно большого периода времени. Правда, число фермеров, которые их придерживаются, пока незначительно, но в самой идее ничего нового нет.

---

[19] В этом районе за счет государственных средств были проведены серьезные мелиоративные работы на больших площадях, которые затем были переданы переселенцам.

[20] Nikkei Weekly, 28.06.2010.

[21] См., например: The Nikkei, 03.08.2010. Утренний выпуск.

[22] Nikkei Weekly, 24.05.2010.

Что касается вопроса о развитии так называемых основных хозяйств, то прежняя администрация именно на них обращала серьезное внимание, предлагая оказывать адресную помощь тем, кто был намерен расширять производство и развивать его эффективно. И число таких хозяйств (их назвали «сертифицированными») начало расти (см. таблицу 1). В 2008 г. они давали 38% производства риса, 78% пшеницы и бобовых, 82% овощей, 67% плодовых и орехов, 87% цветов и содержали 91–95% молочного и мясного скота и свиней[23]. В новом же плане говорится лишь о необходимости создания условий, при которых эти хозяйства смогут продолжать развивать сельскохозяйственный бизнес, используя на общих условиях программу непосредственных выплат для поддержания доходов, а не предоставляя именно им какой-либо особой помощи.

Нельзя не упомянуть также, что разработчики этого плана, кроме всего прочего, считают, что для того, чтобы новая политика стала результативной, сами фермеры должны прилагать максимум усилий для увеличения стоимости своей продукции – расширять объемы производства, производить продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости, улучшать ее качество и снижать издержки производства. Таким образом, и в этом случае повторяются пассажи либерал-демократов.

Демократы предлагают развивать более тесные связи между первичными, вторичными и третичными секторами экономики для укрепления сельскохозяйственного бизнеса, выпуска продукции с высокой долей добавочной стоимости, создания новых производств (например, по утилизации биомассы) на местных предприятиях.

Новое, что вносит администрация демократов – это идея создания «шестой отрасли» (*Дай року дзи сангёка*), которая как бы объединит все три сектора народного хозяйства – первичный, вторичный и третичный в части, связанной с производством продовольствия: т. е. производство сельскохозяйственной продукции, ее обработку или переработку и доставку потребителю. Короче говоря, они фактически повторяют те же рекомендации, что давали и либерал-демократы, только облекая их в другие слова.

То же можно сказать и о рекомендации заинтересованным ведомствам объединить усилия для возрождения сельских районов, чтобы упрочить положение сельских поселений и сохранить традиционные функции района, местные ресурсы и окружающую среду.

Серьезной проблемой для демократов остается внешняя торговля продуктами питания. Именно положение в сельском хозяйстве является для Японии камнем преткновения на переговорах в ВТО или при выработке условий во время заключения двусторонних соглашений о свободной торговле. В новом плане записано, что на переговорах в ВТО

---

23 Annual Report…,2010, p.41.

надо продолжать поддерживать базисный тезис о «сосуществовании разных аграрных структур» (речь идет о том, что есть страны – экспортеры продовольствия и есть его импортеры), которые требуют разного к ним отношения, учета точки зрения той или иной страны.

Но при этом нельзя не отметить, что по некоторым вопросам нет единой точки зрения и в среде самих демократов. Достаточно сказать, что за один год сменилось три министра сельского, лесного и рыбного хозяйства.

Так, например, в конце апреля 2010 г. группа по изучению региональной стратегии партии, обсуждая кампанию предстоящих выборов в верхнюю палату, поклялась содействовать заключению договоров о свободной торговле. Однако бывший в то время министром сельского хозяйства Акамацу заявил, что Япония «не будет импортировать рис, даже если она и подпишет соглашение о свободной торговле»[24]. Вновь назначенный министр Ямада Масахико 9 июня 2010 г. заявил, что, по его мнению, трудно поддерживать такие соглашения, пока не будет уверенности, что японская деревня сумеет выстоять в условиях снижения цен (если хлынет более дешевое продовольствие) и что в таких условиях программа поддержки доходов потребует очень больших денежных средств для выплаты компенсаций (для 2011 г. он назвал цифру в 1 трлн. иен)[25].

В сентябре 2010 г. уже следующий новый министр сельского хозяйства Кано Митихико в интервью прессе заявил, что система субсидий для компенсации, в случае падения цены ниже издержек, будет пересмотрена в ближайшем будущем из-за необходимости способствовать росту объема производства и его эффективности.

Согласно положениям нового плана, по вопросу о внешней торговле продовольствием ДПЯ придерживается тех же позиций, что и ЛДП, хотя при подготовке своего предвыборного обращения представители этой партии уверенно заявляли о том, что она будет способствовать заключению соглашения об экономическом партнерстве с США и Австралией. Лишь после негативной реакции на это заявление со стороны сельскохозяйственных организаций, его редакция стала несколько иной[26]. В новом варианте заявлено, что партия будет содействовать ведению переговоров, направленных на заключение такого соглашения, только в том случае, если оно не будет включать меры, которые могут повредить развитию японского сельского хозяйства и деревни.

В этой внешнеторговой связке в настоящее время появилась еще одна проблема, решение которой во многом может значительно повлиять

---

24 Nikkei Weekly. 24.05.2010.

25 The Nikkei. 10.06.2010.

26 Несмотря на то, что доля сельскохозяйственной продукции составляет лишь незначительную часть ВВП, сельское сообщество благодаря регулярным избирательным кампаниям и весьма активной работе фермерских организаций в политическом плане представляет собой весьма серьезную силу.

на положение в аграрном секторе. Во время переговоров по линии ВТО и обсуждения положений двусторонних соглашений с рядом стран японская сторона, так или иначе, ухитрялась сохранять защитные меры для своего сельского хозяйства[27].

Речь идет об участии в переговорах по присоединению к Восточноазиатскому содружеству (создано в 2006 г. как зона свободной торговли между Сингапуром, Новой Зеландией, Брунеем и Чили. В настоящее время ряд других стран собираются вести переговоры об участии в этом содружестве. И, что очень важно для Японии, усиленно продвигать эту идею начали США – главный внешнеторговый партнер японцев. Планируется создание Транс-Тихоокеанского стратегического экономического партнерского соглашения. Если к нему присоединится и Япония (а премьер Кан Наото в начале октября 2010 г. уверенно говорил, что Япония будет обсуждать этот вопрос), то ей придется ликвидировать тарифы примерно на 5900 позиций (пока что уже заключенные соглашения об экономическом партнерстве оставили тарифы по 940 позициям, в том числе на долю сельского хозяйства приходится примерно 850). Согласно правительственным подсчетам, если Япония станет участником этого соглашения, то ее ВВП может вырасти примерно на 0,48–0,65%, если же нет, то он снизится на 0,13–0,14%[28], и что для нее особенно серьезно, она останется, по мнению председателя Японской федерации экономических организаций, «за бортом глобального экономического роста»[29].

В общем, эта проблема для Японии весьма сложная, так как поднимает очень много вопросов, например, таких как необходимость повышения эффективности сельскохозяйственного производства, наличие больших денежных средств для выплаты компенсаций фермерам (до 6 трлн. иен ежегодно), ужесточение требований со стороны США о снятии ограничений на импорт американской говядины, противостояние американским обвинениям по поводу нечестной конкуренции со стороны японской почтовой компании, поддерживаемой государством, или требования развивающихся стран о приеме иностранных рабочих, к чему Япония относится очень настороженно, и т. п.

Против участия в этих переговорах выступила часть членов ДПЯ, в том числе и парламентарии (что было связано, видимо, с предстоящими местными выборами в апреле 2011 г.). Министерство сельского хозяйства также стремится воспрепятствовать тому, чтобы Япония вступила в переговоры по этому вопросу. Оно опубликовало в связи с этим расчеты, согласно которым при ликвидации тарифов на 19 основных сельскохо-

---

[27] Речь идет, в частности, о сохранении достаточно высоких тарифов на наиболее «значимые» для нее продукты питания.

[28] The Nikkei. 28.10.10, утренний выпуск.

[29] The New York Times. 11.11.2010.

зяйственных позиций[30] будет потеряно много рабочих мест, а японское сельскохозяйственное производство недосчитается примерно 4 трлн. иен.

Наиболее резко выступают против такого соглашения сельскохозяйственные кооперативы. Председатель Всеяпонского совета сельскохозяйственных кооперативов (руководящий орган сельскохозяйственной кооперации) Мотэки Мамору заявил на пресс-конференции, что этот шаг несовместим с обеспечением продовольственной безопасности Японии, что участие в этих переговорах затруднит руководству страны поднять уровень самообеспеченности продовольствием до 50% и что кооперация выведет на митинг в день открытия Азиатско-Тихоокеанского экономического форума в Иокогаме 10 ноября 2010 г. до 3 тыс. фермеров[31]. Он подчеркнул, что вопрос, присоединяться или не присоединяться к переговорам может означать «обеспечить или разрушить будущее страны»[32].

В то же время, по подсчетам министерства экономики, торговли и промышленности, в случае, если Япония останется вне этого партнерства, то ее ВВП недосчитается свыше 10 трлн. иен и будет ликвидировано 8 млн. рабочих мест[33].

1 ноября 2010 г. правительство опубликовало основные меры, которые оно собирается предпринять в связи с возможностью присоединения к упомянутым переговорам[34], которые должны продемонстрировать приверженность Японии к свободной торговле. В частности, оно предполагает в течение 5–10 лет поднять конкурентоспособность японской сельскохозяйственной продукции на внешнем рынке путем консолидации обрабатываемой земли и поддержки экспорта, а также увеличить субсидии фермерам для повышения их доходов.

* * *

В заключение следует подчеркнуть, что сельское хозяйство, как и прежде, остается ахиллесовой пятой на фоне достаточно успешной даже в сегодняшних условиях развития японской экономики в целом. Видимо, для изменения положения в аграрном секторе за сравнительно короткий срок (а именно это уже сейчас нужно стране) без проведения структурных реформ не обойтись. Конечно, прошло слишком мало времени, чтобы дать серьезную оценку деятельности руководства страны в любой отрасли, тем более в сельском хозяйстве. Можно говорить лишь о целях и намерениях новой администрации.

---

[30] В настоящее время рис, арахис и крахмал облагаются пошлинами в размере 500–1000 %, пшеница, ячмень, масло, обезжиренное сухое молоко, свинина, сахар и шелк – в размере от 200 до 500 %.

[31] The Nikkei. 28.10.2010.

[32] The Nikkei. 29.10.2010, утренний выпуск.

[33] The New York Times. 11.11.2010.

[34] The Nikkei. 01.11.2010, утренний выпуск.

Биржевая система Японии: современное состояние и тенденции развития

С. В. Ноздрев

Основные этапы развития японского фондового рынка

Выдвижение финансового рынка Японии на одно из ведущих мест в мировых финансах по целому ряду показателей предопределялось в значительной степени уровнем его инфраструктуры и системой взаимодействия основных операторов финансового рынка и институциональных инвесторов с ее основными элементами. Развитие фондового рынка Японии, как части финансового также в конечном итоге осуществлялось на базе и по мере развития его инфраструктуры, в первую очередь торгово-расчетных систем.

В настоящее время биржевой сегмент фондового рынка Японии включает пять фондовых бирж – Токийскую фондовую биржу (ТФБ), Осакскую фондовую биржу (ОФБ), а также фондовые биржи Нагоя, Саппоро и Фукуока. В начале прошлого десятилетия в биржевой системе Японии произошли серьезные институциональные изменения. Биржи в Хиросиме, Фукуоке и Ниигате были интегрированы в состав Токийской, а Киотская биржа присоединилась к Осакской. Кроме того, с 2004 г. биржевой статус получила также система JASDAQ, первоначально образованная как внебиржевая площадка для мелких и средних фирм.

Рынок ценных бумаг Японии стал формироваться после буржуазной революции Мэйдзи и первоначально обслуживал крупные выпуски облигаций. В 1878 г. было приняты правила (дзерэй), разрешающие создание фондовых бирж в форме акционерных обществ при наличии лицензии министерства финансов. После того, как были образованы первые фондовые биржи – Токийская, а затем Осакская, на которых осуществлялась торговля государственными облигациями и акциями транспортных, текстильных и других компаний, их число начало быстро увеличиваться и через два десятилетия уже достигло 16. Биржи должны были действовать как частные предприятия и приносить прибыль. После того, как в правовые нормы деятельности бирж был внесен целый ряд существенных, а иногда и противоречивых изменений, в 1893 г. был принят окончательный вариант Закона о биржах, использующий в значительной мере опыт деятельности бирж в Англии и США. Его введение подтвердило возможность организации бирж в качестве акционерной компании, но, как

и ранее, допускало участие в форме товарищества. Юридическая база операций с ценными бумагами торговых, промышленных компаний и банков была закреплена также в Коммерческом кодексе Японии.

Финансовая система Японии, сформировавшаяся в последующие годы, характеризовалась высокой степенью зависимости капиталопотоков от рынка ценных бумаг, пирамидальной структурой собственности корпораций, невысоким уровенем государственного вмешательства, слабой базой финансирования сельского хозяйства, частнопредпринимательской и ограниченной по масштабам пенсионной системой. Проводимая финансовая политика основывалась на тесных связях быстро растущего сектора олигархического бизнеса и политической власти и обслуживающего ее государственного аппарата, что обеспечивало дзайбацу преимущества привлечения крупномасштабных средств с низкими уровнями издержек размещения через рынки ценных бумаг при ограниченных рисках потери права собственности. Сделки с акциями получили существенное развитие с начала прошлого века, когда их объемы значительно превзошли облигационные займы и банковское кредитование.

Таблица*

Структура привлекаемых источников финансирования промышленности Японии в предвоенный и послевоенный период, %

Годы	Эмиссия акций	Выпуск облигаций	Чистый приток поступлений от банковских кредитов
1931	56,5	29,9	13,6
1935	68,1	2,2	29,8
1940	38,4	8,0	53,6
1945	6,1	0,6	93,2
1950	6,2	8,5	85,3
1955	14,1	3,9	82,0

* Bank of Japan. Statistical Annual (I960).

В 30-е годы и в начале 40-х годов прошлого столетия были предприняты шаги по созданию саморегулирующихся организаций в области торговли ценными бумагами в ведущих префектурах Японии. Принятое в 1943 г. военным режимом специальное законодательство объединило все действовавшие биржи в Японскую фондовую биржу, получившую статус полуправительственной организации. Непосредственно перед окончанием второй мировой войны деятельность торговой площадки была остановлена и сделки в течение ряда лет носили внебиржевой характер.

Американские оккупационные власти предприняли комплекс мер по обновлению законодательной базы Японии в области экономики. Было принято антимонопольное законодательство, запрещающее холдинговые

компании как институты, ограничивающие конкуренцию, банкам не разрешалось держать крупные пакеты акций нефинансовых компаний, осуществлять перекрестное владение ценными бумагами, что стало существенно сдерживать развитие модели универсальных банковских структур. Наряду с ликвидацией системы довоенных дзайбацу был принят ряд законов, касающихся фондового рынка, главным из которых стал «Закон о ценных бумагах и биржах 1948 г.», основанный преимущественно на соответствующем американском законодательстве. В 1949 г. были вновь открыты фондовые биржи в Токио и семи других городах страны.

Период 1945–1951-х годов получил название «первой революции» в истории японского фондового рынка, когда были созданы условия и заложены основные механизмы функционирования бирж как его организующего элемента, обеспечивающего эффективное снабжение инвестиционным капиталом японской экономики путем создания ликвидности и стабильности курсов ценных бумаг. С мая 1949 г. возобновились торги на Токийской фондовой бирже. Важным элементом деятельности на рынке стало введение с 1950 г. системы финансирования операций с ценными бумагами специализированными фирмами.

Для характеристики результатов торгов и движения рынка с 1950 г. начал публиковаться индекс Никкэй (получивший первоначально название «Никкэй-Доу индекс»), при формировании которого полностью использовалась американская методика. С 1970 г. он рассчитывается ведущей экономической газетой Японии («Ниппон кэйдзай симбун») как средний показатель по курсам ежегодно устанавливаемого списка 225 наиболее активно торгуемых компаний страны на первой секции ТФБ. В дальнейшем в практику биржевых операций в группу Никкэй были включены новые фондовые индексы с различными охватами рынка (Никкэй –500, Никкэй –300) и отраслевой специализацией.

Развитие организованного рынка ценных бумаг Японии в 50–60-е годы проходило довольно высокими темпами. В этот период происходят весьма ощутимые структурные изменения на биржевом рынке страны. В 1966 г. был начат листинг государственных облигаций, а затем торговля конвертируемыми корпоративными облигациями. Вместе с этим расширяется организационная структура деятельности – учреждается вторая секция Токийской фондовой биржи для менее крупных компаний, для проведения расчетов с ценными бумагами стала применяться новая система клиринга и др. Для компаний, занимающихся операциями с ценными бумагами, вводится лицензионная система вместо ранее действовавшей системы регистрации.

В 60–80-е годы происходит многократное повышение курсовой стоимости акций японских компаний: Никкей-225 за этот период увеличился в 44,5 раза до 38915,9 иен (1989 г.). Это существенно повысило интерес компаний к прямому финансированию, и за указанный период

число эмиссий выросло с 379 до 716, а по сумме с 366,8 млрд. иен до 8848,6 млрд. иен. Рост курса акций японских компаний продолжался до конца 80-х годов, вследствие чего в 1960–1989 гг. капитализация японских компаний выросла в 111 раз до 630,1 трлн. иен.

Среднегодовые объемы продаж ценных бумаг на биржах выросли с 58,4 трлн. иен в первой половине 80-х годов до 260,6 трлн. иен во второй или почти в 4,5 раза. Коэффициэнт P/E только за период 1987–1989 гг. увеличился с 58.3 до 70.6 по акциям первой секции ТФБ. Эти процессы являлись одной из сторон «экономики мыльного пузыря», когда в Японии отмечался беспрецедентный рост цен всех финансовых активов и недвижимости, в которые вкладывались свободные средства, преимущественно в спекулятивных целях (сбережения населения, кредиты банков и т. д.).

Вместе с тем, значительное расширение торговых операций на японских биржах является следствием также более длительной тенденции – постепенным отходом японских копораций от сложившейся ранее системы финансирования за счет преимущественно банковских кредитов и большего использования помимо внутренних резервов и ресурсов фондового рынка[1]. Япония была вынуждена встать на путь широкомасштабной финансовой реформы. Были пересмотрены основные законы о банковской системе, фондовом рынке и страховании. Последующие шаги по дерегулированию основных сегментов финансового рынка, когда была демонтирована, хотя и частично, так называемая «стеклянная стена», ограничивающая деятельность основных групп институтов определенными участками финансового рынка, также способствовали повышению роли финансовых посредников в инвестиционной деятельности компаний.

Ситуация на фондовом рынке резко изменилась в первой половине 90-х годов. После затяжного падения цен на недвижимость и завершения кредитного бума экономика Японии вошла в полосу затяжной рецессии, последствия которой ощущаются и в настоящее время. В этот период наблюдалось массовое банкротство компаний, выросших на финансовых спекуляциях, риэлторов и банков. Падение рынка акций привело к закрытию в 1998 г. одного из ведущих брокерских домов Японии «Ямаити сёкэн», а также ряда менее крупных компаний по операциям на рынке ценных бумаг. Наряду с общим ухудшением экономической ситуации, проявились и последствия длительной переоценки ценных бумаг, особенно выпускаемых финансовыми институтами, снятия ограничений на продажу долговых бумаг с низким рейтингом.

В результате сжатия рынка выйти на предкризисный уровень оборота акций на бирже удалось лишь в начале 2005 г. Восстановление экономической активности, процесс диверсификации финансового рынка

---

[1] *Е. Л. Леонтьева.* Дефляционный кризис в Японии. Экономический журнал ВШЭ , 2006, №3, с. 352–353.

способствовали расширению торговых сделок с ценными бумагами. Однако по рыночной стоимости акций, включенных в котировочные листы, этот уровень так и не был преодолен. В 2005 г. данный показатель составил 88% от уровня 1989 г., а затем началось его резкое снижение.

Понижательные тенденции на рынке вновь усилились после вступления экономик ведущих стран в фазу глобального кризиса. На первом этапе развертывания последнего кризиса экономика Японии избежала опасности раздувания пузырей на жилищном, кредитном и сырьевом рынках. Японские банки и компании по операциям с ценными бумагами по основным показателям деятельности понесли меньшие потери, чем американские и европейские финансовые институты. В дальнейшем, однако, под воздействием роста курса иены произошло падение индексов фондового рынка, причем в наиболее сложном положении оказались корпорации с большой долей экспорта, а в дальнейшем и банковские институты, имеющие в перекрестном владении пакеты акций многих японских компаний. В результате капитализация токийского фондового рынка с июля 2006 г. по апрель 2009 г. снизилась на 34%, а индекс Никкей–225 упал ниже шестилетнего минимума.

Динамика индекса НИККЕЙ за 2005–2010 гг.*

* Источник: Росбизнесконсалтинг

Глубина последствий финансового кризиса для Японии была вызвана в немалой степени тесным переплетением факторов, определяющих движение международного и внутреннего рынков капиталов и реальной экономики. В первую очередь это проявилось через динамику фондового рынка, где курсовая стоимость японских акций находится в непосредственной зависимости от рынка США, а также на рынок ипотеки

через инструмент коллективных инвестиций в недвижимость (REIT). Наряду с биржевым рынком воздействие кризиса сказалось на выпуске корпорационных бумаг и межбанковском кредитовании, где отмечались сильные колебания базисных показателей из-за снижения курсов акций и усиливающихся опасений инвесторов в отношении нарастающих рисков. В то же время спред по корпоративным облигациям не превышал 0,5%, тогда как для США и Западной Европы эта величина в кризисный период превысила 2%.

Одной из основных причин ухудшения ситуации является зависимость японского фондового рынка от деятельности нерезидентов, на которых в отдельные периоды приходилось около 50% оборота на биржах страны. Иностранные инвесторы после появления признаков рецессии в японской экономике резко увеличили нетто-продажи ценных бумаг. Наиболее активные продажи осуществляли международные хедж – фонды, которые стали сбрасывать японские акции для обеспечения средств по маржинальным операциям, что еще сильнее провоцировало снижение котировок. Падение курсов акций принесло значительные потери для ведущих японских банков, вынудив их приступить к дополнительной эмиссии для финансирования операций.

Одновременное снижение курсов ценных бумаг и спад в экономике оказали заметное отрицательное воздействие на коэффициент собственных капитал/активов банков и долю недействующих кредитов, хотя в дальнейшем по мере выхода из кризиса положение несколько улучшилась. Однако из-за ухудшения ситуации с ликвидностью в предпринимательском секторе, прежде всего в группе малых и средних предприятий, банки ужесточили условия кредитования. В то же время последствия кризиса для личных хозяйств проявились в значительно меньшей степени, чем в США из-за относительно небольшой доли владения акциями частными инвесторами, хотя часть населения, в первую очередь старшее поколение, вложившая средства в высокоприбыльные рисковые бумаги, понесла ощутимые потери. Модель инвестирования в Японии личными хозяйствами по-прежнему кардинальным образом отличается от США. В 2008 г. наличные деньги и банковские депозиты в Японии составляли 55,2% всех вложенных средств по сравнению с 15% в США, в облигации – 3,1% (9,2%), акции – 6,1% (31,9%), инвестиционные трасты – 3,3% (11,8%), и только по страховым и пенсионным фондам показатели совпали – по 28%[2].

В условиях продолжающейся нестабильности на финансовых рынках в качестве антикризисных мер «первого эшелона» были временно ослаблены требования достаточности капитала для банков и других финансовых институтов с целью предотвратить дальнейшее ужесточение ими условий кредитования. Вследствие растущей нестабильности

---

[2] «Нендзи кэйдзайхококусё», хейсей 21 нендо, дай 2сё

на финансовых рынках они понесли серьезные убытки на курсах акций и других инвестициях, что существенно осложнило соблюдение стандартов Банка международных расчетов. Одновременно были введены налоговые льготы по установленным группам ценных бумаг, ослаблены правила обратного выкупа корпорациями своих акций. В то же время Агентство финансовых услуг Японии приняло срочные меры для стабилизации рынка акций, введя в октябре 2008 г. ограничения на непокрытые короткие продажи и приостановив продажи ценных бумаг во владении предприятиями государственного сектора. Действие этих мер в дальнейшем неоднократно продлевалось, и в определенной их части они сохранялись и в течение первой половины 2011г.

После выхода японской экономики на положительные темпы роста в 2010 г. в макроэкономической политике большое внимание стало уделяться вопросам посткризисного регулирования различных отраслей, повышению роли государства в поддержке процесса восстановления. В этот период происходит стабилизация и некоторое восстановление основных показателей развития фондового рынка, что связывается с повышением активности индивидуальных инвесторов, а также частичным возвращением на рынок компаний–нерезидентов. В этот период Никкей-225 продолжал колебаться в пределах 10.000–11.000 иен, однако с весны 2011 г. из-за неблагоприятных последствий природной катастрофы для экономики началось его снижение к уровню 9.000–9.500 иен.

Биржевая система Японии – основные элементы и особенности развития

Сложившаяся в послевоенный период мощная биржевая система является неотъемлимой частью японской экономики и играет очень важную роль в развитии японского фондового рынка. Постепенный отход от преимущественно банковской системы финансирования способствует повышению ее роли в инвестиционных потоках в межотраслевом и внутристрановом разрезах и обеспечении необходимой инфраструктры для перераспределения потоков капитала. Необходимо учитывать, что в Японии большое число акций реализуется на биржевом рынке что, в частности, связано с действовавшими до конца прошлого десятилетия ограничениями на торговлю листинговыми акциями на внебиржевом рынке и особенностями налогообложения. Рынок облигаций, как и во многих развитых странах, наоборот, является преимущественно внебиржевым.

В настоящее время основная часть торговли ценными бумагами в Японии сосредоточена на Токийской фондовой бирже. На нее приходится 95,9% оборота имеющих листинг акций (2009 г.), в то время как для Осака данный показатель составляет – 3,4%, остальных региональных бирж – всего 0,8%. Таким образом, ТФБ играет преобладающую

роль среди торговых площадок, однако в полном смсле слова эта система не является моноцентрической, хотя проходящие сейчас процессы подталкивают ее развитие в этом направлении.

В соответствии с Законом о фондовых биржах 1948 г. и последующим постановлением кабинета министров Японии ТФБ обеспечивает торговую площадку для операций японских и иностранных компаний с ценными бумагами, осуществляя мониторинг торговли, листинг ценных бумаг и обеспечивая соответствие требованиям открытия корпоративной отчетности.

В период высоких темпов роста японской экономики произошло резкое увеличение оборота биржи и в начале 90-х годов на нее приходилось более 60% всей мировой рыночной капитализации. В дальнейшем, однако, в связи с общим ухудшением ситуации в японской экономике, возникновением проблемы плохих долгов динамика этого показателя существенно замедлилась. Однако и в настоящее время она находится на третьем месте в мировом рейтинге крупнейших фондовых рынков мира, уступая только двум ведущим американским биржам – Нью-Йоркской фондовой бирже и NASDAQ. На конец февраля 2011 г. рыночная стоимость ценных бумаг на ТФБ выролса до 4019,7 млрд. долл., или на 17,4%, а число компаний, прошедших листинг, составило 2289[3].

В условиях растущих объемов финансовых рынков и их дифференциации, усиления внутристрановой и международной конкуренции ТФБ и другие японские биржи оказались подвержены изменениям, характерным для всех ведущих бирж мира, прежде всего в организационно-правовой структуре с целью усиления внутренней архитектуры и обеспечения конкурентных преимуществ. Основанная в 1878 г. ТФБ в течение длительного времени имела статус некоммерческой членской организации, являющейся юридическим лицом с правами самоуправления. В 2001 г. биржа сменила свой статус товарищества (компании с членством) на акционерное общество, что делало ее членскую базу более открытой и дифференцированной, а с 1 августа 2007г. была инкорпорирована в холдинговую группу ТФБ, включающую также компании-депозитарии и расчетные центры.

Высшим управляющим органом Токийской фондовой биржи является общее собрание членов, которое решает только наиболее важные вопросы, связанные с изменением устава и деятельностью торговой площадки. Высшее управленческое звено – Совет директоров включает 15 членов, из которых 11 назначаются из других компаний и организаций, в том числе шесть членов – из компаний, котирующихся на бирже. Совет имеет право решать вопросы, не входящие в исключительную компетенцию общего собрания. Политика, правила и нормы биржевой торговли устанавливаются Советом директоров и реализуются тремя

---

[3] «Tokyo Stock Exchange Annual Report», 2011.

основными комитетами – Комитетом по аудиту, Комитетом по выдвижению, Комитетом по компенсациям (оплате труда), а также комиссией внутреннего аудита.

Президенту группы ТФБ непосредственно подчинены административный департамент, департамент регулирования листинга и департамент соответствия деятельности правилам биржевой торговли. В сложных ситуациях последний департамент имеет возможность приостановить торговлю, потребовав от компании публичных разъяснений. В целях предупреждения манипулирования на рынке действует система мониторинга поведения брокеров и движения курсов. Имеется также ревизионная комиссия, располагающая независимым штатом инспекторов, которые следят за соблюдением устава и правил действия на бирже.

Сделки по купле-продаже акций на Токийской фондовой бирже регламентируются специально определенными правилами. Главным является принцип обязательного совершения сделок на бирже, предписывающий всем членам биржи, совершающим операции с ценными бумагами, включенными в листинг, делать это только на ТФБ.

Другим основополагающим принципом является принцип конкурентных торгов, определяющий приоритетность цены и время подачи заявки. Сделка заключается в момент совпадения условий приоритетной заявки на продажу и заявки на покупку, а ценой сделки становится показатель цены в данных заявках.

В настоящее время существует три основных метода совершения сделок по купле-продаже акций на ТФБ: 1) «стандартные» схемы, расчет по которым производится на 3-й рабочий день со дня совершения сделки (Т+3); 2) «кассовая сделка»», по которой расчеты осуществляются в день ее заключения или на следующий рабочий день; 3) расчет «по мере эмиссии», т. е. сразу же после выпуска новых акций. На практике, однако, основная часть операций приходится на первую схему. Взаимозачеты по итогам торгов осуществляет Японская корпорация по клирингу ценных бумаг. С 70-х годов эта процедура происходит на «безбумажной» основе, без выписки сертификатов на право владения бумагами, путем регистрации такого права в специальной электронной «книге учета».

Для регистрации и депонирования акций и корпоративных облигаций создан Японский депозитарный центр ценных бумаг, в котором размещены расчетные счета основных институциональных участников рынка.

В соответствии с правилами деятельности на ТФБ участниками торговли могут быть: регулярные члены (компании по ценным бумагам, которые могут вести операции, как за свой счет, так и в интересах клиента); саитори (компании по ценным бумагам, являющиеся посредниками между регулярными членами биржи); специальные члены (компании, связывающие биржевые рынки, выполняющие на Токийской фондовой бирже те приказы, которые не могут быть выполнены на региональных

биржах) и другие члены; небанковские компании по ценным бумагам (находящиеся в ассоциированной связи с банками).

Основными операторами на биржах являются институциональные владельцы ценных бумаг, однако внутри этой группы в последние годы происходят серьезные изменения. За 2003–2009 гг. удельный вес японских компаний, непосредственно участвующих в торговле ценными бумагами на трех основных биржах (Токио, Осака, Нагоя) за свой счет, снизилась с 32% до 26,5%, банков – с 9,4% до 5,8%, в то время как доля иностранных компаний выросла с 33,2% до 39,0%. Несмотря на определенные колебания, повышается доля индивидуальных владельцев акций – с 18,2% до 21,5%[4].

При этом необходимо учитывать, что торговля на этих площадках ведется преимущественно через членов биржи. Это – компании по операциям с ценными бумагами («Номура», «Дайва», «Никко Кордеал»), а другие компании и индивидуальные лица могут осуществлять такую торговлю только через посредников. Таким образом, компании по ценным бумагам выступают в роли брокеров и дилеров, при этом дилерская торговля оказывает большое воздействие на динамику рынка. Одновременно на эти компании возлагается обязанность рассмотрения получаемых заявок с целью недопущения инсайдерских операций и иных видов манипулирования на рынке.

С середины 80-х годов на ТФБ отмечается рост рынка производных инструментов, число контрактов и объемы торговли которыми расширились в соответствии с общими тенденциями мирового фондового рынка. Основные операции осуществляются по двум видам фьючерсных контрактов, т. е. стандартных обязательств на поставку биржевого актива в указанный в контракте срок по цене, определенной сторонами при совершении сделки. Основные фьючерсные контракты по стоимостному объему приходятся на фьючерсы на базе индекса TOPIX, в том числе по отдельным отраслям экономики, а также 5–10-летних государственных облигаций, участниками на данном рынке выступают преимущественно японские компании по операциям с ценными бумагами и иностранные финансовые компании.

Устойчиво увеличиваются объемы операций на ТФБ с опционами, т. е. финансовыми контрактами, дающими право покупателю купить или продать ценную бумагу по оговоренной цене в определенное время (дата истечения опциона). Практикуются опционы на базе индекса TOPIX, отдельных акций компаний и облигаций японского правительства.

Акции компаний, имеющих листинг на Токийской фондовой бирже, делятся на три основные группы: «первая секция» (наиболее крупные компании), вторая секция и акции секции «Mothers» для быстрорастущих компаний с венчурным капиталом. Компании, впервые проходящие

---

[4] «TSE statistical monthly», 2003–2010.

процедуру листинга, попадают, за редкими исключениями, во вторую секцию и по итогам делового года могут быть переведены в первую секцию, компании секции «Mothers» также могут быть переведены в первую и вторую секции ТФБ. И, наоборот, компании, не соответствующие по итогам финансового года требованиям первой секции, переводятся во вторую секцию биржи. На конец марта 2011 г. на первой секции ТФБ котировались акции 1686, на второй секции – 430, секции Mothers – 176 компаний, за год их число сократилось соответственно на 2, 22 и 7 компаний.

Большая часть компаний, имеющих листинг на первой секции ТФБ, включены также в котировочные листы фондовых бирж Осака и Нагоя. С целью привлечения крупных институциональных инвесторов из-за рубежа в ноябре 2010 г. было объявлено о введении системы «удаленного членства» первоначально для гонконгских, а затем и американских брокерских компаний[5].

Ведущим показателем движения биржевых курсов акций на ТФБ является индекс TOPIX (Tokyo stock price index), впервые опубликованный 1 июля 1969 г. с базовым значением 100 пунктов. Он рассчитывается как средневзвешанное значение курсов ценных бумаг компаний, котирующихся на первой секции ТФБ. Индекс первоначально использовался в торговой системе биржи, где учитывалось общее число выпущенных акций, и затем перенесен в систему с учетом только тех акций, которые находятся в свободном обращении. Несмотря на технический характер изменений, они оказали заметное влияние на индексные показатели, поскольку у многих японских компаний большое количество акций находилось в перекрестном владении и не выводилось на рынок. Список компаний, включаемых в индекс, пересматривается два раза в год – в январе компании могут быть добавлены или удалены из списка, в июле – только добавлены. Индекс вычисляется каждые 15 секунд в рабочие дни биржи.

По мнению ТФБ, данный индекс носит более широкий характер и имеет определенные преимущества по сравнению с индексом Никкей. В первую очередь он позволяет избегать излишнего влияния средних по размеру компаний. Компоненты индекса более точно соответствуют сложившейся структуре и в целом более полно и своевременно отражают изменения японского рынка ценных бумаг. Наряду с основным индексом Токийская фондовая биржа вычисляет также серию субиндексов по разичным группам компаний в зависимости от размера капитала, ликвидности ценных бумаг, перспектив выплаты дивидендов, отраслевой принадлежности и т. д., используемых инвестиционными фондами при сравнительной оценке текущей и будущей стоимости портфелей.

---

[5] The Trade News, 30.03 2011.

С 1982 г. для акций второй секции и частично первой секции была внедрена система CORES (Computer assisted order routing and execution system) – компьютеризованная система маршрутизации и исполнения через терминальные устройства. В нее были также включены CORES F – торговая система по фьючерсам и CORES – O – торговая система по опционам на фондовые индексы. С 1990 г. на ТФБ стала действовать система FORES (the Floor Order Routing and Execution System) – система маршрутизации и исполнения заявок в операционном зале биржи.

Тем не менее, до весны 1999 г. основным методом торговли продолжал оставаться открытый двойной аукцион: торговля с голоса «в толпе» на бирже, когда курс открытия устанавливался залповым методом. Заявки поступали на биржу из контор фирм-членов по телефону или на терминалы компьютеров, а затем передавались сотрудникам фирм, работающим в торговом зале. В дальнейшем, однако, биржа перешла на полностью компьютеризованную обработку заказов.

В настоящее время на Токийской фондовой бирже действует система непрерывного аукциона, предполагающая наличие постоянной конкуренции между продавцами и покупателями ценных бумаг. Все заказы (лимитные или рыночные) группируются брокерами или дилерами и располагаются на табло в соответствии с ценовыми или временными приоритетами. В соответствии с ценовыми приоритетами определяющую роль играет цена продавца на ее низшем уровне (цена покупателя на высшем уровне). В соответствии с временным приоритетом преимущество имеет более ранний заказ. При этом рыночные заказы являются приоритетными по отношению к лимитным. Далее происходит сопоставление условий заказов и предложений и исполнение сделки.

На ТФБ используется два основных вида транзакций – «итоесэ» и «дзараба». При открытии и закрытии торгов используется метод «итоесэ». Он предусматривает исполнение заявок без использования временных приоритетов в определенном порядке. Если заказ покупателя/предложение продавца производится соответственно с более высокой или низкой ценой чем цена открытия, то сделка будет заключена по данной цене. Для продолжающейся торговли, когда цена открытия уже определена, применяется метод «дзараба», то есть выполнение отдельных индивидуальных сделок. Все заказы соотносятся с помощью мощной вычислительно-информационной системы, которая ведет учет предложений и сообщает об их поступлении. Сделки вне биржи допускаются только в случае, если на этом настаивает заказчик, с учетом ценовых рекомендаций Японской ассоциации дилеров ценных бумаг.

В дополнение ТФБ имеет возможность применить ряд мер для предотвращения краткосрочных колебаний цен на бирже. В случае нарушения дисбаланса на рынке устанавливаются специальные котировки предложения или покупки после поступления такого же заказа от покупателей. Если же дисбаланс по предлагаемым ценам котировок про-

должается, используется система специальных котировок в рамках определяемых биржей пределах их обновления. ТФБ устанавливает также пределы колебания цены в иенах по отдельным сделкам для ограничений колебаний цен на акции в течение дня, а также предусматривает временную приостановку заключения сделок при превышении установленного показателя.

После внесения изменений в Коммерческий кодекс в 2001 г. обязательное минимальное количество акций в стандартном лоте было отменено, и теперь их число определяется в соответствии с внутренним регулированием компании – эмитента.

Расширение деятельности Токийской фондовой биржи оказало значительное влияние на разработку ее корпоративной философии, т. е. набора установленных правил, которым ТФБ и аффилированная с ней группа компаний следуют в процессе реализации своего бизнеса. Наряду с конкретизацией плановых наметок по развитию управленческой системы биржи и процедуры принятия решений, корпоративная философия включает и корпоративную этику для развития дружественных отношений с компаниями и индивидуальными инвесторами, формирования положительного имиджа биржи в обществе, особенно с точки зрения понимания социальной ответственности деятельности биржи.

Предоставляемая ТФБ информация позволяет инвесторам делать оценку текущего положения на рынке и определять, насколько высоки или низки биржевые курсы, принимать более точные инвестиционные решения. Учитывая запросы инвесторов к данным по движению курсов акций, ТФБ до открытия аукциона помещает информацию, где указываются равновесные цены покупки и предложения и следующие четыре котировки по лучшей цене. Данная котировка меняется вплоть до открытия сессии по мере поступления заказов и предложений. Эти данные предоставляются компаниям по торговле ценными бумагами и информационным посредникам, в то время как индивидуальные инвесторы могут получить доступ к данной информации, заключив соглашение с одной из этих компаний.

Развитие электронных систем обработки и передачи информации на Токийской фондовой бирже в значительной степени было связано с необходимостью преодоления имеющихся инфраструктурных ограничений по торгам в условиях быстрого расширения японского рынка ценных бумаг.

На первом этапе, с начала 90-х годов прошлого века были компьютеризованны некоторые виды биржевых операций, такие как, например, размещение и подбор соответствующих друг другу приказов. Далее стала использоваться система размещения заказов через Интернет для пакетов акций, в случае, когда объем сделки был меньше минимально установленного для операций на торговой площадке. В апреле 1999 г. перестала существовать система напольной торговли, и все транзакции

стали проводиться в электронном режиме. Это привело к заметному сокращению числа трейдеров и биржевых клерков, работающих на бирже.

В настоящее время компьютеризованная система биржевой торговли на ТФБ включает:

1) размещение заказов инвесторов через специальную автоматизированную торговую сеть участников биржи;

2) регистрацию и обработку торговой системой заказов в зависимости от торгового участника, названия/кода выпуска, размеров заказа (объем по стоимости), его типа (продажа/покупка) и времени выдачи;

3) исполнение заказов в соответствии с действующими торговыми правилами: отчеты об исполнении автоматически направляются участникам торгов в электронном виде;

4) в дополнение к обработке и исполнению большого количества сделок ТФБ в режиме реального времени распространяет информацию о состоянии рынка, в том числе о текущем курсе по группам ценных бумаг и их наличии на рынке.

Наряду с торговлей через аукционы с ноября 1997 г. на ТФБ начала действовать внеаукционная система для проведения торгов крупными партиями акций и конвертируемых облигаций на основе переговоров и набора определенных групп ценных бумаг (не менее 15 эмиссий с общей стоимостью 100 млн. иен), в основном между крупными инвестиционными компаниями. В целях ее расширения была сначала введена система TOSTnet-1, а затем система TOSTnet-2 для индивидуальных инвесторов, которая позволяет покупать акции по ценам закрытия предыдущего торгового дня и по средневзвешенным ценам текущей сессии. С начала 2008 г. действие системы внеаукционных торгов значительно расширилось. Она стала действовать и во время аукционной торговли, также была введена практика обратной покупки ценных бумаг (TOSTnet-3).

Вместе с тем, несмотря на широкое внедрение средств электронной автоматизации на Токийской фондовой бирже, вопросы создания достаточно устойчивой технологической базы для организационного управления биржевыми операциями по-прежнему остаются одной из основных проблем деятельности ТФБ.

В значительной мере это связано с общетехнологическими вопросами организации обработки информации (формирование оптимального режима диалога, определение коллективных форм переработки информации, выработка процедур общения с базами данных и др.), а также выбором эффективных технических средств, необходимых для проведения подобной работы. Серьезные проблемы ставит постоянное увеличение объемов биржевой информации, которую необходимо хранить, анализировать, обрабатывать, передавать на большие расстояния и т. д.

В середине текущего десятилетия в системе электронной торговли Токийской фондовой биржи произошел ряд крупных технических сбоев,

повлекших в дальнейшем серьезные организационные подвижки. В ноябре 2005 г. после установки нового компьютерного оборудования на бирже произошли самые серьезные в ее истории системные неполадки, когда вследствие зависшей операционной системы компании «Фудзицу» торги были приостановлены более чем на четыре часа. В конце того же года крупные убытки (около 350 млн. долл.) получила вышедшая с первоначальным размещением своих акций рекрутинговая компания J-Com, как вследствие ошибки персонала биржи, так и отсутствия достаточных технических процедур для ликвидации этих ошибок. Прежнее руководство ТФБ было вынуждено уйти в отставку, а новое – принять целый пакет обязательств по перестройке работы биржи.

Руководство ТФБ было вынуждено отложить «на период после 2010 г.» первое публичное размещение акций и выход на рынок с новыми финансовыми продуктами вследствие невозможности обеспечить приток запланированных средств, в значительной мере из-за оттока капиталов нерезидентов. Неблагоприятно сказалось и решение арбитражного суда отсрочить на неопределенное время рассмотрение иска к ТФБ компании «Мидзухо Секэн» на сумму 41,5 млрд. иен с требованием возмещения убытков, понесенных вследствие ошибки в размещении крупного заказа из-за неполадок в компьютерной системе биржи. С целью сдержать уход компаний с площадок из-за снижения их хозяйственных показателей (делистинг) Токийская фондовая биржа снизила требования к минимальному капиталу, более чем на 30% были сокращены выплаты управленческому составу. Проведение IPO связывалось с укреплением финансовой базы для новых инвестиций в системы биржевой торговли следующего поколения, чтобы обеспечить конкурентные преимущества на этапе глобальной консолидации фондовых бирж, и ее задержка усилила опасность отставания от NYSE Euronext, Nasdaq Stock Market и других крупнейших мировых площадок.

Заметное воздействие на трансформацию японского фондового рынка оказывает процесс его интернационализации. Японский рынок ценных бумаг стал привлекать иностранных инвесторов еще в 70-е годы, когда произошло общее заметное усиление позиций японской экономики в мире. В этот период на японском рынке стали котироваться некоторые иностранные акции, открываться представительства западных инвестиционных компаний, а также стало возможным приобретение ряда иностранных бумаг. В дальнейшем был облегчен доступ иностранных, прежде всего американских, инвестиционных компаний к японским активам, расширилась практика размещения зарубежных ценных бумаг. В целом иностранный капитал стал занимать более крепкие позиции в японской финансовой системе.

Существенное развитие получает практика выпуска облигаций в евроиенах как иностранными, так и национальными эмитентами. В 1973 г. была открыта иностранная секция ТФБ. По мере расширения масштабов деятельности ТФБ к ее деятельности стали проявлять все больший

интерес иностранные компании. Со второй половины 80-х годов число зарегистрированных на ТФБ зарубежных фирм постоянно увеличивалось и достигло к началу 90-х годов прошлого века 127 (20 фирм в 1985 г.).

В дальнейшем, однако, в связи с вступлением Японии в длительный период экономического застоя и краха «мыльного пузыря» количество акций иностранных компаний, котирующихся на ТФБ, резко сократилось и на конец 2010 г. составило лишь 12 компаний. Наряду с общей экономической конъюнктурой действия иностранных компаний вызваны жесткой процедурой листинга по сравнению с фондовыми биржами других стран, большими расходами, в частности по подготовке документов в связи с необходимостью обязательного перевода на японский язык, снижением интереса японских инвесторов к иностранным ценным бумагам.

В 1987г. из 115 профессиональных членов токийской биржи 22 приходилось на иностранные компании. В настоящее время их число также сократилось до 10 на конец 2010 г. К числу ведущих иностранных участников относятся крупнейшие американские инвестиционные компании «Мерилл Линч», «Голдман Сакс», «Морган Стэнли», немецкая компания «Дрезднер Кленворт», французская компания «БиЭнПи Париба» и др. Занимаемые ими позиции на международном рынке капиталов попрежнему оказывают сильное влияние на биржевую деятельность в Японии.

Второй по величине операций с ценными бумагами на японском рынке является Осакская фондовая биржа, хотя ее основные показатели по базисным (наличным) сделкам существенно отстают от ТФБ. На конец 2010 г. в ее котировальные листы входило 1272 компании с общей рыночной капитализацией 22 трлн.иен. Постоянное снижение в условиях острой конкуренции с ТФБ доли традиционных биржевых операций на японском фондовом рынке поставили Осакскую биржу перед необходимостью вносить существенные изменения в характер своей деятельности. С конца 80-х годов прошлого века ОФБ начала активно развивать рынок производных инструментов и вышла на лидирующие позиции в Японии, а в начале 90-х годов по фьючерсам – и среди крупнейших мировых площадок. Наиболее известным финансовым продуктом являются фьючерсы на индекс Nikkei 225, которые входят в котировки основных бирж. По оценкам, на Осакской фондовой бирже обрабатывается около 60% японского фьючерсного рынка по индексам и почти 100% рынка варрантов.

Проводимая ОФБ политика диверсификации операций и разработки новых продуктов способствует расширению операций биржи несмотря на последствия финансового кризиса. В 2009 г. было заключено 166,1 млн. контрактов, в том числе по основной их группе Nikkei 225 mini 104,7 млн. единиц или на 9,7% больше по сравнению с предыдущим годом. С конца 90-х годов ОФБ стала усиливать сегмент финансирования венчурного рынка, учредив NASDAQ Japan на основе соглашения с американской биржей.

Таблица 2*
Сравнительные характеристики некоторых бирж в США, Европе и Японии

Фондовые биржи	Капитализация (млрд.иен)	Оборот (млрд.иен)	Количество компаний, имеющих листинг	В том числе новых компаний
Нью-Йоркская фондовая биржа	1089207	1447138	2317	89
Токийская фондовая биржа	309140	355472	2101	20
Mothers	1311	3699	179	6
Лондонская фондовая биржа	260214	159096	1093	59
ЮРОНЕКСТ	236929	168332	980	15
JASDAQ	9499	4902	998	16

* Годовые отчеты бирж за 2010 г.

Значительное развитие в Японии получило прямое финансирование вновь создаваемых перспективных компаний, в первую очередь посредством торговли ценными бумагами на биржевой площадке JASDAQ для венчурных компаний и малого и среднего бизнеса. С декабря 2004 г. она была преобразована в самостоятельную биржевую компанию («JASDAQ Securities Exchange») с капиталом 103 млн. иен. После первой реорганизации JASDAQ в 1983 г. и на конец 2006 г. число котировок акций на ней выросло со 111 до 971, а оборот соответственно с 38,9 млрд. иен до 13,4 трлн. иен[6]. В дальнейшем, однако, под влиянием сокращения венчурного рынка и падения прибыльности объемы операций заметно снизились. В 2008 г. их ежедневный объем составил 18 млрд. иен, сократившись на 81% по сравнению с пиковым 2006 г.

Благоприятные условия размещения и торговли ценными бумагами способствовали привлечению быстро растущих бизнес-структур и диверсификации выпусков JASDAQ по отраслям. В дополнение к сфере услуг, торговле, высокотехнологичным отраслям определенное место стали занимать акции компаний по операциям с торговыми фьючерсами, производству оборудования для защиты окружающей среды, образовательные, медицинские учреждения, сфера развлечений и т. д. Все большее место занимают компании новых отраслей, развивающиеся в результате происходящих структурных изменений и либерализации за-

6 «Jasdaq Securities Exchange, Inc., Characteristics of JASDAQ market., 2006., p.1.

конодательства. В связи с тем, что выпуски ценных бумаг приходятся на компании ведущих экономических регионов страны, которые демонстрируют хорошие финансовые показатели и высокий потенциал роста, с точки зрения собственников значительная часть акций в посреднических операциях покупается индивидуальными инвесторами (68% в 2010 г.). Далее следуют иностранные инвесторы (15%), компании по операциям с ценными бумагами (10%) и прочие финансовые институты (7%).

Финансовые скандалы с ценными бумагами венчурных компаний в Японии, связанные с серьезными нарушениями правил биржевой торговли и, прежде всего, распространением ложной информации для искусственного повышения цены своих акций, ослабило интерес многих японцев к инвестированию в данную отрасль. После резкого снижения результатов деятельности биржевой площадки контрольный пакет (76% на сумму 5,3 млрд. иен)[7], принадлежавший Ассоциации японских дилеров по ценным бумагам, был куплен в конце 2008 г. Осакской фондовой биржей, одной из стратегических линий поведения которой является ограничение межбиржевой конкуренции по инновационным продуктам.

В апреле 2010 г. ОФБ полностью осуществила поглощение филиала, а затем его слияние со своей торговой площадкой стартапов Hercules, образовав «Новый рынок JFSDAQ», который стал ведущей торговой площадкой по финансировнию быстрорастущих компаний малого и среднего бизнеса. В 2010 г. годовой объем торгов на бирже составил 3,1 трлн. иен, увеличившись на 80% по сравнению с предыдущим годом, а число компаний в котировальном списке превысило 1000. Вместе с тем, общая ситуация в японской экономике продолжает существенно сдерживать новые вливания капитала в развитие венчурного бизнеса.

Обострение конкуренции на мировом фондовом рынке, а также технологические проблемы менеджмента фондовых операций поставили биржевые структуры Японии перед необходимостью развивать сотрудничество с другими торговыми площадками, прежде всего Северной Америки и Азии. В конце января 2007 г. между Токийской фондовой биржей и Нью-Йоркской фондовой биржей был подписан документ о намерениях создания стратегического альянса между двумя мировыми биржевыми центрами в первую очередь в области совместной разработки и использования новых направлений развития торговых систем и технологий, оказания услуг по инвестированию и эмиссии ценных бумаг, разработке инвестиционных продуктов.

В качестве первого шага в августе 2007 г. было заключено соглашение о техническом сотрудничестве, предусматривающее консультирование американской стороной ТФБ по управлению и эксплуатации

---

[7] REUTERS. 17.12. 2008.

компьютерных сетей, а также эффективному использованию действующих мощностей для обеспечения стабильности и качества биржевых операций. В марте 2011 г. биржами был подписан протокол о намерениях с целью разработки системы предоставления клиентам возможности трейдинга на обеих биржах одновременно, для чего планируется адаптировать друг к другу токийскую сеть Arrownet TM и американскую Secure Financial Transaction Infrastructure. Таким образом, клиенты TSE будут иметь доступ к рынкам NYSE Euronext, а клиенты NYSE Euronext – к рынкам TSE с их существующей инфраструктурой[8].

Выступая в качестве центрального звена финансовой структуры рынка производных, Осакская фондовая биржа также расширяет сотрудничество с иностранными площадками, как с целью продвижения своих продуктов, так и для привлечения финансовых инноваций и технологий для дальнейшего развития рынка. С 2010 г. биржа приступила к запуску новой торговой системы «J-net», позволяющей расширить операции с производными, внедрить новые функции обработки информации и повысить пропускную способность системы. В основу системы положены технологические разработки ведущего американо-скандинавского оператора NASDAQ OMX с участием японской телекоммуникационной компании NTT в качестве системного интегратора. Переход на новые операционные схемы, соответствующие последним международным стандартам финансовой отчетности, рассматривается как необходимый шаг в повышении конкурентоспособности ОФБ, существенно ускоряет взаимодействие на уровне сетей с ведущими мировыми биржами.

Вместе с тем, усиление позиций транснациональных бирж США и Европы, а в последние годы и ряда азиатских стран, обеспечивающих более выгодные условия привлечения и размещения капитала, листинга и торговой деятельности, крупные и ликвидные рынки ведет к обострению для японских биржевых институтов проблем дальнейшего расширения ифраструктуры и зарубежной деятельности. Общая тенденция консолидации бирж в условиях обострения конкуренции на международных рынках капиталов явилась движущим импульсом для проведения переговоров о слиянии Токийской и Осакской фондовых бирж, что, как ожидается, даст возможность поддержать конурентоспособность биржевой системы Японии в целом.

Препятствия на пути объединения биржевых площадок, такие как ухудшение показателей японских компаний из-за стихийных бедствий и катастрофы АЭС, необходимость первоочередного проведения IPO Токийской биржей и ряд других являются скорее всего временными, в то время как риски финансового рынка приобретают систематический характер. Вступление в конкретный этап переговоров проходит на фоне

---

8 «Expert Online», 03. 03. 2011.

достижения соглашений о слиянии и стратегических альянсах ряда ведущих бирж, включая американо-европейскую NYSE EURONEXT и немецкую DEUTSCHE BOERSE, Сингапурскую и Австралийсккую фондовые биржи и др. Поэтому развитие фондового сегмента Японии будет во многом определяться общим направлением и степенью интернационализации японского финансового рынка в целом, изменениями в соотношении сил в данной области между Японией и ее традиционными и новыми конкурентами.

Автомобильная промышленность Японии: национальные особенности

И. П. Лебедева

В 2010 г., согласно данным Мирового банка, Китай оттеснил Японию с позиций второй по мощи экономической державы, которые она занимала с конца 1960-х годов. Тем не менее, она продолжает оставаться одной из крупнейших экономик мира, а с точки зрения качества экономики между ней и Китаем сохраняется огромный разрыв.

Одной из ключевых отраслей, дающих наглядное представление о мощи и техническом уровне японской экономики, является автомобильная промышленность. На ее долю приходится около 17% общего объема промышленного производства страны и около 36% стоимости продукции японского машиностроения. Продукция автомобильной промышленности является также одной из ведущих статей японского экспорта – ее доля составляет порядка ¼. В предкризисные годы (2007–2008 гг.) объемы экспорта этой продукции достигали 180 млрд. долл., из которых основная часть – около 140 млрд. долл. – приходилась на экспорт легковых автомобилей

В автомобилестроении Японии занято около 870 тыс. человек, из них порядка 180 тыс. работают на сборочных заводах, а более 600 тыс. – на предприятиях по производству деталей. Кроме того, около 230 тыс. человек трудятся на предприятиях, выпускающих оборудование и материалы для автомобильной промышленности. Еще порядка 1 млн. человек заняты в сфере обслуживания, непосредственно связанной с автомобилестроением – начиная с дилерской сети и кончая предприятиями по утилизации машин. Иными словами, автомобильная промышленность дает работу примерно 2,1 млн. японцев[1].

В 2008 г. объем производства автомобилей в Японии достиг почти 10 млн. ед., из которых около 60% , т. е. немногим менее 6 млн. машин, было направлено на экспорт. В самой Японии в этом же году было реализовано около 4,2 млн. новых машин, причем львиную долю составили автомобили отечественного производства. Доля импорта в удовлетворении внутреннего спроса крайне мала: в 2008 г. в страну было ввезено немногим более 200 тыс. машин, что составило 5% годового объема продаж. В основном импорт представлен машинами класса люкс ев-

[1] JAMA «The Motor Industry of Japan 2010», p. (www.jama.or.jp/)

ропейского производства, предназначенных для удовлетворения спроса наиболее обеспеченных слоев населения[2].

Хотя уровень жизни японцев позволяет им довольно часто менять свои автомобили (среднемесячная заработная плата составляет порядка 4 тыс. долл., а цена автомобиля среднего класса находится в пределах 15–20 тыс. долл.), благодаря высокому качеству продукции японского автопрома и хорошо отлаженной системе послепродажного обслуживания, сроки эксплуатации машин в стране довольно велики – более 11 лет. Этим же, по-видимому, объясняются и значительные масштабы рынка подержанных автомобилей: в докризисные годы объем их реализации примерно на 1,5 млн. ед. превышал продажи новых моделей и составлял порядка 6 млн. машин в год.

Всего же в 2010 г. в эксплуатации находилось более 58 млн. легковых автомобилей со средним сроком жизни (измеряемым числом лет, прошедших с момента первой регистрации) около 7,5 лет[3].

Мировой финансово-экономический кризис, разразившийся летом 2008 г., нанес ощутимый удар по японскому автомобилестроению. Кризис начался с резкого сокращения объемов экспорта автомобилей на рынки развитых стран, которые являются основными потребителями продукции японского автопрома (на Северную Америку приходится до 40% экспорта, а на Европу – до ¼). Сократились поставки и во все другие регионы мира. Упал спрос на автомобили и в самой Японии. В результате японское автомобилестроение оказалось ввергнуто в кризис, подобного которому оно не испытывало в течение всего послевоенного периода. В 2009 г. объем производства легковых автомобилей сократился на 30% по количеству выпущенных машин и на 37% по стоимости, а объем экспорта снизился на 46% в количественном выражении и на 40% – по стоимости. Лишь осенью 2009 г. благодаря общему улучшению мировой конъюнктуры и мерам по стимулированию покупателей к приобретению новых автомобилей, предпринятым правительствами разных стран, включая и Японию, спрос на внутреннем и внешних рынках начал восстанавливаться, и японское автомобилестроение понемногу стало приходить в себя. К концу 2010 г. предкризисные объемы производства и экспорта в целом были восстановлены[4].

Что касается мер по стимулированию спроса на автомобили, предпринятых японским правительством, то следует подчеркнуть, что они распространяются, в первую очередь, на категорию автомобилей, «дружественных окружающей среде». Так, с 1 апреля 2009 г. по 30 апреля 2012 г. полностью отменяется налог на покупку автомобиля (5% от цены) и налог на мощность двигателя (взимаемый при покупке ав-

---

[2] Nippon 2010. Business Facts and Figures. T., 2010, p. 86–87.

[3] JAMA «The Motor Industry of Japan 2010», p. 11–13.

[4] Ibid.

томобиля и при прохождении техосмотра) в отношении электромобилей, автомобилей, работающих на биотопливе, машин с гибридным двигателем, с чистым дизельным двигателем и газовым двигателем. В отношении обычных автомобилей предусмотрено сокращение ставок тех же налогов от 50% до 75% в зависимости от двух критериев – степени их экономичности с точки зрения расхода топлива (он должен быть как минимум на 25% ниже уровня, предусмотренного стандартом 2010 г.) и степени их «чистоты» в плане выброса выхлопных газов (объем эмиссии должен быть не менее чем на 75% меньше уровня, предусмотренного стандартом 2005 г.). Наряду с этим покупателям автомобилей, «дружественных окружающей среде», предоставляются субсидии. Так, при замене старого автомобиля на новый субсидии составляют 250 тыс. иен (3 тыс. долл.) при покупке машины стандартных размеров и 125 тыс. иен (1,5 тыс. долл.) при приобретении мини-автомобиля, а в случае покупки новой машины без замены старой субсидии – соответственно 100 тыс. иен (1,2 тыс. долл.) и 50 тыс. иен (600 долл.).

Эти меры дают свои плоды. По данным Японской ассоциации автопроизводителей, в последнее время в Японии около 50% всех продаж новых автомобилей приходится на машины, «дружественные окружающей среде», причем особой популярностью пользуются автомобили с гибридным двигателем[5].

Конечно, меры, введенные правительством, помогли японским компаниям пережить кризис. Но при этом и сами они предприняли огромные усилия, чтобы не только выстоять в тяжелой ситуации, но и заложить основы для будущего роста.

Кризис резко актуализировал необходимость учета в стратегии роста японских автомобильных компаний двух генеральных тенденций в развитии мирового автомобилестроения, ставших особенно заметными в последние годы. Во-первых, это расширение спроса на «дружественные окружающей среде» автомобили, связанное с предпринимаемыми в разных странах мерами по противодействию глобальному потеплению и мерами по экономии энергии, во-вторых, тенденция к снижению цен на автомобили, связанная с появлением на мировом рынке (например, в Индии) новых машин, отличающихся низкими издержками производства и низкими ценами [6].

Как показывают данные последних опросов, на первый вызов японские компании намерены ответить дальнейшим наращиванием расходов на научные исследования и разработки (НИОКР), а на второй – еще большими усилиями по снижению издержек производства, включая работу с поставщиками деталей.

Масштабы затрат на сферу НИОКР японских автомобильных компаний не могут не поражать. Так, например, в предкризисные годы они

---

[5] News from JAMA Asia. Vol. 36, September 2009, p.2–4 (www.jama-english.jp/asia/news).
[6] News from JAMA Asia, vol. 39, March 2010, p. 3.

вкладывали в эту сферу ежегодно порядка 2,3 – 2,4 трлн. иен (25 – 26 млрд. долл.). Конечно, глобальный кризис, значительно ухудшивший финансовое положение компаний, привел к некоторому снижению их затрат на НИОКР: в 2009 г. их объем снизился на 16% по сравнению с предыдущим годом – до 2 трлн. иен (22 млрд. долл.), но совершенно очевидно, что это лишь временное явление[7].

О высоком уровне НИОКР, проводимых японскими компаниями, можно судить по такому показателю, как соотношение между объемами экспорта и импорта технологии и ноу-хау. В целом по обрабатывающей промышленности Японии объем экспорта технологии примерно в 4 раза превышает объем ее импорта. Что же касается автомобилестроения, то здесь эти суммы просто несопоставимы: в последние годы платежи японских компаний за импорт технологии составляли всего лишь 2–3% от доходов экспорта технологии и ноу-хау[8].

Характерно, что объемы затрат японских автомобильных компаний на научные исследования и разработки в последние годы уже вплотную приблизились к объемам их инвестиций в модернизацию производственного оборудования (в 2005–2008 гг. на эти цели направлялось в среднем около 2,6–2,7 трлн. иен в год, т. е. 28–30 млрд. долл.)[9].

Очевидно, что огромные средства, которые японские компании направляют в сферу НИОКР и обновление производственного аппарата (в последнее время в совокупности они составляли более 50 млрд. долл. в год) не только позволяют им многомиллионными партиями выпускать машины, отличающиеся безупречным качеством и замечательными функциональными характеристиками, но и закладывают основы для укрепления их позиций в мировом автомобилестроении в будущем.

Понятно, что в ожесточенной борьбе за лидерство в мировом автомобилестроении решающее значение имеют не только абсолютные размеры затрат на сферу исследований и разработок, но и сокращение времени, которое требуется на внедрение результатов научных исследований в производство. Как известно, по целому ряду направлений технологических инноваций японские компании опережают своих зарубежных конкурентов. Поскольку анализ этой проблемы требует специальных знаний и выходит за рамки задач данной статьи, приведем лишь некоторые примеры, показывающие, насколько высоки темпы технического прогресса в японском автомобилестроении и к каким ощутимым результатам приводит быстрое внедрение его достижений в производство.

---

[7] Хэйсэй 22 нэн кагаку гидзюцу кэнкю тёса кэкка (Результаты обследования положения в сфере НИОКР) – www.stat.go.jp/data/kagaku/2010.

[8] Там же.

[9] Ходзин кигё токэй тёса (Статистическое обследование предприятий-юридических лиц), 2010 (www.mof.go.jp/).

Прежде всего, следует упомянуть о достижениях японских компаний на таком направлении, как улучшение качественных характеристик машин, работающих на бензиновом двигателе, с точки зрения расхода топлива и объема эмиссии выхлопных газов. По данным Японской ассоциации автопроизводителей, по категории автомобилей, выпускаемых для внутреннего рынка, пробег автомобиля в расчете на один литр бензина увеличился с 13,8 км в 2000 г. до 16,9 км в 2008 г. Иными словами, расход топлива на один километр пути был снижен за эти годы на 18,3% . Интересно отметить, что в 1998 г. в соответствии с Законом об экономии энергии правительство поставило целью к 2010 г. довести пробег автомобиля на один литр бензина до 15,1 км. Однако благодаря усилиям японских автопроизводителей эта цель была достигнута гораздо раньше – в 2003 г., а в 2008 г. уже более 90% выпускаемых для внутреннего рынка автомобилей соответствовали стандарту 2010 г.[10]

Что касается эмиссии выхлопных газов, то, прежде всего, следует отметить, что экологические стандарты, действующие в Японии, являются одними из самых строгих в мире. В полной мере это относится и к стандартам, определяющим предельные нормы выброса выхлопных газов автомобилей.

В Японии на автомобильный транспорт приходится около 20% общего объема выбросов CO_2 в атмосферу, и автомобильные компании прилагают огромные усилия, чтобы уменьшить объемы эмиссии. Об их успехах на этом направлении можно судить по следующим фактам.

В апреле 2005 г. японское правительство приняло целевой план сокращения выбросов в атмосферу, в соответствии с которым автомобильный транспорт должен был к 2010 г. сократить объем эмиссии CO_2 до 250 млн. т. Однако, по данным Японской ассоциации автопроизводителей, эта цель была достигнута еще в 2006 г., а в 2010 г. объем эмиссии составил примерно 240 млн. т, то есть оказался на 24–25 млн. т (на 10%) меньше уровня «пикового» 2001 г. При этом главным направлением усилий японских автопроизводителей было повышение эффективности использования топлива. В 2008 г. почти 3,5 млн. автомобилей с бензиновым двигателем, отгруженных на внутренний рынок, по показателям эмиссии были сертифицированы как «дружественные окружающей среде». Из них более 2,9 млн. машин (80%) были признаны соответствующими стандарту **** (объем эмиссии на 75% ниже стандарта 2005 г.), а около 550 тыс. (16%) – соответствующими стандарту *** (объем эмиссии на 50% ниже стандарта 2005 г.)[11].

Помимо работ по созданию более эффективных и экономичных бензиновых двигателей, свой вклад в снижение эмиссии внесли и усилия в сфере разработки и производства автомобилей, работающих на альтер-

---

10 JAMA «The Motor Industry of Japan 2010», p. 25.

11 Ibid., p. 24, 26.

нативных источниках энергии, – гибридных автомобилей, электромобилей, автомобилей с газовым двигателем и с двигателем, работающим на сжиженном нефтяном газе (СНГ).

Выпуск машин этой категории быстро увеличивается. В 2008 г. в стране использовалось уже более 600 тыс. экологически чистых автомобилей, в том числе около 540 тыс. машин – с гибридным двигателем, 37 тыс. – с газовым двигателем, порядка 23 тыс. – с двигателем, работающим на СНГ, около 9 тыс. электромобилей[12].

Разработками экологически чистых автомобилей занимаются все ведущие автопроизводители Японии, но безусловным лидером среди них является компания «Тоёта» с ее новой моделью гибридного автомобиля «Prius». Кроме того, в компании разработан и прошел испытания электромобиль, который планируется вывести на рынок в 2012 г. В феврале 2009 г. продажи новой модели гибридного автомобиля «Insight» начала «Хонда», а в 2010 г. свои модели гибридов и электромобилей выпустила на рынок и «Ниссан»[13].

Японские компании стремятся к тому, чтобы занять лидирующие позиции в мире в разработке и производстве экологически чистых автомобилей, и в этом их активно поддерживает правительство, поскольку сохранение окружающей среды уже не одно десятилетие является одним из важнейших приоритетов экономической политики японского государства. Так, в 2010 г. в министерстве экономики, торговли и промышленности (МЭТП) была разработана «Программа развития производства автомобилей следующего поколения», в которой были поставлены весьма амбициозные цели по продвижению на рынок экологически чистых машин и определены основные направления, на которых нужно сосредоточить усилия, чтобы достичь поставленных целей. Так, по расчетам специалистов министерства, к 2020 г. доля экологически чистых машин в общем объеме продаж новых автомобилей на внутреннем рынке должна возрасти до 20–50%, а к 2030 г. – до 50–70%. В качестве приоритетных названы такие задачи, как разработка новых видов топлива, создание нового поколения ионо-литиевых батарей и технологии их рециклирования, минимизация использования редких металлов в моторах и батареях, создание адекватной транспортной инфраструктуры, охватывающей всю территорию страны, введение новых международных стандартов и т. д.[14].

Если учесть, что разработка подобных документов в Японии происходит обычно при тесном сотрудничестве правительства и частных компаний, то можно с большой долей уверенности предположить, что

---

12 Ibid., p. 26.

13 Мировой кризис и Япония. М., АИРО-XXI, 2010, с. 90–91.

14 Next-Generation Vehicle Plan 2010 (Outline). (www.meti.go.jp/)

заявленные в программе цели являются вполне реальными и обоснованными.

Вопросы сохранения окружающей среды включают и такой аспект, как утилизация отработавших свой срок автомобилей. Очевидно, что для Японии с ее огромным автопарком и весьма незначительными размерами территории эта проблема имеет особое значение.

В соответствии с принятым в 2005 г. Законом о рециклировании отслуживших автомобилей ответственность за их утилизацию возложена на производителей (в случае импортных машин – на импортеров). Работать над этой проблемой японские компании начинают еще на стадии проектирования, стремясь к расширению использования материалов, которые могут быть легко рециклированы, к упрощению процесса демонтажа автомобиля и сортировки материалов, к минимизации использования вредных субстанций и т. д.

Что же касается собственно процесса утилизации, то все вопросы, связанные со сбором, восстановлением, повторным использованием и уничтожением старых машин, компании – члены Японской ассоциации автопроизводителей – делегировали специально созданной структуре – Японскому центру рециклирования автомобилей. Финансовую базу центра формируют заложенные в цену автомобиля расходы на рециклирование, которые оплачивают покупатели автомобиля в момент его приобретения. Работы по всему циклу рециклирования – от сбора старых машин до их утилизации – осуществляют частные компании, финансируемые за счет средств, аккумулируемых на счетах Центра.

Особым достижением Японии в области рециклирования старых автомобилей является то, что здесь впервые в мире была введена система электронного учета всех видов операций с утилизируемым автомобилем на основе так называемых электронных деклараций или контрольных листов. Вся информация об утилизируемых машинах поступает в Центр рециклирования автомобилей. Компании-автопроизводители оказывают значительную финансовую поддержку деятельности Центра, спонсируя, в частности, работы в области программного обеспечения и создания более совершенного оборудования.

В 2009 г. в Японии было утилизировано более 3,9 млн. автомобилей, при этом степень утилизации составила порядка 95% относительно веса автомобиля[15].

Наконец, следует упомянуть и об усилиях, предпринимаемых японскими компаниями на таком направлении, как повышение уровня безопасности автомобилей.

Известно, что обеспечение безопасности на дорогах зависит от трех составляющих – качества автомобилей, квалификации водителей и состояния дорожной инфраструктуры. Количество аварий со смертель-

---

[15] JAMA «The Motor Industry of Japan 2010», p. 33–34.

ным исходом снижается в Японии на протяжении уже нескольких лет и в 2009 г. оно составило 4914. С этой точки зрения Япония является одной из наиболее благополучных стран мира, и, несомненно, в первую очередь она обязана этим высокому качеству продукции отечественных автопроизводителей.

По данным Японской ассоциации автопроизводителей, японские автомобили оснащены более чем 30 видами разного рода приспособлений, повышающих уровень их безопасности. Однако сейчас главная ставка делается на развитие так называемых интеллектуальных транспортных систем, которые с помощью информационно-коммуникационных технологий обеспечивают обмен информацией между водителем, автомобилем и дорогой (т. е. соответствующей транспортной инфраструктурой). Эта программа возведена в ранг общенационального проекта и осуществляется на основе тесного сотрудничества между правительством, частными компаниями и академическими институтами.

Быстрыми темпами расширяется использование новейших средств обеспечения безопасности – навигационных систем, систем «поддержки на дорогах», бортовой телематики и т. д. Так, в 2009 г. на внутренний рынок было отгружено 4,580 млн. навигационных систем.

Более 60% автомобилей страны оснащены оборудованием, позволяющим водителям пользоваться «умными» электронными системами приема платы за проезд (Smart Highway Toll System), установленными на скоростных магистралях и, помимо сбора платы за проезд, осуществляющими функцию регулирования плотности движения. На начало 2010 г. по всей стране было установлено уже более 50 таких систем.

Наконец, в самое последнее время на рынке появись машины с повышенным уровнем безопасности, который обеспечивают следующие элементы:

– сенсоры, контролирующие состояние дороги и автомобиля;

– компьютер, получающий и обрабатывающий информацию от сенсоров и передающий ее водителю;

– контрольный блок, основываясь на информации, полученной от компьютера, подает водителю звуковые команды и выводит на дисплей информацию, необходимую для безопасного движения[16].

Таким образом, как было показано выше, японские компании прилагают огромные усилия для развития отечественной автомобильной промышленности, повышения ее конкурентоспособности и укрепления позиций в мировом автомобилестроении. Однако мощь японских автопроизводителей не ограничивается лишь потенциалом национальных предприятий, поскольку из года в год возрастает количество машин, которые выпускаются на их зарубежных филиалах, расположенных во всех частях света. С учетом зарубежного производства в 2008 г. япон-

---

[16] Ibid., p. 36, 40-41.

ские компании выпустили около 21,6 млн. машин (9 млн. 930 тыс. – на отечественных предприятиях и 11 млн. 650 тыс. – на зарубежных филиалах), а их доля в мировом выпуске автомобилей составила 32% (совокупная доля компаний европейских стран – 23,5%, а компаний США – 23,1%)[17].

Как известно, создание крупными и крупнейшими компаниями предприятий за рубежом является одним из главных проявлений процессов глобализации. Автомобилестроение, наряду с электромашиностроением, находится в эпицентре этих процессов, и к настоящему времени все ведущие японские автопроизводители имеют филиальные сети за рубежом.

Японские компании начали создавать предприятия за рубежом еще в 1980-е годы, прежде всего, в развитых странах, стремясь таким образом преодолеть высокие таможенные пошлины, которые воздвигались на пути японского экспорта автомобилей на местные рынки. Однако в 1990-е годы, и особенно в последнее десятилетие, быстрыми темпами стала расширяться сеть японских филиалов в Азии, поскольку в целом ряде стран этого региона началась массовая автомобилизация, и японские автопроизводители стремились занять лидирующие позиции на этом многообещающем рынке. Так, за период с 1999 г. по 2009 г. объем производста на азиатских предприятиях японских компаний вырос в 3,3 раза – с 1млн. 548 тыс. до 5 млн. 145 тыс. машин в год, и сейчас на их долю приходится уже половина всех выпускаемых за рубежом японских автомобилей (на долю американских филиалов – 26–30%, а европейских филиалов – 12–16%)[18].

В азиатском регионе японские компании действительно заняли доминирующие позиции. Так, например, в странах АСЕАН более 90% выпускаемых автомобилей производится на японских филиалах или при техническом содействии японских компаний[19]. В последние годы они также заметно усилили свое присутствие в Китае, и в настоящее время мощности расположенных здесь японских филиалов составляют около 3 млн. машин в год, т. е. 30% от совокупных мощностей китайской автомобильной промышленности.

Однако, если доминирование японских компаний в автомобильной промышленности азиатских стран является вполне закономерным и естественным, то положение, которое они смогли занять в автомобилестроении развитых стран, не может не поражать.

Главным рынком для японских автомобильных компаний остаются США – самая крупная автомобильная держава мира. В США не только направляется значительная часть японского экспорта автомобилей (по-

---

17 Japan's Manufacturing Industry, p. 7. METI, July 2010 (www.meti.go.jp/).

18 JAMA «The Motor Industry of Japan 2010», p. 58.

19 «Japanese Foreign Direct Investment and the East Asian Industrial System». Ed. by H. Horaguchi, K. Shimokawa. Tokio, 2002, p.229–230.

рядка 30–40%), но и функционирует мощная производственная база японских компаний. Здесь построено 30 сборочных заводов, совокупные мощности которых составляют около 3 млн. 800 тыс. автомобилей в год. В общем объеме продаж автомобилей на американском рынке на долю японских автомобилей (как импортированных, так и произведенных в США) в последние годы приходилось около 40%, но при этом доля импортированных машин снижается, а доля произведенных на местных филиалах – повышается. Так, в 2009 г. от всего количества проданных японских автомобилей на долю импортированных пришлось 34%, а на долю произведенных в США – 66%[20].

Важно подчеркнуть, что своей филиальной сети в США японские компании отводят роль не только производственной базы, но и базы для проведения НИОКР и разработки новых моделей с тем, чтобы, используя знания и опыт американских специалистов, создавать автомобили, в максимальной степени учитывающие запросы искушенных американских потребителей. К настоящему времени создано 36 таких центров с общим числом занятых более 3,5 тыс.человек.

В США японским компаниям удалось также вполне успешно решить такую важнейшую проблему, как обеспечение сборочных заводов деталями и комплектующими, чему способствовали высокий технический уровень американских предприятий и наличие квалифицированной рабочей силы. Сеть поставщиков японских сборочных заводов насчитывает порядка 420 предприятий, среди которых есть как японские субподрядчики, пришедшие в США вслед за своими головными фирмами, так и американские предприятия. В предкризисные годы объем закупок японскими компаниями деталей и комплектующих местного производства достигал почти 50 млрд. долл в год, а их доля в общем объеме поставок превышала 80% (в отличие от азиатских стран, где она составляет в среднем 40–50%)[21].

Хотя в Европе в силу хорошо известных причин японские автомобильные компании не доминируют так явно, как в США, здесь их присутствие также достаточно ощутимо. Здесь построено 16 сборочных заводов совокупной мощностью 1млн. 800 тыс. машин в год. В предкризисном 2007 г. объем производства на европейских филиалах достиг максимального значения – 1млн. 770 тыс. единиц, что вместе с ввезенными из Японии машинами (919 тыс.) довело долю японских компаний на европейском автомобильном рынке до 16%[22].

Стремясь, так же как и в США, в максимальной степени учесть предпочтения местного населения, японские компании создали в Европе сеть

---

20 JAMA «Building in America». October 2010, p. 5, 13–14 (www.jama.org/)

21 Ibid., p. 6.

22 «Common Challenges, Common Future». JAMA 2010, p. 8. (www.jama.org/).

научно-исследовательских центров. Сейчас их число достигло 13, а численность работающих на них специалистов составляет 3200 человек.

Так же как и для США, для Европы характерна высокая доля местных предприятий в обеспечении японских сборочных заводов деталями и комплектующими. В последние годы она уже превысила 80%, а в абсолютном выражении объем этих закупок составляет 13–15 млрд. евро в год[23]. Наряду с европейскими фирмами производством деталей и комплектующих для японских сборочных заводов занимаются также более 200 японских субподрядчиков, пришедших сюда вслед за своими головными фирмами, причем почти половина из них расположены в Восточной Европе.

Обострение конкуренции в мировом автомобилестроении заставляет японские компании не только прилагать огромные усилия для укрепления позиций национальных предприятий и наращивания потенциала своих зарубежных баз, но и вступать в разного рода союзы или партнерства, как между собой, так и с ведущими мировыми производителями. Эти партнерства могут быть разными по продолжительности и по характеру связей между компаниями. Компании могут объединяться для совместного проведения НИОКР, либо для организации совместного производства или продаж автомобилей. Их могут связывать также перекрестное или одностороннее владение акциями партнера, техническое сотрудничество, сотрудничество в обеспечении поставок комплектующих и т. д.

Что касается альянсов между японскими компаниями, то на сегодняшний день отношения между ними можно представитть в виде довольно плотной сети разного рода взаимосвязей и взаимоотношений. Так, например, «Тоёта» владеет контрольным пакетом акций «Дайхацу» (51,2%) и «Хино» (50,1%), а также 16,5% акций «Фудзи дзюкогё», с которой имеет также совместный бизнес в США. Перекрестное владение акциями связывает «Судзуки» и «Фудзи дюкогё». «Исудзу» и «Хино», «Исудзу» и «Ниссан», «Ниссан» и «Мазда», «Мазда» и «Мицубиси», «Ниссан» и «Мицубиси» и т. д. Компании осуществляют либо взаимные, либо односторонние поставки деталей и комплектующих. «Тоёта» и «Ниссан» сотрудничают в разработке гибридных автомобилей. Обычной практикой среди автопроизводителей стало также использование каналов сбыта других компаний для реализации своей продукции, в том числе и за рубежом[24].

В качестве примеров сотрудничества между японскими и американскими производителями можно привести соглашение о поставке дизельных двигателей компанией «Исудзу» американской «Дженерал моторз», научно-техническое сотрудничество между «Дженерал моторз» и «Судзуки» в сфере высоких технологий, создание «Мазда» и «Форд»

---

[23] Ibid., p. 10.

[24] JAMA «The Motor Industry of Japan 2010», p. 59.

совместного предприятия «Auto Alliance International Inc.» с 50% -ными долями в капитале.

Самые разнообразные альянсы связывают японские и европейские компании. Самый яркий пример – приобретение «Рено» контрольного пакета акций «Ниссан», а следовательно, и права определять стратегию ее развития (сейчас «Рено» принадлежит 44,3% акций «Ниссан», а «Ниссан», в свою очередь, владеет 15% акций «Рено»). «Фольксваген» владеет 19,9% акций «Судзуки», а «Даймлер» – 85% акций «Мицубиси фусо». «Тоёта» и «Пежо-Ситроен» создали в Чехии совместное предприятие с 50%-ными долями в капитале.

Значительная часть японских и европейских компаний связана поставками моторов по линии производственной кооперации или конечной продукции для реализации на рынках друг друга. Так, «Фиат» поставляет «Судзуки» дизельные двигатели, а «Судзуки» – «Фиату» свои машины для реализации через диллерскую сеть. Эти компании связывает также техническое сотрудничество. «Порш» через «Фудзи дзюкогё» реализует свои автомобили на японском рынке, а «Мицубиси» через «Пежо-Ситроен» – на европейском рынке и т. д.

Но, пожалуй, самое большое число международных альянсов с участием японских компаний возникло в Китае. Здесь их особенностью является то, что основой для развития различных форм сотрудничества (от совместных разработок до производства и реализации продукции) является участие японских фирм в капитале китайских предприятий (как правило – в пределах 25–50%). При этом крупнейшие японские автопроизводители («Тоёта», «Ниссан», «Мазда», «Судзуки», «Исудзу», «Хонда» и т. д.) имеют доли одновременно в капитале нескольких китайских предприятий. Здесь можно обнаружить и трехсторонние союзы. Например, «Форду» и «Мазда» принадлежат 25%-ные доли в капитале «Changan Ford Mazda Engine», а в компании «Changang Ford Mazda Automobile» они владеют соответственно 35% и 15% акций[25].

Очевидно, что доминирование японских компаний на мировом автомобильном рынке (напомним, что их доля на нем составляет 32%), обусловлено целым рядом факторов – их огромными затратами на исследования и разработки и на обновление производственного аппарата, строгим контролем качества продукции, высоким уровнем послепродажного обслуживания, тщательным изучением потребительсеих предпочтений населения разных стран и регионов и т. д. Но немалую роль играют и особенности системы организации и управления производством японских предприятий, многие из которых сформировались под сильным влиянием национальной культуры. Мы затронем такие аспекты этой темы, как отношения между головными компаниями и их субподрядчиками и особенности управления трудом.

---

[25] Ibid., p. 60-61.

Как известно, автомобиль – это продукт сложной интегральной архитектуры, для производства которого требуются от 20 тыс. до 30 тыс. различных деталей и компонентов. Очевидно, что от качества, цены и соблюдения сроков поставки этой продукции напрямую зависят себестоимость и качество конечной продукции – автомобиля. Японские автомобильные компании большую часть – 70–80% необходимых для сборочного производства деталей и компонентов закупают у субподрядчиков, и лишь 20–30% производят сами. В этом они сильно отличаются от многих западных компаний, прежде всего американских, где соотношение между собственным производством и внешними закупками прямо противоположное – порядка 70% и 30% соответственно. Однако этим различия не исчерпываются.

Главная отличительная черта отношений между головными компаниями и их субподрядчиками в Японии – это их стабильный, долговременный характер, который становится основой для формирования головными компаниями устойчивых неформальных объединений со своими поставщиками, получивших название «*кэйрэцу*». Поскольку подобия *кэйрэцу* не существует в других странах (даже в Италии или Германии, в автомобилестроении которых субподрядные отношения распространены довольно широко), можно полагать, что эта форма деловых отношений возникла в Японии под влиянием национальной культуры, прежде всего таких социо-культурных характеристик японцев, как предпочтение долговременных отношений, стремление избегать риска, ориентация на групповые ценности, стремление к консенсусу и *ва* (гармонии).

Стержнем, объединяющим компании, входящие в *кэйрэцу,* служат производственные связи между ними, ориентированные на нужды головной фирмы. Контуры *кэйрэцу* напоминают пирамиду, на вершине которой находится головная компания, а на разных ее уровнях располагаются субподрядные предприятия. Причем, пирамида устроена таким образом, что по мере приближения к ее основанию размеры предприятий уменьшаются, а их количество возрастает.

Еще одной особенностью *кэйрэцу* является то, что среди предприятий, располагающихся на более высоких уровнях пирамиды (первом или втором) есть немало тех, кто работает не только на свою головную фирму, но и на других заказчиков (причем, головная фирма не препятствует этому, рассчитывая на снижение цен на основе эффекта экономии на масштабе). И, наоборот, по мере приближения к основанию пирамиды, где располагаются в основном мелкие и мельчайшие предприятия, возрастает доля тех, кто работает только по заказам предприятий данной группы.

Производственные связи между предприятиями в рамках *кэйрэцу* дополняются и другими видами отношений, главным из которых является участие головной фирмы в капитале субподрядчиков. Как правило,

последние представлены субподрядчиками первого уровня, т. е. располагаются на ближайших к вершине пирамиды «этажах». Что касается субподрядчиков более низких уровней, то с головной фирмой или с субподрядчиками первого уровня их могут связывать такие отношения, как предоставление заказчиком финансовой или технической помощи, оказание консультационных услуг, передача технологии, командирование специалистов и т. д.

Иными словами, *кэйрэцу* представляют собой многослойные объединения головной фирмы и ее субподрядчиков, скрепляемые связями различного характера – производственными, финансовыми, технологическими, по линии командирования персонала и т. д. Продолжительность этих связей не может не впечатлять. Так, согласно данным одного из обследований, половина субподрядных предприятий работали на свою головную фирму свыше 20 лет, около 14% – от 15 до 20 лет,16% – от 10 до 15 лет[26].

Как отмечалось выше, японские *кэйрэцу* сформировались под влиянием национальной культуры. Но совершенно очевидно, что они не смогли бы укорениться в предпринимательской структуре страны, если бы не несли в себе целый ряд рациональных элементов, т. е. не были бы экономически выгодны обеим сторонам – головной фирме и ее субподрядчикам.

Головная фирма извлекает от участия в *кэйрэцу* следующие преимущества.

Во-первых, это существенная экономия на издержках на труд за счет передачи производства значительной части деталей и компонентов на мелкие и средние предприятия, где уровень заработной платы существенно ниже, чем на крупных (часто – на 40–50%).

Во-вторых, *кэйрэцу* дают головным фирмам возможность использовать субподрядчиков в качестве «абсорбентов потрясений», т. е. пользуясь гибкостью малых предприятий и их готовностью к определенным жертвам, быстро наращивать объемы заказов в период благоприятной конъюнктуры и, наоборот, сокращать их в период падения спроса.

В-третьих, стабильные и долговременные отношения с субподрядчиками позволяют головным фирмам существенно экономить на так называемых транзакционных издержках, т. е. на затратах на поиск подходящих партнеров, на сбор информации об их финансовом положении и технических возможностях, на проведение личных встреч и переговоров и т. д.

В-четвертых, благодаря особым отношениям между партнерами в рамках *кэйрэцу* головные фирмы имеют доступ к подчас уникальной технологии, разработанной на передовых субподрядных предприятиях, что позволяет им экономить определенную часть средств, направляемых на исследования и разработки.

---

[26] Тюсё кигё хакусё (Белая книга по мелким и средним предприятиям). Токио, 1997, с. 142.

Наконец, в-пятых, *кэйрэцу* обеспечивают головным компаниям значительные экономические выгоды по существу благодаря нерыночному характеру сделок с субподрядчиками. Хотя отношения между головными фирмами и судподрядчиками не носят характера одностороннего господства и подчинения, вместе с тем их нельзя назвать полностью равноправными или симметричными. Эта асимметричность нагляднее всего проявляется в практике установления цен на продукцию субподрядчиков, которые в большинстве случаев определяются с учетом пожеланий головной фирмы. При этом обычно головная фирма соглашается с повышением цен только в том случае, если оно связано с адекватным повышением и качества продукции. Если же оно связано, например, с ростом издержек на труд или увеличением расходов на сырье и энергию, то субподрядчикам предлагается компенсировать его повышением производительности труда (причем часто головная фирма оказывает им в этом активное содействие).

Что же касается субподрядных предприятий, то их выгоды от участия в *кэйрэцу* состоят в следующем.

Во-первых, решающее значение имеет то обстоятельство, что они могут рассчитывать на получение заказов не только в краткосрочном плане, но и в долгосрочной перспективе. При этом обычной практикой является привлечение субподрядчиков к разработке новой модели автомобиля, начиная с самых ранних стадий работы.

Во-вторых, благодаря финансовой помощи и консультационным услугам со стороны головной компании положение членов *кэйрэцу* оказывается в целом более прочным, чем положение независимых мелких и средних предприятий.

В-третьих, поскольку головные фирмы заинтересованы в получении от субподрядчиков продукции высокого качества и снижении издержек производства, они активно содействуют повышению их технического уровня (путем передачи технологии, проведения совместных НИОКР и т. д.). В результате такого сотрудничества немало судподрядчиков настолько укрепляют свои позиции, что со временем вырастают до фирм средних размеров и даже становятся независимыми от головной компании.

Долговременные и стабильные отношения между партнерами в рамках *кэйрэцу* приводят к выработке определенной деловой этики, главная черта которой – готовность каждой из сторон принять во внимание затруднительное положение партнера и даже пойти на определенное ущемление своих интересов, чтобы дать ему возможность выстоять в трудной ситуации. Поэтому, например, головные фирмы не спешат передавать заказы аутсайдерам, предлагающим продукцию по более низким ценам, чем их субподрядчики, а стремятся помочь им снизить издержки и довести цены до уровня цен конкурентов. Вместе с тем, субподрядчики готовы пожертвовать определенной частью прибыли и удовле-

творить просьбу головной фирмы о снижении цен, когда это важно для расширения ее доли на рынке или завоевания новых рынков.

Понятно, что только при таких отношениях могла возникнуть широко известная во всем мире система организации субподрядных работ *кэйрэцу* «Тоёта», получившая название «камбан» или «just in time» (точно вовремя).

Эта система позволяет «Тоёта» достигать практически полной синхронизации работы своего сборочного конвейера и поставщиков деталей различных уровней, избегать сбоев в процессе производства и сокращать до минимума запасы деталей и комплектующих. Она основана на постоянном обмене информацией между всеми «этажами» *кэйрэцу*. В 1980-е годы, когда эта система зарождалась, информация о количестве, времени и месте доставки необходимых деталей передавалась по цепочке на деревянных дощечках (по-японски – *камбан*). В настоящее время это делается с помощью информационной техники. Сначала была достигнута подневная синхронизация работы головной компании и субподрядчиков, при которой уровень запасов рассчитывался на один день. Затем последовал переход к почасовой синхронизации, позволивший рассчитывать уровень запасов на один-два часа. Сейчас «Тоёта» вплотную приблизилась к синхронизации работы всех звеньев производственной цепочки в режиме реального времени, когда основной конвейер и все уровни поставщиков деталей работают как единый механизм, в едином ритме и на основе общего плана производства.

Систему *камбан* часто называют «издевательством над субподрядчиками», имея в виду жесткие рамки, в которые она ставит поставщиков деталей. Но эффективность этой системы очевидна. Так, если у европейских компаний время от разработки дизайна до запуска автомобиля в серийное производство составляет три года, то у «Тоёта» – один год (на европейских предприятиях «Тоёта» – два года) [27].

Как отмечалось выше, *кэйрэцу* являются неформальными объединениями. Это означает, что каждая из сторон сохраняет известную степень свободы и может действовать, сообразуясь не с нормами деловой этики *кэйрэцу*, а со своими интересами. Например, головная компания может отказаться по тем или иным соображениям от услуг определенных субподрядчиков, или, наоборот, субподрядчики могут разорвать отношения с головной фирмой или предприятиями группы и начать работать на других заказчиков. Иными словами, при сохранении в целом неизменными принципов организации *кэйрэцу* под влиянием разного рода обстоятельств их состав и контуры со временем могут меняться, в определенных частях или слоях группы может произойти усиление центробежных тенденций, сопровождаемое отходом от прежних прин-

---

[27] Доклад профессора университета Хосэй С. Мацусима «Средний и малый бизнес Японии» на симпозиуме «Промышленные кластеры». Москва., сентябрь 2007 г., с. 6.

ципов взаимоотношений между предприятиями и переходом к отношениям рыночного типа.

Именно это и происходит с японскими *кэйрэцу* в последние 10–15 лет, а решающим фактором, предопределившим эти перемены, стала глобализация производства ведущих автомобильных компаний Японии. Глобализация сопровождается не только закрытием некоторыми фирмами сборочных заводов в Японии, но и непрерывным нарастанием масштабов производства деталей и компонентов за рубежом (напомним, что в Европе и США доля местных предприятий в поставках деталей на японские сборочные заводы составляет порядка 80%, а в Азии – 40–50%). Но что еще более важно, с середины 1990-х годов начались поставки деталей и компонентов, произведенных за рубежом, на сборочные заводы, расположенные в самой Японии.

Первым шагом в этом направлении стали поставки некоторых деталей из США, начавшиеся в 1994 г. Вслед за этим последовали поставки из Южной Кореи и некоторых других азиатских стран. Этот процесс набирал все большую силу, и дело дошло до того, что в 1996 г. впервые в истории японского автомобилестроения на машины, предназначенные для внутреннего рынка, были поставлены двигатели, произведенные в Индонезии.

Понятно, что следствием всех этих перемен стало абсолютное сокращение базы субподрядных работ в японской автомобильной промышленности, а в их организации начали происходить изменения, которые раньше казались просто немыслимыми.

Во-первых, головные компании «перешагнули» границы своих *кэйрэцу* и стали размещать заказы у «чужих» субподрядчиков или у независимых мелких и средних фирм, если это было экономически более выгодно, чем закупки внутри *кэйрэцу*.

Во-вторых, головные компании начали налаживать сотрудничество в области унификации и стандартизации используемых деталей с тем, чтобы за счет концентрации заказов у наиболее эффективных субподрядчиков снизить издержки производства на основе эффекта экономии на масштабе. В частности, в середине 1990-х годов шесть ведущих компаний под руководством министерства внешней торговли и промышленности разработали план по унификации более 80 основных деталей.

В результате этих действий число субподрядных предприятий, входивших в *кэйрэцу* головных фирм, стало довольно быстро сокращаться. С одной стороны, от *кэйрэцу* «отпали» наименее эффективные субподрядчики (многие из которых вообще прекратили свое существование). С другой стороны, немало сильных предприятий, которые еще в прежние годы стремились снизить степень зависимости от головной фирмы путем расширения круга заказчиков, постарались приобрести реальную независимость.

Общим итогом всех этих изменений стало сокращение размеров и размывание контуров пирамид *кэйрэцу*, изменение характера отношений между входящими в них предприятиями. На поведение как головных фирм, так и их субподрядчиков все большее воздействие стали оказывать соображения экономической целесообразности, в то время как влияние традиционных норм и правил деловых отношений относительно уменьшилось[28].

Таковы общие направления перестройки *кэйрэцу* автомобильных компаний Японии. Однако в реальной действительности можно обнаружить самые разные типы их адаптации к новым условиям развития. В частности, прямо противоположные модели демонстрируют две крупнейшие автомобильные компании – «Тоёта» и «Ниссан».

«Тоёта» избрала курс на укрепление своей группы, для реализации которого предпринимает следующие шаги.

Во-первых, она увеличила свою долю в капитале некоторых компаний, формирующих ядро ее *кэйрэцу*, а также командировала дополнительное число людей «Тоёта» (т. е. служащих головной фирмы) на высшие посты в свои дочерние и зависимые фирмы.

Во-вторых, «Тоёта» расширила оказание помощи своим традиционным поставщикам в проведении НИОКР, а также вместе с некоторыми компаниями группы участвовала в создании новых предприятий, специализирующихся на разработке и производстве новейших технологий.

В-третьих, с целью повышения эффективности финансовых операций группы в 2000 г. она создала специализированную финансовую компанию «Кинъю сокацу гайся» (со 100%-ным участием в ее капитале), задачей которой является содействие группированным фирмам в получении финансовых ресурсов и управлении ими.

Наконец, в-четвертых, к своей стратегии глобализации «Тоёта» стремится привлечь своих наиболее важных субподрядчиков с тем, чтобы снизить риски, связанные с налаживанием производства за рубежом. (Так, в Китай, например, вместе с «Тоёта» пришли более 60 ее субподрядчиков)[29].

Совсем другую линию избрала «Ниссан», которая стала классическим примером компании, идущей по пути развала *кэйрэцу*. В немалой степени этому способствовало приобретение в 1998 г. контрольного пакета акций «Ниссан» французской «Рено», следствием которого стал приход на высшие управленческие должности западных менеджеров во главе с К. Гоном (который вначале возглавил Совет директоров, а позднее стал президентом). Разработанный его командой «План ожив-

---

[28] Подробно см.: *И. П. Лебедева*. Япония: промышленность и предпринимательство. М., «Восточная литература» РАН, 2007, с. 121–143.

[29] Там же, с. 141–142; *Уэхара Осаму*. Гуробару сэнряку тётацу кэйэй (Управление поставками в рамках стратегии глобализации). Токио, 2010, с. 89–90.

ления компании», представленный в конце 1999 г., наряду с закрытием в Японии трех сборочных заводов и увольнением более 20 тыс. рабочих предусматривал, в частности, сокращение почти наполовину (примерно до 600 человек) числа работавших на «Ниссан» субподрядчиков. Если в 1999 г. «Ниссан» имела долю в капитале почти 1400 компаний, то к 2004 г. с целью увеличения притока наличности она избавилась от акций практически всех этих предприятий (за исключением четырех). План К. Гона предусматривал также сокращение на 20% издержек производства (относительно уровня 1999 г.) к марту 2003 г., и основное бремя по решению этой задачи было возложено на оставшихся субподрядчиков. В этих условиях целый ряд сильных специализированных фирм сами покинули *кэйрэцу* «Ниссан». Сейчас постоянные тесные отношения «Ниссан» поддерживает с весьма ограниченным кругом наиболее важных поставщиков (порядка 190). Что же касается остальных, то с ними отношения строятся на рыночной основе, а всеми сделками занимается специально созданная «Ниссан» и «Рено» совместная компания[30].

В той или иной степени пострадали в последнее десятилетие и *кэйрэцу* других автомобильных компаний Японии. Так же, как и в случае с «Ниссан», этому в немалой степени способствовало приобретение западными компаниями крупных пакетов их акций и приход на руководящие должности западных управленцев, а также нового поколения японских менеджеров, получивших образование на Западе[31]. Под давлением своих западных акциедержателй практически все они взяли курс на отбор поставщиков по критерию ценовой конкурентоспособности и снижение издержек за счет концентрации заказов на определенных предприятиях.

Однако, хотя эти меры и привели к снижению издержек производства, есть признаки того, что японские автопроизводители вновь начали поворачиваться лицом к своим *кэйрэцу*. Оказалось, что западный путь снижения издержек имеет свои пределы и что для обеспечения ценовой и неценовой конкурентоспособности в долгосрочном плане гораздо более надежен японский вариант – работа в рамках стабильных долговременных отношений с субподрядчиками над повышением качества и совершенствованием производства, начиная со стадии исследований и разработок.

О возвращении японских компаний к этой практике свидетельствует, в частности, происшедшее в последние годы оживление работы (после многолетнего перерыва) бизнес-клубов нескольких *кэйрэцу*, объединяющих ведущих поставщиков деталей (в частности, «Мазда», «Мицубиси дэюкогё» и даже «Ниссан»).

---

30 *Уэхара Осаму*. Гуробару сэнряку тётацу кэйэй, с. 90–91.

31 Так, на начало 2000-х годов Дженерал моторз принадлежало 49% акций Исудзу, 20% акций Судзуки и 21% акций Фудзи дзюкогё; Форд владел 334 % акций Мазда, а Даймлер-крайслер – 37,3% акций. – «Мицубиси дзизося» («Кэйдзай», 2002, №11,с.72).

И хотя нынешние *кэйрэцу* не имеют таких четко очерченных границ, как прежде, а число входящих в них предприятий существенно сократилось, тем не менее особый характер отношений между головной фирмой и ее субподрядчиками продолжает сохраняться. Об этом, в частности, говорят и эксперты Японской ассоциации автопроизводителей. По их мнению, отношения в рамках японского автопрома, в настоящее время состоящего из 14 головных компаний, примерно 800 субподрядчиков первого уровня, порядка 4 тыс. субподрядчиков второго уровня и 20 тыс. субподрядчиков третьего и более низких уровней – нельзя назвать просто деловыми отношениями, поскольку они основаны на взаимном доверии и на стремлении совместными усилиями создавать высококачественную продукцию дешевле и быстрее, чем у конкурентов[32].

В жизнеспособности *кэйрэцу* не сомневается и японский экономист О. Уэхара, полагающий, что в эпоху глобализации, когда происходит обострение конкурентной борьбы, значение *кэйрэцу* как формы обеспечения надежных поставщиков, будет только усиливаться[33].

Автор настоящей статьи полностью разделяет это мнение.

---

[32] News from JAMA Asia. Vol. 38 / February 2010, p. 1.

[33] *О. Уэхара.* Гуробару сэнряку тётацу кэйэй, с. 78.

Особенности художественной культуры в Японии

М. П. Герасимова

Японское искусство с самых древних времен отличалось высокой художественностью. Доказательством являются дошедшие до нас превосходные образцы не только изящных искусств, но и тех, которые западная традиция называет декоративно-прикладными. Это свидетельствует о том, что в Японии никогда не было разницы между искусством и ремеслом. Слово *бидзюцу*, которое принято переводить как «изящные искусства», применялось и к искусству в целом, и к умению оформлять предметы быта. Так, В. Бубнова отмечает, что «для японца нет большого и малого искусства, для него *какэмоно*[1] не только картина с глубоким содержанием, но и прекрасно сработанная и оформленная вещь, а глиняная чашка не только полезный предмет, но и продукт труда, в который был вложен дух искусства»[2].

Однако понятия «искусство», также как слова «искусство» в японском языке до середины XIX в. не было. В 1880–1890-х годах в ходе реформ, направленных на модернизацию Японии после реставрации Мэйдзи 1867 г., в результате знакомства с западной научной методологией, в том числе и с различными эстетическими теориями, в среде образованной части общества начались бурные дискуссии о том, что именно следует называть «искусством». Тогда же появилось широко употребляемое в современном языке слово *гэйдзюцу*, которым обозначают все то, что на европейских языках называется «искусством», а также упомянутое выше слово *бидзюцу* для обозначения изящных искусств также в европейском понимании. Первое слово состоит из иероглифов «игра (на сцене)», «трюк», «фокус» и «мастерство», второе – из иероглифов «красота» и «мастерство».

В истории японской культуры слово *гэйдзюцу* впервые встречается в китайской исторической хронике V в. «Гокандзё». Но его нет в словаре японских архаизмов, и общеупотребительным это слово стало спустя 13 веков, и то лишь для перевода с западных языков понятия «искусст-

[1] *Какемоно* – вертикальный живописный свиток из бумаги или шёлка, наклеенный на специальную основу, иногда искусно отороченную узорным кантом, и снабженную по краям деревянными валиками.

[2] *Бубнова В.* О японском искусстве. — Знакомьтесь, Япония, 1997, № 16.

во». На нетождественное нынешнему использованию слова «*гэйдзюцу*» указывает и хорошо известное в Японии высказывание, принадлежащее Сакума Сёдзан[3]: «Восточная мораль – западная техника». Здесь слово «техника» обозначена этим же словом «*гэйдзюцу*», понимаемым в данном случае, согласно японским справочникам, как «техника, технология», «практические науки», иными словами, знания и умение, которые могут найти практическое применение в жизни. Поэтому, когда речь идет об искусстве в высоком смысле этого слова, японцы обычно пользуются английским словом «Art».

Однако, слово «художественность» отсутствует по-прежнему, иногда используется английское «artistic», но, как правило, перевод его на японский язык всегда приблизителен и зависит от контекста. И это несмотря на то, что на протяжении всей истории развития японского общества с древнейших времен до нового времени с точки зрения социокультурного значения роль первостепенной важности в японском обществе всегда принадлежала художественной культуре.

Напомним, что понятие «художественная культура» включает в себя не только «искусство» со всеми видами и жанрами, но и процесс создания произведений искусства, обусловленный теми или иными целями и обстоятельствами в истории народа и творчество как таковое, и процесс восприятия искусства, и роль, которую оно играет в обществе, и понимание художественных ценностей и критериев, способ и место хранения произведений искусства (коллекции и музеи) и многое другое.

В Японии художественная культура, будучи частью единого социокультурного пространства, включающего в себя духовные и нравственные ценности, мировоззренческие установки, нормы межличностного общения и т. п., являлась неким соединительным звеном во взаимоотношениях между другими феноменами культуры и социума. В традиционном японском обществе она была тем самым «единым срезом», «который проходит через все сферы человеческой деятельности», и который советский философ М. Мамардашвили называл культурой в общем значении этого слова. Немаловажное значение имеет она и сегодня и, тем не менее, словосочетание «художественная культура» на японский язык по-прежнему непереводимо.

Почему же вкладывая во все «дух искусства», японцы не понимали этого, а европейцы, столкнувшись с применяемыми японцами в повседневной жизни брелками *нэцкэ* для подвешивания мелких предметов (в японской одежде не было карманов) и японскими гравюрами *укиёэ*[4],

---

[3] Сакума Сёдзан (1811 – 1864) политик и мыслитель периода Эдо, ратовал за открытие Японии и изучение западных наук. По-японски лозунг «Восточная мораль – западная техника» звучит как (*тоё-но дотоку, сэйё-но гэйдзюцу*), сторонника открытия страны, ратовавшего за изучение западных наук.

[4] Подробнее см.: *Успенский М.*. Японская гравюра. СПб., 1997; Нэцкэ, М., 1986.

выполнявшими функцию рекламных листков, восприняли их с восторгом и причислили к произведениям искусства, также как вазы, шкатулки, утварь, которыми японцы пользовались в быту. Почему не знали японцы и такой распространенной на Западе деятельности как коллекционирование и почему не было музеев? Ответить на эти вопросы можно, лишь сопоставив особенности эстетического сознания японцев и европейцев.

Западноевропейская традиция под искусством понимает творческое воспроизведение действительности в художественных образах, являющееся формой чувственного познания мира в отличие от рациональной и интуитивной, каковыми считаются соответственно наука и религия. К тому времени, когда европейцы познакомились с японским искусством, Европа уже знала и периоды взлета искусств, и борьбу одних направлений с другими, и споры о свойствах искусства и его назначении. Уже была известна как отдельная дисциплина в рамках философии эстетика.

Термин «эстетика» для обозначения «науки о чувственном знании» предложил использовать в 1750 г. немецкий просветитель, философ А. Баумгартен (1714–1762). «Чувственное знание» он противопоставил рассудочному познанию, то есть логике, как низшее – высшему. Он же выделил эстетику как самостоятельную философскую дисциплину, предметами изучения которой стали чувственное познание, искусство и прекрасное как категория

Но задолго до этого уже во времена античности размышления о предмете и сущности искусства немалое место занимали в сочинениях и античных философов, и религиозных мыслителей средневековья. Различные теории, оспаривая друг у друга истинность своих доктрин, предлагали свое толкование феномена, который называется искусством. Эстетика развивалась в рамках философии, теологии и художественной практики.

Слова «философия» также не было в словаре японцев. Собственную мировоззренческую и этическую мысль в Японии принято было называть более многозначным словом *сисо*, означающим сознание, мысль, концепция, идея и подразумевающим одновременно и религиозное, и экономическое, и политическое и всякое другое мышление, то есть то, из чего формируется характер, как отдельного индивида, так и нации. Это Философская мысль в Японии до периода Мэйдзи носила недифференцированный характер, что находит подтверждение и в особенностях понимания Подтверждением являются особенности понимания этико-эстетических и религиозных норм, о чем будет сказано ниже.

Однако в Японии, как и на Западе, эстетическая мысль проходила определенные этапы развития, хотя и мало чем напоминавшие процессы, происходившие в Европе. В Европе, как известно, в период античности эстетика рассматривала общефилософские вопросы природы, красоты и искусства; в средние века она служила одним из средств познания Бо-

га; в эпоху Возрождения предметом эстетики становится художественное творчество и его связь с природой. Формирование норм искусства характеризует эстетику нового времени. Так в эпоху Просвещения на первый план выходят вопросы общественного назначения художественного творчества и его познавательной значимости. В новейшее время эстетика обратилась к внутреннему миру творческой личности, а произведениями искусства называют преднамеренную художественную интерпретацию концепций и идей с целью передать их окружающим.

Ничего похожего в Японии не было. Японские мыслители в основном уделяли внимание поискам «Истинного Пути» и совершенствованию личности, к этому же стремились поэты, художники, мастера сценического и других искусств, передавая секреты своего мастерства. Но свое понимание прекрасного, теоретически оформленное в категориях, было.

Так в середине X в. сформировалась мировоззренческая и эстетическая категория *моно-но аварэ*[5] – «очарование вещей» (во многом определившая самобытность японской культуры, в особенности японского искусства, придав ему утонченную эмоциональность и особую выразительность). Ее появление было обусловлено традиционным синтоистским миропониманием, анимистические элементы которого породили веру в существование во всем, с чем человек сталкивается в жизни, и что называлось словом *моно,* неповторимой, чистой и прекрасной души – *киёи кокоро,* которую следовало постичь слухом и зрением собственной души.

Моно (дословно «вещь», «предмет», «нечто») – это равно одушевленные и неодушевленные объекты, а также абстрактные понятия, конкретные факты, явления, в том числе и явления природы, и человеческие чувства.

«Наличие всех этих значений у слова *«моно»* – явление именно японского языка, поскольку по-китайски эти слова, обозначающие неодушевленную вещь и живое существо, не только записываются разными иероглифами, но и фонетически представляют собой разные лексические единицы»[6].

Аварэ – это эмоциональный отклик, который возникает в душе человека, когда ему удается постичь суть *моно* – предмета, события или

---

[5] Об этой эпохе написано довольно много замечательных работ и в Японии, и за ее пределами. О *моно-но аварэ, югэн, ваби саби* подробнее см.:. *Анарина Н. Г* Японский театр Но. М., 1984., *Герасимова М. П.* Новое об известном. – Япония 2006. Ежегодник, часть I, М., 1976; Япония 2008, Ежегодник, часть II. М. *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция, Москва, 1979, *Долин А. А.* Предисловие к «Собранию старых и новых песен Японии», М., 1995, *Конрад Н. И.* Японская литература. М., 1974, *Михайлова Ю.* Мотоори Норинага. М., 1992, *Соколова-Делюсина Т. Л.* Приложение. Мурасаки-сикибу. Повесть о Гэндзи. В 4-х т.М., 1992., Москва, 1990, и др.

[6] *Ермакова Л. М.* «Вещь» и *моно* в понятиях и ритуалах. – В сб.: Вещь в японской культуре. М., 2003,с. 6.

явления. Словари архаизмов также определяют *аварэ* как «чувство, связывающее человека с тем или иным предметом». А если учесть приведенное выше значение «вещи» (*моно*) в понимании японцев и их стремление постичь суть каждой вещи, можно представить себе, какое великое множество «очарований» открывалось человеку, и как велика была его психоэмоциональная активность. «Открыть, постичь, выразить» – таково было взаимоотношение субъекта и объекта, находившее выражение в стихах, в рисунке, в глиняной чаше или в букете цветов.

Познать очарование вещей – «*моно-но аварэ о сиру*» было своеобразным кредо тех, в среде которых в эпоху Хэйан (794–1185) формировалось классическое культурное наследие Японии. Переживание эстетического удовольствия воспринималось ими как эквивалент этической нормы.

О том, что эстетическое сознание японцев, как и все прочие ментальные составляющие, является результатом тесного переплетения синтоистских и даоских верований с буддийскими учениями, говорилось неоднократно, однако необходимо упомянуть об этом еще раз, чтобы подчеркнуть отсутствие антропоцентризма в японском понимании мироустройства. Осознание человеком себя как неотъемлемой части Природы, Универсума, включающего не только горы, реки, леса, но и все сущее – *синра бансё*, всю тьму вещей, в том числе и человеческие чувства, явилось причиной того, что человек ко всему существующему в мире относился как к равному. Поэтому он и стремился понять неповторимую, «сверкающую чистотой душу» (*киёи кокоро*) всего и вся.

«В любой вещи (предмете, явлении – *М. Г.*), как говорил Мотоори Норинага[7](1730–1801), есть душа, которую должно почувствовать» (*нанигото-ни марэ кандзубэки кокоро га аритэ*). Вера в существование этой души породила стремление увидеть невидимое, услышать неслышимое, выявив в каждом предмете, явлении, действии его особую красоту. А под красотой понималось не то, что делает вещь прекрасной с точки зрения представителя западной цивилизации, а именно, соразмерность, симметрия и проч., а то, «что заставляет сердце биться сильнее[8], вызывая чувство восхищения, удивления, сострадания, взволнованности, печали, словом, провоцировало в человеке тот или иной душевный отклик. Существовала даже контоминация *кидоайраку* – «радость и гнев, печаль и веселье» для обозначения атмосферы эмоциональной напряженности, а все, что порождало ее, считалось прекрасным. Более того,

---

[7] Мотоори Норинага (1730–1801) – глава так называемой Школы национальной науки *кокугакуха*, внес огромный вклад в понимание национального своеобразия японцев и японской культуры. В своих исследованиях он опирался на древнейшие японские памятники письменности.

[8] Слова принадлежат Сэй Сёнагон, автору «Записок у изголовья» (Макура-но соси). Пер. В. Марковой – В серии Классическая японская проза XI–XIV веков. М., 1988.

прекрасным считалась сама способность человека испытывать многообразные чувства.

Тонкость чувств рассматривалась как аппарат для понимания сути предметов, действий, явлений, которые могли быть переданы лишь в образах.

Чем гармоничнее вписывался духовный мир человека в Природу, чем тоньше были его чувства, тем больше нюансов он улавливал в происходящем вокруг, тем более он был уважаем. О таких людях говорили, что у них *фурю – на кокоро* (изысканная, утонченная душа), хотя слово *фурю* буквально означает «ветер и поток»[9].

Японские литературные памятники «классического» периода, который приходится на IX–XII века свидетельствуют о том, что жизнь японцев, в среде которых формировалось культурное наследие, была наполнена переживаниями «красоты взволнованности» (*кандоби*), «красоты гармонии» (*тёваби*), «красоты печали» (*хиайби)* и «красоты изящества» (*юби*), которыми сопровождалось постижение «очарования вещей» *моно-но аварэ*[10]. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае слово «очарование» следует понимать не столько как характеристику предмета, сколько как указание на определенное взаимодействие человека и предмета, душу, которого, он чувственно постигает. Подтверждением этому может служить и определение слова *аварэ*[11] в словаре архаизмов как «чувства, связывающее человека с тем или иным предметом». Именно чувственное, а не рационально-интеллектуальное постижение «очарования вещей»), Мотоори Норинага считал определяющим специфику мировоззрения древних японцев. Он утверждал, что чувствовать значит постигать «очарование вещей» (*кадзуру но ва моно-но аварэ-о* сиру).

Таков был один из основных элементов понимания бытия, окружающего мира и своего места в нем, на которое «накладывались», проникающие с материка религиозные учения и различные поверья. В результате их влияния, равно как и под воздействием тех или иных исторических и социальных перемен, происходило определенное переосмысление в понимании «сути вещей». Понимание прекрасного как «очарования вещей» (*моно-но аварэ*) претерпело определенную трансформацию. В последующую эпоху Камакура (1185–1333) оно свелось к стремлению постичь скрытую, таинственную, непознаваемую суть всего сущего *югэн,* что лучше всего отразилось в традиционной поэзии и в

---

[9] *Фурю* буквально означает «следуя ветру и потоку», то есть природе. Это понятие было заимствовано из Китая, где оно означало «недеяние», но не в смысле пассивности бездействия, а как умение жить в одном ритме с Природой. (Подробнее см.: Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. М., с. 198).

[10] Подробнее см. *Катō Сюити*. Нихон бунгакуси дзёсэцу (Введение в историю японской литературы), т. 1. 1975.

[11] Кого дзитэн (Словарь архаизмов), Токио, 1985.

эстетике театра Но, впитавших в себя буддийское понимание мира как вечного Небытия.

В следующую эпоху Муромати (1336–1573) «очаровывались» простым, неброским, одиноким, покрытым патиной, создававшим настроение *ваби-саби*, что определило особенности эстетики чайных церемоний. В эпоху Эдо (1603–1868), эпоху зарождения городов и появления нового сословия горожан – торговцев и ремесленников, новым звеном в цепи категорий прекрасного *моно-но аварэ, югэн, ваби-саби* стало *ики* (оно же *суй*), воспринимаемое как совершенство стиля, обусловленное отсутствием всего лишнего в выражении идеальной сути, того или иного предмета или явления, обнаружение которого вызывало различного рода переживания[12]. *Югэн, ваби-саби, суй/ики* не были совершенно новыми понятиями красоты, это были звенья одной цепи в понимании прекрасного, где первым было *моно-но аварэ*. При этом появление одного не означало отрицания другого, и по сей день каждая из этих категорий служит критерием художественности в том виде искусства, развитие которого сопровождалось ее появлением как соответствующего нового нюанса в понимании прекрасного.

Некоторые современные исследователи, сопоставляя позиции, с которых осваивался мир в западной и восточной культурах, отмечают, что «попытка найти самую общую характеристику их "мышления" приводит к обозначению западной культуры как культуры познания, а восточной как культуры понимания»[13]. При «познающем» отношении к миру субъект противопоставляет себя объекту, изучая его, в то время как при «понимании» нет места противопоставлению. Человек осознает себя элементом целого и чувствует свою сопричастность всему окружающему. Так японец, ощущая себя неотъемлемой частью Природы, которую он считал олицетворением совершенства и гармонии, стремился понять и прочувствовать неповторимую природную суть окружающих его объектов, и в процессе своей деятельности выявить именно ее, то есть, как сказал бы Виктор Шкловский, выявить «каменность камня». «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так, уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки.... И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством» – пишет Шкловский[14].

Определение Шкловским задач искусства совпадает с тем, как «работает» сознание японцев. Но у Шкловского эти задачи ориентированы

---

[12] Подробнее см.: *Герасимова М. П.* Новое об известном. Часть II. – Япония 2008 Ежегодник.

[13] Подробнее см.: *Снитко Т. Н.* К вопросу об организации японского культурного пространства. – История и культура Японии. М., 2001, с. 252–253.

[14] *Виктор Шкловский.* Искусство как прием. – О теории прозы. М., Федерация, 1929, с. 11–12.

на искусство, а у японцев – на жизнь. «Выявить каменность камня», – это именно то, чем руководствовались японцы в своей повседневной трудовой деятельности, без намерения «делать искусство». Оно было обусловлено, с одной стороны, восприятием себя как неотъемлемой части Природы, а с другой – стремлением прочувствовать и выразить суть объекта, с которым приходилось иметь дело, и который также был частью Природы, в которой существует всеобщая взаимосвязанность вещей.

Русский философ и мыслитель И. А. Ильин (1882–1954) подобное отношение субъекта к объекту называл стремлением к «прозрению высших закономерностей и совершенных связей»[15], и полагал, что именно это является целью искусства, которое «родится из таинственных недр мирового бытия. Только при таком понимании искусства может быть верно разрешен вопрос о художественном совершенстве и художественном критерии»[16].

С позиций западной философии и эстетики, подобное постижение объекта есть не что иное, как конкретно – чувственное восприятие, обусловливающее художественное мышление. Результатом художественного мышления является воспроизведение мира в его эстетическом многообразии в искусстве. Иными словами то, что на западе называют эстетическим осмыслением действительности, ничем не отличается от традиционного мировосприятия японцев. Этим объяснялось свойственное им особое внимание к рисунку древесины, форме камня, цвету песка или глины и т. п., стремление, сохранить первозданность материала. В результате процесс изготовления становился творческим актом, а изготовленный предмет всегда был единственным в своем роде, неповторимым, как сама Природа. Он воспринимался не только утилитарно, но и как некий образ, как принадлежность не только физического, но и духовного мира, поскольку являлся одним из средств, позволяющих ощутить гармоническую взаимосвязанность человека, Природы и всего окружающего. Напомним, что критерием творчества в отличие от изготовления, является уникальность результата, а искусство, будучи «средством чувственно-образного постижения мира», «оперирует художественными образами, отражая в них действительность и мироощущение» и способствует «прозрению высших закономерностей и совершенных связей, среди которых наиважнейшей является гармоническая связь человека и природы воспринимался не только утилитарно, но и как некий значимый образ (искусство же, как известно, будучи «средством чувственно-образного постижения мира», «оперирует художественными образами, отражая в них действительность и мироощущение»), и способствует «прозрению высших закономерностей и совершенных связей», среди которых наивысшей принадлежностью не только физического, но и духовного мира является гармоническая связь человека и Природы.

---

15 *Ильин И. А.* Полное собрание сочинений, т.6, книга 2, М., 1996, с. 787.

16 Там же.

Это же стремление поддержать гармоническую связь человека и Природы лежит и в основе словесного творчества, о чем свидетельствует «сезонная тема» как его непременный атрибут, обязательное употребление «сезонных слов» или примет времени года в поэзии, расположение стихов по временам года в поэтических антологиях.

Как известно, «у японцев издавна существовала собственная поэтическая традиция с устоявшейся системой жанров, средств художественной выразительности и образности, которая была распространена во всех слоях населения – от крестьян до аристократов[17] и зачастую носила характер экспромта. Как и поэзия любого народа, она выражала чувства. Но, как это следует из синтоистского миропонимания, человеческие чувства также есть не что иное, как явление Природы, и, выражая их в стихах, люди открывают друг другу одну из граней Природы и в этом смысле мало, чем отличаются от тех мастеров, которым удается в творческом акте открыть другую грань той же Природы в материале, с которым они имеют дело.

Таким образом, сотворенное человеком – суть рожденное из недр мирового бытия является связующим звеном в системе Человек–Природа, которая воспринимается как олицетворение совершенной гармонии и непреложных закономерностей[18].

В Европе все было иначе. В средние века, когда отношение к чему бы то ни было, определялось религиозностью, «абсолютной ценностью были лишь «Бог и человеческая душа представляли собой абсолютную ценность, природа же обладала лишь весь относительной ценностью. Если она не служила познанию Бога, то вообще была лишена цены, если она мешала приближению к Богу, то в ней видели зло, имела какого-либо значения, если она мешала приближению к Богу, то в ней видели зло, проявление сил дьяввольских»[19]. Лишь позднее, в XI–XIII вв. пробудился интерес к природе, Пейзажи и природные явления стали восприниматься как символы духовной жизни человека, что и отразила поэзия трубадуров, и только в новое время (примерно середина XVIII в.) природа стала предметом внимания. Появился обычай любоваться живописными пейзажами, но в основном отношение к природе было как к фону, на котором происходили действия, героем которых был Человек.

Для японца, как уже говорилось, сотворенное им должно было выражающим и суть предмета, и понимание непреложных закономерностей, действующих в Природе. Это было своего рода этической нормой и желанием продемонстрировать богам, что их замысел понят. Считалось,

---

[17] «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»). В 3 томах, М., 1971. *А. Е. Глускина*. Предисловие, т. 1, с. 5.

[18] В дальневосточной традиции вообще, а в японской, где обожествляли Природу, в частности, слово «природа» в буквальном смысле означает «самозарождающаяся» и воспринимается как Вселенная, наделенная самопроизвольной творческой силой.

[19] Подробнее см.: *А. Я. Гуревич* Категории средневековой культуры. М., 1984, с. 62.

что в этом случае можно рассчитывать на милость с их стороны в знак поощрения.

Изначально и сочинение стихов было не только внутренней потребностью эмоционально взволнованного человека: стихи возникали как эхо переживаний при соприкосновении с предметом, явлением или событием, очарованность которым следовало продемонстрировать (со временем это стали называть постижением *моно-но аварэ*). Это и явилось причиной появления обычая слагать стихи экспромтом по самым разным поводам и способствовало формированию поэтической традиции. Исстари чрезвычайно широко распространенный в Японии обычай вести дневники, возник не только в результате желания зафиксировать то, что показалось важным и тронуло душу, но и стремлением продемонстрировать это невидимым богам.

О важности акта демонстрации говорит и тот факт, что рассказчики мифов и легенд о деяниях богов и императоров *катарибэ* собирали на площадях слушателей не только для того, чтобы развлечь их, но и, как свидетельствуют многие исследователи[20], чтобы выполнить свой долг перед богами. Не случайно и военные баллады *гунки* (XII–XIII вв.) поначалу исполнялись вслух, чтобы упокоить души воинов, павших в сражениях, а ведь согласно синтоистским поверьям, умершие становятся богами *ками*.

Однако считалось, что боги не любят, когда им представляют точное подобие чего-либо, поскольку повторить сотворенное ими невозможно. Поэтому людям следовало проявить выдумку и изобретательность (*сюко*). Иначе говоря, то, что должно было быть продемонстрировано, выставлено или представлено на обозрение, должно было свидетельствовать о том, что человек, взявший на себя труд и смелость изготовить, смастерить, соорудить, изобразить, выразить, высказать и т. п., понимает, что есть видимость, а что истинность.

Очевиднее всего об этом свидетельствуют букеты цветов, цель которых на первых порах заключалась в том, чтобы выразить гармонию Неба, Человека и Земли. Речь идет о хорошо известном искусстве собирать цветы в букеты по определенным правилам – икэбана. Люди не видели смысла в том, чтобы просто преподносить богам красивые цветы, которые ими же и были сотворены и вносили «свою творческую лепту», выражая в букетах идею Вселенской гармонии и «чувственное», эмоциональное понимание особенности момента, по случаю которого собран букет. Логично было бы предположить, что своеобразная, далекая от реалистической, манера игры актеров в японском традиционном театре, стилизованность японской живописи также объясняются тем, что боги не любят точного подобия своих творений. Поэтому особенное значение приобретают стилизованность, гротеск, намек, подтекст, апеллирующие к чувствам и воображению, в результате чего рождается, то,

---

[20] Подробнее см.: *В. Н. Горегляд,* Японская литература VIII–XVI веков. СПб, 1997.

что принято называть «художественным образом» – особая форма истолкования мира путем создания эстетически воздействующего объекта – без намерения создать его. Так икэбана – это не просто букет цветов, но и образ, несущий определенную смысловую и эмоциональную нагрузку.

На первых порах букеты устанавливали в храмах. Следующим шагом стала *токонома*, сооружаемая в собственном жилище, что явилось новым свидетельством ежеминутного выражения почтения и благодарности богам, демонстрацией понимания их замысла, а также бессознательным примером искусства экспозиции: в *токонома* висит, как правило, живописный свиток, соответствующий времени года – *какэмоно* и стоит предмет, напоминающий о каком-либо событии, если хозяин счел нужным отметить его. В результате экспозиция-*токонома* становится воплощением темы, пронизывающей все японское искусство: переживание мгновения (предмет, выбранный хозяином) и постоянное присутствие Вечности, в лоне которой оно возникает, чтобы в нем же и исчезнуть (подбор цветов и картины, соответствующей времени года, что в наводит на мысль о бесконечном круговороте в Природе).

Сами же японцы, сооружая токонома, которая является единственным украшением в предельно простом традиционном японском жилище, заботились не о красоте, а именно о том, чтобы, оперируя образами, выразить свое понимание мироустройства.

Сегодня, обобщая многочисленные суждения западноевропейских мыслителей и философов о природе искусства и художественной ценности, можно заключить, что современное понимание художественности сводится к восприятию образа одновременно на эмоциональном, интуитивно-психологическом, рациональном и нерациональном уровнях. Именно в этом случае происходит «прозрение высших закономерностей и совершенных связей».

Создание художественного образа с точки зрения представителя западной цивилизации считалось искусством, тогда как для японцев оно было средством, дающим возможность пережить состояние, когда получение эстетического удовольствия, как сказали бы на Западе, равносильно религиозно-этической норме. Собственно говоря, выражение «эстетическое удовольствие» достаточно условно, поскольку целью для японцев было не получение удовольствия, а постижение первозданной сути вещей на уровне сенсорики. Поэтому и не было «искусства» как такового, а была жизнь, которую творили по законам искусства.

Это и явилось причиной того, что расписывая ширмы, изготовляя шкатулки, утварь и знаменитые *нэцкэ* японцы не помышляли о создании произведений искусства, но стремились к «прозрению высших закономерностей и совершенных связей», а когда эти изделия увидели европейцы, оказалось, что все эти шкатулки, гравюры, брелки и свитки не просто «хорошо сработаны», а соответствуют понятиям европейцев

о художественности, что в них есть «дух искусства», о котором говорила В. Бубнова.

Утилитарность вещи не делала ее в глазах японца менее привлекательной, а если ею пользовались в течение долгого времени, она становилась поистине бесценной, ибо лежащая на ней тень времени соединяла настоящее с прошлым, снимая со времени ограничения и экстраполируя ее на Вечность.

Нечто совершенно противоположное можно видеть на Западе, где искусство всегда было над обыденностью. Искусством занимались либо для того, чтобы заполнить досуг, либо для обогащения духовного мира, либо «из любви к искусству». Последнее было продиктовано довольно распространенной во второй половине XIX в. концепцией «Искусство для искусства» (art pour l'art) , которая подчеркивала его автономную ценность. Согласно этой концепции мораль и польза рассматривались как факторы, снижающие художественные достоинства произведения. Автор этой концепции французский поэт и критик Теофиль Готье (1811–1872) полагал, что «вещь перестает быть прекрасной, когда приобретает утилитарное значение».

На Западе произведения искусства коллекционировались, а позже выставлялись в музеях. Ничего подобного японская культура не знала. Японцы не стремились возвыситься над повседневностью, это было бы нарушением естественного хода событий, но старались внести в нее сдержанную взволнованность, тихий восторг, испытывая чувство благодарности от ощущения себя причастными великой Природе, когда удавалось постичь красоту, заложенную во всем, что окружает человека.

Вполне понятно, что и музеев в Японии не могло быть, поскольку музей как институт выходит за рамки повседневности. Первый музей, да и то западного искусства, Музей искусств Охара в г.Курасики, появился лишь в 1930 г.

Экспонаты художественных музеев, как правило, уникальны по своим художественным характеристикам. Вещь – выставленная в музее – это вещь, вынутая из контекста. Японцы же стремились вписать вещь, как и самих себя в то Единое целое, тот Универсум, частью которого они себя ощущали. Ощущение всеобщей гармонической взаимосвязанности, в конечном счете, и было целью всех искусств в традиционном японском обществе. Этому же служили и причисляемые на Западе к искусствам различные «Пути[21]». Путь чая *садо*, известный как чайная церемония, Путь цветов *кадо* (так называют в Японии искусство составлять букеты, известное в Европе как икэбана), воинские искусства *будо* или искусство каллиграфии *сёдо* и некоторые другие «Пути», ко-

---

[21] До (китайское «Дао») – означает Вселенский путь. Иначе говоря, Путь Истинно сущего. Считается, что постижение Истинно сущего приводит к избавлению от суетных желаний, ложных ценностей и помогает обрести душевное равновесие.

торые представляют собой культурные традиции, одухотворенные религиозным мировоззрением.

Все они имеют свои законы, свой ритуал, свою философию и призваны помочь человеку уйти от будничной суеты, ощутив всеобщую гармоническую взаимосвязанность и обрести душевное равновесие. Однако в силу того, что исполнитель вкладывает свои чувства в новую оригинальную и значимую форму деятельности, а многие элементы обстановки, в которой совершаются все эти практики, в определенном смысле могут быть причислены к духовным, требуют эстетического восприятия, их причисляют на Западе к традиционным японским искусствам, тогда как в Японии они способствуют спасению души и искусством *гэйдзюцу* не считаются.

В заключение представляется необходимым подчеркнуть еще один факт, который мог бы стать темой специального исследования, свидетельствующий о различии в понимании художественности западноевропейской и японской традицией.

Общеизвестно, что в основу науки, называемой эстетикой, легло понимание искусства Аристотелем (384–322 до н. э.) как мимесиса, подражания, но не простого копирования, а сосредоточенного на выделении того главного, что есть в изображаемом предмете. Казалось бы, это не противоречит японским поискам сути. Однако, российский философ А. Ф. Лосев, анализируя работы Аристотеля, приходит к выводу, что «мимесис искусства ставит себе целью достижение совершенства формы, нисколько не заботясь о том, насколько эта форма может внешне быть похожей или непохожей на то, что мы случайно наблюдаем в природе. Хороший художник свободно может сделать свое изображение более прекрасным, чем действительность; то же самое делает и поэт. Картина вообще должна превосходить видимое нами в действительности. Искусство изображает не только (и не столько) то, что есть, но что должно быть»[22]. И здесь обнаруживается принципиальное различие в подходе к творчеству. Во-первых, по Аристотелю индивидуальность художника (поэта, мастера) и его понимание изображаемого приобретают первостепенное значение и отношения строятся по принципу субъект-объект. В Японии художник стремился уйти от собственного «я», отождествить себя с изображаемым, построив отношения по принципу объект-объект. Поэтому существовало понятие «мастерство», но не было понятия «искусство». Стремление выразить себя в искусстве или дать «свое видение» предмета или явления у японских мастеров появилось после знакомства с европейским искусством. Во-вторых, убежденность в том, что «искусство изображает не только (и не столько) то, что есть, но то что должно быть», делает возможным и даже должным работу воображения и привнесение вымысла в изобра-

---

22 *А. Ф. Лосев*. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика, М., 2000, с. 690.

жаемое, что, как известно, стало одной из наиболее обсуждаемых проблем в японской теории искусства и, в частности, литературы в XX в. Причиной тому тот факт, что вымысел (а также сюжет и композиция) издавна рассматривался в японской литературе как надуманность, привнесенная в произведение для занимательности, в то время как подлинная литература должна быть безыскусственной, рождаться сама собой вслед за естественным течением жизни, отчего особенно высоко ценились дневниковые жанры и *дзуйхицу*.

Появлявшиеся позднее и сменявшие друг друга направления философской мысли на Западе по разному развивали тезисы Аристотеля. Например, появился взгляд на искусство, как на способ выражения эмоций и идей (его выразитель Бенедетто Кроче утверждал, что искусство выражает эмоции и, следовательно, его сущность имеет место лишь в замысле своего создателя), как на способ непрямой коммуникации между людьми (Лев Толстой[23], Лотман, рассматривавший искусство как язык, дающий возможность изложить особую истину, не конструируемую вне поэтического, образного текста[24]), или как на способ исследования и оценки формы, как полагали вслед за Кантом Роджер Фрай и Клив Белла, работы которых стали особенно популярны в начале XX в., а также понимание искусства как нечто идеальное, как подлинно Прекрасное, создаваемое только самим художником, как это следует из работ Гегеля.

(пропущен абзац последний)

---

[23] Подробнее см.: *Л. Толстой.* Что такое искусство. Собрание сочинений в 22 томах, т. 15, М., 1978–1985.

[24] Подробнее см.: *Ю. Лотман.* Структура художественного текста. // Об искусстве // СПб., 1998.

Новый вызов традиционной культуре Японии

Е. В. Колотова

На протяжении всей своей истории Япония периодически сталкивалась с крупными природными катаклизмами, многие из которых задокументированы в летописных сводах и литературных трудах. Японские острова страдали от наводнений, цунами, тайфунов, не говоря уже о землетрясениях. Судя по всему, японцы сжились с ними, о чем свидетельствует фольклорное объяснение. У японцев существует объяснение и насчет землетрясений. Согласно легенде огромный сом, спящий глубоко под землей, иногда просыпается и начинает шевелиться – и японские острова содрогаются от землетрясений. Любопытно, что картина, посвященная крупному землетрясению годов Ансэй (1855 г.), называется «*намадзу*-э», что в переводе на русский означает «картина с сомом», На ней изображен гигантский черный сом, которого отчаянно пытается усмирить группа людей. Столица сёгуната Токугава Эдо (нынешний Токио) была знаменита драками и пожарами, которые назывались «цветами». Разумеется, землетрясения зачастую сопровождались пожарами, с легкостью уничтожавшими деревянные постройки и уносившими жизни сотен людей. Эпоха Мэйдзи (1868–1912 гг.) также была отмечена крупными пожарами, а последовавшая за ней эпоха Тайсё – Великим землетрясением Канто в 1923 г. В результате бомбардировок в конце второй мировой войны были выжжены пожарами многие крупные города Японии. Все эти катаклизмы раз за разом уничтожали культурное достояние страны, храмы и предметы искусства, к которым, ко всему прочему, до XX в. у японцев не наблюдалось какого-либо интереса в их собирании и хранении.

Закон, охраняющий культурное достояние Японии, вышел вскоре после второй мировой войны, в 1949 г. Одновременно оформлялись списки культурного достояния страны, подпадавшего под действие этого закона. В настоящее время понятие «культурное достояние» структурно подразделяется на несколько категорий. Во-первых, это категория материального культурного наследия: вещественные памятники культуры – 12761 наименование[1], а также так называемое «национальное достояние» – люди, владеющие особыми техниками в воспроизведении культурного наследия и охраняемые государством, всего 1082 человека. Следующая категория – зарегистрированные исторические

[1] Здесь и далее – по данным, опубликованным на сайте министерства культуры Японии, на 1 мая 2011г.: http://www.bunka.go.jp/bunkazai/shoukai/index.html

ландшафты и охраняемые архитектурные застройки – 24 и 88 наименований соответственно. Третья категория подразумевает нематериальное культурное наследие: музыку, традиционное искусство, а также ремесленные технологии, хранителями которых опять же являются люди (115 пунктов). Отдельно выделяются вещественные и невещественные культурные достояния народного творчества (483 наименования). Законом о культурном достоянии охраняются также природные ландшафты (2921 пункта) и 162 объекта особых достояний.

Ужасающее по своим масштабам землетрясение в Кобэ 17 января 1995 г. унесло жизни 6434 человек. По подсчетам, ущерб составил примерно 10 млрд. иен. Отряды добровольцев и спасателей почти сразу приступили к восстановлению региона. В то же время именно это землетрясение стало знаковым для министерства культуры Японии, поскольку на пострадавших от землетрясения территориях находилось огромное число культурных объектов, исторических зданий, предметов искусства, музеев. Осенью 2010 г. в Государственном этнографическом музее[2] была проведена выставка под общим названием «Спасение истории и культуры: операции по спасению культурного наследия пострадавших регионов, начавшиеся с землетрясения в Кобэ». В памфлете к выставке четко обозначается уровень приоритетности при проведении спасательных операций на пострадавших территориях. Разумеется, спасение человеческой жизни ставится превыше всего, но по мере того, как подобные операции уступают место кропотливому восстановлению жизненного пространства, возникает острая потребность в принятии мер по сохранению исторического и культурного наследия региона. Подобные действия могут стать огромной моральной поддержкой, в том числе и для местного населения.

Сразу после землетрясения в Кобэ в 1995 г. министерство культуры Японии составило список произведений искусства и народной культуры, находившихся на пострадавшей территории, а также выпустило подробные рекомендации о том, как следует проводить восстановительные работы. Однако, уже при ликвидации последствий землетрясения 1995 г. наметилась явная диспропорция в приоритетности: было принято решение бросить все силы на спасение и реставрацию произведений искусства, хранившихся в музеях, тогда как спасение культурных наследий, не попадающих в эту категорию, отошло на второй план. Такая же картина наблюдается и в настоящее время при обсуждении порядка проведения восстановительных работ в регионах, пострадавших от землетрясения 11 марта 2011 г.

Еще одна проблема, с которой столкнулось министерство культуры, – это отсутствие полной базы данных по музеям, в которую были бы за-

---

[2] С сайта Государственного этнографического музея: http://www.minpaku.ac.jp/museum/exhibition/rekishitobunka/rekishi_leaflet.pdf

несены предметы искусства и культурного достояния. Во время спасательных работ, развернутых со второй половины февраля 1995 г., обнаружили недостаток данных, касающихся музеев и выставочных комплексов. Помимо этого, министерство культуры столкнулось с рядом других материальных проблем. Вывоз предметов искусства и культуры из пострадавших регионов требовал значительного количества транспортных средств, ящиков, коробок и специальных кейсов для безопасной перевозки, равно как и людских ресурсов. Неотложные реставрационные работы для получивших критические повреждения экспонатов, не поддающихся транспортировке, в большей степени зависели как от компетентного персонала, состоящего из реставраторов и музейных специалистов, так и от качества инструментов для проведения сложных реставрационных работ. Кроме того, для проведения спасательных работ в условиях, не исключающих повторного землетрясения, требовались каски, очки, маски, спецодежда, а также автономные источники электропитания. Список необходимых для реставрации инструментов и материалов, составленный еще в 1995 г., был опубликован на сайте министерства культуры Японии сразу же после трагедии 11 марта[3].

Разрушительное землетрясение 11 марта 2011 г. и последовавшее за ним цунами уничтожили береговую линию нескольких префектур и повлекли за собой сбой в работе атомной станции Фукусима Даиити. Восстановительные работы в пострадавших от стихии регионах продолжаются и в настоящее время. Многие жители до сих пор не могут вернуться в дома, пострадавшие от землетрясений и цунами. В префектурах Иватэ и Мияги, принявших наиболее сильный удар цунами, даже спустя два месяца после трагедии береговая линия представляет собой месиво из раздавленных водой и деформированных машин, мусора и обломков домов. В такой сложной обстановке перед министерством культуры Японии вновь встал вопрос: что делать с достоянием культуры и предметами искусства, зарегистрированными и находящимися в районах бедствий. 31 марта министерство издает Указ о спасении культурного наследия[4], в котором ставится цель не только спасти предметы культуры, находящиеся на пострадавших территориях, но и постараться предотвратить от разрушения исторические здания и природные ландшафты, занесенные в список культурного наследия. В связи с опасениями нанесения прямого ущерба от землетрясения и цунами, причиненного храмовым постройкам, музеям, хранилищам и выставочным экспонатам, предполагается их разыскать, оказать, если потребуется, срочную реставрационную помощь, либо вывезти в соседние префектуры для временного хранения и восстановления. Объектами спасательных работ, со-

---

[3] http://www.bunka.go.jp/bunkazai/tohokujishin_kanren/pdf/jyoho_04.pdf

[4] http://www.bunka.go.jp/bunkazai/tohokujishin_kanren/pdf/bunkazai_rescue_jigyo_ver04.pdf

гласно Указу о спасении культурного наследия, являются картины, резьба и скульптура, гончарные изделия, рукописи, книги, древние свитки, археологические материалы, исторические материалы, предметы материального народного культурного наследия и предметы искусства. Создается специальная структура – Комитет по спасению. Он должен координировать действия с органами власти префектур, в которых будут проводиться работы, и по необходимости привлекать к ним музейных работников и специалистов. Установлен период работ – с 01.04.2011г. по 31.03.2012 г. По приблизительной оценке, содержащейся в послании главы министерства культуры Кондо Сэйити, значительный ущерб был нанесен более чем 400 предметам культурного наследия[5], зарегистрированным в масштабе страны (помимо этого, существуют префектуральный и городской уровни). В более позднем послании 12 апреля 2011 г. министр культуры обращает внимание на проблему, связанную с культурным наследием, – проблему традиционных обрядов, фестивалей и традиционных искусств[6]. Опасения насчет повторных и остаточных толчков, плановое отключение электричества, призывы к самоограничениям – все это больно ударяет не только по пострадавшим районам, но и по тем регионам Японии, которые не подверглись прямому удару стихии. В связи с этим господин Кондо выразил крайнюю озабоченность и сожаление. Действительно, после 11 марта в регионах, территориально близких к пострадавшим районам, возникло движение за сворачивание традиционных фестивалей и увеселительных мероприятий массового характера, хотя это не поможет пострадавшим регионам ни экономически, ни морально. Токио пострадал от землетрясения лишь незначительно. Тем не менее, мэр столицы Исихара Синтаро на пресс-конференции 29 марта призвал граждан воздержаться от *ханами* – традиционного для японцев любования цветущей сакурой[7]. Мэр Исихара, которому в этом году исполнилось 78 лет, известен своими резкими и подчас крайне противоречивыми и провокационными высказываниями. Провозглашенный им «запрет на *ханами*» вызвал широкий резонанс среди жителей столицы и затронул не только любование цветами, но и традиционные фестивали – *мацури*.

Два из трех крупнейших токийских *мацури*, Сандзя и Канда, в течение марта друг за другом объявляют об отмене фестивалей. Сандзя-мацури, запланированный на 20–22 мая 2011 г., становится первым, основные мероприятия которого отменят из-за событий 11-го марта. Статья электронной версии газеты «Асахи-симбун» от 20 марта[8] сообщает об отмене проноса алтаря *микоси*, что само по себе является беспреце-

---

5 http://www.bunka.go.jp/bunkazai/tohokujishin_kanren/chokan_message.html
6 http://www.bunka.go.jp/bunkazai/tohokujishin_kanren/chokan_message_2.html
7 http://www.sankeibiz.jp/macro/news/110330/mca1103302006015-n1.htm
8 http://www.asahi.com/national/update/0320/TKY201103200273.html

дентным случаем в истории *мацури*. Такое решение было принято в связи с тем, что праздничные мероприятия не сочетаются с трагическими событиями, обрушившимися на страну. Отмена проноса *микоси* подтверждается и на официальном сайте Сандзя-мацури: на 20–22 мая были запланированы лишь внутрихрамовые ритуалы. Отказ от *микоси* мотивируется также нехваткой электроэнергии и плановыми отключениями, хотя в мае их не было, да и район, где проводится Сандзя-мацури, в графики отключения не попадал изначально.

Спустя несколько дней, 24-го марта, о своем решении отменить мероприятия сообщает и организационный комитет Канда-мацури[9]. В обоих случаях отмену мероприятий можно отчасти объяснить тем, что с момента землетрясения прошло не так много времени, а также проблемой с атомной станцией Фукусима Дайити. Однако, оба фестиваля, известные огромным скоплением туристов и зрителей, равно как и участников, практически не имели шансов состояться, особенно с учетом призыва мэра Исихара к самоограничениям. Более локальные храмовые мацури, в которых не участвовало много людей, без излишнего афиширования проводились в Токио в мае, и были запланированы на июнь. Их объединяет одно – локальность проведения, когда для мероприятий достаточно территории храма.

Тем не менее, несмотря на печальную тенденцию к отмене масштабных мероприятий и традиционных фестивалей, провозглашенную на городском уровне, не все токийские *мацури* постигла подобная участь. Ярчайший пример тому, что вопреки отмене официальных мероприятий, *мацури* сохраняется на локальном уровне. В 2010 г. *мацури*, проводимый каждый год в первые выходные августа, состоялся в г. Хатиодзи, территориально входящем в Токио.

Город Хатиодзи находится на расстоянии примерно 40 км на запад от центрального Токио. В период Эдо во время строительства одной из пяти крупных транспортных артерий Косю-кайдо, соединявшей столицу сёгуната с провинцией Каи (ныне префектура Яманаси), Хатиодзи была отведена роль перевалочного пункта для ночлега и смены лошадей. Однако стремительный рост Хатиодзи принято связывать не столько с его историческим транспортным значением, сколько с ткацким промыслом. В середине эпохи Эдо он формально считался лишь способом подработки крестьян, однако к позднему Эдо ткацкий промысел оформился в самостоятельную отрасль промышленности и торговли. В северо-западной части Хатиодзи сосредоточились ткацкие мастерские, сырье для которых поставлялось из юго-восточной части города. Реставрация Мэйдзи вывела район на новый уровень производства и продажи. Открытие порта Иокогама, находящегося в относительной близости от Хатиодзи, а также правительственные меры, на-

9 http://akiba.keizai.biz/headline/2351/

правленные на усовершенствование ткацких станков и технологий прядения нити, – все это стимулировало многократный рост производства ткани и увеличение финансовой состоятельности жителей этого поселения. В 1889 г. его население насчитывало более 20 тыс. человек, а статус города Хатиодзи получил в 1917 г.[10]

Уже в период Эдо Хатиодзи было принято делить на две части, «верхнюю» и «нижнюю», центрами которых служили синтоистские святыни – Тага-дзиндзя и Хатиман-Ягумо-дзиндзя. Каждый из храмов проводил свои религиозные мероприятия и обряды, и их календари не совпадали друг с другом. Храмы пережили несколько пожаров, в пламени которых сгорела большая часть архивов, но, тем не менее, по частично сохранившимся записям исследователь Хатиодзи *мацури*, Аихара Эцуо, выделяет три периода развития *мацури*: период зарождения (1652–1735 гг.), период появления *даси* – ритуальных повозок (с 1772–1789 по 1933 гг.) и период трансформации *мацури* (1966 г. – до настоящего времени)[11]. На начальном этапе центром *мацури* являлись синтоистские храмы, и можно предположить, что тогда использовались только *микоси* – переносные алтари, которые проносили по прилежащим к храму кварталам. Появление *даси* на среднем этапе было вызвано стремительным ростом популярности фестивальных трупп музыкантов – *хаяси*, а также повышением благосостояния кварталов Хатиодзи, жители которых стремились построить роскошные *даси*, наглядно олицетворяющие финансовую состоятельность и процветание того или иного квартала. Данный этап можно, в свою очередь, разделить на три периода: до пожара годов Бунсэй (1824 г.), от пожара годов Бунсэй до пожара годов Мэйдзи (1897 г.), и с 1907 по 1933 гг. Несмотря на то, что впервые после второй мировой войны праздник был проведен в 1961 г., лишь с 1966 г. обновленный праздник наконец-то смог закрепиться в сознании жителей Хатиодзи и заручиться их поддержкой. Помимо этого была выбрана общая дата проведения *мацури* – первые выходные дни августа, а он в свою очередь превратился из храмового религиозного праздника в гражданский фестиваль.

В результате бомбардировок Токио на заключающей стадии второй мировой войны сгорела почти половина *даси* Хатиодзи. Налет 2 сентября 1945 г. сравнял с землей 90% территории города[12], для восстановления которого потребовалось значительное время. Помимо восьми *даси*, сгоревших в пламени, практически выгорел и храм Хатиман–

---

[10] См. ежеквартальный журнал: «Гурафу Хатиодзи», 04.1976: Хатиодзи има, мукаси (Хатиодзи в наши дни и в прошлом), с. 1–5.

[11] *Аихара Эцуо*. Хатиодзи но хикиямасай (Фестиваль ритуальных повозок в Хатиодзи) Токио, 1975, с. 41–42.

[12] *Окудзуми Ёсисигэ*. Хатиодзи кусю но кироку (Архив воздушного налета на Хатиодзи). Токио, 2001.

Ягумо, но и он, и Тага-дзиндзя открыли свои ворота для прихожан уже в 1946 г. Оба храма возобновляют проведение внутрихрамовых мероприятий, в числе которых был осуществлен провоз уцелевших *даси*. Некоторым кварталам «нижнего» района Хатиодзи, значительно пострадавшим от бомбардировок, пришлось даже на время мероприятий одалживать *даси* из других кварталов. Однако, из-за стремительного роста числа автомобилей и затруднения движения в городе, к середине 1950-х годов обоим храмам приходится отказываться от провоза *даси*, и на неопределенное время повозки исчезают с улиц Хатиодзи.

Как уже упоминалось, Хатиодзи мацури был впервые проведен в 1961 г. в формате гражданского фестиваля. В 1966 г, по случаю грядущего пятидесятилетия Хатиодзи, принимается решение объединить храмовые праздники Хатиман-Ягумо-дзиндзя и Тага-дзиндзя, а в 1969 г. за праздником закрепилось название «Хатиодзи Мацури». В данном случае под «гражданским фестивалем» подразумевается праздник, лишенный религиозной основы (пусть и при сохранении некоторых ее элементов), в организации и проведении которого центральную роль играет не синтоистское святилище, а городской муниципалитет. Хатиодзи мацури в новом формате задумывался как общегородское мероприятие, призванное сплотить горожан и привлечь в Хатиодзи туристов. Программа первого фестиваля состояла из детского музыкального концерта, музыкального парада подразделений сил самообороны, концерта под открытым небом на бейсбольном стадионе Фудзимори, и фейерверка[13]. Следующие два года праздник проводился по схожему сценарию и сначала не мог привлечь значительной зрительской аудитории. Дальнейшая его судьба могла бы оказаться под вопросом, если бы не Токийская Олимпиада 1964 г. Стадион Фудзимори, на котором до этого проводились основные мероприятия фестиваля, был предоставлен олимпийцам. Поэтому для проведения фестиваля были подготовлены три площадки: парк Фудзимори, городской холл и государственное шоссе №20 (Косю-кайдо). Тогда же было принято решение проводить праздник в несколько дней: в первый день – конкурс Мисс Хатиодзи, во второй и третий – парадное шествие, бывшее центральным элементом Хатиодзи мацури вплоть до 2002 г. Элементы традиционной культуры, *даси* и *микоси,* занимали в обновленном фестивале второстепенное место. В отчетах, ежегодно составляемых организационным комитетом праздника, первое упоминание об участии *даси* в Хатиодзи мацури встречается в кратком описании мероприятий восьмого фестиваля (1968 г.). На третий день фестиваля на государственной трассе №20 впервые состоялся парад десяти *даси*, которые позже провезли по

---

[13] Мацури кокёкёку дай 26-бан Хатиодзи мацури (Симфония мацури: 26-й Хатиодзи мацури). Токио, 1986, с. 6.

Косю-кайдо для привлечения большего количества зрителей[14]. В 1972 г. администрация Хатиодзи пошла на беспрецедентные меры: для проведения фестиваля на все три дня с 13 часов до 21 часа полностью перекрывалось движение в обе стороны по участку государственной трассы №20, а на следующий год было решено перекрывать и участок государственной трассы №16. Само по себе это довольно редкое явление при проведении *мацури* в современной Японии. Так, например, во время Сандзя *мацури* и Канда *мацури*, государственные трассы оставляются частично открытыми для проезда, дабы не парализовать центр Токио.

Организационный комитет Хатиодзи мацури старался разнообразить программу фестиваля, в которой появились конкурс резьбы по льду, танцующие процессии *минъё-нагаси*, марширующие оркестровые труппы, самба-карнавал, песенные шоу приглашенных звезд эстрады, конкурсы караоке и т. д. Что касается *даси*, то к 1980 г. уже 15 *даси* принимали участие в вечерней части парада. Хатиодзи мацури в его послевоенном виде больше напоминал американские парады и фестивали, а разношерстную программу праздника можно объяснить стремлением организационного комитета заинтересовать жителей г. Хатиодзи и привлечь как можно больше зрителей. Надо сказать, что в таком виде праздник полюбился многим, и отмена впоследствии марширующих оркестровых трупп огорчила учащихся начальных и средних школ города, весь год репетировавших и с нетерпением ждавших августа. В то же время данный этап был просто необходим в качестве промежуточной стадии. Ведь по конституции 1947 г. синтоизм был отделен от государства, и храмовые праздники в том виде, в котором они существовали до второй мировой войны, не подходили в качестве мероприятий, призванных сплотить и в то же время развлечь горожан. Организационный комитет пытался искать новые формы проведения фестиваля, пусть даже путем заимствований из других культур.

Вплоть до конца 1990-х годов программа Хатиодзи *мацури* с многочисленными парадами и шествиями имеет крайне пестрый характер, и только с 1999 г. организационный комитет Хатиодзи мацури начинает сдвигать акцент на традиционную составляющую праздника – *даси* и *микоси*. Во время проведения 38-го по счету Хатиодзи *мацури* (1999 г.) рекламная кампания сосредоточивается на *даси*, преподнося их как главную достопримечательность: готовится специальная программа для *даси*, с *буццукэ*, столкновением пяти *даси* на перекрестке, с последующим состязанием музыкантов-исполнителей *хаяси*. Переломным становится 2002 г., когда организационный комитет окончательно отказывается от парадов и мероприятий вроде «Мисс Хатиодзи» в пользу

---

[14] Хатиодзи мацури сирё: Хатиодзи мацури но энкаку (Материалы Хатиодзи мацури: история Хатиодзи мацури). Мацури дзикко иинкай, 2007, с. 1.

традиционной составляющей. С 2002 г. и по настоящее время ядром программы *мацури* является провоз *даси*.

Ритуальные повозки (*даси*), без которых невозможно представить себе Хатиодзи мацури, попадают в категорию материального культурного наследия, зарегистрированного на городском уровне. Особенность повозок Хатиодзи – великолепная резьба по дереву, покрывающая поверхность *даси*. До наших дней в прекрасном состоянии сохранилось 12 *даси*, изготовленных в промежутке с конца эпохи Эдо (первая половина XIX в.) и до начала периода Сёва (1925 г). Именно эти 12 повозок были зарегистрированы как культурное достояние 23 июля 1970 г.[15] Все *даси* принимают непосредственное участие в Хатиодзи *мацури*, на всем протяжении которого участники провозят их по городу и во время кульминационной части *мацури* вывозят на государственную трассу №20. В связи с такой активной ролью, отведенной повозкам, элементы деревянной резьбы могут трескаться и повреждаться, поэтому, как зарегистрированное культурное достояние, *даси* требуют тщательного ухода. Все мероприятия по уходу за повозкой возлагаются на район, к которому та прикреплена, однако, город выделяет субсидии на их содержание. Поскольку в последнее время объем ремонтных работ значительно возрос и городских средств не хватает, организационные комитеты районов, владеющих *даси*, вынуждены проводить дорогостоящий ремонт за свой счет.

Фактор принадлежности *даси* к «культурному достоянию», пусть на городском уровне, нельзя недооценивать. Некоторые кварталы Хатиодзи, *даси* которых сгорели в пожарах от бомбардировок в конце второй мировой войны, так и не восстановили утраченные повозки. Те же кварталы, которые заново отстроили повозки, не могут претендовать на включение их в список культурного достояния. В целом отношения между районами, владеющими старыми *даси*, и остальными районами, дружеские. Так, квартал Минами-тё регулярно отвозит *даси* с музыкантами-*хаяси*, исполняющими традиционные мелодии, в соседний квартал Тэрамати, оставшийся после войны без *даси,* дабы порадовать соседей фестивальной музыкой. Тем не менее, именно зарегистрированные в качестве культурного достояния *даси* во многом поднимают статус *мацури* и являются несомненным предметом гордости кварталов, обладающих ими.

Во время землетрясения 11 марта 2011 г. ни одна даси не пострадала, да и в масштабе города значительных повреждений удалось избежать. Однако Хатиодзи попал в график по плановым отключениям электроэнергии, которые со второй половины марта начала проводить Токий-

---

15 Хатиодзиси ситэй юкэй бункадзай. Даси тёса хококусё (Зарегистрированные культурные наследия г. Хатиодзи. Отчет об исследовании ритуальных повозок). Хатиодзиси кёикуиинкай, 2011, с. 1–3.

ская электроэнергетическая компания (ТЭПКО). Вероятнее всего, Хатиодзи снова попадет в подобный график на конец июля и август, т. е. месяцы, на которые приходится пик потребления электроэнергии. Во время плановых отключений для поддержания безопасности и в качестве превентивной меры, полицейское управление г. Хатиодзи направляет весь штат на патрулирование города. Этот фактор оказался отнюдь не последним при принятии решения об отмене проведения в городе мацури в 2011 г.

Надо отметить, что в 1995 г., когда произошло землетрясение в Кобэ, Хатиодзи мацури не только не отменили, но и провели с размахом. В ежегодном отчете по проведению фестиваля ничего не сказано ни о январском землетрясении в Кобэ, ни о самоограничениях и трауре. Территориально Токио удален от Кобэ менее чем на 600 км, а от города Сэндай – примерно на 350 км, следовательно, объяснять отмену *мацури* географической близостью нецелесообразно.

14 апреля 2011 г. на расширенном собрании по Хатиодзи выносится решение отменить праздничные мероприятия, запланированные на 5–7 августа 2011 г., из-за нехватки электроэнергии и возможных плановых отключений. Кроме того, высказывалось сомнение в том, что полицейское управление сможет обеспечить безопасность, а также указывалось на прочие возможные трудности в проведении мероприятий[16]. В то же время организационный комитет сообщил через сайт Хатиодзи мацури, что кварталы, владеющие повозками, обдумывают проведение части мероприятий с *даси*, пусть и на локальном уровне, без выхода на государственные трассы №20 и №16.

Мацури отменен на городском уровне, но это не означает, что представители кварталов, участвующих в *мацури* и обладающих повозками-*даси*, согласятся с таким решением. Почти сразу после общегородского собрания, состоявшегося 14-го апреля, организационные комитеты кварталов проводят собственные мини-собрания, на которых обсуждается вероятность проведения *мацури* на локальном уровне. То, что кварталы в этом году *мацури* проводить будут, было решено почти сразу. Возник вопрос выбора дат. Как уже было омечено выше, исторически город Хатиодзи делился на «верхний» и «нижний» районы, вокруг двух синтоистских святилищ, соответственно. Оба храма как 250 лет назад, так и в настоящее время проводят собственные *мацури* и прочие религиозные мероприятия независимо друг от друга. Единым мероприятием, объединившим главные годовые *мацури* обоих святилищ, Хатиодзи мацури стал, как уже упоминалось, лишь в 1966 г. Любопытно, что даты, выбранные «нижним» районом, совпали с датами, на которые с эпохи Эдо и вплоть до второй мировой войны приходился главный

---

16 Уведомление об отмене Хатиодзи мацури опубликовано на сайте фестиваля, http:// www.hachiojimatsuri.jp/

мацури храма Хатиман-ягумо (22–24 июля). Даты проведения мероприятий «верхнего» района еще не объявлены, но, скорее всего, они точно так же совпадут с августовским историческим *мацури* Тагадзиндзя. По словам членов организационного комитета от квартала Минами-тё, отмена Хатиодзи мацури на городском уровне по сути ничего не меняет, лишь бы можно было провезти по кварталу *даси*. Почти за десять лет, прошедшие с тех пор как ядром мероприятий стали повозки, на уровне самоуправления *мацури* окреп настолько, что отмена фестиваля в масштабе города не исключает его проведение на локальном уровне. Подобная ситуация, если и не дает исчерпывающих ответов в меру своей чрезвычайности, все же позволяет сделать некоторые предположения относительно места традиционных фестивалей в современной Японии, а также роли «культурного наследия». Позиция кварталов Хатиодзи примечательна тем, что они довольно четко осознают свою автономность от мэрии города и официальных организаций, принимающих участие в проведении *мацури* еще со времен, когда последний был гражданским фестивалем. Кварталы, традиционно сильные и автономные в эпоху Эдо, постепенно утратили эти черты с середины XIX в. После длительного перерыва они неожиданно показали, что готовы и способны позаботиться о традиционной культуре и не только охранять «культурное наследие», вверенное им предками, но и непрерывно воссоздавать традиционный *мацури* в том виде, в каком он существовал более столетия назад. Как кварталы проведут свои Хатиодзи мацури в 2011 г., покажет время, равно как и то, как будет осуществляться политика в области спасения культурного наследия, пострадавшего от стихийных бедствий в регионах.

Божество Хатиман: истоки почитания и процессия ходзё-э

Г. Б. Спиридонов

В коллекции Санкт-Петербургского Государственного музея истории религии (ГМИР) находятся шесть литографий с изображением религиозного праздника, посвященного божеству Хатиман. Листы имеют размеры 59 на 39 см, и каждый из них обозначен латинскими буквами – A, B, C, D, E, F. Под изображением находится надпись на голландском и немецком языках: «HET FESEST VAN KRIJGSGOD – DAS FEST DES KRIEGS DES KRIEGS GOTTES. HATSIMAN. h». Это уникальная серия гравюр, на которой изображена многоликая процессия *ходзё-э*, проводимая во время праздника. Она представляет религиозный обряд отпускания пойманных рыб, птиц и зверей и предостережения от убийства любых живых существ. В переводе академика Н. И. Конрада – это «обряд выпускания на волю (птиц и животных)»[1]. Буддийская заповедь «не убей живого» проникла в синто в результате синкретизма двух религиозных систем. Этот ритуал проводился повсеместно в Японии весной или осенью в буддийских храмах и синтоистских святилищах, посвященных божеству Хатиман, и рассматривался как праздник урожая, праздник благодарения. Особенно был известен *ходзё-э,* проводимый в синтоистском святилище Хакодзаки-мия в префектуре Фукуока. Он считался одним из трех больших праздников района Хаката. Известны также *ходзё-э* киотского Ивасимидзу Хатиман-гу и в Уса-дзингу префектуры Оита. Согласно преданию, *ходзё-э,* стал почитаться буддийским обрядом после того, как основатель школы Тэндай (кит. Тяньтай) монах Чжи-и (538–597 гг.) увидел, что рыбаки выбрасывают мелкую рыбу, сжалился над нею, купил и выпустил в пруд. В синто началом распространения этого праздника считается 676 г., когда император Тэмму (673–686 гг.) издал указ, согласно которому «отпускание на волю» следовало делать во время стихийных бедствий и синтоистских ритуалов. Впервые обряд *ходзё-э* был проведен в 720 г. в Уса-дзингу как обряд очищения от греха – лишения жизни множества солдат в войнах, проводившихся до того времени. В хронике святилища также записано, что это была церемония по погибшим душам в результате резни племени *хаято* во время захвата острова Кюсю императорским

[1] *Большой* японско-русский словарь – в 2 т. Около 300 тыс. слов и словосочетаний. 2-е издание, исправленное. С приложением иероглифического ключа. Под ред. Н. И. Конрада, С. В. Неверова, К. А. Попова, Н. А. Сыромятникова и др. – М.: Живой язык, 1999. – т.2, с.488.

двором Ямато. С 863 г. этот обряд начинает проводиться в Ивасимидзу Хатиман-гу, а с 948 г. становится императорским праздником.

В Уса-дзингу данный обряд проводился по старому стилю 15 августа, а в настоящее время он проходит в течение трех дней с субботы по понедельник и совмещается с «днем физкультуры», 9 октября. Несмотря на то, что официальное название изменилось на *тюсюсай* (Праздник середины осени), повсеместно широко используется старое название. В этом святилище во время ритуала выпускали ракушек (брюхоногого молюска), а также рыб и птиц. Уса-дзингу относится к группе святилищ северного Кюсю, имеющих сакральную связь с божеством. В нем данный ритуал проводится один раз в десять лет и совмещается с обрядом *тёкусисай* (Праздник, проводимый посланником императора). Следующий должен пройти в 2015 г. В Ивасимидзу Хатиман-гу данный ритуал проводится 15 сентября во время храмового праздника Ивасимидзу-сай. Традиция его проведения пришла из Уса-дзингу, и в 948 г. ритуал начинает проводиться как императорский праздник. Это был один из важных религиозных праздников, проводимых в Киото. К сожалению, он был утрачен и до нашего времени дошел лишь как элемент праздника Ивасимидзу-сай. Через 137 лет, в 2004 г., ритуал был восстановлен в качестве отдельного праздника – Ивасимидзу Хатиман-гу *ходзё-дайкай* (Массовый праздник *ходзё-э* Ивасимидзу Хатиман-гу), проводимого по канонам, сформировавшимся с древних времен в результате синкретизма двух религиозных систем. А в Хакодзаки-мия его проводят с 12 по 18 сентября. Здесь за ним закрепилось еще одно название – «Отпускание на волю груш и хурмы». В эпоху Эдо (1603–1868) этот обряд стал просто увеселением для горожан, на которое собиралось много людей. Так, в 1807 г. на ритуал *ходзё-э рэйдаисай* (Ежегодный праздник *ходзё-э*), проводимый в Тояма Хатиман-гу, собралось столько участников, что рухнул мост.

В коллекцию ГМИР эта серия гравюр поступила от частного лица в 1937 г. Как указано в паспорте на эту литографию, составленном Е. В. Васильевой, в свое время они входили в большую японскую коллекцию Филиппа Франца фон Зибольда (*Philipp Franz von Siebold).* Коллекционер родился 17 февраля 1796 г. в Вюрцбурге, в семье доктора медицины, а скончался 18 октября 1866 г. в Мюнхене. Врач-акушер, Зибольд в 1822 г. поступает на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию в качестве капитана военно-медицинской службы. В 1823 г. через Джакарту он попадает на небольшой насыпной островок Дэдзима рядом с Нагасаки в качестве врача. Зибольд начинает читать лекции по европейской медицине и становится первым европейцем, обучающим японцев западной медицине. В его школе было около 50 учеников. Пациенты и ученики платили Зибольду признательностью и добротой и в знак этого приносили различные предметы, впоследствии ставшие основой его этнографической коллекции. Среди них были гравюры, *нэцкэ*,

различные вещи ручной работы. За время пребывания в этой стране он смог познать ее язык и культуру. Зибольд знакомится с молодой японкой, родившей ему в 1827 г. дочь Кусумо Таки, в будущем первую женщину-врача в Японии. В год рождения дочери он совершает короткое путешествие в Эдо, где у императорского библиотекаря приобретает карту Японии. Спустя два года под предлогом шпионской деятельности Зибольда высылают, и в 1830 г. он возвращается в Голландию. С 1859 по 1862 годы ученый снова живет в Японии, а затем возвращается в Вюрцбург. В 1837 г. Зибольд в своем доме открывает музей. Основной интерес его как ученого был направлен на флору и фауну Японии. На эту тему им написан ряд трудов: «Flora japonica» (Лейден,1835), «Nippon, Archief voor de beschrijving van Japan» (Лейден, 1832), «Chinezisch-japanezisches Wörterbuch» (Лейден, 1838–1841), «Catalogus librorum Japan» (Лейден, 1841), «Fauna japonica» (7 томов, Лейден, 1833–1851, в сотрудничестве с Темминком, Г. Щлегелем и Ван-Гааном), «Isagoge in bibliothecam japon.» (Лейден,1841), «Bibliotheca japonica» (6 томов, Лейден.1833–1841; вместе с И. Гофманом).

Самый последний музей этого ученого – Музей Зибольда – был открыт в июле 1995 г. благодаря деятельности Общества Зибольда и частным пожертвованиям в Японии и Германии. Этот музей посвящен деятельности ученого в этих странах. В Нагасаки и Лейдене также имеются его мемориальные музеи. Частная коллекция Зибольда легла в основу этнографического музея Мюнхена. Его сын Александр после смерти отца передал часть коллекции в Британский музей. Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге приобрела коллекцию гербариев, состоящую из шестисот предметов.

Перед тем, как исследовать какое-либо изображение, анализировать его, необходимо понять суть изображаемого объекта. В данном случае речь идет о процессии, посвященной синтоистскому божеству Хатиман.

В японских научных кругах принято считать Хатимана одним из характерных божеств государства Ямато. Предполагают, что он начал почитаться как божество определенной территории (*тиики ками*) и как божество рода (*удзигами*). Изначальным местом почитания считается местечко Уса на полуострове Кунисаки, являющимся частью острова Кюсю. Согласно хронике «Бунго-но куни фудоки» («Описание земли и нравов провинции Бунго») император Кэйко (71–130), отправляется в военный поход на Кюсю, и захваченная территория становится оконечностью страны, входящей в государство Ямато[2]. Уса становится пограничным районом, а божество Хатиман, появившееся на западной границе Ямато, связывают именно с образованием государства. К первым источникам, в которых упоминается Хатиман, относятся памятник XIV

---

[2] *Иинума К.* Хатимансин това наника (Кто такой бог Хатиман?). – Токио: Какусэнсэнсё, 2004, p. 15.

в. «Сборник текстов Хатиман Уса-мия» («Хатиман Уса-мия готакусэнсю»), а также «История строительства буддийского храма Мироку-дзи» («Мироку-дзи кэнрицу энги»). Согласно им, появление божества относится к середине VI в.[3] По мнению японского исследователя Иинума Кэндзи, упоминание таких персонажей, как Оомива-но Намиёси и Карасима-но Отомэ, имеет отношение к появлению Хатимана. Ученый ставит под сомнение указанную датировку появления божества. В 32-й год правления императора Киммэй (539–571) перед предком рода Оомива (жрецов Уса Хатиман-гу), Оомива-но Намиёси предстает Хатиман в образе трехлетнего ребенка. При правлении императора Бидацу (572–585) он появляется перед молящимся на берегу моря Карасима-но Отомэ – предком рода жрецов Карасима. Затем, через 130 лет, в 710 г. перед теми же Карасима-но Отомэ и Оомива-но Камиёси Хатиман предстает в образе сокола на берегу реки Яцукан-кава. В ознаменование этого события на том месте строится святилище Такаи-ся (Соколиное место) – первое в честь Хатимана. Его строительство относят к 708–715 гг. Согласно сборнику «Хатиман Уса-мия готакусэн-сю» получается, что возраст Оомива-но Камиёси порядка 500–800 лет[4].

В российской японистике проблема культа божества Хатимана, затрагивались многими исследователями в совершенно разных ракурсах. К ним можно отнести Н. И. Конрада, А. Н. Мещерякова и других ученых. В частности, А. А. Накорчевский обозначает Хатимана как оракула, покровителя военных и буддизма. В своем исследовании он опирается на монографию Стюарта Пикена «Главные положения синто»(1994) и на работы французкого синтолога Алана Грапара, называющего местность в районе Уса одной из основных точек древней талассократии, а местное божество оракулом, известным с незапамятных времен. А. А. Накорчевский указывает, что Хатиман становится покровителем военных начинаний, и вследствие того, что бухта Уса использовалась для снаряжения военных экспедиций в Корею, предполагает, что именно с этим и связано появление слова «стяг» в имени божества. А. А. Накорчевский считает возможным истолковать имя Хатиман как «Великий стяг»[5]. Нельзя не отметить «Историю Древней Японии»(2002 г.), написанную А. Н. Мещеряковым в соавторстве М. В. Грачевым, где высказывается достаточно интересная версия происхождения божества, согласно которой Хатиман континентального (корейского) происхождения, и распространение культа стоит относить к более позднему времени. По этой причине, как указывают авторы, имя Хатиман не встречается ни в «Кодзики», ни в «Нихонги». На страницах «Сёку Нихонги» имя Хатиман впервые появляется в связи с успешным подавлением мятежа Фудзивара-но Хи-

---

[3] Там же, с.17.

[4] Там же, с.17.

[5] *Накорчевский А. А.* Синто. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2000 г., с.98–101.

роцуги[6]. Относительно свойств божества, интересны версии, изложенные Л. М. Ермаковой в работе «Боги, святилища, обряды: Энциклопедия синто»(2010 г.). Автор указывает, что имелись толкования его функций как божества моря и кузнечного дела. Заслуживает внимания гипотеза, описанная Л. М. Ермаковой, согласно которой в образе Хатимана соединились бог местности северной области бывшей провинции Бидзэн, острова Кюсю и верование в женское божество южных областей той же провинции. Л. М. Ермакова отмечает, что для возвышения статуса Хатимана до следующего по значимости после Аматэрасу, он предположительно в VI в., был отождествлен с шестнадцатым императором Одзин (201–310 гг.).[7]

Относительно возникновения названия божества, помимо гипотезы, указанной А. А. Накорчевским, существует еще несколько гипотез. Одна из них, описанная Л. М. Ермаковой, соотносит Хатимана с родовым богом клана ткачей Хата[8], а также со словами **«сгоревшее поле» (яки хата), флаг-хата, вывешиваемый в буддийском храме во время празднеств.** Есть версия исследователя Фукунага Кадзу, согласно которой это слово относится к термину, олицетворяющему строй китайской армии – «восемь стягов – четыре штыка»[9]. В подтверждение этого можно процитировать «Хатиман Уса-мия готакусэн-сю»: «Хатиман впервые спустился с небес в замке провинции Каракуни в виде стяга с восьмью зубцами и стал нашим японским богом»[10]. Замок провинции Каракуни – Каракуни-дзё в зависимости от источника может записываться как замок Каракуни области Хюга и замок Каракуни области Суми. Предполагается, что он находился на территории провинции Осуми-но куни, возникшей после отделения от Хюга-но куни четырех уездов в 713 г. С чем можно связать появление Хатимана именно в этом замке. Замок Каракуни-дзё считался перевалочной базой переселенцев, воевавших с племенем *хаято*. И божество замка начинает ассоциироваться с военным флагом. Идея божества, спускающегося на флаг, по мнению К. Фукунага основывается на китайских традициях, которые воплотились в этом замке благодаря традициям переселенцев[11]. Таким образом, это не божество определенной территории, не божество рода, а беспрецедентный случай божества, возникшего в результате политики, проводимой государством. Согласно «Хатиман Уса-мия готакусэнсю», полководец провинции Бунго-но куни Уноноо-хито направился на

---

[6] *Мещеряков А. Н., Грачев М. В.* История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002 г., с. 218.

[7] Боги, святилища, обряды Японии:Энциклопедия синто / под ред. И. С. Смирнова, М.: РГГУ, 2010, с. 95–96.

[8] Там же, с. 95.

[9] *Инума К.* Хатимансин това наника (Кто такой бог Хатиман?). – Токио: Какусэнсэнсё, 2004, с. 19.

[10] Там же.

[11] Там же.

помощь в крепость Каракуни-дзё провинции Осуми-но куни; считается, что в этом походе именно божество Хатиман оберегало солдат этого войска. Жрец (*синкан)* Уса Хатиман-гу Омива Мороо поместил на паланкин (*о-микоси*) в качестве тела божества *(го-синтай*) плетеные *макура* (валик под голову, использующийся вместо подушки), а другой жрец (*нэги*) Карадзима Сугури Хадзумэ направился с ними в Осуми-но куни. К ним присоединились жрецы святилища Хикосан-гонгэн (другое название Хикосан-дзиндзя) и группы монахов буддийских школ Хорэн, Кэгон, Какуман, Тайно они обошли семь крепостей племени *хаято* и истребили множество людей. В 702 г. в провинции Сацума (современная префектура Кагосима), произошел бунт племени хаято. Как отмечает Н. И. Конрад *хаято* жили на о-ве Кюсю, в провинциях Осуми и Сацума, приблизительно там, же где и *кумасо*. Ученый высказывает гипотезу об отождествлении *хаято* с *кумасо*, основываясь на том, что упоминания об обоих племенах никогда не встречаются в одно и тоже время, и наоборот *хаято* появляются лишь после того, как исчезают *кумасо*. На основании этого возникает предположение, что *хаято* – лишь позднейшее наименование тех же *кумасо*, укрепившееся за ними после их окончательного усмирения в VI в.[12] Итак, в 713 г. от провинции Хюга-но куни отделились четыре уезда и образовалась провинция Осуми-но куни. На следующий год 200 семей племени *хаято* покидают провинцию Бунго-но куни, а в 720 г. происходит крупнейший бунт этого племени. Для защиты государства Ямато на горе Огураяма, считающейся местом упокоения божества Хатимана, строится павильон, ориентированный на юг – место нахождения провинции племени *хаято*. Примечательно, что он не был ориентирован на гору – место пребывания божества, как Омива-дзиндзя, где объектом поклонения является гора. Хатиман становится божеством пограничного района, появившегося на границе государства. Его возникновение как божества пограничного района обусловливается в большей степени политической необходимостью вследствие формирования государства со сводом законов. Выход на центральный план родового божества можно считать случайным. Кроме того, до сих пор в японистике остается открытым вопрос, был ли Хатиман родовым божеством? В то время (708–715 гг.) Хатиман считался пограничным божеством района Уса. Божество, появившееся на границе Каракуни-дзё и Уса, считают не кем иным, как Хатиман. Согласно преданиям рода Карасима, которые сохранились в «Мироку-дзи кэнрицу энги» Хатиман появился в местечке Каракуни. Фамилию Карасима связывают с этим географическим названием, и, согласно родословной этого рода, его предком является сын Сусаноо – Исотакэру (Итакэру). Ему поклонялись

---

12 *Конрад Н. И.* Народ и государство. Исторический очерк // История Японии.М.: Ролинц-Русская панорама, 2004, с. 174–175.

в Каракуни Удзуноминэ-дзиндзя в провинции Оосуми[13]. Это все еще раз доказывает, что существовала тесная связь между людьми, перебравшимися из Бунго в Осуми-но куни, и теми, кто проживал в Уса. Несомненно, Хатиман имел глубокую связь с переселенцами, и можно поставить вопрос, мог ли он быть божеством рода Карасима[14]? Род Оомива имел отношение к синтоистскому святилищу Оомива-ся с самого начала появления Хатимана, но нельзя сказать, что у него была монополия на поклонение этому божеству. Хатиман считают военным божеством и божеством, охраняющим границы страны во время борьбы переселенцев из провинции Бунго-но куни против племени *хаято*. Становится понятной теснейшая связь между тем, что переселенцы поклонялись этому божеству и тем, что Божество сражений (*хата-но ками*) и Божество пограничного района *(кёкаи-но ками*), появившееся в Уса, являлись божеством, действующим против племени *хаято*. Также существует гипотеза, на наш взгляд очень интересная, согласно которой это были разные божества. Итак, Божество пограничного района и Военное божество (гунсин) становятся одним божеством Хатиман-син.

Также важно понимание причин становления Хатимана бодхисатвой. А. Н. Мещеряков указывает, что корни взаимовлияния синтоизма и буддизма были обусловлены культурными причинами[15]. Буддийские храмы в первую очередь, стали считаться родовыми храмами, а их божества – покровителями рода. Буддам и бодхисатвам давались в качестве покровителя синтоистские божества, что повлияло на соединение культовых построек двух религий. Первые упоминания о синтоистском святилище, на территории которого находился буддийский алтарь, датируются рубежом VII–VIII вв. В 809 г. в официальных хрониках Хатиман обозначается Великим бодхисатвой (дайбосацу). Принято считать, что «среди синтоистских божеств роль Хатимана в деле магического оберегания буддизма была столь велика (паланкин с его символическим обозначением – *синтай* – был доставлен в Нара для участия в церемониях освещения Тодайдзи), что его стали называть «бодхисатвой Хатиман»[16]. Связь Хатимана с буддийским храмом Тодай-дзи становится прочной еще и потому, что это божество было синтоистским покровителем буддийского храма. Для охраны столицы в честь Хатимана строится Ивасимидзу Хатимангу. И здесь он играет роль, свойственную синтоистским божествам по защите определенной территории. В X в., как отмечает Л. М. Ермакова, Хатиман становится породненным с императором родовым богом клана Сэйва-Гэндзи (Минамото), и Минамо-

---

13 Там же, с. 21.

14 Там же.

15 *Мещеряков А. Н.* Древняя Япониия: буддизм и синтоизм (проблема синкритизма). М., Наука, 1987, с.76.

16 Там же.

то Ёсиэ(1042–1108). И после строительства Цуруока-Хатиман-гу в Камакура, резиденции сёгуна Минамото, значение Хатимана как бога войны возрастает, и ему начинают приписывать победы в сражениях с объединенными армиями Китая (монгольская династия Юань) и Кореи (королевство Когурё). В Хатиман-гу поклоняются трем божествам: это могут быть император Одзин, Великая богиня Химэ и императрица Дзингу(201–269), мать Одзина, или император Одзин, его отец император Тюаи (192–200) и императрица Дзингу. В Японии число храмов, посвященных Хатиману, превышает 20 тыс.[17].

Таким образом, осмыслив гипотезы, связанные с именем божества, с причинами его появления как родового божества, либо как божества пограничного района, а также учитывая и политические причины, обусловившие его отождествление с императором, становлением бодхисаттвой, мы можем перейти к анализу графического изображения.

На первом листе, обозначенном TAB.XI.A имеется надпись на голландском и немецком языках «HET FESEST VAN KRIJGSGOD – DAS FEST DES KRIEGS DES KRIEGS GOTTES. YATSIMAN. h». Так как данная серия литографий представляет собой полиптих, и процессия показана кольцами, переходящими с одного листа на другой, то часть участников шествия с предыдущего листа переходит на последующий. В связи с этим, нарушается последовательность нумерации участников процессии. Нумерация начинается с правого нижнего угла от синтоистских ворот, выполненных в стиле Хатиман-дзукури. Процессия направляется в синтоистское святилище. Два воина во главе процессии одеты в национальные костюмы *катагинэ*. Их головы выбриты, такая прическа называется *когинко,* за пояс заткнуты два меча, *утикатана* и *вакидзасикатана*, в правой руке один из них держит копьё *яри*. По длине копья от 1,8 до 2,5 м можно определить, к какому роду относился воин[18]. Автор изобразил копье небольшой длины, которое, по всей видимости, относилось к вооружению рода Ходзё или Такэда. Обуты они в плетеные сандалии *варадзи*. В следующей группе участников процессии – четыре воина. Двое из них держат бумажные фонари для освещения в темное время суток. Иероглифическая надпись на фонарях, видимо, сделана не японцем. Головной убор воинов называется *наээбоси*. Все их одеяние соответствует воинскому обмундированию эпох Хэйан – Камакура и называется *суикан*, нижняя часть его – укороченные брюки-юбка *суиканбакама* или *кобакама*. Головы двух сопровождающих воинов повернуты в сторону синтоистских жрецов (обозначены цифрой 1). Поражает, с какой подробностью выполнено их одеяние: головной убор – *суиэи-но каммури* с двумя ленточками сзади, летнее кимоно –

---

17 Боги,святилища,обряды Японии. – Энциклопедия синто/под ред. И.С. Смирнова, М, РГГУ, 2010, с. 96.

18 *Носов К. С.* Вооружение самураев. – М.: АСТ, 2001, с. 127.

носи, брюки – *сасинуки.* Рисовальщик доносит до нас орнамент одеяния жрецов. Сразу за ними показаны четыре воина, также одетых в стиле *суика*. Два воина держат в руках поднятые вверх мечи. По их длине можно сказать, что это *тати*. Показан орнамент на рукоятках и гардах. Двое других держат зачехленные мечи *тати* на левом плече. Можно предположить, что воины, изображенные вокруг синтоистских жрецов – охранники.

Следующую группу отделяют два воина с фонарями, надпись на которых не читается. В группе двенадцать воинов; первые двое в правой руке держат лук *юми*. Их одеяние однообразно: на голове наэбоси, верхнее кимоно-*суикан* с орнаментом, длинные брюки – *хакама*, *варадзи* на ногах.

Цифрой 3 обозначен синтоистский жрец, сопровождаемый двумя воинами спереди и сзади, на плечах у них зачехленные *тати*. Одеяние воинов соответствует стилю *суикан* и показано монохромно. Судя по количеству сопровождающих его воинов, синтоистский жрец находится внизу иерархической лестницы жрецов. Показаны его головной убор *камури*, верхнее кимоно *икан* с орнаментом.

Следующая группа, обозначенная цифрой 4, состоит из двенадцати воинов также в одеянии *суикан* и *наээбоси*. Десять из них стоят друг против друга и держат длинные мечи *тати*. Особенно интересны два последних персонажа. У одного из них на спине корзина с факелами, другой воин такую же корзину держит перед собой.

Под цифрой 5 мы видим еще одну группу, состоящую из жреца с жезлом *сяку* в руках и нескольких воинов. Такой жезл используется во время ритуалов и является символом служителя синтоистского культа. Одеяние жреца отличается от одеяния предыдущих служителей культа своей простотой и монохромностью. Перед ним показан один охранник, позади – еще трое, один из них держит на плече зачехленный меч *тати*. Одеяние воинов этой группы также выполнено в стиле *суикан.*

Следующая группа (под номером 6) – процессия из одиннадцати жрецов с жезлами в руках в сопровождении воинов в кимоно *суикан*. Один воин идет впереди, трое других сзади. Их одеяние из летнего кимоно *носи*, брюк *сасинуки*, головного убора *суиэи-но каммури* изображено монохромно. Группа под номером 7 состоит из следующих впереди фонарщиков, на фонарях которых написано, скорее всего, название храма или квартала, и группы из шести воинов в одеянии *суикан,* несущих на плечах длинные копья. По форме заточки можно предположить, что это копья *кагияри*. Другие виды японских копий не имели гард, подобных изображенным на данной гравюре. Рядом с гардой прикреплены флажки в виде трезубца. Далее можно видеть двух воинов в кимоно с гербами, подчеркивающих их положение в обществе.

Группа под номером 8 включает двух воинов, держащих обеими руками мечи *тати,* двух фонарщиков, стоящих за ними, и двух факель-

щиков, расположенных друг против друга. Все они изображены в одеянии *суикан.* Далее мы видим идущего синтоистского жреца с веткой священного дерева *сакаки (*клейра японская) в руках. Кимоно жреца орнаментировано и отличается особой изысканностью. Лицо следующего жреца обращено в сторону сопровождающего его воина, держащегося рукой за меч, прикрепленный к поясу, в руках у него тоже ветка *сакаки*. Орнамент его верхнего кимоно *носи* отличается простотой рисунка, в отличие от одеяния предыдущего жреца.

Под номером 9 обозначен жрец, держащий в руках ящичек с телом божества *(го-синтаи*). Его кимоно отличается большой художественной проработкой (орнамент в виде больших цветов пиона), что подчеркивает его статус и выделяет среди других жрецов. За ним следуют два служителя культа, держащие в руках ветки *сакаки*. Их сопровождают факельщик и охранник.

Далее изображены два исполнителя священного танца (номер 10). Потрясает художественная точность, с которой показаны головные уборы, украшенные колокольчиками, и одеяние участников. Кимоно *носи* танцоров орнаментировано крупными цветами хризантемы. Один из них держит в руке веер. Их сопровождают два воина, у одного кимоно показано монохромно, а у другого орнаментировано. Участники процессии под номером 11 обозначены на следующем листе.

Группу, обозначенную номером 12, составляют воин в одеянии *суикан,* стоящий лицом к зрителям; два жреца в верхних кимоно *носи*, брюках с*асинуки*, головном уборе *суиэи-но каммури*; два воина, идущие след в след. Один из них правой рукой приподнимает меч. Еще один воин следует на незначительном расстоянии. Замыкает эту группу воин с длинным зачехленным копьем.

Следующую группу (№13) возглавляет буддийский монах, изображенный со спины, видна только его выбритая голова и коробочка в руках. Справа от него – воин, которого можно определить по костюму и головному убору. За ними следуют еще двое, у одного из них на плече зачехленный меч *тати*.

Далее виден еще один монах (№14) точно в таком же одеянии, несущий коробочку двумя руками. За ним следуют три воина, двое из которых показаны в монохромных одеяниях *суикан* и головных уборах *наээбоси*, один держит зачехленный меч, и еще один воин показан в головном уборе *ориэбоси.*

Цифрой 15 обозначен факельщик.

Под номером 16 изображен буддийский монах с идущими за ним двумя воинами. У одного из них два меча. Далее самурай в доспехах, с двумя воинами справа от него. Потом идет буддийский монах и два фонарщика. Фонари украшены орнаментом из цветов хризантем. Рядом с фонарщиком стоят два воина, у одного из них головной убор *ориэбоси*, а за ним два буддийских монаха. Примечательно, что у второго монаха

одеяние отличается простотой, безусловно, для того, чтобы подчеркнуть статус первого. Их сопровождают три воина.

Следующая группа (номер 17) включает двух фонарщиков и двух монахов разного положения, о чем говорят отличия в их одеяниях; двух воинов в головных уборах *ориэбоси* (один из них беседует с воином, держащим на плече зачехленный меч *тати*); еще одного участника, поправляющего головной убор, факельщика и двух фонарщиков, замыкающих процессию.

Под номером 18 мы видим буддийского монаха в изысканном одеянии, орнамент которого тщательно проработан. На расстоянии от него изображен еще один монах. Рядом со стоящим факельщиком мы видим воина в головном уборе *ориэбоси* и воина в головном уборе *наээбоси.*

Второй лист серии обозначен TAB.XI.B, и под изображением также имеется надпись на голландском и немецком языках «HET FESEST VAN KRIJGSGOD – DAS FEST DES KRIEGS DES KRIEGS GOTTES. HATSIMAN. h». Данный лист необходимо рассматривать с верхнего правого края, где изображены персонажи процессии, обозначенные под номером 11 и не вошедшие в первый лист серии. Воин в кимоно *суикан* с орнаментом и головном уборе *наээбоси* стремительно шагает вперед, рядом с ним изображен воин в таком же одеянии, но выполненном монохромно, он наблюдает за солдатами, переносящими четыре ящика. На литографии с потрясающей тщательностью обозначены горизонтальные и вертикальные линии, образующие ящики, ремни, которыми они перевязаны, палки, с помощью которых их переносят. Украшающий их орнамент показывает, что перед нами не просто деревянные ящики, а предметы культа. Каждый ящик несут два воина. За воинами, переносящими первые два ящика, следуют два жреца в головных уборах *суиэи-но каммури*, за ними – четыре воина в одеянии *суикан*, двое из них на плечах несут зачехленные мечи, и один в руке держит поднятым вверх меч *тати*. Далее идут еще два воина, следом четверо проносят священные ящики. И замыкает эту группу фигура воина.

Затем стоит перевести взгляд на нижний правый угол литографии, где изображена часть группы, обозначенная номером 18. За двумя фонарщиками, держащими на шестах фонари, украшенные цветами хризантемы, следует буддийский монах с веером в правой руке. Его сопровождают еще один монах, три воина в головных уборах *наээбоси* и еще один в головном уборе *ориэбоси*. И замыкает эту группу участник процессии, несущий на плече зачехленный меч *тати*.

Во главе группы, обозначенной номером 19, показаны два фонарщика. Их бумажные фонари декорированы рисунком, обведенным кругом. Далее следует воин–аристократ в головном уборе *ориэбоси,* кимоно *суо*, декорированное геометрическим орнаментом. Его сопровождают шесть воинов. Трое слева от него: один в монохромном кимоно *суикан* и головном уборе *наээбоси*; другой в головном уборе ориэбоси и орна-

ментированном кимоно *катагину* и третий в головном уборе *наээбоси* и кимоно *суикан*, декорированном листьями японского клена. Справа от аристократа изображены: воин в кимоно *суикан* и в головном уборе наээбоси, в руках у него факел, воин-самурай с выбритой головой, на которой торжественно восседает *ориэбоси*. Самурай изображен к нам спиной, что дает возможность тщательно рассмотреть особенности его одеяния сзади. Это костюм *даймон*, украшенный гербами рода, к которому принадлежит воин. С левого бока свисают два меча *вакидзасикатана* и *утикатана*. И еще мы можем видеть одного воина в кимоно *суикан*.

Под номером 20 обозначен жрец, облаченный в кимоно *носи,* головном уборе *суиэи каммури*, в поклоне освещающий путь факелом следующему за ним буддийскому монаху.

Группу, помеченную номером 21, возглавляет буддийский монах. Его костюм выделяется из одеяний ранее виденных монахов наличием большого пояса, в правой руке он держит веер. Слева монаха сопровождает воин в головном уборе *наээбоси* и кимоно *суикан*, украшенном гербом рода. Воин справа от монаха изображен в точно таком же кимоно, как и воин слева, но в брюках *сасинуки* в отличие от брюк *кобакама* левого воина. За монахом следует воин-аристократ в ориэбоси и кимоно *суо*, декорированное орнаментом. Интересен жест правой руки – он пытается оттянуть край кимоно. Очевидно, очень жарко. Воина-аристократа по сторонам также сопровождают воины; костюм левого воина состоит из *наээбоси* и кимоно *суикан*, орнаментированного листьями клёна. Костюм правого воина отличается лишь орнамент кимоно, выполненный в виде вееров. За этим воином мы можем видеть двух самураев. Один изображен боком, он одет в кимоно *суикан*, на нем головной убор *ориэбоси*, а другой воин изображен со спины. Мы можем видеть его выбритую голову, кимоно *камисимо*, торчащие края мечей *вакидзасикатана* и *утикатана*. Вызывает интерес еще один персонаж – воин в одеянии *суикан*, несущий небольшой ящик на котором лежит пара обуви. Его сопровождают два воина в монохромных кимоно *суикан*, один из которых несет на левом плече зачехленный меч *тати*. Другой развернут в сторону следующей группы процессии, и примечательно, что за его спиной висит длинный плетеный ящик.

Следующую группу под номером 22 возглавляют два фонарщика. Оба фонаря украшены изображением бабочек. Далее следуют три факельщика, стоящие друг напротив друга. Примечательно, что одеяние их имеют небольшие отличия. Например, два фонарщика, стоящие друг напротив друга, одеты в кимоно *суикан* и головной убор *наээбоси*, но у одного из них кимоно орнаментировано и одеты брюки *сасинуки*, в отличие от *кобакама* воина, изображенного к нам спиной. Рядом с ним изображен факельщик в ориэбоси, сквозь который видна выбритая голова. Он одет в кимоно камисимо, брюки кобакама, а из-за пояса торчат

два меча. Далее следуют по освещенному пути два воина аристократа. На головах у них *ориэбоси*. Их сопровождают сзади два воина в *наээбоси* и орнаментированном кимоно *суикан*. Далее следует синтоистский жрец, освещающий факелом дорогу следующему за ним буддийскому монаху. Уже узнаваемый головной убор *суиэи каммури*, кимоно *носи* и брюки *сасинуки*, – являющиеся непременным атрибутом синтоистского жреца. Руки буддийского монаха засунуты в рукава одеяния. Справа и сзади от него изображены два воина в орнаментированном листьями японского клена кимоно *икан* и головном уборе *наээбоси*. С левого бока свисают боевые мечи самурая. Далее мы видим двух воинов в таком же одеянии, но кимоно украшено орнаментом из гербов. Далее следуют два воина в кимоно из полосатой ткани в стиле *су,* в брюках *кобакама* и в *ориэбоси*. Далее мы видим воина, держащего в руках полочку с парой обуви и фонарь на длинном шесте с изображением хризантемы. Рядом с ним шествует фонарщик. Еще мы видим воина, несущего на левом плече зачехленный меч *тати*. Далее следуют четыре воина с факелами, стоящие друг напротив друга и воин в одеянии *камисимо*. Его сопровождают по сторонам и сзади шесть воинов. Они изображены в разных одеяниях и головных уборах, но у всех видны рукояти мечей.

Под номером 23 обозначен буддийский монах в сопровождении синтоистского жреца, освещающего ему путь. Кимоно монаха перевязано поясом, за который воткнут сложенный веер.

Следующая группа (номер 24) состоит из девяти воинов. Кимоно их разнообразно и по орнаменту, и по стилю – *касимо* и *суикан*, головные уборы – *наээбоси* и *ориэбоси*. Один воин согнулся, другой несет зачехленный меч. Привлекает внимание сундук на спине последнего воина этой группы.

Далее видна группа из двенадцати участников (25). Впереди два фонарщика, их фонари украшены цветком пиона, а затем воины с факелами. Их костюмы разнообразны – от *наээбоси* и кимоно в стиле *суикан* и брюк *кобакама* до комплекта, состоящего из головного убора *ориэбоси*, орнаментированного кимоно *суо* и брюк *хакама*. У некоторых воинов позади этой группы, кимоно в стиле *суикан* украшено орнаментом в виде листьев клена.

Группу под номером 26 из семи участников возглавляют жрец с факелом в руках в головном уборе *суиэи-но каммури* и кимоно *носи* и воин в кимоно *суика* декорировано листьями клена. Далее следует буддийский монах, по одеянию которого можно предположить, что он занимает высокий пост в иерархии монахов. За ним следуют два воина в головных уборах *наээбоси* и кимоно, орнаментированных листьями клена. За ними следует самурай с выбритой головой, в кимоно *камисимо*. В самом конце этой группы изображен воин, несущий зачехленный меч *тати*.

Под номером 27 изображена еще одна группа из восьми участников. Ее возглавляют два фонарщика. Одеяние воинов состоит из кимоно в стиле *суикан*, *носи* и *камисимо и* головных уборов *наээбоси* и *ориэбоси*.

Следующую группу (номер 28) составляют факельщик, освещающий путь аристократу, и сопровождающему его воину. Факельщик и воин одеты в кимоно стиля *суикан*, короткие брюки *кобакама* и головной убор *наээбоси*. У аристократа также одета *наээбоси*, но кимоно в стиле *суо* украшенно гербами. Герб представляет собой круг, в центре которого изображена сфера, вокруг которой еще пять окружностей. Среди самурайских гербов известен герб рода Хосокава – восемь сфер, расположенных вокруг одной центральной. Художник не очень точно показал этот герб, скорее это стилизация под самурайский герб.

Под номером 29 изображен факельщик, одетый в костюм жреца из головного убора *суиэи-но каммури* и кимоно в стиле *носи*.

За ним следует группа из четырех участников – монаха и трех воинов (номер 30). Головные уборы у них – *наээбоси*, а костюмы двух воинов соответствует стилю *суикан* и украшены орнаментом (листья клена у одного, геометрический орнамент у другого). Кимоно третьего воина украшено гербами (лепестки цветка, размещенные в центре сферы). Скорее всего, это – вариация на тему японских гербов. Пояс у монаха изображен неправдоподобно большим.

Два буддийских монаха обозначены номером 31.

Под номером 32 мы видим группу из семи воинов. Пятеро из них в головных уборах *наээбоси* и кимоно *суикан*. У первых трех воинов костюмы декорированы растительным орнаментом. Двое других одеты в кимоно *камисимо*, их головы выбриты. Один из воинов изображен со спины, видно только, что он держит в руках ящик.

Следующая группа из семи участников обозначена номером 33. Впереди два факельщика, за ними воин-аристократ в орнаментированном кимоно в стиле *сокутаи* и в головном уборе *суиэи-но каммури*. На спине у него висит колчан со стрелами. Один воин держит меч, двое других освещают факелами путь. Их одеяние состоят из кимоно в стиле *суикан* и головного убора *наээбоси*. Следующий участник поместился на листе гравюры только частично. Он держит в руках факел, его кимоно орнаментировано гербами.

В нижнем левом углу гравюры показан эпизод процессии, обозначенный номерами 43 и 44. Группа под номером 43 состоит из трех воинов в кимоно *суикан* и коротких брюках *кобакама*, двое из них освещают путь факелами, а один на плече несет зачехленный меч *тати*. К этой же группе относится аристократ в костюме *сокутай* эпохи Хэйан. Привлекает внимание его головной убор *кэнъэй-но каммури*. Далее можно видеть двух воинов в кимоно в стиле *суикан,* которые ведут лошадь. С первого взгляда понятно, что голова лошади нарисована не профессионально, и напоминает скорее голову собаки. Далее следуют

пять воинов, и только у одного кимоно декорировано. Один из них на плече несет зачехленный меч.

Следующая группа под номером 44 состоит из четырех участников. Ее возглавляет аристократ в кимоно в стиле *сокутаи* и головном уборе *кэнъэй-но каммури*. За ним следуют три воина, ведущих лошадь. Они одеты в кимоно в стиле *суикан*, у одного из них оно украшено орнаментом, и длинные брюки *хакама*. По голове и этой лошади можно сказать, что художник, создавший рисунок для гравюры, не умел рисовать этих животных. Поскольку шея животного согнута, оно как бы сопротивляется, то можно предположить, что животное ведут в гору. Это священная лошадь белого цвета *симмэ*, предназначенная для божества. Первоначально во всех синтоистских святилищах содержали лошадей.

Третий лист серии обозначен TAB.XI.C, и под изображением также имеется надпись на голландском и немецком языках «HET FESEST VAN KRIJGSGOD – DAS FEST DES KRIEGS DES KRIEGS GOTTES. HATSIMAN. h». Лист необходимо рассматривать с верхнего правого угла, где видна половина фигуры участника из группы номер 33 и участники процессии, обозначенные под номером 34. Это четыре танцора, которых ведут трое сопровождающих. Они облачены в одеяния, изображающие китайского льва (*карасиси, карадзиси*) и собаку (*комаину*) из страны Когурё. Моделью для их изображения послужил лев. Одним из отличий этих двух мифических животных является рог на голове *комаину*. Такие танцы проводились перед святилищами или в специальных павильонах *маи-дэн, кагура-дэн*, а также во время движения процессии. Танец львов имел разные формы: исполнителем мог быть всего один участник, кроме маски использовался и барабан, висящий на шее танцора. Головы в костюмах *карасиси* и *комаину* являются телом божества *го-синтай*. Такие танцы проводились для очищения, изгнания зла и темных сил. Танец, изображенный на этом листе, выполняют по два актера на каждый костюм. Один актер надевает маску животного, а другой управляет задней частью туловища.

Под номером 35 изображены два факельщика, которые освещают путь четырем всадникам. Обращают на себя внимание их головные уборы. Их кимоно представляет *суикан*, орнаментировано. Далее под номером 36 видны два беседующих воина.

Группа участников, выделенная номерами 37, 38 и 39 с первого взгляда может показаться одноликой только потому, что их костюмы однообразны: головной убор *суиэи-но каммури* и кимоно в стиле *носи*. Группа под номером 37 повернута к нам спинами. Видно лишь, что ей освещает путь фонарщик. Сюда же входят два жреца под номером 38.

Под номером 39 представлен ритуальный оркестр. Первые пять участников играют на удивительных, необычных по форме музыкальных инструментах фуэ или *сё-но фуэ*, которые состоят из бамбуковых тру-

бочек, числом от 13 до 19. Очень точно переданы особенности этого музыкального инструмента. Следующие трое музыкантов играют на флейтах. Недостаточная детализация в рисунке не позволяет сказать, что это за вид флейты из существующего многообразия флейт в Японии. Нам кажется, что этот тип флейты называется *хирарики* или *кагурабуэ*.

Под следующими номерами 40–42 изображен еще один оркестр. Музыканты и носильщики громоздких музыкальных инструментов одеты в монотонные кимоно стиля *суикан* и головные уборы *наээбоси*. Одеяния сопровождающих их двух синтоистских жрецов похожи на кимоно стиля *носи*. Размеры их музыкальных инструментов – барабанов большого размера – сопоставимы с половиной человеческого роста. Они называются *миятайко* или *цуритайко*. На гравюре передан декор верхней части этих трех барабанов, напоминающий по своей форме языки пламени. Другая часть участников изображена на предыдущем листе, обозначенном буквой B.

Итак, мы возвращаемся в нижний правый угол этого листа. Здесь изображены участники, обозначенные от номера 45 до номера 56. Подобные персонажи мы уже могли видеть на листах A и B. Это синтоистские жрецы и воины. Одеяние участников также повторяется. Это – монохромные или полихромные кимоно в стиле *суикан*, короткие брюки *кобакама* и головной убор *наээбоси*; кимоно в стиле *камисимо* и головной убор *ориэбоси*; и, безусловно, кимоно в стиле *носи* и головной убор *суиэи-но боси*. Особенно хочется выделить воинов, обозначенных номерами 45,46,52,53, 54, 55 и 56. Их костюм соответствует, как уже отмечалось, одежде аристократа эпохи Хэйан: кимоно в стиле *сокутай* и головной убор *кэнэй-но каммури*. У каждого из них за спиной висит колчан со стрелами, у одного из аристократов в группах, отмеченных номерами 52 и 54 за спиной виден висящий лук *юми*.

Четвертый лист серии обозначен TAB.XI.D, и под изображением также имеется надпись на голландском и немецком языках. На этом листе изображены участники процессии, обозначенные номерами от 57 до 92. Участники процессии – воины, несущие зачехленные мечи, жрецы, фонарщики, факельщики. На этом листе невольно бросается в глаза группа, обозначенная номерами 60 – 69. Главным участником процессии здесь является паланкин *о-микоси*, в которое на время праздника переселяется божество. Поскольку праздник посвящен Хатиману, можно предположить, что в нем обитает дух этого божества. На крыше паланкина, украшенной цветами хризантемы, восседает фантастическая птица *хо* из китайской мифологии. По описанию сзади она похожа на оленя, спереди на единорога; шея, как у змеи; спина, как у черепахи; хвост, как у рыбы; клюв, как у курицы. Считается, что она излучает пятицветное сияние, и ее голос имеет пять тональностей. Питается птица плодами бамбука и пьет воду из чудотворных источников; самец называется *хо*, а самка – *о*. Появление этой птицы рассматривалось как сча-

стливое предзнаменование, поэтому ее изображение становится элементом декора священных паланкинов. Четыре стороны под крышей, как правило, также украшаются скульптурами фантастических животных – защитников четырех сторон света. Но на паланкине, изображенном на нашей литографии, данные элементы декора не отражены. Паланкин несут на плечах восемь человек спереди и семеро сзади. Обращают, на себя внимание двое жрецов, размахивающих длинными опахалами, чтобы божеству не было жарко.

Участники процессии под номерами 66, 67, 68, 69 несут на плечах различную утварь: подставки для паланкина, декорированную коробку, в которой, возможно, находятся предметы культа, длинный ящик. Время от времени эта процессия останавливается, паланкин ставится на подставки, достаются предметы культа и служится ритуал. Участники, выделенные номерами 83–92, также изображены несущими паланкин и сопутствующие предметы.

Пятый лист серии обозначен TAB.XI.E, и под изображением также имеется надпись на голландском и немецком языках. Участники обозначены номерами от 77 до117. Это также жрецы, воины, несущие зачехленные мечи *mamu*, фонарщики и так далее. Обращает на себя внимание воин, ведущий лошадь. Это не просто лошадь для знатного участника процессии, а как уже говорилось, священное животное, предназначенное для божества. Персонажи под номерами 77 по 81, не вошедшие в предыдущий лист гравюры, расположены в правом верхнем углу. Жрецы под номерами 93 и 94 несут предметы культа. Далее под номером 100 можно видеть еще одну священную лошадь, скорее всего приведенную из другого храма. Также можно отметить участников №107–113, переносящих священный паланкин и предметы культа. Участник в одеянии аристократа периода Хэйан обозначен под номером 116, а под номером 115 такой же аристократ изображен со спины, у него колчан со стрелами. Жрец (номер 117) несет декорированную коробку вытянутой формы. Участники одной из групп процессии, в основном изображенные на следующем листе, частично показаны в верхнем левом углу. Это – часть группы под номером 126 и группы 127–129. Заслуживают внимания две дамы, изображенные под номером 128. Видимо, это госпожа со служанкой.

Шестой лист серии обозначен TAB.XI.F. Под изображением имеется надпись на голландском и немецком языках. На листе также можно видеть всех участников процессии, изображенных на предыдущих листах: фонарщиков, факельщиков, жрецов, воинов в различных костюмах как по форме, так и по цветовому решению. Следует выделить священную лошадь, обозначенную номером 125, девять воинов (под номером 135), несущих ящики с предметами культа и многочисленную группу воинов (под номером 146) с копьями, завершающую эту процессию.

К сожалению, по этой гравюре невозможно определить место проведения ритуала, не ясно, это Уса Хатиман-гу, или Ивасимидзу Хатимангу, либо другое святилище. Поскольку Зибольд находился на островке Дэдзима, рядом с островом Кюсю, можно предположить, что он мог видеть либо сам ритуал, либо к нему попали изображения ритуала, проводимого именно в Уса Хатиман-гу. А. Н. Мещеряков, основываясь на сделанном Хирата Ацутанэ в начале IX столетия описании ритуала ходзё-э в Ивасимидзу Хатиман-гу, отмечает, что во время проводов Хатимана, участники облачались в белые одеяния, используемые при погребении. И проводы божества в горы, рассматривались как проводы в иной мир. Горы считались одним из мест постоянного обитания божеств. Несмотря на то, что церемония освобождения живых существ проводилась в соответствии с нормами буддийской добродетели, но по типологии обряд (встреча и проводы божества), в котором использовались *о-микоси* и принимали участие синтоистские жрецы, следует считать синтоистским[19]. Возможно, на гравюре показана процессия, возвращающаяся в святилище после проводов в горы.

Таким образом, перед нами уникальная серия гравюр, раскрывающая характер и, несомненно, этнографическую составляющую праздника посвященного божеству Хатиману. Уникальность еще состоит и в том, что рисунки для литографии были сделаны не японским художником. Но, несмотря на это, сохранена неповторимая «японская» составляющая ритуала, изображенного на гравюре. Доказательством этому служат иероглифические надписи и манера изображения японских лиц. Очевидно, рисовальщик не был знаком, с традицией рисования лица и изобразил лики участников процессии такими, как он (рисовальщик) видел азиатское лицо. Мы не знаем имени рисовальщика, автора литографии. Возможно, она выполнена самим Зибольдом, но мы не знаем, умел ли коллекционер рисовать. Также можно предположить, что рисунок является копированием японской гравюры, рисунка, выполненного японским художником. Невозможно показать такую детализацию одежды не зная, не изучая при этом японский костюм. У нас нет данных, что Зибольд занимался историей японского костюма, и в Европе XIX в. не было этнографических исследований по этому вопросу, которые могли бы стать базой для европейского художника. Данную серию можно назвать «поэмой», посвященной Хатиману. И еще о художнике. На наш взгляд, он был любителем или учащимся, у которого некоторые предметы при изображении вызывали несомненную трудность (головы лошадей, руки участников процессии). Художник не вполне владеет карандашом. Встречаются и несовпадения, например голова не попадает в головной убор, который изображен большим по размеру. Художник использует интересное решение – размещает процессию в два ряда

[19] Там же, с.124–125.

на всех листах гравюры, а на листе B и C – в три ряда. Для того чтобы оживить процессию, чтобы ряды не казались статичными, они показываются петлями разной формы. Процессия начинается на равнине перед синтоистскими воротами (лист A) и постепенно уходит в горы. Отдельные скалы отделяют одну петлю процессии от другой. Весьма интересное решение: чем дальше процессия находится от места кульминации, тем рельеф местности становится более сложным. Для соединения «разорванных» петель процессии используются деревья. Так, на листе B изображены четыре дерева, два из них на переднем плане, уходящие стволами вверх, соединяют весь рисунок воедино и, несомненно, оживляют его.

Все участники процессии – жрецы, монахи, воины показаны не статично, они разного роста, толстые, худые, чем-то занимаются в данный момент. Даже их взгляды направлены в разные стороны. Кто-то в поклоне освещает путь монаху, а кто-то, обернувшись назад, наблюдает за воинами, несущими ящики. Музыканты творят музыку. Барабанные палочки как бы застыли в воздухе. На гравюре показан миг, мгновение. Создается впечатление, что если отпустить «паузу», изображение оживет, и процессия будет продолжать свой путь.

Особое внимание уделено изображению японского костюма. Достаточно четко переданы особенности головных уборов. Их форма, наличие ленточек, завязочек, позволяют отличать *суиэ-но каммури* от *кэнэй-но каммури* и *наээбоси*. Представлено два вида традиционных японских брюк *кобакама* и *хакама*, а традиционное японское платье – кимоно – показано в стиле *камисимо, катагинэ, суикан, носи, суо, сокутаи*, кимоно с гербами. Европейским рисовальщиком передано разнообразие декора одежды японского традиционного костюма, подчеркнута его орнаментальная составляющая. В затруднении передать тот или иной орнамент, художник идет на хитрость – выполняет стилизацию, используя освоенный орнамент и перефразируя его.

С такой же тщательностью показано самурайское оружие. Это мечи разных видов – *утикатана* и *вакидзасикатана*, *тати*. На литографии переданы основные их особенности – длина и форма; художник не забывает и про гарды, и про орнамент рукояти мечей. Также у воинов показано и другое оружие, использовавшееся в тот период времени – копья *яри*, лук *юми*, стрелы.

Заслуживает внимания знание рисовальщиком японских традиционных инструментов, использовавшихся во время ритуалов: флейты *сё-но фуэ, кагурабуэ*, барабана *миятайко*. Необходимо добавить, что достоверно прорисованы паланкины для синтоистских божеств, а также люди, несущие с собой предметы ритуала. В настоящее время одеяния участников процессии, несущих паланкины, отличаются от изображенных на литографии. На листе D изображено два паланкина, а на листе E

– еще один, всего три. Таким образом, можно заключить, что во время данного ритуала использовались паланкины Хатиман, императрицы Дзингу и императора Одзин. Эти три божества вызывались жрецами к началу ритуала.

Автор черно-белого изображения – литографии способен показать время суток, когда проходит процессия. Для этого он вводит фонарщиков и факельщиков. На этом искусство мастера не ограничивается, он способен передать климат, ощущение жары во время действа. Для этого художник показывает участников процессии, оттягивающих от своего липкого тела кимоно, многие персонажи изображены обмахивающимися веерами, у других они видны за поясом.

В процессии отражен синкретизм двух религиозных систем синто и буддизма и, в определенной степени, отражено их положение. На первом плане, во главе процессии изображаются только синтоистские жрецы. В середине и в конце процессии можно видеть буддийских монахов. В одной процессии показаны синтоистские жрецы и буддийские монахи. Примечательно, что синтоистские жрецы изображены в поклоне, освещающими путь буддийским монахам, но не наоборот.

Мураками Такаси и его теория суперплоскости

Е. Л. Катасонова

В современной японской культуре постмодерна фамилия Мураками является культовой: Мураками Харуки, Мураками Рю – властители дум современного поколения японцев, а Мураками Такаси – живописец их эстетических пристрастий и увлечений.

Мураками Такаси – один из самых известных японских художников. Он является пионером японской поп-культуры и лидером японского нео-поп-арта. Ему предоставляют престижные выставочные залы, центры мировой живописи, его портреты украшают обложки журналов, его работы коллекционирует большие ценители мирового искусства и т. д. В 2010 г. он выставлял свои работы в Версальском дворце, вызвав весьма неоднозначную реакцию среди французской общественности, шокированной абсолютным несоответствием авангардного искусства художника с роскошью и великолепием этого дворца. Но художника это вовсе не смущает, ведь все как всегда было рассчитано на новую сенсацию, работающую на очередную «раскрутку» его имени в Европе. Да к тому же, кроме скандала в прессе, который он сразу же использовал в свою пользу, Мураками получил возможность продемонстрировать многочисленным посетителям Версаля свое искусство, чем не может похвастать ни один японский художник. Тем более, что для японцев Версаль – символ Запада, эталон элегатности, аристократизма и утонченного вкуса.

Мураками – большой любитель эпатажа. В своих работах он мастерски смешивает прошлое и будущее, низкое и высокое в искусстве, традиции и авангард, искусно играет с оппозицией Восток – Запад и т. д. Но при этом он всегда остается последовательным поборником национальных традиций, утверждая своими работами особый статус национальной культуры в истории страны.

Однако это не мешает ему быть одновременно и ярым пропагандистом современного искусства, рожденного под влиянием американских и европейских образцов. Он восхищается подростковыми манга-комиксами, черпает вдохновение в анимэ-персонажах (его любимые герои – покемоны) и поп-артовских объектах западной культуры, испытывая ярко выраженный пиетет перед западными лидерами поп-арта, и, прежде всего, перед Энди Уорхолом. По примеру Уорхола Мураками создал собственную фабрику – корпорацию «Kaikai Kiki», под крышей которой он собрал команду из 30 человек – ассистентов и молодых художников. Главное требование при отборе помощников он выразил предельно

четко: «Они должны создавать странные, необычные, причудливые и одержимые страстью работы, должны жить тем, что они делают»[1].

Другой абсолютный кумир для Мураками – художник Фрэнсис Бэкон, о чем можно судить даже по таким его работам, как портреты Джорджа Дайера и Изабель Ровстори. «Работы Бэкона, – говорит Мураками, – невозможно понять рационально, он великолепно использует деформацию для достижения чувства нереального. Одновременно с этим мир Бэкона куда более реален, чем любой другой художественный мир, потому что он заключает в себе разложение, свойственное реальности. Мы болеем, стареем, умираем, и ему удалость выразить этот процесс изобразительно»[2]. А еще для Мураками непререкаемым авторитетом является великий компьютерный магнат Билл Гейтс, а также его книга «Бизнес со скоростью мысли», а самыми любимыми режиссерами еще с детских лет стали Уолт Дисней и Джордж Лукас.

Творчество художника весьма разнообразно и представляет собой практически все сегменты современного арт-рынка. Художник с одинаковым энтузиазмом и поразительной продуктивностью работает над созданием картин, современной скульптуры, анимэ, иллюстраций книг и обложек для дисков модных певцов, занимается всякого рода инсталляциями и арт-объектами наряду с широким спектром коммерческих продуктов, начиная от брелков, футболок, ковриков для компьютерных мышей и кончая гламурными сумками, изготовленными по заказу всемирно известной фирмы Louis Vuitton. Кроме того Мураками занимается издательской, преподавательской, дизайнерской, продюсерской и выставочной деятельностью внутри страны и за рубежом, всевозможными акциями в поддержку молодых художников и своих коллег по нео-поп-арту, а также на его счету немалое число искусствоведческих работ по проблемам современной японской культуры.

Родившись в 1962 г. в Токио в бедной семье таксиста и домохозяйки, Мураками еще ребенком мечтал снимать мультфильмы. Однако, поступив в токийский Университет изящных искусств и музыки (1986–1993 гг.), а затем обучаясь в аспирантуре этого престижного учебного заведения, он избрал для себя классическое образование на факультете традиционной японской живописи – «нихонга». Закончив аспирантуру, Маруками получил по этой специальности докторскую степень. Овладев основами японской художественной традиции, Мураками в своем творчестве все-таки вернулся к своей детской мечте: популярность *анимэ* и *манга* направили его интерес к искусству современной японской массовой культуры, поскольку, по признанию самого художника, именно она «наиболее ярко представляет современную Японию»[3].

---

[1] www.proza.ru
[2] Ibid.
[3] http: //ru.wikipedia.org

Причисляя себя к первому поколению «*отаку*» – фанатов *манга*, *анимэ*, видео- и компьютерных игр, других направлений современного японского массового искусства и являясь последовательным защитником их художественных пристрастий, Мураками открыто заявляет о всевластии в японском художественном мире субкультуры «*отаку*». «Когда я думаю о том, что представляет собой японская культура, я прихожу к выводу, что она вся принадлежит субкультуре»[4], – заявляет художник, имея в виду субкультуру «*отаку*».

Он даже ввел в обиход неологизм «Po-Ku Revolution», сформированный из первых слогов двух слов «поп» и «*отаку*» – нечто среднее между словами поп-арт и «отаку», что символизирует собой смешение японской и американской поп-культур. Ситуацию в современной японской поп-культуре он сравнивает с революцией, имея в виду те огромные перемены в художественных приоритетах и эстетических идеалах, которые претерпевает сегодня японское искусство и общество в целом. «Искусство – бескровная революция», – написано на стене его офиса[5].

Его любимые герои – это забавные очеловеченные цветы, улыбающиеся грибы, веселые инопланетяне и т. д. Но, все его работы, по признанию художника, не являются исключительно плодом его фантазии, «все в них вызвано к жизни тем или иным культурным явлением и ассоциативно связано с ним», а трактовка образов и сюжетов его картин во многом «зависит от того, что сами зрители захотят увидеть»[6]. Знатоки его творчества заявляют: «Сюрреалистический happy art Мураками скорее всего своего рода антоним детально выписанных в разное время ужасов Босха и Брегеля»[7]. Но, если классики отразили в своем творчестве весь пессимизм своего времени и неверие в будущее, то у Мураками даже пессимизм выглядит игрушечным.

Возможно, в силу этих причин цветы, например, на полотнах японского художника почти всегда выглядят яркими, красивыми и одновременно какими-то непривычно активными и даже несколько вызывающими, что в полной мере отражает двоякое отношение художника к своего рода «цветочному комплексу». В душе художника чувство трогательного восхищения перед красотой этих творений природы нередко уступает место изрядно поднадоевшей привычке и естественному раздражению из-за необходимости изо дня в день обращаться к одной и той же цветочной тематимаке. Дело в том, что Мураками долго практиковался в изображении цветов во время подготовки к вступительному экзамену в Токийский национальный университет искусства и музыки на факультет традиционного искусства – нихонга, где изображению цве-

---

[4] Ibid.
[5] http://artradarasia.worldpress.com
[6] www.proza.ru
[7] http://andrei-fesyun.livejournal.com

тов отводится особое внимание. Затем совершенствовал свое мастерство во время учебы в вузе и в аспирантуре, а потом стал преподавать графику студентам, которых опять же учил рисовать цветы.

Другой не менее популярный образ – грибы. «Для меня гриб – это нечто одновременно сексуальное и милое, кавайное, вызывающее – особенно в европейском воображении – ассоциации с волшебными сказками», – признается он [8]. Художник даже указывает на то, что, както путешествуя по Японии, он заехал в музей художника *Такэхиса Юмэдзи* и увидел там шарфы с узорами из грибов. И это буквально поразило его художественное воображение. Но этими ассоциациями не ограничивается творческая фантазия Мураками. «Грибы на моих рисунках, – поясняет художник, – могут восприниматься еще и в историческом контексте как метафоры трагедии Хиросимы и Нагасаки, как символ атомной бомбы. Это очень важно для людей моего поколения»[9]. И в действительности, достаточно обратиться к его известной картине «Бокан» и другим многочисленным полотнам, чтобы убедиться в том, что легкие очертания взорвавшейся бомбы в виде газообразного облака часто можно уловить даже в абсолютно абстрактных образах.

И все-таки главным героем работ Мураками является придуманный им в 1993 г. Mr. DOB – психоделический мальчик с широченной белозубой улыбкой, широко раскрытыми глазами. Позже к Mr. DOBу присоединились его друзья – кислотные грибочки, летающие глаза и т. д. «Мистер Доб – это результат эксперимента, – вспоминает Мураками. – Я хотел проверить, каким образом на свет появляются популярные персонажи, которые остаются значимыми и хорошо продаваемыми через десятки лет после их создания – такие, как тот же Микки-Маус, ежик Сони, “Hello Kitty” или вроде того»[10].

Мураками любит шокировать публику своими нестандартными идеями и откровенными оригинальными признаниями, а также необычностью художественных образов своих картин и других арт-объектов. В них всегда ярко проступает, с одной стороны, его привязанность к серийным образцам и иконам поп-культуры, а, с другой – откровенная ирония над анимэ-культурой и идолами консьюмеризма. В своих многочисленных интервью Мураками охотно делится рецептом своей популярности: надо исторически обосновать происхождение стиля, добавить запоминающихся образов, секса и намекнуть на неотвратимость смерти, а также постоянно изучать арт-рынок[11]. И это художник делает с присущим ему художественным и коммерческим талантом, практически не зная себе равных не только в Японии, но и в

---

[8] www.proza.ru
[9] Ibid.
[10] www.proza.ru
[11] http: //dic.academic.ru

мире, и превзойдя даже своего учителя Энди Уорхола своим вниманием буквально ко всем сегментам рынка.

Самое распространенное обвинение, звучащее сегодня в адрес Мураками – его занятие бизнесом в ущерб искусству. Поступок художника, согласившегося сотрудничать с производителями дамских сумок Louis Vuitton, спровоцировал легкий скандал даже в среде концептуалистов, толерантной к разного рода деловым проектам. Но сам художник гордится тем, что ему удалось окрасить классические коричнево-золотые сумки в молочно-белый цвет и «населить» их цветастым орнаментом с участием фирменных персонажей – медвежат, веселеньких цветочков и ядовитых вишенок. А недавно Мураками закончил совместную работу с известным американским рэпером Кэни Уэстом, создав оригинальную обложку его очередного музыкального альбома. И скоро появится дорогая ювелирная линия Мураками-Уэста, в которой подлинные дорогостоящие бриллианты обрамят причудливые формы дизайна Мураками.

Художник глубоко убежден в том, что «для японцев искусство существует где-то на уровне брендов. Бренды так устроены, что, хотя они слишком дороги для среднего потребителя, тем не менее, при горячем желании он может их себе позволить, – поясняет он. – Люди сражаются за именные вещи только потому, что они выражают мнимую разницу между ними. Вот все увлеклись этими уникальными французскими брендами. С точки зрения Америки такое поведение выглидит довольно глупо и плоско. Но мы выросли в такой реальности…»[12].

Мураками без стеснения признается в своем увлечении рыночными механизмами в искусстве. И, как отмечают специалисты, «если Уорхол привнес в современное искусство продающиеся на рынке вещи повседневного быта, то Мураками вынес на рынок предметы искусства»[13], причем, следует добавить, искусства исключительно массового. Перед созданием своих первых проектов он проводил настоящие маркетинговые исследования, которые, по его словам, необходимы каждому, кто делает первые шаги на художественном поприще. Всегда четко улавливая запросы и тенденции мирового арт-рынка, на котором в последние годы резко подскочили цены на современную скульптуру и инсталляцию, Мураками часто обращается в своем творчестве и к этим жанрам.

В 1997 г. Мураками создает одну из самых известных своих скульптур «Hiropon» (масло, акрил, стекловолокно, железо). Затем последовали другие работы в этом жанре: «Tan Tan Bo Puking» (холст, акрил, 2002), «Сверхплоские глаза медузы 2» (шерсть, шелк, фольга, металл, пластик, бумага, 2003) и т. д.

В 2003 г. чикагский коллекционер выложил почти 600 тыс. долл. за его знаменитую статую «Miss Ko2». И в том же году трехметровая фи-

---

12 anime.com.ru.

13 http://andrei-fesyun livejournal.com

гура другого любимого персонажа Мураками, Mr. Pointy была куплена за 1,5 млн. долл. владельцем аукциона «Christie's» Франсуа Пиноза. А в 2008 г. его скандально известная скульптура «My Lonesome Cowboy» (1998), изображающая юношу во весь рост в, мягко говоря, вызывающей позе, была продана на аукционе Sotheby's за 15,2 млн. долл. при эстимейте 3–4 млн. долл., что стало ценовым рекордом для Мураками. Для сравнения стоит напомнить, что за год до этого на аукционе «Christie's» буддийская фигурка эпохи Камакура (XII в.), созданная, по мнению специалистов, величайшим скульптуром Японии Ункэй, была продана за 12,8 млн. долл.

«На меня сильно повлияла *анимэ*-культура, и я воспроизвел в своих работах нескольких персонажей *анимэ*, которые, я надеялся, полюбят такие же *отаку*, как и я. Это – "Хиропон", "Miss Ko2" или, скажем, "My Lonesome Cowboy"» – признается сам художник[14]. Все эти работы Мураками создал по образцу и подобию *анимэ*-персонажей под воздействием ностальгических чувств, находясь около трех лет в США.

Сегодня японский мастер поп-арта занимает третью строчку вслед за Джеффом Кунсом и Дэмиеном Хорстом в списке авторов самых дорогих работ, которые продаются на мировых аукционах за семизначные, а то и восьмизначные суммы. И в этой связи возникает вполне логичный вопрос: почему произведения Мураками сегодня так востребованы в США и европейских странах? Среди прочих причин называют понятность и доступность их содержания, развлекательный и даже провокационный характер и т. д. Отмечаются и художественные достоинства работ японского художника, и, в первую очередь, «по-японски сглаженный вариант композиционного принципа. Концепции и предметы его композицци считаются в высшей степени утонченными и рафинированными»[15]. Но, пожалуй, самый сильный аргумент в пользу Мураками найден ведущим искусствоведом музея в Гуггенхайме Александром Монро, который с уверенностью заявляет о том, что «по степени оказываемого воздействия ему нет равных в мире»[16]. Причем, воздействие это почти всегда позитивное. Дело в том, что изображаемые Мураками кошечки и собачки, цветочки и грибки, герои японских *анимэ* и *манга*, созданные вроде бы для детей, хотя имеют мало общего с реальной жизнью, обладают удивительными свойствами. Они живописны, декоративны и всегда выдержаны в ярких жизнеутверждающих тонах, лишены какой-либо конфликтности и агрессивности и непременно несут в себе сильный заряд оптимизма.

Именно это поднимает художественную ценность его работ и делает излюбленными инвестирования на Западе. При этом характерно, что

---

[14] www.proza.ru.
[15] http://andrei-fesyun.livejournal.com.
[16] Ibid.

японские коллекционеры, до недавнего времени самые активные покупатели на мировых аукционах, не спешат приобретать его работы, предпочитая классические образцы старых европейских мастеров. Но это вовсе не означает, что японцы не любят и на ценят творчества Мураками. Просто его поклонники могут купить популярные в Японии плюшевые или пластиковые копии работ мастера буквально по символическим ценам. В мае 2008 г. на флорентийском аукционе «Pandolfini Casa d'Aste» набор из 10 виниловых фигурок Мураками был продан за 350 евро.

И хотя такая коммерческая деятельность вызывает частые нападки со стороны поклонников чистого искусства, сам Мураками достаточно открыто говорит о своем бизнесе, не видя в нем ничего предрассудительного. «Классическая музыка в свое время была развлечением для королей… Сегодня она исполняется в дешевых японских кофейнях, развлекая усталых стариков, просиживающих там свои пенсии, – заявляет он. – Я думаю, что искусство такая же форма доступного развлечения, оно широко распространяется среди людей, поэтому должно хорошо продаваться. Обо мне многие говорят, что мои картины хороши, но мой бизнес еще лучше. Конечно, эти прекрасные слова вдохновляют меня, но в действительности я преуспеваю только в сравнении с несколькими азиатскими художниками моего поколения – не более того. Поэтому я думаю, что мне не помешало бы еще немного усовершенствовать свои бизнес-навыки»[17]. Это еще одна ипостась многоликого Мураками, который гармонично и рационально совмещает в себе теоретика и практика искусства, коммерсанта и философа, романтика и скептика, идеалиста в творчестве и реалиста в своей повседневной жизни.

За более, чем 20 лет своей творческой деятельности Мураками удалось достаточно громко заявить о себе в японском и мировом искусстве. В 1989 г. прошла его первая персональная выставка, на которой зрители увидели совершенно новые для себя художественные образцы – «психоделические» полотна улыбающихся цветов, сумасшедших глаз, танцующих грибов, веселых мишек и т. д. Эти картины почти сразу же вызвали явное неудоумение у сторонников классического искусства и в то же время снискали большое число поклонников, особенно среди творческой молодежи.

В 2007–2008 гг. художник подвел определенный итог своему творческому пути большой выставкой «Ретроспектива Мураками», которая с огромным успехом была показана в Музее современного искусства Лос-Анджелеса, Бруклинском музее в Нью-Йорке, в музее «Museum fur Moderne Kunst» во Франфурте и т. д. Она состояла из более чем девяноста старых и еще незавершенных работ художника (картины, скульптуры, инсталляции, видео и т. д.).

---

[17] Ibid.

Между двумя важными вехами в его творчестве было много других эпохальных событий, среди которых – крупный международный художественный проект: серия выставок, объединенных единой темой «Superflat». Они были посвящены влиянию индустрии развлечений на современную японскую культуру. Эти весьма зрелищные культурные мероприятия проводились, начиная с 2000 г., на протяжении пяти лет. Их смогли увидеть тысячи любителей современного японского искусства в США и многих странах Европы. Последнее из них с необычным названием «Little Boy» («Малыш») и не менее ярким подзаголовком – «The Art of Japan's Exploding Subculture» («Искусство взрыва субкультуры Японии») стало завершающим аккордом этой фейерии красок и образов.

Эта выставка триумфально прошла в Нью-Йорке в 2005 г. и была отмечена престижными наградами. Своим названием «Little Boy» она обязана печально известной атомной бомбе «Малыш», сброшенной на Хиросиму в 1945 г., а своим содержанием – различным направлениям и жанрам субкультуры «отаку», которая не только запечатлела во многих образах и формах это трагическое событие, но и благодаря им подобно бомбе «взорвала» все существовавшие до этого японские художественные каноны. Здесь были представлены самобытные и оригинальные работы художников нео-поп-арта, популярные образы *анимэ* и *манга*, современная скульптура и различного рода артобъекты – от красочных игрушек в стиле анимэ-героев до изображений популярной Годзиллы и других зловещих монстров, а также многое другое, что практически окончательно сняло все различия между искусством и артефактами.

Свою идею «суперплоского искусства» Мураками воплотил в разнообразных формах и жанрах – от создания телевизионного анимэ-фильма «Появление лентяя» («Намакэмоно га миэта») до всякого рода кричащих арт-объектов и многочисленных художественных акций, которые так любит художник. Так, в 2001 г. он развесил в одном из залов нью-йоркского железнодорожного вокзала три огромных надувных шара, разрисованных глазами, которые весело подмигивали пассажирам.

Когда-то Мураками заявил: «Как важно, чтобы люди, смотрящие твои работы, понимали твою культуру»[18]. С тех пор он не только выставляет за рубежом современное японское искусство, но и непременно подводит под эти показы серьезную концептуальную базу. Главную художественную идею своего проекта автор сформулировал в оригинальной теории искусства суперплоскости – «Superflat». Ее разработке и обоснованию посвящены не только многочисленные высказывания и выступления Мураками, но и его интересные публикации на эту тему, а также выпущенные по этому поводу красочные художественные альбомы с подборкой иллюстраций и статей авторитетных искусствоведов

[18] www.proza.ru

и журналистов, интервью с создателями этого искусства и их фанатами. Эту же цель преследовала и специально созданная Мураками в качестве иллюстративного пособия и предназначенная, в первую очередь, для зарубежной аудитории короткометражка «Superflat Monogram».

На основе теории «Superflat» художник стремится объяснить не только новый визуальный язык молодых художников, но и одновременно с этим характер современной японской культуры. Главный тезис, выдвигаемый Мураками, состоит в том, что одной из отличительных черт национальной психологии японцев как в древности, так и в современности является плоскостное восприятие мира, которое распространяется как на художественную сферу, так и на повседневную реальность. Вот, в частности, почему, по мнению художника, в японском искусстве никогда не существовало деления на высокие и низкие жанры как, например, в Европе.

«Одна из моих выставок называлась “Суперплоскость”, – поясняет он. – Это означает, что в японской живописной традиции, начиная с древности и заканчивая современной мультипликацией, отсутствует разница между “высоким” и “низким” искусством. Поэтому на меня оказывает влияние очень многое: и искусство времен периода Эдо первой половины XVII в., и современная японская поп-культура *анимэ*, комиксы *манга*, образ жизни их фанатов – *отаку*»[19].

Понятие «Superflat» Мураками связывает и с художественной практикой, понимая под ним в данном контексте изображение, обладающее лишь иллюзией глубины и перспективы. Говоря о «суперплоскости», он особо подчеркивает «двухмерность» традиционного и современного японского искусства, лишенного привычной для европейских картин пространственной перспективы, также как не свойственны плоскостному искусству такие художественные критерии, как глубина содержания, фотографическая точность, наличие перспективы и т. д. Эти недостатки, по мнению Мураками, компенсируются воображением японских художников и их свободным и смелым экспериментированием с образами.

«Я много думал о реалиях японского рисунка и живописи и о том, как они отличаются от западного искусства. Для Японии важно ощущение плоскости. Наша культура не обладает 3D-формами, а 2D-формы, утвердившиеся в традиционной японской живописи, сродни простому плоскому визуальному языку современной анимации, комиксов и графического дизайна»[20]. Эту двухмерность, т. е. плоскостное восприятие мира, лишенного подлинной глубины, Мураками усматривает и в жизни японцев, в которой, по его мнению, как и в искусстве нет разделения на низкое и высокое. Вот почему японцы, уверен он, в своей жизни во всем

---

19 www.proza.ru.

20 http:// www.caravan.kz

выбирают для себя «средний» путь. «Массовая культура, работа, развлечения, семья – все для них существуют как бы на одном уровне»[21].

И эта ситуация глубоко волнует художника. «Современная Япония пребывает в состоянии мира, – подчеркивает Мураками. – Но все кто живет в Японии осознают, что здесь что-то не в порядке… Япония может стать прообразом будущего. Но и сейчас Япония представляет собой "Superflat". От социальной морали до культуры все имеет 2D-измерения. Культура "каваи" превратилась в живую реальность, которая наполняет собой все и вся»[22].

Размышляя о причинах такого положения вещей, когда главным эстетическим идеалом стало понятие «каваи», т. е. миленькое, хорошенькое, приятное, олицетворением чего является игрушечная кошечка «Hello, Kitty», а любимыми героями – персонажи *манга* и *анимэ*, Мураками заявляет об инфантилизме японского общества и японской культуры и стремится понять причины происходящего.

Одну из них он связывает, в первую очередь, с материальным изобилием в жизни современных японцев. Своего рода «Superflat», что при раздельном написании этого слова можно прочитать как «суперквартира». Это и есть те идеальные условия существования, которые породили не только резко возросшие за последние годы потребительские настроения в стране, но и обострили тягу японцев к развлечениям, к приятному, беззаботному досугу и т. д. А стремление уйти от реальности и окунуться в мир фантазий все чаще переносит их в воспоминания о счастливых годах детства с его героями и приключениями. Отсюда, по мнению Мураками, проистекает буквально поголовное увлечение *манга*, *анимэ* и т. д. даже среди взрослого населения страны.

В других своих высказываниях Мураками представляет несколько иное видение этой проблемы, при этом также связывая его с экономикой, но в контексте более пессимистического сценария ее развития. «Западному сознанию, – считает он, – свойственно абсолютизировать сферу экономики. И люди попадают под влияние этого стереотипа. Втягиваясь в систему экономических отношений, одни много преобретают, другие многое теряют, причем последних значительно больше. И таким людям нужна надежда на лучшее будущее, надежда, которую дают им милые забавные вещи»[23]. «Если бы вы обратились к исследованию человеческого мозга, – поясняет Мураками свою мысль, – я уверен, что вы обнаружили бы некий биологический механизм, заставляющий людей испытывать теплые чувства при виде ребенка, котенка или щенка. Работа художника состоит в том, чтобы раскрыть этот механизм логическим путем»[24].

---

[21] Little Boy. Art of Japan's Exploding Subculture.New York, London. 2005, p.100
[22] Ibid.
[23] Ниппония, 2007, №14, с. 19.
[24] Там же.

Следуя этой логике, нетрудно понять объяснение художника, почему прежде сдержанные и рассудительные японцы сегодня увлечены *манга* и *анимэ* и стараются окружать себя приятными недорогими игрушками, всякого рода милыми безделушками и рисованной продукцией, которые обладают достаточно позитивным эмоциональным воздействием и создают чувство душевного комфорта и успокоения в условиях непростой экономической ситуации в стране. И этот аргумент также «работает» на теорию Мураками, и его трудно не принять во внимание.

Однако, это далеко не все, о чем стремится поведать художник своей аудитории. В своих рассуждениях Мураками все чаще обращается к истории страны, к таким трагическим для японцев событиям, как поражение во второй мировой войне и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Эти страшные эпизоды, по его убеждению, нанесли огромную духовную травму общественному сознанию нации, которая на каком-то генетическом уровне передалась и нынешнему поколению японцев. «Масса современных японских художников, возможно, переживают трагический опыт Японии, связанный с поражением во второй мировой войне и с последующей оккупацией. Они переносят жесткую рельность в мультяшные фантазии плоские, разноцветные и неприкаянные»[25], – заявляет Мураками.

Но при этом художник четко осознает, что все эти «мультяшные фантазии» проистекают оттого, что, переживая трагический опыт Японии, нынешнее поколение японцев «воспринимает войну как нечто нереальное. Они играют в военные игры, не ассоциируя войну со смертью и болью»[26]. «Японцы воспринимают войну как фантастику, не считая ее ни плохой, ни хорошей, а просто сложившейся ситуацией»[27], – заключает Мураками.

Следующий исторический аргумент, приводимый художником в пользу своей теории, – это продолжительная американская оккупация страны, в течение которой американцы насильственно насаждали в Японии свои политические и экономические модели. И это, по его мнению, не только привело японцев к потере воли и уверенности в собственных силах, но и выработало привычку во всем подчиняться воле свыше. И это, в свою очередь, стало не только удобным способом существования, но и причиной достаточно легкого и беззаботного отношения к жизни. Именно в этом, как считает Мураками, следует также искать истоки инфантилизма национального сознания японцев и всей современной японской поп-культуры.

«Японская культура поклонников *анимэ* (*отаку*) и миленького-хорошенького (*каваии*) в ситуации после второй мировой войны, когда наша

---

25 http://www.artradarasia.wordpress.com.
26 Ibid.
27 Ibid.

страна в военных и политических планах стала полностью зависима от США, привела к тому, что люди перестали желать становиться взрослыми»[28]. Такой вердикт выносит художник современному японскому обществу и современной японской культуре. Но при этом в тех же самых аргументах он ищет ответ и на другой не менее важный для себя вопрос о причинах возникновения субкультуры «*отаку*» и также находит его в реалиях современной действительности.

«Японцы не могут индентифицировать свою принадлежность к японской нации, и они вынуждены искать этому альтернативу, причисляя себя к культуре "*отаку*" – пишет он. – Быть частью сообщества – это фундаментальная человеческая потребность. Японское общество сейчас пребывает в состоянии мирной жизни, никто не голодает. Никому не приходится беспокоиться о том, чем он будет питаться завтра, но, тем не менее, трудно найти удовлетворение в современной жизни»[29].

Мураками убежден, что поражение Японии во второй мировой войне привело японцев к потере национальной идентичности, отвернуло от традиционной японской культуры. «Страны-победительницы смогли сделать главенствующей свою культуру, а мы вынуждены были порвать связи со своим прошлым и создать нечто совершенно новое»[30]. В продолжение этой мысли Мураками делает еще одно важное заявление: «Япония проиграла войну, и последние 20 лет искусство было в крайне печальном состоянии. Все было разрушено и доведено до нищеты. Но, с другой стороны, Америка, которая выиграла войну, стала лидером мировой культуры. Так родилась поп-культура. Мы, японцы, жаждали этой поп-культуры, но мы были не в состоянии предоставить экономическую базу, необходимые для ее расцвета. В результате, в силу сложившихся обстоятельств выделилась более дешевая и все же доставляющая радость культура, своеобразная форма минимализма в индустрии развлечения, или "Суперплоское искусство", способное противостоять поп-мейнстриму»[31].

На первый взгляд, сам художник не лишен определенного налета пессимизма в своем творчестве. Полны горечи и сомнений его взгляды на современное японское искусство, а в самих работах ощущается не только легкость и показное веселье, то и определенный душевный надлом. Тем не менее, складывается впечатление, что Мураками слегка лукавит, говоря о поствоенном пессимизме и депрессии, и как результате этого – обращение в Po-taku. Во всяком случае, *анимэ* и *манга*, в которых прослеживают истоки его творчества, – это привычный японский уход в стилизованный и идеализированный мир.

---

28 http://andrei-fesyun.livejournal.com
29 http://artradarasia.wordpress.com
30 http: //artradatasia.worpress.com
31 www.openspace.ru

Недавно в прессе появилась информация о том, что после скандальной выставки в Версале Мураками решил на время отложить свою работу в области современного искусства и полностью посвятить себя традиционной японской живописи, являющейся его основной специальностью. Произойдет это на самом деле или нет – покажет время. Для Мураками невозможного нет: он сравнительно молод, необычайно талантлив, дерзок, смел и удивительно трудоспособен. Но является ли подобное решение сознательным творческим выбором художника или же всего лишь очередным «пиаровским» ходом, покажет время, и, вероятно, очень скоро, поскольку такая деятельная и активная натура, как Мураками вряд ли сможет продолжительное время оставаться без работы и вне творчества.

Обучение японскому языку студентов экономического вуза

Т. И. Корчагина

В последние десятилетия японский язык преподается не только в университетах студентам филологических специальностей, но и во многих других учебных заведениях – в средних школах и на самых разных факультетах университетов, где студенты специализируются в совершенно иных, отличных от филологии, областях. 40 лет назад, преподавая японский язык на экономическом факультете МГУ и других факультетах, мы не использовали никакой особой концепции преподавания и учили «языку вообще», используя единственный существовавший в те годы учебник под редакцией И. В. Головнина. Низкий поклон авторам этого учебника, сыгравшего огромную роль в воспитании многих поколений японистов. В наши годы с появлением новых возможностей – множества учебников, Интернета, развития обмена студентами с Японией – нам следует искать новые подходы к обучению японскому языку. Ведь если студенты-филологи, изучающие японский язык, должны овладеть им в максимально полном объеме, получив и теоретические знания о нем, и практические навыки владения языком, то студенты нефилологических специальностей должны изучать японский язык как прикладную дисциплину. Такие разные подходы к изучению одного и того же иностранного языка объясняются, прежде всего, различным количеством часов, предусмотренных программой для языковых занятий, а также разными методами обучения языку в том или ином учебном заведении.

В данной статье мы рассмотрим, как строится программа обучения японскому языку для студентов-экономистов на факультете мировой экономики и мировой политики Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ). На этом факультете японский язык преподается с 2003 г., и концепция преподавания японского языка здесь, естественно, отличается от концепции преподавания того же языка, например, студентам-филологам. Программа преподавания японского языка для экономистов ГУ-ВШЭ отвечает конкретным целям подготовки специалистов факультета и опирается на количество часов, отведенных для изучения основного иностранного языка (восемь часов в неделю с первого по четвертый курс).

Требования к навыкам и умениям, предъявляемым к выпускникам факультета, изучающим японский язык, в целом соответствуют требованиям к экономистам-международникам, которые установлены кафедрой

иностранных языков для всех студентов, независимо от языка специализации. Следует отметить, что языками специализации, помимо японского, являются китайский, арабский, французский, немецкий, испанский, итальянский, португальский. Английский язык также изучается всеми студентами как второй язык на протяжении четырех лет по четыре часа в неделю.

Конечная цель обучения японскому языку на факультете международной экономики и международной политики ГУ-ВШЭ – приобретение студентами общей коммуникативной и профессиональной компетенции, необходимой для успешной деятельности экономиста, специализирующегося по Японии. Таким образом, курс японского языка носит профессионально-направленный и коммуникативно-ориентированный характер. Обучение японскому языку экономистов-международников предусматривает формирование у студентов навыков, необходимых для выполнения конкретных видов профессиональной деятельности:

– поддержание контактов с иностранными партнерами в устной и письменной форме;

– проведение информационно-аналитической работы с различными источниками информации на японском языке (пресса, радио, телевидение, Интернет, документы, специальная и справочная литература);

– переводческая работа в устной и письменной форме, в том числе с документами и материалами экономического и политического характера.

В курсе «Японский язык для факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ» мы предлагаем следующую схему деления на аспекты преподавания по годам обучения.

I курс: общелитературный японский язык (8 часов в неделю);

II курс: первое полугодие – Общелитературный японский язык (8 часов в неделю); второе полугодие – Общелитературный японский язык (4 часа в неделю); введение в деловой японский язык (4 часа в неделю).

III курс: деловой японский язык (4 часа в неделю); язык средств массовой информации (4 часа в неделю).

IV курс: деловой японский язык (4 часа в неделю); японский язык для специальных целей (4 часа в неделю).

Для достижения поставленной нами цели мы строим программу обучения японскому языку таким образом, чтобы студенты на первом курсе максимально быстро овладели фонетическими навыками, набором основной лексики, знаниями основ нормативной грамматики. На втором курсе студенты изучают аутентичные тексты экономической и политической тематики (от элементарных текстов к более сложным) и параллельно углубляют знания по всем аспектам языка.

Ключевым моментом в обучении является правильный выбор базового учебника начального этапа, который дает возможность через полтора года изучения японского языка перейти к оригинальным японским материалам. Еще раз необходимо подчеркнуть, что учебники японского

языка, рассчитанные на филологов и содержащие подробные, пространные описания тех или иных грамматических явлений и рассчитанные на большое количество часов, для наших целей оказываются непригодными. Мы используем их лишь в случае необходимости как дополнительный источник упражнений при изучении лексики определенной тематики и грамматики. Мы также считаем, что не следует начинать изучение японского языка в условиях России по учебникам, изданным в Японии. Они, как правило, ориентированы на бытовую тематику, связанную с жизнью в стране, и содержат множество лексических и грамматических явлений, полезных при изучении языка вообще, но не являющихся необходимыми при профильно-ориентированном обучении.

В качестве базового учебника японского языка для студентов-экономистов мы используем учебник «Читаем, пишем, говорим по-японски» авторов Е. В. Струговой и Н. С. Шефтелевич (изд-во «Восток-Запад», 2004), созданный для средней школы и непрофильных вузов с изучением японского языка. В этом учебнике отсутствуют подробные объяснения грамматики, а материал вводится с помощью моделей, правил и естественных речевых ситуаций. Безусловно, учебник не охватывает все явления языка, но содержит сведения, которые обычно считаются базисными при изучении японского языка, и позволяет усвоить основы японской письменности, фонетики и грамматики. Кроме того, материал учебника строится на основе страноведческой тематики, знание которой необходимо, содержит большое количество упражнений, отражающих естественные коммуникативные ситуации, и способствует развитию навыков устной речи с самых первых шагов изучения японского языка. Сведения о некоторых грамматических явлениях японского языка, не содержащиеся в базовом учебнике, в частности, по причине их малой употребительности, восполняются естественным образом в дальнейшем при работе с аутентичными текстами с помощью преподавателя и дополнительных упражнений. Наш опыт работы с базовым учебником Е. В. Струговой и Н. С. Шефтелевич показывает, что студенты легко усваивают материал учебника и к середине второго курса без труда переходят к чтению простых экономических и политических текстов, а также к работе с другими учебниками для среднего уровня, изданными в Японии или в России. Мы можем смело рекомендовать выбранный нами учебник для обучения студентов любых специальностей в случае, если есть необходимость как можно быстрее перейти от учебника к чтению оригинальных японских текстов.

На втором курсе в первом полугодии завершается изучение базового учебника японского языка, а со второго полугодия обучение происходит по двум аспектам: с одной стороны, в течение четырех часов в неделю мы продолжаем курс общелитературного японского языка, с другой стороны, начинается новый и очень интересный для студентов курс «Введение в деловой японский язык» (также четыре часа в неделю).

Курс общего японского языка, продолжающийся еще полгода, необходим для закрепления и углубления знаний лексики и грамматики, полученных в предыдущих семестрах, а также для ознакомления студентов с текстами страноведческой направленности. Для этой цели, на наш взгляд, идеально подходит учебник разговорного японского языка Л. Т. Нечаевой (издательство «Московский Лицей», 2010), насыщенный страноведческой тематикой. Одновременно с этим учебником могут быть использованы любые японские учебники для среднего уровня, из которых выборочно берутся для изучения наиболее интересные и подходящие по тематике тексты. Примером такого учебника может быть учебник Мидзутани Нобуко «Intermediate Japanese, An Integrated Course» («Бондзинся», 2001). Можно выбрать и другие учебные материалы. На занятиях по общему курсу японского языка рекомендуется также обязательно использовать различные лингафонные курсы. Один из них – хорошо известный преподавателям японского языка курс Мурано Рёко и Танимити Мая «Э то тасуку-дэ манабу нихонго» («Бондзинся», 1992).

Особого внимания заслуживает вопрос о постановке курса «Введение в деловой японский язык». Дело в том, что по окончании занятий по «Общелитературному японскому языку» необходим подготовительный этап для перехода к чтению оригинальных японских материалов по экономической тематике. Этот подготовительный этап продолжается один семестр, в течение которого происходит интенсивное изучение и накопление лексики и иероглифики по определенной методике, не свойственной вузам филологической направленности. Для этого этапа мы выбрали учебник «Business Kanji» авторов Судзуки Рэйко, Хадзикано Арэ и Катаока Саюри («Charles E. Tuttle Publishing», 1999). Учебник создан специально для ускоренного обучения студентов получению информации из экономических текстов и рассчитан на тех, кто закончил начальный этап обучения японскому языку по программе 300 аудиторных часов (наши студенты приступают к изучению учебника после 368 часов аудиторных занятий японским языком). Авторами проведено исследование лексики японской экономической газеты «Нихон кэйдзай симбун» и установлено, что 1700 слов-канго (авторы называют их «кандзи гои» – «иероглифической лексикой») покрывают более 80% всей экономической лексики газеты. На основе этого исследования и построен учебник. Пятьдесят уроков учебника, называемые «степами» (шагами), содержат именно эту наиболее частотную экономическую лексику и иероглифы, являющиеся самыми употребительными словообразовательными элементами, а во второй части учебника в таблицах даются списки наиболее частотной лексики по иероглифам, которые представляют собой первую часть слова-канго или его вторую часть, а также часто используемые «куны» иероглифов.

Учебник «Business Kanji» требует совершенно нового подхода в методике преподавания, который состоит в том, что студенты должны

запоминать не отдельные иероглифы с их так называемыми «онами» и «кунами», а наиболее часто употребляемые «иероглифические слова», которые приводятся в простейшем контексте употребления. Кроме того, авторы дают упражнения, в которых надо прочесть и перевести несложные словосочетания с этими словами. При этом упор делается на умение прочесть и понять слово, а не на навыки написания. «Степы» построены таким образом, что происходит постоянное повторение изученной лексики в упражнениях и примерах последующих уроков. Практика показывает, что студенты справляются с поставленными задачами очень хорошо.

Приведем в качестве примера список лексики одного из уроков.

ステップ７

a)「ーする」で動詞しても使われる名詞

１．　実施　　じっし
２．　協力　　きょうりょく
３．　融資　　ゆうし
４．　利用　　りよう
５．　交渉　　こうしょう
６．　消費　　しょうひ
７．　開放　　かいほう
８．　改革　　かいかく
９．　決定　　けってい
１０．合意　　ごうい

b) 接頭辞としてよく使われる漢字

１１．新―　　しんー　　新製品開発
１２．旧―　　きゅう―　　旧東ドイツ
１３．対―　　たいー　　対米黒字
１４．総―　　そうー　　総人口
１５．再―　　さいー　　再調査
１６．弟―　　だいー　　第４回国際会議
１７．不―　　ふー　　不景気
１８．同―　　どうー　　同社、同時
１９．最―　　さいー　　最低、最大
２０．全―　　ぜんー　　全企業、都銀全行
２１．高－　　こうー　　高金利
２２．低―　　ていー　　低金利、低水準
２３．大－　　だいー　　大企業
２４．副―　　ふくー　　副社長

２５．非―　　ひー　　非売品
２６．数―　　すうー　　数社、数人

Для первой группы слов даются примеры их употребления, а для обеих групп – упражнение для чтения и перевода из 50 словосочетаний и предложений. Изучив такой небольшой урок, студенты усваивают 20 употребительных слов-канго и образованных от них глаголов, а также могут распознать значения 16 префиксов в сложных иероглифических словах.

Из второй части учебника приведем в качестве примера лишь один иероглиф с относящимся к нему списком слов-канго.

意　イ

意見	いけん	意気込む	いきごむ
意味	いみ	合意	ごうい
意向	いこう	注意	ちゅうい
意欲	いよく	民意	みんい
意識	いしき	用意	よういい
意思	いし	得意	とくい
意志	いし	決意	けつい
意外	いがい	本意	ほんい
意義	いぎ		
意図	いと		

Вторая часть учебника может быть использована для обобщающего повторения иероглифики, а также для самостоятельной работы студентов.

После занятий по учебнику «Business Kanji» в течение одного семестра, т. е. к концу второго курса, студенты могут читать и понимать простые тексты по экономической тематике из японских экономических изданий. И хотя изучение «степов» продолжается на третьем курсе в течение полугода, оно идет параллельно с чтением все более сложных текстов из японских газет и журналов. Умение прочесть оригинальную статью на японском языке повышает интерес учащихся к изучению японского языка. В понимании текстов помогает и то, что студенты, являясь экономистами, хорошо ориентируются в вопросах, связанных с их специальностью.

Для развития навыков разговорного языка со второго полугодия второго курса и на протяжении всего третьего курса на занятиях «Введение в деловой японский язык» и «Деловой японский язык» параллельно с учебником «Business Kanji» используется также учебник «Бидзинэсуман моногатари» («Повесть о бизнесмене»), созданный в отделе бизнеса Центра языка и культуры Японии группой авторов («Бондзинся», 1996). Следует отметить, что в Японии издается много учебников для иностранцев, цель которых – научить их общению в де-

ловой сфере, но зачастую они рассчитаны на низкий уровень владения языком, поэтому в них содержатся примитивные фразы и диалоги. Большой удачей для нас было найти учебник, рассчитанный на средний и высший уровень обучающихся, материал которого действительно соответствует уровню общения в деловых кругах. В учебнике «Повесть о бизнесмене» рассматриваются самые различные ситуации (всего 80 ситуаций), в которых может оказаться иностранец, работая в японской фирме или просто общаясь с японскими деловыми людьми. Только общению на японском языке по телефону посвящено 13 уроков. В учебнике содержатся особые выражения и сложные «*кэйго*» (вежливые слова и конструкции), которые представляют большую трудность для иностранцев вообще и особенно для тех, кто работает в сфере непосредственного делового общения с японцами. В конкретных ситуациях, в живых и увлекательных диалогах рассматриваются правила поведения в мире японского бизнеса, специфические элементы японской культуры, которые находят отражение в человеческих отношениях и в японском языке. Герой уроков учебника – господин Ро, приехавший в Японию из вымышленной страны, постепенно знакомится с языком делового общения и правилами поведения в японской фирме, усваивает язык общения по телефону, правила написания деловых писем и прочие трудности делового японского языка.

Материал учебника тематически распределен на следующие группы:

1–30 уроки – основы общения на японской фирме. Знакомство, приветствия, обмен визитными карточками, общение по телефону.

31–60 уроки – выступления на совещаниях, подготовка к командировке и отчеты, написание деловых писем. Культура подарков, организация деловых встреч, банкетов и т. п.

61–80 уроки – общение менеджера с партнерами по бизнесу, обсуждение сложных вопросов, связанных со сделками, возникшими проблемами и т. д.

81–90 уроки – разработки для ролевых игр на разные темы, изученные в учебнике.

На третьем году обучения помимо «Делового японского языка» преподается также курс «Язык средств массовой информации», для которого используется японский учебник Коно Кимико «How to Read a Japanese Newspaper 2001» («Бондзинся», 2001). Учебник рассчитан на средний уровень знаний обучаемых, содержит отрывки из газетных статей не только экономической, но и другой важнейшей тематики (политика, наука, экология, общество, культура), лексико-грамматические упражнения. Как дополнение к этому учебнику мы используем учебно-методическое пособие У. П. Стрижак «Язык СМИ Японии» («Спутник», 2009), представляющее собой сборник упражнений для активизации лексики и грамматики. На занятиях по курсу «Язык средств массовой информации» студенты получают дополнительные навыки чтения японских га-

зет, Интернет-ресурсов, углубляют знания грамматики японского языка, иероглифики, накапливают запас лексических единиц и фразеологии.

Таким образом, в течение трех лет обучения на факультете мировой экономики и мировой политики студенты-экономисты получают прочные базовые знания по общелитературному японскому языку, языку делового общения и языку средств массовой информации. На четвертом курсе происходит дальнейшее углубление этих знаний на занятиях по двум аспектам: «Деловой японский язык» и «Японский язык для специальных целей».

На занятиях по аспекту «Деловой японский язык» студентам предлагаются самые разнообразные материалы из японских газет, журналов и Интернета по современной тематике, причем ежегодно происходит обновление этих материалов в зависимости от международной и экономической ситуации. На четвертом курсе студенты без особого труда справляются с переводом на русский язык любых материалов, могут также пересказывать по-японски содержание статей из российской прессы. Мы используем также японские учебники «Reading Japanese Financial Newspapers» (Кокусай нихонго фукю кёкай, «Коданся», 1999) и «Нихон-но сякай то кэйдзай-о ёму» авторов Адзума Сёдзи, Огава Кунихико и Нисикагэ Хироко («Кэнкю сюппан», 1995). Из учебников, изданных российскими авторами, очень полезным на продвинутом этапе изучения языка для экономистов является учебник С. В. Чиронова «Японский язык. – Экономический перевод» («МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ», 2007), а также учебник «Японский язык для продолжающих» («Московский лицей», 2009, 2010) авторов Е. Ю. Бессоновой, Т. И. Корчагиной, А. В. Кудряшовой и Л. Т. Нечаевой. Последний учебник, особенно его второй том, используется нами на четвертом курсе для повторения и обобщения знаний по грамматике японского языка. Приведем в качестве иллюстрации небольшой фрагмент из программы по аспекту «Деловой японский язык» для четвертого курса (второе полугодие).

	IV модуль Наименование разделов и тем (с разбивкой по модулям)	Аудиторные часы	Формы текущего контроля	Самостоятельная работа студентов	Всего часов
3	Экономическая ситуация в современной России. Антикризисные меры российского правительства. Перевод с русского языка на японский.	4		2	6
24	Политика России в области энергетики (перевод газетной статьи).	4		2	6

25	Перевод статьи «Выборы президента в России». («Японская экономическая газета»)	4		2	6
25	Перевод статьи «Сахалин-2». («Японская экономическая газета») Обсуждение вопроса о японско-российских экономических отношениях.	4	**Домашнее задание №2**	2	6
27	Перевод статьи о политике Центрального банка Японии. («Японская экономическая газета»)	4		2	6
28	Подготовка сообщения на тему «Международный валютный фонд». Его роль в мировой экономике.	4		2	6
29	Пересказ по-японски статьи из российской газеты на политико-экономическую тематику. Реферат японской газетной или журнальной статьи по экономическим проблемам.	4		2	6
	V модуль				
30	Перевод статьи о японской пенсионной системе. («Японская экономическая газета»)	4		2	6
31	Перевод статей на тему «АТЭС» и «АСЕАН». Обсуждение вопроса об экономической роли России в ЮВА.	4		2	6
32	Япония и ЮВА. Перевод статей из «Японской экономической газеты».	4		2	6
33	Структура японского сельского хозяйства. Пересказ по-японски статьи из российской газеты на политико-экономическую тему, работа с иероглифическим минимумом японского языка.	4		2	6

34	Японские финансовые органы. Уровень доходов населения в современной Японии (перевод статьи из «Японской экономической газеты»).	4		2	6
35	Преимущества и проблемы перехода к евро. Отношения России с Евросоюзом.	4		2	6
36	Пересказ по-японски статьи из российской газеты на политико-экономическую тематику. Реферат японской газетной или журнальной статьи по экономическим проблемам.	4	**Контрольная работа №3**	2	6
	Всего часов	**56**		**28**	**84**

Особо следует сказать об аспекте «Японский язык для специальных целей». Научно-образовательное направление «иностранный язык для специальных целей» возникло сравнительно недавно и связано с профильно-ориентированным обучением, которое основано на учете потребностей студентов и особенностей их профессиональной деятельности. Как отдельный аспект «Японский язык для специальных целей» преподается на факультете мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ в течение последнего года обучения на четвертом курсе четыре часа в неделю. На занятиях по этому аспекту студенты тренируют навыки активного общения на японском языке, проведения дискуссий, «круглых столов», выступлений на японском языке, реферирования и аннотирования печатных и звучащих текстов в рамках профессиональной сферы общения. На четвертом курсе студенты делают сообщения и пишут эссе на различные темы, например, «Антикризисная политика российского правительства», «Япония и Юго-Восточная Азия», «Экологическая политика России», «Подготовка социологического исследования (анкетирование) на выбранную тему» и т. п.

Таким образом, занимаясь по предложенной нами программе, хорошие студенты (не пропускающие занятий и выполняющие все задания и требования преподавателей) достигают достаточно высокого уровня владения языком. Многие из них, начиная со второго курса, успешно сдают квалификационный экзамен «Норёку сикэн» (за исключением, естественно, высшего первого уровня). Такие выпускники работают в японских компаниях, банках, продолжают учебу в Японии и даже преподают японский язык. Уже в течение трех лет многие студенты ездят на летнюю стажировку в различные японские школы (Токио, Тиба, Окинава). Совместно с преподавателями этих школ на факультете еже-

годно проводятся семинары, и лучшие студенты третьего курса, победившие в конкурсе сочинений, получают возможность по приглашению японской стороны учиться бесплатно в Японии в течение летних месяцев.

Используемый нами подход к обучению студентов экономической специальности и подобранные нами учебники вполне доказали свою состоятельность, хотя мы не можем претендовать на то, что названные учебники абсолютно незаменимы. Возможны, видимо, и другие подходы к построению концепции обучения и организации учебного процесса. Помимо названных учебников и учебных пособий мы привлекаем много дополнительных учебных материалов по усмотрению преподавателей, используем аудио и видеозаписи, Интернет, самостоятельные разработки преподавателей. В целом, к учебному процессу необходим творческий подход, он не может быть раз и навсегда ограничен какими-то рамками. Однако стратегический вопрос профильно-ориентированного обучения остается неизменным: мы должны максимально быстро переходить от обучения общелитературному языку к обучению языку профессиональному, необходимому для той или иной специальности.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о необходимости культурологического курса для студентов-экономистов. Программа обучения иностранным языкам на факультете мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ требует не только усвоения студентами языковых явлений, но и овладения основами культурологических знаний о народе, язык которого они изучают. Умение общаться с людьми других культур, понимание их национальных особенностей, менталитета необходимы для достижения профессионализма. Чем сильнее различия между языками и культурами, тем труднее овладеть иностранным языком как средством общения, тем труднее адекватно реагировать на проявление элементов чужой культуры во время общения. Сказанное относится ко всем иностранным языкам, но может быть, в большей степени к восточным. Не случайно в некоторых международных компаниях появилась должность культуролога, консультирующего деловых людей по вопросам межкультурного общения.

Основы культурологических знаний о Японии и японцах, естественно, даются студентам и во время языковых занятий параллельно с изучением учебных текстов. Однако нам представляется, что необходим специальный курс лекций, в котором системно представлена целостная картина японского национального характера, показаны его истоки, а также многие отличительные черты японцев и модели их поведения, не совпадающие с европейскими. Ведь незнание элементарных вещей о японском видении мира, о поведении японцев в различных ситуациях нередко приводит к недоразумениям, недопониманию собеседников, к затягиванию переговорных процессов между Россией и Японией.

Можно было бы привести немало примеров, когда модели поведения японцев и русских в одинаковых ситуациях не совпадают, но это лишь внешние проявления культурных различий. Необходимо знать, почему эти различия существуют, что их порождает и что лежит в основе видения мира у русских и японцев.

На факультете мировой экономики и мировой политики был подготовлен и дважды прочитан факультативный курс «Социокультурные ценности Японии». В первом случае курс был рассчитан на 24 часа аудиторных занятий, во втором – на 44 часа. Занятия этим предметом вызвали большой интерес у студентов.

При любой специализации студентов подобный курс, по нашему мнению, может быть разделен на две части. В первой из них рассматриваются вопросы, составляющие основу формирования японских культурных традиций. Студентам предлагаются для рассмотрения следующие темы:

1) японцы в исторической ретроспективе. История российско-японских контактов, начиная с XVII века;

2) географическое положение, климат Японии, особенности её исторического развития, оказавшие большое влияние на характер японской цивилизации, ее отношения с внешним миром (так называемый географический и исторический детерминизм).

Реципиентный характер японской культуры. Влияние Индии, Китая, европейской и американской культуры на японскую культуру. Модернизация Японии в эпоху Мэйдзи. Развитие Японии после второй мировой войны. Современная культура Японии – сочетание традиций и нового.

1) Типология японской культуры. Рассмотрение моделей японской культуры в европейско-американской и японской культурологии. Стереотипы в общественном сознании японцев. Работы японских ученых направления «Нихондзинрон», работы российских японоведов.

2) Сопоставление японского и европейского (российского) архетипов, моделей поведения. Интровертность японцев и экстравертность представителей западной культуры. Теория контекстуализма («здесь и сейчас»). Ориентация японской культуры на сферу непосредственного опыта.

3) Рассмотрение в связи с этим ключевых понятий японской культуры, таких как УТИ и СОТО (двойной подход в межличностных отношениях), ВА (гармония), система ИЭ, ХОННЭ и ТАТЭМАЭ, НЭМАВАСИ, ГИРИ, АМАЭ, АИМАЙ, СЭМПАЙ – КОХАЙ и других.

4) Особенности общения на японском языке, в которых отражаются специфические черты японской культуры.

5) Проблемы японской культуры в эпоху глобализации.

Изучив названные выше темы, являющиеся ключевыми для понимания японской культуры, мы предлагаем студентам-экономистам рас-

смотреть следующие вопросы, непосредственно связанные с их будущей профессиональной деятельностью.

1) Особенности японского менеджмента, его сильные и слабые стороны. Механизм принятия решений в японских компаниях. Изменения, которые претерпевает менеджмент японского типа на современном этапе.

2) Основные черты корпоративной культуры Японии и отражение в ней национальных особенностей.

3) Особенности речевого общения на фирме (речевой этикет).

4) Особенности ведения бизнеса и ведения переговоров с японскими предпринимателями. Учет национальных особенностей японских партнеров в международных переговорах.

5) Влияние японской культуры менеджмента на японские компании в Юго-Восточной Азии.

Все перечисленные темы находятся в тесной связи с содержанием первой части программы, и ответы на них непосредственно из нее вытекают. Предлагаемый нами курс «Социокультурные ценности Японии» может быть углублен в любой его части в зависимости от количества часов и профессиональных интересов учащихся.

Таким образом, сочетание языковых занятий, направленных на профессиональную языковую подготовку, и культурологического курса, способствующего пониманию национальной самобытности японцев, дает возможность подготовить высококвалифицированных специалистов, способных успешно работать в сфере международных экономических отношений.

«Роккаку-си сикимоку» – свод законов периода воюющих провинций»

С. А. Полхов

В истории Японии эпоха «воюющих провинций» (*сэнгоку дзидай,* – последняя четверть XV – конец XVI вв.) характеризуется упадком сёгуната Асикага и нарастанием политической децентрализации[1]. Власть сёгунов Асикага в первой половине XVI в. всецело зависела от поддержки (и благосклонности) отдельных вассальных кланов. На фоне упадка власти бакуфу в японских провинциях (не только на периферии, но и в центральных районах) в конце XV-XVI вв. возвысились фактически независимые от центра правители (*сэнгоку даймё*). В японской историографии нет единства мнений по вопросу о происхождении и характере их власти. Различные варианты социально-политического устройства княжеств получили отражение в законодательных уложениях даймё конца XV–XVI вв., называемых в японской историографии *бункокухо, сэнгоку кахо* и др. В данной статье представлен анализ «*Роккаку-си сикимоку*» (далее «РС», 1567г.) – одного из этих законодательных сводов, ценного источника по истории Японии эпохи «воюющих провинций». Этот юридический памятник в японской и американской историографии нередко сравнивают со знаменитой «Великой хартией вольностей» (Magna Charta Libertatum), одобренной английским королем Иоанном Безземельным под давлением восставших баронов в 1215г. Целями исследования являются выявление основных факторов, определивших создание «РС», структурных особенностей его содержания, и анализ модели политической власти, зафиксированной в «РС».

[1] Своего рода прологом к периоду *сэнгоку* стали кровопролитные войны годов Онин-Буммэй (1466–1477), вызванные внутренними раздорами внутри дома Асикага и кланов могущественных военных наместников (*сюго*). В 1493 г. сёгун Асикага Ёситанэ был отстранен от власти в результате дворцового переворота, инспирированного *канрэй* (своего рода «первым министром») Хосокава Масамото. Масамото сделал новым сёгуном Асикага Ёсидзуми. Историк Иматани Акира прямо называет Ёсидзуми марионеткой Хосокава Масамото (Иматани Акира. Сэнгоку Миёси итидзоку (Род Миёси в период сэнгоку). Токио, 2008, с. 44). Все сёгуны, начиная с Ёситанэ и заканчивая последним властителем из династии Асикага – Ёсиаки (1568-1573), вынуждены были подолгу скитаться в провинциях, укрываясь от врагов. Сэнгоку-но тиики кокка (Региональное государство периода сэнгоку). Токио. 2003, с. 18, 19.

Автором статьи выполнен полный перевод текста этого свода со старояпонского (средневекового японского) на русский язык, который прилагается.

«Роккаку-си сикимоку» в зарубежной историографии посвящено немало работ, в одних уложение анализируется преимущественно в контексте социально-экономических проблем, в других – в рамках политической истории. Кацумата Сидзуо рассматривал «РС» как взаимный договор вассалов-землевладельцев, в котором они не только ограничивали власть даймё, но и интересы некоторых представителей своей социальной группы во имя общей выгоды[2]. Как полагал ученый, в ст. 17, 18 и 24 своеволие отдельных землевладельцев в отношении крестьян запрещается, с тем чтобы землевладельческий класс в целом мог беспрепятственно эксплуатировать крестьянские общины.

Для Цудзимото Хироаки «РС» – это, по сути, двусторонний феодальный договор, в котором даймё давал вассалам юридические гарантии их прав на земельные владения. В основе «РС» лежит тот же принцип, что и в основе грамот *андодзё*, выдававшихся *бакуфу* и даймё, а именно подтверждение права владения землей. «РС» призван обеспечить наилучшие условия для присвоения ренты и подавления сопротивления крестьян[3]. Цудзимото вслед за Кацумата писал, что землевладельцам-вассалам недоставало силы для взимания повинностей с крестьянских общин без вмешательства даймё. Вместе с тем историк отмечал, что в своде не только воплощены социальные интересы землевладельческого класса, но и регулируются противоречия между вассалами и ближним кругом служилых людей даймё[4].

Иную трактовку предлагает Дэвид Изон, который рассматривает «РС» как мирный договор между даймё и вассалами, призванный зафиксировать политический компромисс, достигнутый после междоусобной войны. Проводя параллели между содержанием «РС» и «Великой хартии вольностей», он не видит в социальной борьбе и противоречиях между крестьянскими общинами и землевладельцами главного фактора, обусловившего создание «РС». По его мнению, в «РС» отражено изменение отношения воинов к способам регулирования конфликтов; они стали выбирать не месть и насилие, а четко прописанные в законах принципы и правила для разрешения взаимных противоречий[5].

---

[2] *Кацумата Сидзуо*. Сэнгокухо сэйрицу сирон (Очерки становления права эпохи сэнгоку). Токио. 2003, с. 159.

[3] *Цудзимото Хироаки.* Тюсэй букэхо-но ситэки кодзо (Историческая структура средневекового права военных домов). Токио. 1999, с. 276,277,279.

[4] Там же, с. 288.

[5] *Eason David Anthony*. The Culture of Disputes in Early Modern Japan, 1550-1700. PHd. University of California. Los Angeles. 2009, p.73, 74.

Со своей стороны Миядзима Кэйити подчеркивает, что власть даймё Роккаку была серьезно ограничена вассалами еще до принятия «РС». Кроме того, он высоко оценивает уровень автономии и самоуправления, достигнутый крестьянскими общинами, которые фактически были признаны Роккаку субъектами судебной системы (сохранились приговоры дома Роккаку по тяжбам между общинами)[6].

Свод «Роккакуси сикимоку» был написан в 1567 г. В научный оборот этот источник был введен сравнительно недавно – в 1937 г. японским ученым Маки Кэндзи, который назвал его «*Ёсихару сикимоку*» по имени даймё Роккаку Ёсихару[7], монограмма[8] которого стоит в конце текста уложения. Тем не менее, в синхронных источниках «РС» именовался *гоокимэ* (дословно – «высочайшие установления, законы»)[9]. Подлинник свода не сохранился. До нашего времени дошло в общей сложности пять списков «РС», в некоторых рядом стоят монограммы Ёсихару и его отца Ёсиката[10], который, приняв монашеский обет, формально передал власть сыну, но фактически по распространенной в ту эпоху традиции стал его соправителем.

«РС» состоит из короткой преамбулы, основного текста (67 статей), клятв вассалов (из пяти статей) и даймё (из трех статей), обязующихся соблюдать законы, а также шести позднее добавленных к основному тексту «РС» статей (*цуйкахо)*[11].

Источники «Роккаку-си сикимоку». Японские исследователи считают, что прообразом «РС» было так называемое «Уложение из два-

---

[6] *Миядзима Кэйити.* Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то тэнкай (Становление и развитие общества периода сэнгоку). Токио. 1996, с. 24, 25.

[7] Годы жизни – 1545–1612 гг. Годы правления – 1559–1570 гг. Южный районы провинции Оми, которыми правили Роккаку, соответствуют части современной префектуры Сига.

[8] Монограмма – один из возможных переводов японского слова *као. Као* были заимствованы японцами из Китая и вошли в обиход в высших слоях общества с начала периода Хэйан. Произошли от личной подписи и изначально представляли собой комбинации двух иероглифов из имени, постепенно превратившиеся в особые знаки для идентификации. Као в эпохи Камакура и Муромати повсеместно использовались для удостоверения подлинности документов. Наиболее адекватным переводом слова *као* на английский специалисты считают слово cipher. См.: *Rubinger Richard.* Popular Literacy in Early Modern Japan. University of Hawaii Press. 2007, p. 48. Као писались кистью, но в период сэнгоку могли изображаться на печатях.

[9] Кайдай // Тюсэй хосэй сирёсю. Букэ кахо (Собрание исторических источников по средневековому праву. Кодексы военных домов), т. 3, часть 1, Токио, 2001, с. 458.

[10] Роккаку Ёсиката в клятве после основного текста «РС» упомянут как Дзётэй. Дзётэй – его монашеское имя. Годы жизни – 1521–1598 гг., годы правления 1552–1559 гг. Согласно утвердившейся в японской науке точке зрения подлинником считаются те списки, в которых стоят печати и Ёсихару и Ёсиката.

[11] Текст памятника опубликован в наиболее авторитетном на сегодняшний день издании законодательных уложений военных домов японского «средневековья». Роккакуси сикимоку// Тюсэй хосэй сирёсю..., т. 3, часть 1, с. 259–276. В основу публикации авторы положили список *Отани*, при сличении его с остальными версиями «РС». В данной работе я ссылаюсь на номера статьей «РС» из этого издания.

дцати трёх статей» («*Дзёмоку нидзюсанкадзё*», далее – «ДН»)[12]. В тексте этого памятника не указана ни дата создания, ни имя создателя или его монограмма[13]. Обнаруживший этот небольшой кодекс в составе другого источника – «Кэйсэй соруй» – Цунода Тосихико не смог атрибутировать памятник. Позднее Симомура Исао убедительно показал, что 23 статьи были составлены в период правления Роккаку Ёсиката[14], обратив внимание на их поразительное сходство с «РС».

На «ДН», а также на «РС», безусловно, оказало влияние законодательство Камакура и Муромати бакуфу. Прямая ссылка на «Госэйбай сикимоку» («ГС»), законодательный свод камакурского сёгуната, содержится в ст. 29 «РС». Вместе с тем в ст. 47 уложения недвусмысленно объявляется о пересмотре статьи «ГС» (ст. 26)[15]. Характерно, что форму «РС» до некоторой степени можно считать прямым подражанием «ГС». После текста «ГС» приводится клятва (*кисёмон*) высших сановников бакуфу, включая *сиккэна* и *рэнсё* из рода Ходзё, вершить справедливый суд и следовать статьям «ГС». Подобно этому за основным текстом «РС» следуют клятвы вассалов и даймё, обязующихся уважать положения «РС». При этом в небольшой заключительной части «РС», в ст. 2 клятвы вассалов встречаются дословные повторения отдельных фраз из клятвы сановников Камакура бакуфу в «ГС».

Но в целом содержание «РС» самобытно и оригинально по отношению к предшествующему законодательству *бакуфу*. Только в одной статье (ст. 32) прямо указывается на сохранение силы соответствующего положения «ГС», а в общей сложности лишь три из 67 статей «РС» можно признать очень близкими или даже дословно воспроизводящими соответствующие положения «ГС» (ст. 29, 32, 37). Авторы текста «РС», судя по всему, по своему усмотрению отбирали те фрагменты камакурского кодекса, которые считали востребованными. В целом, «РС», если исходить из его текста, является наивысшим законом княжества Роккаку, его авторитет и сила не опирается на «ГС», а также на любые другие законы *бакуфу*. В «РС», как и в других законодательных уложениях эпохи *сэнгоку* нет каких либо свидетельств вмешательства сёгуната Асикага в судебную, законодательную и административную систему княжества. «РС» был установлен без санкции сёгуна или его приближенных, так же как отдельные указы Роккаку издавались без всякого согласования с ведомствами *бакуфу*.

---

[12] *Цудзимото Хироаки*, Тюсэй букэхо-но сигэки кодзо (Очерки становления права эпохи сэнгоку), с. 264, 265. *Симомура Исао*. Нихон тюсэй-но хо то кэйдзай (Экономика и право средневековой Японии). Токио. 1998, с. 427. С ними согласен *Eason D.A.*, Op.cit., p.27.

[13] *Симомура Исао*. Указю соч., с. 417.

[14] Там же, с. 414. Такую датировку указывает и Цудзимото Хираоки., с. 265. Подробнее о сходстве между «РС» и «НД» см.: *Симомура Исао,* Указ. соч., с. 422–427.

[15] «Госэйбай сикимоку». Пер. А. А. Толстогузова // Восток (Oriens). 2002, № 1.

Вместе с тем обычно-правовые традиции провинции Оми оказали ощутимое влияние на содержание «РС», а в ряде статей кодекса признается действие норм обычного права. Так в ст. 11, 14, 17 говорится об обычаях *сёэн (*вотчин*)* и деревень (*сёрэй, горэй*[16]), в ст.34 – об обычаях *сёэн* и законах разных областей и мест, в ст. 47 – об «исстари заведенном» порядке передачи поста настоятеля храма. При этом если в ст. 34 объявляются нерушимыми законы, а также обычаи *сёэн* разных мест княжества, то в ст. 14 традиции освобождения или уменьшения повинностей в пользу землевладельца тех или иных вотчин или деревень, противоречащие ее (ст. 14) положениям, отменяются. Частью традиции признаются в «РС» и подати в пользу даймё, установленные по «прежним законам» в ст. 35, 36, 39.

Кроме того, ст. 11, 12, 53, а также ст. 1 (добавленная) содержат слово *гохо* – («высочайший закон»), которое можно трактовать как законы, введенные домом Роккаку[17]. Следовательно, прежние указы Роккаку, включая «Дзёмоку Нидзюсанкадзё», наряду с обычным правом послужили источником для «РС».

В приказах, издававшихся вассалами-чиновниками (*бугёнин)* дома Роккаку[18], можно найти многие нормы, впоследствии ставшие частью «РС»[19]. Вместе с тем судебно-процессуальные нормы, которые вошли в «РС», как следует из анализа актового материала, действительно использовались в юридической практике. Так во время тяжбы между торговыми гильдиями Хонай и Эдамура (конец 1550-х – начало 1560-х гг.), которая рассматривалась княжеским судом, правила подачи иска и разбора дел совпадали с содержанием ст. 26, 63, 64, а также дополнительной ст. 4 «РС»[20].

Таким образом, происхождение многих статьей «РС» связано с содержанием указов и судебных приговоров Роккаку. В основе законов «РС»

---

16 Миядзима не считает *сёрэй* и *горэй* обычаями крестьянских общин. Это, по его замечанию, нормы, возникшие на основе установлений владельцев сёэн (*хондзёхо*), и ставшие в то же время результатом социального взаимодействия и противостояния между крестьянами и землевладельцами по самым разным вопросам. *Миядзима Кэйити,* Сэнгокуки сякай-но кэйсай то тэнкай, с. 249, 250.

17 Кацумата Сидзуо видит в *гохо* ст.11, 12, 53 «великие законы Поднебесной» – естественным образом сложившиеся нормы обычного права периода Муромати (*тэнка гохо, тэнка тайхо*). Однако выражение «воспротивиться высочайшим законам», употребленное в ст.12 «РС» ясно говорит о том, что *гохо* – это положения самой ст. 12. В этой статье нарушением законов является месть без обращения в княжеский суд. Кроме того, в дополнительной ст.1 под *гохо* также явно подразумевается указ даймё Роккаку.

18 Бугёнин (бугё) – вассалы, занимавшие административные посты в княжестве Роккаку. Составленные ими по воле даймё приказы именовались *бугёнин рэнсё хосё*. Это важнейший тип документов, с помощью которых Роккаку управляли и вершили суд в своих владениях.

19 Миядзима Кэйити обнаружил сходство между *бугёнин хосё* и статьями 4, 5, 10, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 40 «РС». *Миядзима Кэйити,* Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то тэнкай , с. 254–262.

20 *Ито Кадзухико*, Сэнгоку даймё Роккаку-си-ка но сосё тэцудзуки ни цуитэ (О судебных процедурах сэнгоку даймё Роккаку) // Сикан, т.114, март 1986, с. 47. При этом, как отмечает автор статьи, тяжба рассматривалась в резиденции Роккаку – замке Каннондзи.

лежит судебная практика дома Роккаку периода *сэнгоку*, а также (в меньшей мере) юридическая традиция, восходящая своими корнями к периоду *Камакура бакуфу*. При этом законодателями не отрицаются и обычно-правовые нормы различных областей провинции Оми.

Клан Роккаку в периоды Камакура и Муромати. Дом Роккаку был главной линией рода Сасаки, происходившей от потомков императора Уда (так называемые *Уда Гэндзи*). Роккаку в период Муромати постоянно назначались на должности сюго (военных наместников) южной части провинции Оми[21]. Пост сюго северной части Оми *бакуфу* доверило представителям рода Кёгоку, другой ветви рода Сасаки.

После ослабления центральной власти в результате междоусобных войн сюго Роккаку Такаёри (?–1520) начал захватывать вотчины храмов и столичных аристократов (*кугэ*), а также владения прямых вассалов сёгуна в Оми. В 1487 г. и 1491 гг. бакуфу предприняло два карательных похода против Роккаку Садаёри, который оба раза бежал в труднодоступные горные районы уезда Кога (провинция Оми) и после ухода дружин бакуфу возвращал себе прежнюю власть. Зенита могущества дом Роккаку достиг при сыне Такаёри – Садаёри (1495–1552). В первой половине XVI в. владения Роккаку часто становились прибежищем для терпевших неудачи в политической борьбе сёгунов Асикага (Ёсидзуми и Ёситанэ). Сёгун Ёсихару с 1532 по 1535 гг. жил в Куваноми-дэра поблизости от резиденции Роккаку – замка Каннондзи. Роккаку Садаёри стал влиятельнейшим советником Асикага Ёсихару.[22]

Политический кризис в княжестве Роккаку и создание «Роккаку-си сикимоку». В 1560-х годах княжество Роккаку переживало острейший политический кризис и едва сдерживало натиск внешних врагов. В 1563 г. по приказу Ёсихару, внука Садаёри, в замке Каннондзи были убиты могущественный вассал Гото Кататоё и его сын. Их гибель положила начало серьезному конфликту Роккаку с их вассалами (т. н. *смута Каннондзи*)[23]. Когда стало известно о гибели Гото Кататоё, многие вассалы немедленно покинули замок Каннондзи вместе с семьями и челядью и отложились от Роккаку, перейдя на сторону их злейших недругов из дома Адзаи. Столкнувшись с мятежом вассалов, Ёсиката и Ёсихару бежали из своей твердыни Каннондзи. В том же 1563 г. Гото

---

21 Нихонси дайдзитэн (Словарь истории Японии). Токио, 1997, т. 6., с. 1277. Имя клана происходит от названия района в Киото, где располагалась усадьба родоначальника клана – Сасаки Ясуцуна.

22 *Нисидзима Таро.* Сэнгоку-ки Муромати бакуфу то дзайти рёсю (Муромати бакуфу в период сэнгоку и *дзайти рёсю*), Токио (?), 2006, с. 49, 58, 63–65. Замок Каннондзи – *Каннондзи-дзё*.

23 Создается впечатление, что убийство Гото Кататоё и его сына – всего лишь устранение неугодного или чрезмерно усилившего свои позиции вассала, а не часть продуманной стратегии для укрепления власти. Между тем Ито Кадзухико считает, что смута Каннондзи возникла по причине недовольства вассалами политикой даймё Роккаку, стремившихся усилить свою власть. *Ито Кадзухико,* Сэнгоку даймё Роккаку-си-ка но сосё тэцудзуки ни цуитэ, с. 49.

Такахару – другой сын Кататоё – осадил эту крепость[24]. Замок Каннондзи был взят. Однако затем при посредничестве Гамо Садахидэ[25] – другого вассала Роккаку – между даймё и Гото Такахару было заключено перемирие. Роккаку вернулись в Каннондзи-дзё, а Такахару был признан Роккаку главным наследником земель и клана Гото[26].

Связь между созданием «РС» и политическим кризисом в княжестве Роккаку 1563г. обнаруживается уже в короткой преамбуле, где кодекс характеризуется как «законоположения о суде и расправе над своевольными смутьянами, не следующими законам после смуты, [случившейся] в этой земле». Очевидно, что речь здесь идет о смуте Каннондзи и последующем конфликте между домом Роккаку и частью его вассалов. Кроме того, в ст. 4 объявляется о восстановления прав на незаконно захваченные земельные владения по состоянию на 6-й год Эйроку, т. е. 1563г. – начало смуты.

Другие фрагменты памятника указывают на чрезвычайные внешние обстоятельства, сопутствовавшие его принятию: неудачную войну с кланом Адзаи (Асаи), который контролировал север Оми. В 1560г. Адзаи Нагамаса нанес сокрушительное поражение армии Роккаку в битве при Норада, а в 1566г. – разбил ее в другом сражении.

В клятвенной присяге даймё и вассалов, а также в дополнительных законах говорится о «вражде между севером и югом» – войне Роккаку и Адзаи. В одном из дополнительных законов упоминается указ Роккаку о прощении долгов (*токусэйрэй*) для всех жителей княжества из-за тягот, вызванных «смутой», под которой подразумевается противостояние с домом Адзаи. Объявленное аннулирование долговых обязательств можно считать мерой, направленной как на максимальную мобилизацию военных сил, так и на сохранение лояльности вассалов и других слоев населения по отношению к правящему дому.

Некоторые ученые недооценивают политические факторы, которые привели к составлению «РС», и преувеличивают значение социальных конфликтов. Представляется, что непосредственные причины принятия «РС», если исходить из его содержания, следует искать в политической сфере. Это, во-первых, смута Каннондзи, а, во-вторых, борьба Роккаку с Адзаи. Согласие даймё Роккаку на создание уложения, столь явно ограничивающего его власть, было возможно лишь в обстановке политического кризиса: после раскола среди вассалов во время смуты Каннондзи и разгрома войск Роккаку силами Адзаи. По-видимому, поклявшись соблюдать статьи «РС», Роккаку Ёсиката и Ёсихару рассчитывали сплотить вокруг себя вассалов и предотвратить их измену.

---

24 *Eason D.A.* Op. cit., p. 38, 39.

25 *Сугияма Хироси*. Сэнгоку даймё. Нихон-но рэкиси (Сэнгоку даймё. История Японии). т. 11. Токио. 2005, с. 459. Гамо Садахидэ вместе с другими 19 вассалами поставил свое имя и монограмму под «РС».

26 *Eason D.A.* Op. cit., p.41.

В присяге, данной после основного текста «РС» вассалы обещают преданно сражаться на стороне дома Роккаку: «Ныне север враждует с югом, столица – с окраинами, посему каждый должен не щадя своих сил верно служить…». В свою очередь, Роккаку Ёсиката и Ёсихару клянутся сполна воздавать воинам, отличившимся в войне с домом Адзаи: «Поскольку вражда между севером и югом достигла своего предела, [каждому вассалу] разумеется, важно выказать воинскую доблесть… Великие подвиги и великую верность насколько возможно следует принять во внимание [и воздать сторицей]».

Ограничение власти даймё вассалами – прежде всего в сфере законодательства и судопроизводства – одна из ключевых тем «Роккаку-си сикимоку». В уложении защищаются от посягательств даймё и ближнего круга его служилых людей традиционные права и вольности вассалов. Этим вопросам в кодексе отведено немалое место. Это косвенно свидетельствует о том, что ранее вассалы терпели обиды и злоупотребления от даймё и его ближайшего окружения. В одной из статей подразумевается существование «несправедливых» решений даймё Роккаку, в том числе Садаёри, наиболее могущественного князя этого рода. Остальные статьи также наводят на мысль, что многие преграды, возводимые вассалами против своеволия даймё – это не итог длительного развития, не отражение уже устоявшейся системы, а во многом следствие чрезвычайных обстоятельств. Вассалы использовали слабость позиций даймё после внешних поражений и смуты Каннондзи, чтобы поставить свои условия дальнейшей поддержки дома Роккаку. Таким образом, само принятие «РС» можно рассматривать как уступку со стороны правителя его вассалам.

Как следует из ст. 1 клятвенной присяги текст уложения был написан двадцатью вассалами дома Роккаку. При этом они выступили не просто в роли исполнителей воли даймё, а определили содержание «РС» и санкционировали его введение в силу наряду с князем. Текст, разработанный вассалами, поступил на рассмотрение отца и сына Роккаку, которые его одобрили и затем дали клятву соблюдать законы свода под страхом кары синтоистских божеств. Такую же клятву принесли и сыгравшие решающую роль в составлении уложения двадцать вассалов.

Согласно тексту клятвенной присяги (ст.1 и 6) даймё мог принять новые законы лишь после совета со всеми двадцатью вассалами. Неясно имелось ли ввиду под «советом» обязательное согласие каждого вассала (или их большинства), которые таким образом получали право вето. Однако, учитывая процедуру принятия «РС», можно предположить, что вассалы получали возможность блокировать попытки даймё и его приближенных навязать законы, противоречащие их интересам. Наконец, в ст. 38 «РС» провозглашается, что прежние указы и вердикты даймё Роккаку остаются в силе. При этом прямо указывается, что среди них могли быть «несправедливые» решения, которые в будущем не должны использоваться в качестве прецедента в будущих делах.

В сфере судопроизводства двадцать вассалов фактически составляли судебную «коллегию», которая вместе с даймё была наделена высшей судебной властью. В «РС» четко определяется круг судебных посредников (*госата содзя*), имевших право докладывать даймё о тяжбах и жалобах: это те самые двадцать вассалов, подписавших присягу. При этом даймё был властен увеличивать число *госата содзя* только с согласия давших клятвы вассалов (ст. 65, 66). Кроме того, устанавливались строгие судебные процедуры, которым был обязан следовать и даймё. Все иски и жалобы в обязательном порядке предписывалось докладывать сначала *госата содзя*, даймё строго запрещалось давать аудиенцию тем, кто в обход правил пытается апеллировать напрямую к нему без предварительного представления своего дела посредникам (ст. 67).

Кроме того, в уложении устанавливалась совокупность судебно-процессуальных норм и правил, провозглашалась необходимость справедливого и беспристрастного суда (см. клятвы после основного текста «РС»), обязательного разбора доводов обеих сторон в ходе тяжбы и при вынесении приговора (ст. 26, 37). При этом подчеркивалась важность единства вассалов при осуществлении правосудия: при наказании захватчика чужих вотчин они должны, забыв о родственных узах и вражде, сообща выступить против преступника (ст.4). Вассалам запрещается оглядываться при вынесении вердикта на родственные и иные связи, противиться уже утвержденному приговору, ходатайствовать по искам, не имеющим оснований (см. клятвы вассалов).

Требование судить справедливо адресовано, таким образом, не только даймё, но и вассалам. Вместе с тем в «РС» заметно желание последних устранить возможности для произвола и самоуправства даймё. Так, даймё ограничивался в распоряжении продуктами натуральной и денежной ренты, собранной со спорного земельного участка, арестованного его должностными лицами на время суда (ст. 28).

Наконец, в ряде статей свода ограждались от посягательства традиционные вольности и привилегии провинциальных землевладельцев-вассалов, в частности в жесткие рамки ставились «фискальные» прерогативы даймё. В ст. 33 декларировалась нерушимость ранее пожалованных налоговых иммунитетов, а в ст. 35 даймё запрещалось облагать новыми податями и повинностями, за исключением установленных по прежним законам. Наконец, ст. 34 охраняла незыблемость обычаев и законов различных мест и областей княжества, т. е. сложившихся норм обычного права. Можно предположить, что тем самым законодатели ставили препятствия для вторжения даймё в сферу юрисдикции вотчинников, обладавших известной долей судебной власти в своих владениях.

Вассальная система дома Роккаку и «Роккаку-си сикимоку». Как и в других уложениях *сэнгоку даймё*, в «РС» не содержится развернутого описания вассальной иерархии[27]. Из других источников известно,

---

[27] Нечетким остается само определение вассал применительно к вассальной организации дома Роккаку. Так, Миядзима Кэйити отнес клан Яманака из уезда Кога к вассалам Роккаку.

что отношения зависимости и вассальные связи в Японии XV–XVI вв. были чрезвычайно многообразны. Как уже было сказано, в своде зафиксирован исключительный статус 20 вассалов из 14 кланов. Однако, бесспорно, их именами перечень вассалов дома Роккаку не исчерпывался. Согласно выкладкам Миядзима Кэйити с Роккаку Такаёри до Ёсихару на службе дома Роккаку состояло 122 клана, из них при Такаёри – 49, при Садаёри – 50, при Ёсиката – 68, при Ёсихару – 39 (некоторые кланы служили всем поколениям даймё, другие – только одному поколению)[28].

Кацумата Сидзуо, со своей стороны, считал, что в число 20 вассалов, которые поставили свои имена под клятвенной присягой в конце кодекса, входили: 1) все «старшие» вассалы (*тосиёри*[29]); 2) часть «младших» вассалов» (*годзэн вакасю*). Как думал Симомура Исао, *тосиёри* – это представители младших линий рода Роккаку, а также могущественные вассалы Роккаку (не находившиеся с ними в родстве). *Годзэн вакасю* – прямые вассалы Роккаку, выполнявшие роль чиновников, посланцев и т. д. в системе управления[30]. При этом термин *тосиёри* в тексте «РС» не встречается, тогда как *годзэн вакасю* (*вакасю*) упоминаются в ст. 66 и дополнительной ст. 6.

По выводам японских историков 14 кланов, к которым принадлежали двадцать «избранных» вассалов, занимали важное место в управлении княжеством задолго до написания «РС». Миядзима Кэйити пришел к выводу, что занимавшие должности *бугёнин* княжеские вассалы играли большую роль в издании княжеских указов. Важнейшие документы, связанные с судебными, административными делами, вассальной организацией и др. появлялись не в форме личных приказов даймё, а в виде постановлений *бугёнин*[31]. В числе последних обнаруживаются фамилии

Миядзима Кэйити, Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то сэнкай, с. 58. Другой японский ученый доказал, что этот же дом Яманака в годы Тэмбун служил главной линии рода Хосокава, которая в конце XV – первой половине XVI вв. фактически контролировала политику бакуфу. *Исида Харуо,* Рё Яманака-си то Кога гунтюсо (Две ветви клана Яманака и *Кога гунтюсо*). // Сигаку дзасси, т. 95, 1986, №9, с. 8, 9. Неясно может ли в данном случае идти речь о явлении, отдаленно напоминающем «двойной вассалитет», институт которого существовал в средневековой Европе.

28 *Миядзима Кэйити,* Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то тэнкай, с. 57, 58.

29 *Кацумата Сидзуо*. Примечания к «Роккаку-си сикимоку» // Тюсэй сэйдзи сякай сисо (Социально-политическая идеология средних веков). Токио. 2001, с. 299. Как пишет Симомура Исао, в «РС» нет термина *тосиёри*, но из других источников достоверно известно об их существовании (с. 451). Представляется, однако, что вопросы о том, сколько именно вассалов и из какой категории вошли в число 20 избранных, и кто из последних принадлежал к разряду *тосиёри*, а кто – к *годзэн вакасю* нельзя считать окончательно проясненными.

30 *Симомура Исао*. Указ. соч., с. 423.

31 *Миядзима Кэйити*, Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то нэнкай, с. 224. Вместе с тем, такой тип документов обнаруживается и в актовых материалах других княжеств периода сэнгоку. Эти указы писались по повелению даймё. И делать заключение о слабости власти даймё лишь только на основании того факта, что его приказы появлялись в форме грамот, подписанных бугёнин, нельзя. Естественно, влияние бугёнин на их составление было велико, но его не следует преувеличивать.

вассалов, фигурирующие и в «РС»: Гото, Миками, Микумо, Нагахара, Синдо, Хираи.[32]

При этом нельзя не отметить двойственный характер статуса вассалов и служилых людей дома Роккаку. С одной стороны они еще до появления «РС» участвовали в оформлении важнейших решений как администраторы, чиновники. На них опирались даймё при решении судебных дел, подтверждении прав на владения, выдаче проездных грамот, награждении воинов, отличившихся на войне, пожаловании новых земель и других вопросов.

В то же время виднейшие вассалы сохраняли серьезную автономию по отношению к княжеской власти. Они не были чиновниками в полном смысле этого слова, так как даймё не платил им регулярного жалования из казны. Эти вассалы располагали землями (лишь часть которых была пожалована князем), своими вооруженными отрядами, жили в своих замках, имея усадьбы и в Каннондзи-дзё, где находилась резиденция Роккаку.

В то же время японские историки по-разному определяют социальные корни вассалов дома Роккаку. По мнению Миядзима Кэйити, большинство их составляли мелкие и средние землевладельцы (*дого* и *дзидзамураи*), возвысившиеся в годы Онин-Буммэй (1466–1477). Среди вассалов Роккаку мало выходцев из старых родов землевладельцев-воинов, происходивших от дзито эпохи Камакура, многие из которых были уничтожены в междоусобных войнах второй половины XV-го столетия[33].

Но если посмотреть на имена вассалов, подписавших клятву в «РС», то среди них преобладают как раз выходцы из «старых» военных родов, а не «новых», усилившихся в последней трети XV в. Так кланы Нагата, Хираи, Мабути, Аоти были ответвлениями рода Сасаки, от которого произошел и дом Роккаку. Миками в период Муромати принадлежали к *хокосю* – прямым вассалам сёгуна. Икэда занимали должность управляющего (*кумон*) во владениях храма Тодзи[34]. Еще в XIV в., в период войны между Южным и Северным дворами выходцы из родов Гамо, Аоти, Нарадзаки, Мабути, Миками назначались на посты управителей уездов в южной части Оми, их военные отряды были основой войска сюго Роккаку. Мигумо (Микумо), Хираи и Синдо характеризуются Цудзимото Хироаки как богатые и могущественные провинциальные землевладельцы, контролировавшие важные торговые пути на юге Оми[35].

---

[32] Там же, с. 241.

[33] Там же, с. 60.

[34] Сэнгоку даймё касиндан дзитэн. Сайгоку хэн (Словарь вассальных групп сэнгоку даймё. Сайгоку). Токио. 1981, с. 66,67.

[35] Цудзимото называет выходцев из этих родов могущественными провинциальными землевладельцами (*кокудзин*). *Цудзимото Хироаки*, Тюсэй бухэ-но ситэки кодзо, с. 274, 275. В XIV в. Мабути Хироцуна и Ёсицуна занимали посты *сюгодай* (заместителя сюго) Оми. Род Микумо участвовал в торговле с империей Мин.

В то же время система «сдержек и противовесов», обнаруживаемая в «РС» предназначалась для ограничения власти не только даймё, но и его ближайшего окружения. В своде выявляется разделение вассалов на приближенных даймё и остальных. При этом первые не называются *фудай* – «потомственными» вассалами – как в документах многих других *сэнгоку даймё*. В своде говорится о *годзэн вакасю*, часть которых вошла в число двадцати «избранных», а также о *годзэн киндзю*[36].

По-видимому, *годзэн вакасю* нельзя полностью отождествить с «ближним кругом» вассалов, хотя часть их могла к нему принадлежать. К свите и тем вассалам, которые формировали дом Роккаку в узком смысле можно, видимо, причислить упомянутых *годзэн киндзю* и *готюгэн*. *Готюгэн* – низкоранговые самураи, выполнявшие согласно «РС» полицейские функции (взыскание долгов, неуплаченных податей и т. п.) и подчинявшиеся напрямую даймё.

Судя по всему, отношения между ближним кругом «верных» и остальными вассалами Роккаку обострились с началом смуты Каннондзи: между ними развернулась борьба за земельные владения и права на присвоение ренты. Об этом свидетельствует и ст. 3 «РС», предписывавшая восстановление прав владельцев на земли, а также зависимых людей, возврат к статус-кво, существовавшему до 6-го года Эйроку, т. е. 1563 г., когда началась смута Каннондзи. Цудзимото предполагает, что упомянутые в преамбуле «РС» «смутьяны», нарушившие законы, – это потомственные вассалы Роккаку[37]. Однако, по всей, вероятности обидчики и захватчики чужих вотчин были и с той и с другой стороны.

Тщательная регламентация судебных процедур в «РС» – это в том числе попытка уменьшить влияние «приближенных» на даймё и княжеский суд. Неслучайно, в ст. 67 запрещается представлять чье-либо дело напрямую даймё, в обход «высочайших судебных посредников» – двадцати вассалов: «…Не должны выслушиваться те, кто пытается тайно доложить [даймё] о своем деле. Те же, кто пытается [минуя *госата содзя*] добиться благосклонности [даймё] в ходе тяжбы, преступают закон». Можно предположить, что ранее *годзэн киндзю* и другие приближенные к особе правителя использовали свое положение, чтобы добиваться выгодных судебных приговоров. Всемерное ограничение власти даймё в «РС» таким образом можно рассматривать как попытку не допустить в будущем новых злоупотреблений со стороны князя и его наследственных служилых людей.

Власть даймё и интересы вассалов. Однако, несмотря на серьезные ограничения власти правящего дома в «РС», вассалы вовсе не

---

[36] Слово *годзэн* в названиях свидетельствует об их близости к Роккаку. Судя по тому, что в ст.66 даймё запрещается без согласия вассалов, утвердивших текст «РС», расширять список судебных посредников, Роккаку могли выдвинуть своих «кандидатов», которые, однако могли не устроить создателей уложения, в числе которых были и некоторые *годзэн вакасю*.

[37] *Цудзимото Хироаки*. Тюсэй бухэ-хо-но ситэки кодзо, с. 288.

стремились к ликвидации власти даймё, они в ней по-прежнему нуждались. Землевладельцам предписывается уплачивать княжеские подати, «как исстари заведено», и под страхом наказания исполнять отработочную повинность (ст. 36). В ст. 39 защищается право даймё взимать *тансэн* со своих вотчин, а также вводить в княжестве экстраординарные подати.

Наконец в некоторых статьях содержится попытка сбалансировать интересы как вассалов, так и даймё. Так в ст. 7 даймё запрещается препятствовать вассалам в свободном отчуждении земель основанного за их счет буддийского храма. При этом указывается, что вассалы не должны пренебрегать «прежде установленными подношениями и повинностями» с таких храмовых земель в пользу князя. Как следует из ст. 10 даймё не вправе оспаривать продажу не только частных (наследственных) владений вассалов, но и пожалованных «ленов», если продажа последних была утверждена грамотами даймё или его *бугёнин*. Однако как указывается в той же 10-й статье, княжеская власть может конфисковать незаконно проданные управляющим (*дайкан*) земли, а также без дозволения даймё проданные княжеские пожалования.

В ст. 59 также сталкиваемся с обоюдным разграничением интересов. Речь в ней идет о связях *ёриоя* и *ёрико*. *Ёриоя* – вассал даймё, которому князь в военное время поручал командовать отрядами мелких землевладельцев и богатых крестьян (*ёрико*), а в мирное время – исполнять для них же функции судебного посредничества. *Ёриоя* в случае бегства *ёрико* согласно ст. 59 распоряжаются только теми землями беглых, которые они сами им ранее дали в держание. Остальными владениями *ёрико* ведает даймё.

Вместе с тем в кодексе присутствует «монархическая» идея о важности благополучия и процветания правящего дома. Вассалам предписывается не выступать посредниками по делам, «которые идут во вред княжеству и высочайшему дому [даймё]», а также молиться о его процветании, и не щадя себя, сражаться за дом Роккаку. Таким образом, даймё Роккаку (а не сёгун) предстает как сюзерен и правитель южной части Оми, в определенной устойчивости власти которого был заинтересован землевладельческий класс.

Действие «РС» как законодательного свода должно было распространяться не только на воинов-вассалов Роккаку, но и на остальные социальные слои княжества. Суд даймё Роккаку до написания уложения разбирал не только споры между вассалами, но и тяжбы торговцев[38], а значительная часть грамот, составленных *бугёнин* Роккаку адресована

---

38 *Tonomura Hitomi*. Forging the Past. Medieval Counterfeit Documents // Monumenta Nipponica, vol. 40, no.1 (Spring) 1985, p. 89–95. Автор статьи подробно останавливается на тяжбах между купеческими гильдиями Хонай и Гока в первой половине XVI в., которые разбирались судом Роккаку.

верхушке крестьянских общин (*мёсю, сатанин*)[39]. Однако, естественно, было бы ошибкой считать, что в «РС» равным образом отражены интересы всех сословных групп. Составителями свода были землевладельцы-*буси*, которые зафиксировали в нем, прежде всего, свои интересы как господствующего слоя.

Кроме того, авторитет и иные ресурсы княжеской власти оказались необходимы для сохранения землевладельцами господства и присвоения ренты с поместий и вотчин в условиях продолжавшейся социальной трансформации. В Японии к началу XVI в. крестьянские общины (*со)* стали серьезной социальной силой и добились широкой автономии по отношению к землевладельцам. Они располагали собственной военной силой, самостоятельно судили и наказывали преступников, заключали союзы и вели войны друг с другом из-за прав на земельные угодья[40].

В эпоху сэнгоку продолжалась острая социальная борьба между землевладельцами и крестьянскими мирами. Об этих коллизиях красноречиво свидетельствует и «РС». Так, в ст. 14–24 упоминается о невыплате годичного оброка (*нэнгу*) и иных платежей как отдельными крестьянами (ст. 23), так и целыми деревенскими общинами или даже несколькими селами в пределах *сёэн* (ст. 20, 21, 22, 24). В «РС» также фигурируют иные формы сопротивления крестьянских общин, например, индивидуальное или коллективное бегство крестьян из деревень, которое квалифицируется в «РС» как тяжкое преступление (ст. 24).

«РС», созданный представителями служилой знати княжества Роккаку, санкционирует применение силы со стороны землевладельцев, которые могли посылать для изъятия недоимок специальных сборщиков (*кэнсэкиси*). Однако эта мера, судя по всему, оказывалась явно недостаточной. Крестьяне отказывались нести повинности, не пускали таких эмиссаров в деревню, вступали с ними в вооруженные схватки (ст. 20–24). В подобных ситуациях составители РС предписывают направлять для подавления непокорных общинников и сбора недоимок *готюгэн* (ст. 21). *Готюгэн* также отправлялись для взыскания задолженности с задержавших выплату ссуды должников (которыми, естественно, могли быть и общинники).

Правда, в роли должников оказывались не только крестьяне, но и воины, а ростовщическими операциями занимались вассалы Роккаку. В этой связи ст. 53–56, в которых определялась процедура истребования просроченной задолженности, а также предусматривалось участие княжеских стражников в ее изъятии, отражали их важнейшие интересы.

---

[39] *Миядзима Кэйити.* Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то тэнкай, с. 20, 24.

[40] Истории становления самоуправляющихся крестьянских общин в японской историографии посвящено немало работ. См. например *Фудзики Хисаси,* Мура то рёсю-но сэнгоку сэкай (Мир эпохи сэнгоку: рёсю и деревенская община). Токио, 1999. Пример конфликта деревень из-за земельных угодий и водных ресурсов – ст. 13 «РС».

Д. Изон, несколько преувеличивая, полагает, что кроме смуты Каннондзи еще одним важным событием, прямо повлиявшим на появление «Роккакуси сикимоку», был конфликт между видными вассалами дома Роккаку. В 1566 г. Гото Такахару одолжил у Синдо Катамори (оба они поставили позднее свои подписи под текстом «РС») значительную сумму в 20 кан медных монет, передав в качестве залога земли и доходы храма Асиура Анкокудзи. Такахару задержал выплату долга и Катамори отказался вернуть ему заложенные земли[41]. В конфликт между ними оказались втянутыми и дом Роккаку и другие кланы княжества. Так на стороне Гото оказались утвердившие «РС» Миками Корэясу, Нагата Катахиро, а также Кома Танго-но ками, упомянутый в уложении. Выступивший в роли посредника Микумо Сигэмоти упрекал Роккаку Ёсиката и Ёсихару за то, что они поддержали Катамори[42].

Таким образом, власть даймё оказывалась необходимой для продолжения эксплуатации землевладельцами крестьянских общин, а также для улаживания их взаимных споров и разногласий. При этом следует скорректировать мнение Кацумата Сидзуо, согласно которому вассалам были необходимы в первую очередь военные силы даймё, поскольку они неспособны были самостоятельно справиться с крестьянскими общинами[43]. По правдоподобной оценке Миядзима Кэйити большую часть армии Роккаку составляли отряды вассалов, а соединения даймё, которыми он лично командовал, – меньшую ее часть[44]. Скорее всего, участие стражников даймё в карательных экспедициях против крестьян – это не только военная помощь, но и способ призвать к порядку непокорных общинников, устрашив их авторитетом верховной власти.

Таким образом, даймё был важен для вассалов при реализации их владельческих прав на землю, присвоении прибавочного продукта и для сохранения господства над деревенскими общинами. Поскольку «РС» был составлен представителями военной знати, в нем в несравненно меньшей степени учтены интересы крестьян, однако полностью они не могли быть проигнорированы.[45] В ст. 24 «РС» крестьяне получали возможность апеллировать к княжескому суду в случае, если землевладелец допускал злоупотребления при взимании повинностей или вводил незаконные поборы. В ст. 18 предусматривается вмешательство даймё в случае если после принятия полагающихся платежей их получатель отказывался выдать соответствующую расписку. Это положение

---

41 *Eason David*, Anthony, The Culture of Disputts in Early modem Japan. 1550–1700, PHd. University of Californnia.

42 Сэнгоку даймё касиндан…, с. 66, 67, 72.

43 Кацумата. Сэнгоку сэйрицу…, с. 161.

44 *Миядзима Кэйити*, Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то тэнкай, с. 61.

45 Там же, с. 20,24. Как показал Миядзима, уже с середины XV в. в актовых материалах Муромати бакуфу и дома Роккаку появились документы, адресованные крестьянским общинам, автономия которых была в известной мере признана юридически «сверху».

могло быть направлено на защиту интересов не только *дайкан*, но и крестьян, которые были вправе доложить даймё об отказе выдать документ, удостоверяющий выплату ими *нэнгу* и иных повинностей.

Наличие в «РС» положений, в определенной мере учитывающих интересы крестьян и ограничивающих произвол землевладельцев по отношению к ним, вполне объяснимо. Как отмечал Кацумата Сидзуо, эти статьи были включены в «РС», поскольку для землевладельческого класса были невыгодны и опасны конфликты с усилившимися крестьянскими общинами, которые иногда объединялись в союзы. Поэтому злоупотребления отдельного вотчинника запрещались ради общих интересов всех землевладельцев, заключавшихся в гарантированном и бесперебойном присвоении ренты, собиравшейся с крестьян[46].

Наконец, даймё был призван играть роль арбитра в спорах и конфликтах между землевладельцами (не только воинами, но и религиозными корпорациями). В соответствии с «РС» он судил «по совету» (и видимо с согласия) двадцати вассалов. Эта роль верховного судьи признавалась вассалами, поскольку позволяла избежать возникновения кровавых междоусобиц. В ст. 12 «РС» зафиксирован принцип *кэнка рёсэйбай* – равного наказания за участие в вооруженных стычках – запрещается мстить обидчикам (даже после гибели близкого родственника), примыкать к одной из сторон. Приказывается выносить такие инциденты на княжеский суд (доложить и ожидать свершения правосудия), отрицается право на самосуд. Включение подобного положения в «РС» не кажется случайным. Во-первых, закон *кэнка рёсэйбай* нередко включался и в договоры союзов кокудзин (*икки кэйдзё*) для сохранения мира на территории таких объединений. Эта норма была знакома и понятна воинам. Во-вторых, в раздорах внутри дома Роккаку не были заинтересованы и сами вассалы, осознававшие опасность ослабления княжества перед внешними врагами. Поэтому двадцать вассалов, создавших свод, требовали передавать дела о таких ссорах на рассмотрение княжеского суда, в отправлении которого они непосредственно участвовали сами.

По-видимому, вассалам, некоторые из которых в 1563 г. вели войну против Роккаку, было непросто немедленно отвергнуть традиционную модель отношений с даймё, складывавшуюся на протяжении длительного времени. Это была знакомая и считавшаяся легитимной власть, которой не было готовой альтернативы. Наконец, по замечанию Коно Кэйити, вассалы и служилые люди княжеского дома эпохи *сэнгоку* составляли объединенную общими интересами группу во главе с даймё и были заинтересованы в ее сохранении[47]. Такие группы в период *сэнгоку*

---

46 *Кацумата*. Сэнгоку сэйрицу…, с. 159.

47 *Коно Кэйити.* Кэнка рёсэйбай хо сэйрицу-но хосидзё-но иги ни кансуру иссирон (К вопросу о значении появления закона кэнка рёсэйбай в истории права) // Кюдай хогаку, т. 92, 2006, №2, с. 40, 41.

конкурировали друг с другом за материальные и политические ресурсы. Даймё же был связующим звеном, а также зримым символом их единства перед лицом соседних групп.

Уложение Роккаку и право военных домов Оми. Необходимо отметить, что «РС» как свод законов, созданных исходя из интересов вассалов, а также (до некоторой степени) даймё, не ограничивается регулированием вопросов внутри этого узкого слоя, а распространяет свое действие и на иные общественные классы, прежде всего, крестьян. Это ни в коей мере не вассальный кодекс, а перечень законов, разработанных для суда и управления княжеством.

«Роккаку-си сикимоку», как следует из текста заключительной части свода, предназначался для земель, на которые распространялась власть дома Роккаку. Роккаку же контролировали[48] не всю провинцию Оми, а только южные ее области. К моменту составления кодекса – 1567г., – клан Адзаи вытеснил Роккаку из части их бывших владений. Описания территорий, подконтрольных Роккаку, не содержится в «РС», размеры княжества можно определить только из анализа актовых материалов дома Роккаку. Возможно, в него входили девять уездов провинции Оми, как полагает Миядзима Кэйити[49].

Однако и в этих уездах власть даймё Роккаку, судя по всему, не была единообразной: различной была степень зависимости вассалов, некоторые из них вплоть до падения сёгуната Асикага формально сохраняли статус прямых вассалов *бакуфу*. К ним, например, относился могущественный род Куцуки из уезда Такасима провинции Оми. Куцуки не только занимали высокие посты в должностной иерархии *бакуфу* в период его упадка, но и предоставляли убежище сёгунам и их свите в своих поместьях[50]. Хотя уезд Такасима Миядзима отнес к сфере влияния Роккаку, Куцуки нельзя считать вассалами Роккаку.

Близость провинции Оми к Киото, сохранение в ней слоя прямых вассалов сёгуна[51] затрудняли упрочение «вассально-сеньориальной» организации Роккаку. Сохранялись и храмовые *сёэн* (в частности вотчины Энрякудзи) с тем или иным набором судебных, административно-полицейских и податных иммунитетов.

Помимо судебной и административной системы дома Роккаку в некоторых уездах вассалы сохраняли и в ряде случаев укрепляли свою

---

48 «Контроль» над той или иной областью Оми означал, что там были землевладельцы, признававшие власть Роккаку, готовые нести военную службу повинности для дома Роккаку.

49 Уезды Гамо, Кандзаки, Курита, Эти, Кога, Ясу, Такасима, Инугами, Саката. *Миядзима Кэйити*, Сэнгокуки сякай-но кэйсэ то тэнкай, с. 58.

50 *Ото Ёрико*. Муромати коки-ни окэру Оми сюго Роккаку-си то Куцуки-си но канкэй ни цуитэ (Об отношениях клана Куцуки и *сюго* Оми Роккаку в поздний период эпохи Муромати) // Сигаку 58(1). 1988–1989, с. 118. Так же см.: *Нисидзима Таро,*Сэнгоку-ки Муромати бакуфу то дайити рёсю, с. 44.

51 *Усуи Сусуму*. Тюсэй коки дзайти рёсю-но сосё сатэй (Суд *дзайти рёсю* в период позднего средневековья) // Нихон рэкиси. №9. т.568. 1995, с. 21.

автономию в сфере законодательства и суда в период *сэнгоку*. Еще в XV в. на юге Оми, как и на остальной территории тогдашней Японии, провинциальные землевладельцы фактически сформировали свой механизм улаживания взаимных споров и противоречий. Нередко конфликты улаживались без обращения к *сюго* или *бакуфу* с помощью посредников, которыми выбирались соседние землевладельцы. Иногда достигнутый компромисс скреплялся позднее грамотой, выданой по просьбе примирившихся сторон *сюго* или *бакуфу*[52].

После смуты годов Онин и ослабления власти сёгуната Асикага в уезде Кога (юг Оми) местные кланы воинов фактически создали свою судебную систему, которая регулировала возникавшие разногласия и конфликты не только между самураями, но и между крестьянскими общинами. Судебная процедура выглядела следующим образом: по желанию обеих тяжущихся сторон выбирались посредники («третейские судьи»), которыми были соседние землевладельцы. Они брались рассудить споривших и после рассмотрения всех документов составляли судебное решение, которое оба участника конфликта клялись уважать. Никакого вмешательства Роккаку в процесс подготовки и вынесения приговора не происходило[53].

Кроме того, в 60-х годах XVI в. на юге Оми появляются уложения, принятые как отдельными самурайскими кланами, так и их союзами[54], которые можно рассматривать как небольшие законодательные кодексы. К числу наиболее известных памятников такого типа относится состоящий из восьми статей устав, известный в японской историографии под названием «Мосиай дзёдзё» (1566г.). Его утвердили три могущественных клана (*домётю*) уезда Кога – Яманака, Бан и Минобэ, вместе составлявшие трехстороннюю лигу – *сампотю*.

Тема шести из восьми статей устава – борьба с уголовными преступлениями на территории, подконтрольной трем кланам – кражами, грабежами, разбоем, отравлениями ядом. Седьмая статья запрещает создание во владениях трех кланов объединений крестьян (*хякусё*) и *вакато* (крестьяне, ставшие служилыми людьми *буси*, а также низкоранговые

---

52 Там же, с. 33, 34.

53 Эта судебная система детально изучена в работах Миядзима. См. например Миядзима *Кэйити,*Сэнгокуки ни окэру дзайтихо тицудзё косацу. *Кога гунтюсо* о содзай тоситэ (Исследование локального правового порядка в период сэнгоку. На основе анализа *Кога гунтюсо)*// Сигаку дзасси, 1978. №1, с. 87.

54 Юдзава, полемизируя с Миядзима, подчеркивает, что такие лиги, объединявшие землевладельцев-воинов, генетически не были связанны с крестьянскими общинами и учреждались для упрочения господства над ними. Члены таких объединений четко отделяли себя от кресстьян, хотя зажиточные крестьяне и могли «кооптироваться» в их состав. См.: *Юдзава Норико*. Тюсэй коки дзайти рёсюсо-но ити доко. Кога-гун Яманака-си ни цуитэ (Об одной тенденции в развитии слоя *дзайти рёсю* в период позднего средневековья. О клане Яманака из уезда Кога) // Рэкисигаку кэнкю. т. 497. №10. 1981, с. 46. Сходное мнение высказывает *Исида Харуо*, Рё Яманака-си то кого гунтюсо., сигаку дзасси, с. 32.

самураи). Последний пункт предусматривает изгнание нарушителей договора из трех родов[55]. В тексте памятника не содержится никаких отсылок к вышестоящей власти – ни к дому Роккаку, ни к *бакуфу*. Согласно этим законам, уголовное правосудие на землях кланов вершится без всякого вмешательства вышестоящей власти.

При этом клан Яманака, входивший в *сампотю*, относился к вассалам Роккаку. Так, Яманака были управляющими (*дайкан*) *дзито* из рода Нагахара, вассалов Роккаку, в одной из вотчин уезда Гамо, а также неоднократно участвовали в военных походах Роккаку, получали от них пожалования за проявленные заслуги и т. п.[56]

Уже после падения дома Роккаку и подчинения Оми Ода Нобунага в 1570 г. появился сборник законов из 32 статей *домётю* Оохара[57] из 32 статей, которые регулировали вопросы, относящиеся к земледелию, торговле и ремеслу, судебным процедурам, ссорам, военным столкновениям с внешними врагами, уголовному правосудию, поддержанию порядка на землях *домётю*[58].

Более того, своя судебная и законодательная система прослеживается не только на уровне отдельных *домётю* или их союзов, но и в пределах целых уездов. Так в источниках упоминаются законы *Кога гунтюсо* – объединения *дзидзамураев* и *кокудзин* уезда Кога[59]. Причем неясно разграничение судебной юрисдикции между кланами, их союзами, а также *гунтюсо*. Возможно четкого разделения полномочий и не было вообще. Таким образом, судебная система даймё Роккаку и отдельных родов и клановых союзов существовали параллельно.

Причинами появления союзов самурайских кланов (от *домётю* до *гунтюсо*) считаются как необходимость объединения против внешних врагов, так и противостояние непокорным крестьянским общинам[60]. При этом известные нам законодательные памятники *домётю, сампотю* и *гунтюсо* в уезде Кога возникли уже после смуты Каннондзи – в 1566г., 1570 г., конце 1560-х – начале 1570-х гг. – то есть в период ослабления и падения власти дома Роккаку. Однако, в источниках уезда Кога наличие самостоятельно действующей судебной системы, которая разрешала конфликты между местными кланами *буси* (а в ряде случаев и между крестьянскими общинами), прослеживается задолго до смуты

---

55 Тюсэй хосэй сирёсю, т.5, Букэ кахо. Часть 3, Токио, 2001, Документ №634, с. 90,91.

56 *Юдзава Норико*, Тюсэй коки дзайти ресюсо-но ити доко. Кого-гун Яманака-си цуитэ, с. 42. Миядзима, как уже указывалось выше, считает Яманака вассалами Роккаку.

57 Клан Оохара был ответвлением рода Сасаки. Владения Оохара находились в уезде Сакаты провинции О:ми. В период Муромати Оохара были прямыми вассалами сёгунов Асикага.

58 Тюсэй хосэй сирёсю, т.5. Букэ кахо. Часть 3…. Документ №712, с. 131–134.

59 *Миядзима Кэйити*. Сэнгокуки сякай-но кэйсэй то тэнкай, с. 87.

60 *Исида Харуо,* Рё Яманака-си то кого гунтюсо. Сигаку дзаяси, с. 34. *Юдзава Норико*, Тюсэй коки дзайти ресюсо-но ити доко…, с. 38.

Каннондзи – еще с XV – начала XVI вв. Поэтому вряд ли следует расценивать «Мосиай дзёдзё» или законы Оохара домётю лишь как оборонительные или союзные соглашения, направленные против внешней опасности.

В «РС» содержится статья, согласно которой дому Роккаку следует уважать обычаи и законы разных областей и *сёэн* княжества (ст. 34). Судя по всему, даймё вынуждены были мириться с существованием автономной по отношению к их власти судебной системы *кокудзин* и *дзидзамураев*. При этом на территории княжества сохранялись вотчины буддийских монастырей и святилищ, в которых полномочия княжеской власти также были ограничены.

В заключение необходимо отметить, что «Роккаку-си сикимоку» – отчасти результат чрезвычайных политических условий, отчасти – итог закономерного социального и политического развития эпохи Муромати.

Тезис Миядзима Кэйити об относительной слабости власти Роккаку, особенно в сравнении с даймё Восточной Японии, является верным. Однако его мнение о тождественности баланса сил между даймё и вассалами до и после смуты Каннондзи нельзя принять[61]. Создание «РС» неразрывно связано с упадком могущества Роккаку и отражает изменение соотношения сил в пользу вассалов. Ставить знак равенства между структурой власти Роккаку до и после смуты Каннондзи не представляется возможным. Если другие законодательные своды периода «воюющих провинций» появились как итог усиления власти даймё, то «РС» был создан в результате ее эрозии.

Хотя непосредственный импульс созданию «РС» был дан политическими потрясениями, в его содержании отражены ключевые социально-экономические интересы военной элиты – вассалов Роккаку. Однако эти интересы не сводятся к эксплуатации и подавлению выступлений крестьян. Не менее важной для создателей «РС» является проблема улаживания взаимных противоречий по поводу земельных владений и иных вопросов. В этой связи они отводили даймё роль верховного арбитра в разрешении возникающих конфликтов.

Концепция Цудзимото Хироаки, усматривавшего истоки и главный смысл «РС» в выдаче гарантий и подтверждении даймё владельческих прав вассалов, не может быть полностью принята. Неясно, насколько «РС» как «юридическая гарантия» со стороны даймё была весома в ситуации политического кризиса. Кроме того, непонятно тогда, почему требовались отдельные грамоты о законности владения землей, выдававшиеся Роккаку вассалам даже после смуты Каннондзи.

Кроме того, вызывает сомнения оценка Д. Изоном «РС» как одного из юридических памятников эпохи сэнгоку, в которых были воплощены

---

[61] Миядзима в очерке о вассалах дома Роккаку писал, что в «РС» лишь более явственно выразились отношения, уже сложившиеся между Роккаку и их служилыми людьми. – *Миядзава Кэйити,* Сэнгоку даймё касиндан дзитэн…, с. 65.

новые представления вассалов и даймё о необходимости отказа от насилия как средства решения конфликтов в пользу правовых и легальных механизмов. Принципы мирного разрешения споров были неоднократно зафиксированы в договорах провинциальных землевладельцев (*кокудзин икки кэйдзё*) еще в XV в. Кроме того, судебная система Муромати *бакуфу* (до смуты Онин) подразумевала необходимость вынесения конфликтов землевладельческого класса в целом (и не только вассалов *буси*) на суд сёгуна, а не их силового разрешения. Поэтому вряд ли уместно искать в «РС» радикальное изменение менталитета самураев, все больше отказывавшихся от применения силы для решения взаимных противоречий.

История не отвела достаточно времени для того, чтобы проверить эффективность той политической модели отношений между даймё и вассалами, которая была выражена в «РС». В 1568 г. Ода Нобунага вторгся в Оми и захватил замок Мицукури, принадлежавший дому Роккаку. Ёсиката и Ёсихару вновь бежали из замка Каннондзи. Синдо Катамори и Гото Такахару, как и многие вассалы, подписавшие «РС», перешли на сторону Ода. Последние шансы вернуть власть над княжеством дом Роккаку потерял в битве при Ясу-гава в 1570 г., потерпев поражение от военачальников Ода Нобунага – Сибата Кацуиэ и Сакума Нобумори.

«Роккаку-си сикимоку» не оказал какого-либо влияния на законодательство Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и сёгуната Токугава. Более того, можно утверждать, что модель ограничения власти даймё со стороны вассалов, зафиксированная в «РС», не имеет генетической связи с политической системой Японии нового времени. Представляется, что отказаться от междоусобных войн воинов заставило не изменение их менталитета, проявившееся в законодательных уложениях эпохи сэнгоку, а установление по инициативе вышестоящей власти серии законов, запрещавших частные войны («указы о мире» Тоётоми Хидэёси и последующие правовые акты Токугава *бакуфу*).

Тем не менее, ценность «Роккаку-си сикимоку» для изучения сложных социально-политических и экономических изменений, которые переживало японское общество в середине XVI в., не подлежит сомнению.

Приложение

«РОККАКУ-СИ СИКИМОКУ» (перевод)

Законоположения о суде и расправе над своевольными смутьянами, не следующими законам после смуты, [случившейся] в этой земле.

1. Иски буддийских храмов и синтоистских святилищ без промедления следует принимать на высочайшее рассмотрение, а также своевременно соизволить отдать распоряжения о священнодействиях во время

празднеств, восстановлении и благоденствии храмов и святилищ, а также об их владениях.

2. О владениях Энрякудзи[62]. То, о чем Энрякудзи и [эта] земля договорились в былые годы после усмирения школы Нитирэна, пусть и впредь остается непреложным[63].

3. Обо всех земельных владениях, а также о *дзиан, ёрики, хиканнин* и иных. [Все то], что имели до 1-го дня 10-й луны 6-го года Эйроку, пусть [и ныне тем] владеют [без изъятия][64]. Однако захват земли, или невыплату *дайкан* и прочими [годового оброка и иных платежей] необходимо пресечь, пусть принадлежат [исконным владельцам] как и прежде.

4. [Силой] захватывающие и удерживающие чужие земли творят неслыханные прежде беззакония, равных которым нет. Должны незамедлительно их вернуть бывшим владельцам. В случае отказа следует потребовать [возврата]. Если же [преступник] не согласится, следует просить [даймё] отдать приказ о [его] усмирении. И тогда все[65] должны, став воедино, выступить [против него]. Если даже захватчик придется [кому-либо[66]] родичем[67], или иным близким человеком, не должно принимать его сторону. Кроме того, даже если была давняя вражда или иная обида на законного хозяина земли, о злобе своей нужно забыть и проявить рвение при наказании злодея.

5. Следует отдавать годовой оброк рисом или деньгами, и иные платежи тому землевладельцу, которому прежде из года в год они шли. Если же кто другой их получил, пусть уплатят еще раз[68]. Если же объявятся злодеи, требующие [те поборы] себе, следует их задержать и [обо всем] доложить[69].

---

62 Энрякудзи – находившийся на горе Хиэй главный храм-монастырь буддийской школы Тэндай. Основан в 788г., в 1571 г. был сожжен Ода Нобунага. Восстанавливался при Тоётоми Хидэёси и сёгунах Токугава.

63 В 7-м месяце 5-го года Тэмбун (1536 г.) монахи Энрякудзи при поддержке сил Роккаку Садаёри разрушили и сожгли в Киото 21 храм школы Нитирэн. В 1546г. при посредничестве Роккаку Садаёри Энрякудзи и секта Нитирэна заключили соглашение о мире, при этом Садаёри обязался при нарушении договора школой Нитирэна встать на сторону Энрякудзи. Тогда же были достигнуты какие-то договоренности относительно вотчин Энрякудзи в южной части Оми. По-видимому, в этой статье говорится о сохранении в силе этого соглашения.

64 Закон призван восстановить статус-кво в системе землевладения до начала смуты Каннондзи. События, связанные со смутой Каннондзи, начались в 6-м году Эйроку.

65 Неясно имеются ли в виду все вассалы дома Роккаку или только те из них, кто подписал клятвенную присягу в конце «РС».

66 Кому-либо из вассалов Роккаку.

67 «Родич» – так переведены два слова – *синруй* и *энруй*. С*инруй* – кровные родственники, *энруй* – родичи со стороны жены.

68 Законному владельцу земли, которому должна выплачиваться рента.

69 Из статьи следует, что задержать «злодеев», незаконно требующих выплаты *нэнгу*, должны были сами плательщики, под которыми, в частности, должны пониматься крестьяне. В эпоху *сэнгоку* крестьянские общины располагали своей вооруженной силой, поэтому не кажется удивительным то, что законодатели доверяют им арест преступника.

6. Если *камбо* или настоятель злонамеренно передадут, уступят или продадут земли, где упокоен прах предков высочайшего дома, или принадлежащие [даймё] *кигандзё* и храмовые земли и иное, сколько бы времени [ни минуло] с той поры, [договоры об этом] должны потерять силу.

7. Даже когда называют [какой-либо храм] *кигандзё*, те, кто, не прибегая к помощи наставников или мирян, своим радением основали молельню и храм и [даровали им] земли, своими силами все это сделали, могут по собственной воле их передать, уступить и отдать. И [даймё] не должен в этом им препятствовать. Но прежде установленными подношениями и повинностями[70] не следует пренебрегать. Если же будет проявлена нерадивость, пусть соизволят провести расследование и отдать строгие приказания.

8. [Договоры о] продаже, уступке или передаче по воле *камбо* или настоятеля земель буддийских храмов и обителей, принадлежащих мирянам, лишаются силы. Иное дело, когда *камбо* или настоятель [распоряжается] купленными им самим землями помимо храмовых вотчин.

9. Несправедливым требованиям *тэра бугё* а также *торицуги* храмы и обители уступать не должны.

10. О проданных землях, что подлежат конфискации. Продажу пожалованных [даймё] земель, а также злонамеренно скрытых управляющим от господина владений, на которые была составлена купчая, не следует признавать [законной]. Что же до частных земель и владений, то [их продажа] ни в коем случае не должна быть оспорена. Если же жалованные земли [были проданы] с высочайшего соизволения и к купчей были приложены грамоты [даймё и *бугёнин*][71], [договоры об их продаже] не должны быть расторгнуты. Но если имеющую хозяина землю продал *дайкан* или кто-либо другой, обманом выдав ее за свою, и выяснится, что купчая, пусть и прилагались к ней грамоты [даймё и *бугёнин*], была составлена по злому умыслу, [то владение] должно быть конфисковано.

11. О тяжбах вокруг заливных, суходольных полей и иных [земель], проданных одновременно нескольким покупателям[72]. Если [кто-либо

---

70 Имеются в виду подати и повинности в пользу даймё.

71 Имеются ввиду документы двух типов, выпускавшиеся с разными целями: 1) грамота с монограммой самого даймё (*госё*); 2) печатная грамота, подписанная несколькими княжескими «чиновниками» – бугёнин, (*бугёнини рэнсё хосё*). В данном случае, и первый и второй тип актов придавал законность сделке купли-продажи земли.

72 Речь идет не только о продаже на вечные времена (в данной статье – *байтоку*), но и о сделках типа *хонсэнгаэси* или *нэнкиури*. По условиям *хонсэнгаэси*, возможное возвращение проданного земельного участка зависело от выплаты «продавцом» «покупателю» долга и процентов по нему по окончании предусмотренного договором срока. Кроме того, в эпоху *сэнгоку* были распространены сделки иного вида – *нэнкиури*, по условиям которых, по истечении оговоренного срока «проданная» земля автоматически возвращалась прежнему хозяину.

из покупателей] пользуется и владеет [той землей], подобно тому как владеют [землей], проданной [на вечные времена], время составления документов выяснять не следует, пусть бесспорно и по справедливости ему принадлежит.

Если же, как принято в *сёэн* и по иным обычаям, покупатели не обрабатывают [ту землю], а по договорам лишь получают с нее доход, исходя из времени [составления купчих] пусть прежде пользуется [тот, чей документ] был составлен раньше остальных[73]. Но если какой-либо покупатель лишится земли, он может на основании законов и купчей[74] потребовать возврата уплаченной цены от детей и внуков продавца.

12. О ссорах, стычках, избиениях, нанесении ран [холодным оружием] и убийствах. Даже если убит был отец или сын, следует сдержаться и доложить [о случившемся]. Над [преступником] незамедлительно должны вершиться [высочайшие] суд и расправа по мере его вины. Тот, кто не повинуясь [этому правилу] и нарушив законы, либо будет мстить [обидчику], либо, взяв оружие, пойдет [на него], сам совершит беззаконие. Также запрещается приходить на подмогу [участникам вооруженных ссор и стычек]. Нарушившие это правило и оказавшие помощь должны понести наказание соответственно глубине своей вины.

13. О [вооруженных стычках] из-за гор, лугов и **оросительных каналов.** Следует придерживаться того, что было записано в предыдущей статье[75]. Если же [жители] каких-либо деревень или сёэн поднимутся [друг на друга] и вступят в сражение, и [после того одна из сторон] составит и предъявит списки виновных, принимать их на высочайшее рассмотрение не надлежит. Вина же пусть ляжет на [жителей тех] *сёэн* и деревень[76].

14. Хоть и принято в *сёэн* и по обычаям деревень снижать годовой оброк [после стихийных бедствий][77], прежний порядок отныне утрачивает силу. Впредь пусть *сёмунин, дзинуси, мёсю, сакунин* и другие вместе собравшись, измерят [нанесенный ущерб], тогда можно, соразмерно

---

[73] Рассматривается ситуация, когда земля продана лишь на ограниченный срок, и несколько покупателей одновременно получают право извлекать из нее доход. Выигрывает спор тот приобретатель, чья грамота была составлена раньше остальных купчих.

[74] В купчие эпохи Муромати включались статьи, предусматривавшие обязательства продавца возместить покупателю цену, уплаченную за землю (или даже уплатить в несколько раз ее превышающую компенсацию), в случае если по каким-либо причинам, в том числе из-за претензий потомков продавца, он терял возможность пользоваться ею. Судя по тексту статьи, речь шла именно о документах, содержавших «гарантии» возмещения со стороны продавца.

[75] Т. е. судить и наказывать участников таких столкновений в соответствии со ст.12. В ст. 13 речь идет о конфликтах между крестьянскими общинами или союзами таких общин из-за земельных угодий.

[76] То есть, согласно этой статье, виновными должны быть признаны обе стороны вооруженного столкновения, а не одна из них.

[77] В статье говорится о *соммэн* – снижении или временая отмена платежей в пользу землевладельца после стихийных бедствий (ураганов, наводнений, засух и т. п.).

оставшемуся на полях урожаю, просить о снижении [*нэнгу*] и получать на то согласие. Если же найдутся те, кто не показав [уцелевший урожай] его соберут и [затем], попросят о снисхождении, не уменьшая установленный [объем] *нэнгу*, должны сполна внести.

Что же до *кубо нэнгу* рисом или монетой и иных [повинностей], то не надлежит [после стихийных бедствий] их снижать там, где прежде не было такого обычая. Также запрещается с помощью даров добиваться снижения [нэнгу и повинностей]. Беззаконие допускают и дающие и принимающие такие подношения.

15. По договорам *укэкири, укэцумэ, киримаи, дзётодай* и подобным им, снижение нэнгу запрещается. Даже если и было так прежде заведено, впредь уменьшения быть не должно. В соответствии с установленным [по договору] размером [нэнгу] следует его уплатить.

16. О смещении с поста *дайкан* и иных должностей [*сики*]. Если лишает [*сики*] владелец земли, недоимки [по выплате годового оброка и иных повинностей] должны быть прощены. Когда же *дайкан* или *сакунин* уходят по своей воле, обязаны их восполнить. Если же [кто-либо] доложит [землевладельцу] о причинах [отказа от своего поста], и на его место поставят другого, то даже если с той поры прошло много лет, следует приказать предыдущему *дайкан* или *сакунин* возместить недостачу.

17. [Многие годы] не требовать небольшой годовой оброк[78], а [затем] собирать его единовременно [за все прошедшее время] – недопустимое своеволие. Каждый год нужно сполна вносить [*нэнгу*]. Но если его уплаты не требовали и минули годы, накопившаяся задолженность не подлежит уплате, кроме *нэнгу* за три года.

Если же [кто-либо], несмотря на требования [собственника земли], не явился для уплаты *нэнгу*, по обычаям *сёэн* его либо следует лишить должности, либо [землевладельцу] перейдет его земля[79].

О выплате *нэнгу* и иных повинностей с земли, которой не владели[80]. В случае небрежения, даже если прошли годы, необходимо потребовать

---

[78] В статье, видимо, речь идет о землевладельце (или его управляющем), который намеренно не взимал каждый год небольшую сумму *нэнгу*, для того чтобы потребовать затем не только накопившийся за прошедшие годы долг, но и проценты к нему. Неуплаченный оброк, таким образом, приравнивался к ссуде.

Цудзимото считает, что в этой статье, а также в ст.18,24 говорится о злоупотреблениях управляющих (*дайкан*), которыми были «ближние» вассалы даймё. *Цудзимото Хироаки*, Тюсэй бухэ-хо-но ситэки кодзо, с. 296, 298. Их произволом при сборе повинностей, по мнению ученого, были недовольны сами собственники земли. Правда, ни в ст.17, ни в ст.18 и 24 *дайкан* не упоминается. В статье видимо описываются частые конфликты между землевладельцами и *дайкан*, которые происходили из-за контроля над рентными платежами. Нет доказательств того, что *дайкан* – это только прямые вассалы даймё, противостоявшие остальным вассалам.

[79] В данном случае земля рассматривается как залог, который в случае невыплаты долга отходит землевладельцу.

и взыскать проценты вместе с долгом[81] с других владений и доходов должника.

18. Если были уплачены *нэнгу* и иные платежи и повинности, следует, как издавна повелось, выдать расписку о получении. Если откажут в ней, пусть немедленно о том доложат. Необходимо тотчас приказать передать документ о выплате.

19. [Должники] желают передать [в счет неисполненных повинностей] земли, неведомо кому изначально принадлежавшие, имущество и должности, которые неизвестно кем переданы [неплательщику], но принимать их не дозволяется. Следует взыскать [недоимки] с тех доходов и земель [должника], которыми он с давних пор [и по праву] владел.

20. Если [*дайкан*] заявит, что крестьяне не доплатили [*нэнгу*], и *рёсю* не получит причитающееся ему [по договорам] *укэкири* и *киримаи*, *дайкан* следует составить документы с указанием долга крестьян и суммы полученных платежей и присовокупив к ним священную клятвенную грамоту, [о том, что не лжет], передать их [собственнику земли], а поступившие платежи тотчас ему возместить.

Что же до задерживавших выплату крестьян, то во что бы то ни стало, [*дайкан*] следует немедленно отправить к ним своего посланца. Поскольку требования [к крестьянам] были предъявлены незамедлительно, землевладелец должен подождать оставшейся части [оговоренных] платежей.

21. Если объявят, что в эти земли[82] входа посланцам *сюго* нет, перестанут платить *нэнгу* и иные поборы и ответят отказом на требования их внести, следует, предупредив господина того *сёэн* или той деревни, отправить посланца [для взыскания]. Когда же [тот господин] больше трёх раз не откликнется на требования [посланца], следует об этом доложить [даймё] и послать *готюгэн*.

22. Известно, что свершается великое беззаконие, когда, не платя *нэнгу* и иные повинности, чтобы не пропустить посланца преграждают пути и дороги, и пройти становится невозможным. Если [станет известно] о таких злонамеренных кознях, необходимо либо покарать

---

[80] Подразумеваются обязательства выплачивать *нэнгу* и иные платежи с земли, которая не является владением должника по тем или иным причинам (ее продажи и т. п.).

[81] Невыплаченный *нэнгу* рассматривался как долг, который подлежал выплате с процентами.

[82] В данном фрагменте неясен статус неплательщика *нэнгу* и других повинностей. Платить годовой оброк обязаны были как крестьянские общины, так и богатые крестьяне (*дого, мёсю*) и низший слой самурайства (*дзидзамураи*). Последние занимали низшие должности в административном аппарате *сёэн*. *Дзидзамураи* и *дого* рассматриваются в японской историографии как промежуточный социальный слой, который не только эксплуатировал крестьян, но и сам подвергался эксплуатации со стороны владельцев сёэн.

Примечательно, что неплательщики ссылаются на право *сюгоси фуню* для обоснования своего отказа платить повинности. Право *фуню* в эпоху Муромати заключалось в предоставлении землевладельцу налогового и административного иммунитета. См.: *Кобаяси Хироси*. Муромати дзидай но сюгоси фуню ни цуитэ (О сюгоси фуню эпохи Муромати) // Муромати сэйкэн. Ронсю Нихон рэкиси. Токио. 1975.

[преступников], либо наложить на них штраф. Не только при [непокорстве] целых деревень и *сёэн*, но даже если, [отдельные] *мёсю*, крестьяне и им подобные по своему почину запрут ворота и двери [своих усадеб], должны быть сурово наказаны.

23. Пренебрегающие внесением *нэнгу* и иных платежей крестьяне, скрываясь от *кэнсэкиси*, бросают свое жилище, и находят пристанище в чужом доме. Где бы ни были [крестьяне, незаконно] снявшие урожай с полей, в тот дом, где они прячутся, должен войти посланец. Кроме того, когда [их] встретят на дороге, можно забрать столько их вещей и скарба, сколько должно пойти в счет [неуплаченного] годового оброка. Не возбраняется поступать так не единожды[83]. Однако необходимо загодя предупредить нынешнего господина [тех крестьян] или хозяина дома, где они живут, перед тем как послать [туда] *кэнсэкиси*.

24. Об уклоняющихся от уплаты *нэнгу* и иных поборов крестьянах, которые отказываются от обработки своих наделов. Когда [крестьяне в пределах] *сёэн* или деревни, сговорившись, злонамеренно забрасывают возделывание земли[84] – это беспримерное злодеяние, за которое надлежит незамедлительно покарать. Но если крестьяне доложат [даймё], что издавна вносимые *нэнгу* и платежи увеличивают, либо налагают новые поборы, следует разузнать положение дел, произвол должен быть запрещен.

25. Дозволяется младшему сыну *хиканнин*, известив своего господина, принимать монашеский постриг. Но даже если он и без предупреждения принял обет, и с того времени прошли годы, [господину] негоже его брать на службу. Но если то был храм, принадлежащий [клану господина], значит он [все прошедшие годы] служил [ему][85]. Если же [сын *хикан*] был отдан в другой[86] храм, [стал] послушником на горе Хиэй

---

83 То есть до тех пор, пока за счет отобранных у крестьянина вещей не будет покрыта сумма долга по неуплаченным повинностям.

84 В статье речь идет о форме социальной борьбы крестьян - коллективном бегстве крестьян из одной или нескольких деревень. Отказ от обработки земли осуждается – законодатель обещает суровую кару крестьянам, - в то же время подчеркивается недопустимость злоупотреблений при взимании ренты со стороны землевладельцев в отношении крестьян. Предусматривается, что даймё должен остановить притеснения крестьян. Более того, оговаривается возможность прямого обращения крестьян к даймё через голову их господина. Примечательно, что в период Муромати установление объема *нэнгу* и меры для измерения оброка были прерогативами землевладельца. В этой статье содержится попытка ограничения этих прав землевладельца с помощью закона.

85 Подразумевается, что господин может призывать на службу принявшего постриг сына *хикан* из родового буддийского храма. *Хикан* в данной статье – служилый человек землевладельца.

86 Другой храм – т. е. храм, не принадлежащий его господину.

или в монастыре Ондзёдзи[87], и с той поры минули годы, господин не вправе его вызывать на службу.

26. О порядке направления приказа о наложении ареста [на имущество или землю на время судебного разбирательства][88]. Когда [получено будет] срочное донесение о том, что кто-либо [затеял] вооруженную стычку или ссору, либо снял [незаконно] урожай [с полей], разорил [чужой] дом, и забрал оттуда вещи [и иной скарб], следует тотчас же выслать приказ об аресте на установленный срок. Однако если речь не идет о делах, не терпящих отлагательства, [а о] тяжбах о земельных владениях, о границах угодий горных и лесных, следует выслушать доводы обеих сторон и после этого арестовать [спорный земельный участок]. Запрещается [даймё] налагать арест без должного расследования.

27. Если донесут, что несмотря на распоряжение об аресте, [одна из сторон тяжбы], ему противится и творит бесчинства[89], [даймё] следует проверить истинность этих сведений. Если и вправду допущено было своеволие, без рассмотрения обстоятельств дела, спорный участок пусть отдан будет противной стороне. Однако же, если выяснится, что [обвинившая в бесчинстве сторона] возводила напраслину и ложные наветы, спорная земля пусть перейдет другой стороне[90].

28. Накопившиеся после ареста [спорной земли] годовой оброк рисом и монетой, [собранные в] горах и лесах, деревья и бамбук и иное, ни в коем случае не должны жаловаться тем, кто их домогается[91].

29. Когда кто-либо трижды получал приказ о вызове на суд, но, несмотря на это, не явился, с учетом времени, отведенного [для прибытия][92], спорное владение должно быть передано другой стороне, либо [не явившийся] должен понести наказание за преступление[93].

---

87 Гора Хиэй (монастырь Энрякудзи), и Ондзёдзи – храмы-монастыри буддийской школы Тэндай в провинции Оми (совр. префектура Сига).

88 Документ, на основании которого производился княжескими слугами временный арест земельных владений и имущества, являвшихся объектом судебного спора (или имущества преступника – вора, разбойника и т. п.) назывался *онъосаэ-но хосё*. По форме такой документ был грамотой, удостоверенной подписями нескольких бугёнин.

89 «Бесчинства» - *тюкан родзэки* – попытка истца или ответчика распоряжаться находящимся под «судебным арестом» имуществом, например, собрать урожай со спорного участка земли.

90 Сторону, которую ложно обвинили в нарушении судебного запрета.

91 Из этой статьи следует, что натуральная и денежная рента со спорного участка земли оставалась на время ареста в распоряжении даймё, которого могли просить о ее пожаловании третьи лица. В «ГС» содержится закон (ст. 44), запрещающий домогаться владений обвиняемого в преступлении до вынесения приговора.

92 Эта статья составлена под влиянием ст. 35 «ГС». Однако в «ГС» предусматривается передача спорного владения, в случае если одна сторона не явилась на суд, а другая не имеет законных на него прав, третьему лицу.

93 То есть в случае разбора уголовного преступления, а не земельного спора, не явившийся на суд должен быть признан виновным в его совершении и наказан.

30. Разбой в горах и на море, ночные нападения, ограбления и грабежи на большой дороге отныне и впредь должны беспощадно наказываться [даймё]. Но если один из грабителей, выдаст [сообщников], с него снимается вина, и имущество разбойников должно в награду отойти доносчику. Кроме того, в случае если [у должностных лиц даймё] возникнут подозрения, в соответствии с прежними указами следует провести расследование поблизости от места совершения злодеяния и отдать [нужные] распоряжения[94].

31. В зависимости от глубины вины преступника, следует определить тяжесть его наказания, и [о нем] распорядиться.

32. О том, несут ли взаимную ответственность за совершение тяжких преступлений отец и сын, муж и жена. Вершить суд и расправу по таким делам надлежит, сообразуясь с законами [Госэйбай] сикимоку[95].

33. [Привилегии] земель, свободных по высочайшей воле [даймё] от всех повинностей и поборов, как и прежде, не должны нарушаться.

34. Обычаи *сёэн* и законы различных мест и областей пусть пребудут нерушимы.

35. [Даймё] не должны вводиться новые подати и отработки[96], кроме установленных по прежним законам.

36. Без всякого основания отказывающиеся от уплаты исстари заведенных податей, а также исполнения отработочной повинности и иного, как было установлено, должны быть строго наказаны.

37. [Даймё и его бугёнин] не следует, без должного разбирательства, выдавать грамоты [с приговором] на основании доводов только одной стороны тяжбы[97].

---

[94] В законодательстве эпохи *сэнгоку* повсеместно встречаются законы, поощряющие доносительство на преступников. Фрагмент в конце статьи, по всей видимости, связан со следующим, существовавшим в ту эпоху, правовым обычаем. Если не удавалось поймать преступника, вину за уголовное преступление возлагали на ближайшую к месту совершения преступления деревню.

[95] Таким образом, в статье содержится прямая ссылка на «ГС», который именуется *сикимоку гохо*. Это один из примеров продолжавшегося в период *сэнгоку* использования в правоприменительной практике знаменитого камакурского кодекса. Законодатель ссылается на ст. 10 «ГС» «О наказаниях за убийства или нанесение ран. А также несут ли отец и сын взаимную ответственность друг за друга?» и на ст.11 «Касательно того, конфисковать или нет владения жены в случае виновности мужа».

[96] «Отработки» (*буяку*) – налагаемая даймё трудовая повинность: доставка крестьянами на место военных действий провианта, иных нужных материалов, а также выполнение необходимых работ во время войны. Исполнять ее были обязаны как «частновладельческие» земледельцы, так и крестьяне из княжеского домена.

[97] Закон тем самым провозглашает необходимость вынесения судебного вердикта даймё и его *бугёнин* лишь при учете аргументов как истца, так и ответчика, которым должна быть предоставлена возможность обосновать свою позицию в княжеском суде. Содержание статьи перекликается со ст.45 «ГС».

38. Подлинные грамоты [прежних даймё Роккаку и *бугёнин*] и иные [неподложные] документы сохраняют силу. Помимо того, [судебные] решения *Коундзи доно*[98] пересмотру не подлежат. Но если обнаружится несправедливость [в прежних установлениях] в будущих делах на них ссылаться не следует.

39. *Тансэн* с вотчин [даймё] впредь, как и было установлено, должен взиматься. Чрезвычайные подати в княжестве [должны собираться] для высочайших нужд с проявлением снисхождения по отношению к местному люду, крестьянам и иным.

40. Когда срубают деревья и бамбук[99] для высочайших нужд, тому месту не должен быть причинен излишний вред. Помимо того, если *бугё* [самовольно] запишет [для сруба] ненадобные [даймё] деревья и бамбук, а кто-либо с помощью даров пытается их присвоить, должны понести наказание.

41. О наказании за подделку документов. [Виновные] должны быть либо казнены, либо отправлены в изгнание[100]. Но если подделки документов не было, пусть клеветника равным образом накажут.

42. Если тяжущиеся, приложат копию документа со своими доводами к иску[101], а потом [от них] потребуют подлинник и при сравнении копии с ним выявятся разночтения, [тот документ] не будет действительным. Иногда по вине писца случаются маловажные пропуски [знаков] и повторы. Однако [в таких случаях] поданые документы силы не теряют. Кроме того, что касается оснований исков, если отыщутся пропуски и перепутаны важные знаки по причине злонамеренности [истца], такие документы должны быть приравнены к поддельным. Следует в зависимости от содержания документа, принять решение и учинить суд и расправу.

43. О краденом или похищенном имуществе. Когда [ворованные вещи] либо закладывают, либо продают, и они находятся в *кумондзё* или на городском рынке или в ином месте, [законный] хозяин [увидев их], как и положено, просит взять то имущество на сохранение[102]. Од-

---

98 Коундзи доно-Роккаку Садаёри (1495–1552).

99 Бамбук и древесина особо ценились князьями эпохи *сэнгоку*, их использование регулировалось в законодательных сводах, поскольку эти материалы широко применялись при ремонте замков и для военных нужд.

100 Эта статья перекликается со ст.15 «ГС», однако предусматривает более суровые наказания для преступника. Здесь, однако, не оговариваются как в «ГС» различные способы наказания в зависимости от сословного статуса: конфискация владений или ссылка для самурая, клеймение простолюдина.

101 В эпоху Муромати участник тяжбы прилагал к своему иску еще и копию документа, содержавшего доказательства его правоты.

102 Т. е. исконный владелец краденого просит торговцев на рынке или должностных лиц *кумондзё* (вотчинная управа) сохранить эти вещи до того момента, как будет доказан факт кражи и его права на них.

нако если преступника схватили, но не выдали, краденое также отдавать не следует[103]. Если же тот вор после поимки и допроса сбежит, и [выяснится, что] те вещи похищены, пусть их отдадут [хозяину]. После этого купившему или взявшему в залог [краденое] заплаченные ими деньги, разумеется, возвращать не следует.

Помимо того, если неизвестно будет кто вор и откуда он[104], но будет ведомо и доподлинно доказано, кто хозяин краденого, пусть [оно] также будет [владельцу] возвращено.

44. Строго запрещаются азартные игры. Нарушающие [этот запрет] должны быть либо казнены, либо в изгнание отправлены. Оставшееся после них имущество должно быть в награду даровано донесшему о виновных. Если же один из разбойников, даже если он был одним из устроителей [игр], выдал своих сотоварищей, от наказания освобождается и сверх того положена ему награда.

Открывший свой дом для азартных игр должен понести то же наказание, что и их устроители. Хотя имущество виновных достается доносчику, пожалованные [даймё] земли отойти ему не должны. Частными же землями, будь то заливными и суходольными полями, горами и лесами, домами, имуществом [преступников] без изъятия пусть владеет доноситель. [Его] господин, либо *дзито* или деревенский староста[105] и иные притязать [на оставшееся после преступников имущество] не должны.

45. О тяжбах господина и слуги. Отныне и впредь, [даймё] обращения находящихся в услужении никоим образом принимать не следует.

46. Когда затевается тяжба между родителями и детьми, наставниками и их учениками, [даймё] внимать тому, что говорят чьи-либо дети и послушники, не следует. Однако если во время выбора наследников или при составлении документов о передаче [наследства] тот наставник или отец своевольно и по злому умыслу совершил несправедливость, [жаловаться на них] не возбраняется. [В таком случае], даже если иск подан обоснованно, следует, оценив сыновнюю почтительность и верность [истцов] и тщательно рассмотрев и взвесив все обстоятельства дела, вершить суд.

47. Порядок составления завещаний и документов о передаче наследства был определен в [«Госэйбай] сикимоку», но впредь и отныне пусть имеет силу документ, утвержденный прежде других[106]. Иначе

---

103 Подразумевается, что вора должен был задержать сам потерпевший и передать приобретателю краденого.

104 «Того человека» – настоящего хозяина краденого.

105 Деревенский староста (*сатанин*) – должностное лицо в сёэн. С XIV в. так стали называть представителя руководящего слоя крестьянской общины, ответственного за сбор *нэнгу* в пользу землевладельца.

106 Согласно ст.26 «ГС», наследодатель мог пересмотреть свою волю и аннулировать свое завещание, даже если оно уже было признано распоряжением бакуфу. В этой статье признается законным самое раннее по времени составления завещание.

следует поступать, если речь идет о главном наследнике[107]. Наследники, не страшащиеся пересмотра завещания и непочтительные к отцу, матери или учителю, ведут себя не в пример дерзко.

Если же, несмотря на издавна заведенный в том храме порядок определения преемника[108], по злому умыслу настоятеля, либо прихожанина, в нарушение прежних обычаев [будет составлено] незаконное завещание, выяснять когда [оно] написано было, не надлежит. Следует немедля, блюдя порядок наследования, исстари установленный, принять высочайшее решение.

48. Об отписанных [отцом дочерям] землях[109]. Пусть все будет так, как было условлено в [отцовском завещании]. Если же нет его, после смерти женщины, доля ее должна быть возвращена в ее род. Также распорядиться приданым[110] следует в соответствии с [составленной ее отцом] грамотой. Если не было ее, [приданое] не отдается обратно в род той женщины.

49. О каре за прелюбодейство. Оба, и женщина и вступивший с ней в [незаконную связь], должны быть преданы смерти.

50. При частичном возврате долга, следует выдать расписку о частичном погашении. Если долг сполна уплачен, пусть вернут [должнику] заемную грамоту. Если же откажут в выдаче той грамоты, следует, доложить [даймё и его *бугёнин*] об этом и [ее] потребовать.

51. О ссуде [которая была взята по заемной грамоте], подписанной несколькими заемщиками. Если взыскивают [всю сумму долга] даже с одного из них, в соответствии с заемной грамотой следует беспрекословно ее возвратить. Принимающий у себя *кэнсэкиси*, разумеется, может потребовать от остальных должников разделить вместе с ним убытки и [отдать] часть выплаченной задолженности[111]. Даже если большинство из поставивших подпись на ссудной грамоте ударятся в бега, и останется лишь один из них, пусть уплатит [весь] долг с процентами.

52. Об ответственности поручителей по долгам. Сначала следует потребовать [долг] от задерживающего [выплату] должника. Когда не будет возможности [долг вернуть], даже если заемщик не умер и не

---

[107] Таким образом, за главой клана по-прежнему сохранялось право лишить статуса главного наследника старшего сына.

[108] В уставах буддийских храмов и монастырей часто указывался способ определения наследника настоятеля.

[109] Такие земли передавались отцом дочерям обычно в пожизненное владение. После смерти женщины они подлежали возврату в собственность ее рода.

[110] Приданое – *Сикисэн* – деньги, которые жена получала в качестве приданого при замужестве.

[111] Описывается ситуация, когда с одного из заемщиков посланец заимодавца (*кэнсэкиси*) взыскивает долг в пользу кредитора. При этом должник принимает *кэнсэкиси* в своей усадьбе и несет сопутствующие расходы по его содержанию, которые могли быть весьма обременительными. Согласно статье, он праве потребовать от своих сотоварищей разделить понесенные убытки и отдать причитающуюся с них часть выплаченной ссуды, которую он взял на себя.

сбежал, пусть потребуют [долг] с поручителя. Последний же может истребовать его с должника.

53. Не подчиняются не только [приказам] бугёнин [об уплате долгов][112], но и посланным *готюгэн*, тут и там бесчинствуют. [Такое] невиданное своеволие, как в прежних законах установлено, должно быть строго наказано.

54. Об истребовании [долга] *готюгэн*. После выяснения обстоятельств дела, и [выдачи] приказа, не должно быть распоряжений о приостановке взыскания долга.

55. О взыскании долгов по различным повинностям и ссудам. Когда удовлетворив прошение [заимодавца] пошлют *готюгэн*, но по высочайшей воле [решено будет] выяснить [справедливость доводов] ответчика[113], следует известить истца, и на определенный срок приостановить [взыскание долга]. Если же за это время ответчик доказательств своей правоты не представит, пусть вновь направят *готюгэн* и долг взыщут. В это время приказы о прекращении [взыскания] отдавать запрещается.

56. В предыдущей статье записано, что при взыскании *готюгэн* долга, [должник] ходатайствует о его приостановке, и коли [даймё] решит узнать, оправдана ли [эта просьба], без полного рассмотрения [его доводов] может выслан быть приказ о временном прекращении взыскания. Но если кто-либо, не изложив [даймё] своих доводов, просит сперва остановить [взыскание], либо подает не имеющее справедливых оснований прошение, посылать *татэфу* строго запрещается.

57. Когда ясна [мера правоты] доводов истца и ответчика, стороны тяжбы встречаются [в суде] и их оглашают[114]. [Затем] незамедлительно следует вынести приговор.

58. Не следует принимать на высочайший суд иски от *ёрики* и *дзиан*, обратившихся самовольно, без рекомендации[115] своего *ёриоя*. Но если откажет *ёриоя* в посредничестве по иску, те *ёрики* и *дзиан* должны доложить об этом. И следует [даймё] узнать у их *ёриоя* [причины отказа]. И тот должен разъяснить свои основания. Вслед за тем дозволяется [*ёрики*] направить иск. На *ёрики*, что [на службе у] *годзэн киндзю*, действие этого закона не распространяется.

---

112 Подразумевается, что в суд даймё поступил иск по поводу неуплаты долга и после его рассмотрения был издан приказ *бугёнин* о его взыскании, а для исполнения приказа к должнику были посланы княжеские стражники. Однако должники уклонились от возврата долга.

113 «Ответчик» – должник, который подал петицию даймё о приостановке взыскания долга.

114 Содержание статьи восходит к ст.49 «ГС». Однако в «ГС» предписывается, в случае, если вердикт кажется очевидным судьям, вынести решение без вызова тяжущихся на прения.

115 «Рекомендация» – рекомендательное письмо, без которого *ёрико* не мог представить свой иск в княжеский суд. Запрет подачи прямых петиций *ёрико* – общее место законодательных сводов периода *сэнгоку*.

59. Когда сбегают пожалованные землей *ёрики* и *дзиан* и другие, оставшимися после них владениями распоряжается *ёриоя*[116]. Если касается дело других владений *ёрики*, помимо полученных в держание, то на них [*ёриоя*] притязать запрещается. Ими соизволит распорядиться даймё. Но если будет среди оставшихся [земель или доходов] пожалования *ёриоя*, должны быть ему возвращены.

60. Конфискованными [у преступников землями и иным имуществом] пусть распоряжаются так, как издавна повелось в разных местах.

61. *Дзито* [земли и имущество] бежавших из-за оскудения и бедности не вправе конфисковать, но пусть ведает ими господин беглых.

62. *Дзито* не может конфисковать[117] [земли и имущество] мужа, убившего свою жену. Они переходят господину [преступника].

63. Когда докладывают о своем деле, и истец и ответчик должны приложить к исковым документам по 1 кан 200 мон[118] как плату за ведение тяжбы и передать их в *бугёсё*. После суда и вынесения приговора [из той суммы] 1 кан проигравшей стороны передается на восстановление храмов и святилищ. Правой стороне следует вернуть 1 кан в целости. [Оставшиеся] 400 мон пусть возьмут *бугёнин*.

64. За донесения о вооруженных стычках и раздорах, и за прошения о взыскании задолженности и направлении *готюгэн*, а также о выпуске *татэфу*, плата взиматься не должна. Но когда вершится суд и разбираются доводы истца и ответчика, как написано в предыдущей статье, [обе стороны тяжбы] пусть передадут в *бугёсё* по 1 кан 200 мон.

65. О посредниках по высочайшим судебным делам. Все поставившие свои подписи под клятвенной присягой, разумеется, могут докладывать о делах.

66. Те из *годзэн вакасю*, кто поставил свою роспись под клятвенной присягой, разумеется, могут ходатайствовать о рассмотрении дел. Никого другого прибавлять к ним не следует. Но если [даймё] соизволит просить *вакасю* о включении [кого-либо в число *госата содзя*] и получит на то согласие, может к ним быть присоединен. Не вправе быть судебным посредником тот, от кого [даймё] потребует отдельно поставить свою подпись под присягой.

67. Никому иному, помимо упомянутых в двух предыдущих статьях, представлять дела судебные на высочайшее рассмотрение совершенно

---

[116] Из этой статьи узнаем, что степень зависимости *ёрики (ёрико)* от *ёриоя* могла варьироваться: он мог просто состоять под судебным патронатом *ёриоя*, но мог получать от него и жалованье или земли.

[117] Можно предположить, что в данной статье под беглыми подразумеваются крестьяне либо несвободные (*гэнин*), господином которых считался не *дзито* той деревни, где они проживали, а иной землевладелец. В период *сэнгоку* крестьяне часто поддерживали отношения господства-подчинения не только со «своим» *дзито*, но и с другими землевладельцами. Примечательно, что в следующей ст. 62 не *дзито*, а опять же «господин» властен распоряжаться владениями преступника, убившего свою жену.

[118] *Мон* – медная монета. *Кан* – счетная единица для мон. 1 кан = 1000 мон.

не дозволяется. Кроме того, не должны выслушиваться те, кто пытается тайно доложить о своем деле [в обход *госата содзя*]. Те же, кто пытается [минуя их] добиться благосклонности [даймё] в ходе тяжбы, преступают закон.

Статьи эти по неразумию записаны неискусно[119]. И не должен их видеть никто другой, кроме [живущих] в этой земле[120]. [Ныне настали] неспокойные времена и потому приняли их поспешно и без должного размышления, [в будущем же] могут быть добавлены [новые] законы. Но [в таких случаях] следует выслушать, что все [поставившие свои имена под клятвенной присягой] думают об этом и вынести решение.

Так постановили.

10-й год Эйроку, 4-й месяц, 18-й день.

Первая часть почтительно принесенной перед священными богами клятвы, данной [под страхом] небесной кары[121].

1. По высочайшему повелению свои ничтожные мысли записав, это уложение о делах правления [составили] и преподнесли его на высочайшее рассмотрение. И признательны [мы], что по высочайшей милости получили одобрение и были даны клятвы[122] и [эти законы] были установлены. Пусть эти статьи навечно пребудут нерушимы. Если же нужно будет записать иные законы, следует соизволить выслушать каждого[123] и их добавить.

2. Когда [даймё] вынесет приговор и неправая сторона проиграет, запрещается, зная, что приговор справедлив, обвинять суд в пристрастности, либо негодовать, напоминая о многолетней своей верной службе. Кроме того, если на общем совете будут разбирать приговор и [даймё] соизволит спросить каждого [из вассалов, что дали клятву], то, не страшась [чьего-либо] могущества, и не оглядываясь на узы родства, в меру ничтожного своего разумения следует говорить, исходя из справедливости.

3. Когда дело разбиралось несколько дней подобающим образом, при вынесении приговора следует придерживаться установленных ста-

---

119 Начало заключительной части свода напоминает первые слова присяги, которой завершается «Госэйбай сикимоку».

120 «В этой земле» – дословно *тогоку*. Неясно, имелось ли в этой статье в виду все население княжества или только составители кодекса, а также даймё и его приближенные или же высшие классы населения.

121 Клятвенные грамоты (*кисёмон*) японского «средневековья» обычно состояли из двух частей: 1) принятие обязательства соблюдать какие-то обязательства или законы; 2) части, в которой нарушителям клятвы обещалась кара синтоистских богов и будд.

122 Клятвы, которые принесли Роккаку Ёсиката и Ёсихару.

123 «Каждого» – Роккаку Ёсиката и Ёсихару, а также каждого из подписавших текст присяги.

тей[124]. Однако если люди неразумные, считая, что принятое решение несправедливо, от своих притязаний не откажутся[125], то проявят тем самым свое безрассудство. Тот же, кто, несмотря на выдачу грамоты [с вердиктом суда], призвав родичей, упорствует в своей правоте – тем самым восстает против высочайшего правосудия. После того как вынесен [окончательный] приговор, прекословить воспрещается.

4. Не подобает представлять иск [даймё], будь то родственника или человека чужого, зная наперед, что он несправедлив. Не следует также выступать посредником по делам, которые идут во вред княжеству и высочайшему дому [Роккаку]. Но надлежит, насколько возможно, устремив свои помыслы к справедливости, молиться, чтобы долгим был век светлейшего [дома Роккаку] [126].

5. Ныне север враждует с югом, столица – с окраинами[127], посему каждый должен не щадя своих сил верно служить. Не подобает проявлять при этом даже малейшую нерадивость. Но [мы[128]] с благодарностью думаем, что заслуги человека любого положения, который проявит себя на войне, совершит ратные подвиги, по достоинству будут учтены и вознаграждены [даймё].

Если кто нарушит вышеизложенные статьи, того сполна постигнет великий гнев священных божеств [перед которыми была дана присяга]. Такова первая часть [клятвы].

10-й год Эйроку, 4-й месяц, 18-й день.

По жребию[129]
Миками Этиго-но ками Корэясу[130]
Гото Кисабуро Такаясу[131]
Мицуи Сингоро Харухидэ Синкодзи Сюё[132]

---

124 «Установленные статьи» – «Роккакуси сикимоку».

125 Т. е. будут и после проигранного суда настаивать на своей правоте.

126 Долгий век светлейшего [дома Роккаку] – дословно *миё тёкю*. Слово миё применительно к тэнно означало мирное правление, либо срок пребывания на престоле.

127 Имеется в виду война домов Роккаку и Адзаи, контролировавших соответственно юг и север провинции Оми.

128 «Мы» – двадцать вассалов, составивших текст «РС».

129 Далее следуют имена двадцати вассалов. Порядок, в котором вассалы ставили свои печати, был определен жребием, чтобы избежать возможных споров и разногласий: в ином случае очередность имен создавала бы видимость неравенства и иерархии. Краткие сведения о вассалах, подписавших клятвенную присягу, составлены на основе следующих справочных изданий: 1) Сэнгоку дзиммэй дзитэн (словарь имен периода сэнгоку). 2006. 2) Сэнгоку даймё касиндан дзитэн. Сайгоку хэн. Токио. 1981.

130 В период Муромати выходцы из клана Миками были прямыми вассалами (*хокосю*) сёгуна. Основные земли располагались в Миками в уезде Ясу (провинция Оми). Миками Этиго-но ками Ёриясу служил бугёнин при Роккаку Такаёри и Садаёри. Его сыном предположительно является подписавший текст клятвы Миками Этиго-но ками Корэясу.

131 Гото Такаясу – Гото Такахару, сын Гото Кататоё, видного вассала Роккаку, убийство которого привело к смуте Каннондзи.

Гамо Симоцукэ нюдо Садахидэ[133]
Аоти нюдо Дотэцу[134]
Аоти Суруга-но ками Сигэцуна[135]
Нагата Биттю нюдо Катахиро[136]
Икэда Магодзиро Кагэо Хираи
Кага-но ками Садатакэ[137]
Мабути Ямасиро нюдо Мунэцуна [138]
Микумо Цусима-но ками Садамоти
Нагата Гёбусё-но-сёю Кагэхиро
Синдо Ямасиро-но ками Катамори
Микумо Синдзаэмон-но-дзё Сигэмоти[139]
Гамо Сахёэ-но-дайбу Катахидэ[140]
Хираи Ятаро Такааки Нарадзаки
Таро Саэмон-но-дзё Катамити
Рисоан Сёкаку Мабути
Хёбусё-но сёю Татэцуна
Фусэ Авадзи нюдо доно Кимио[141]

Кома Танго-но ками доно

Первая часть почтительно принесенной перед священными богами клятвы, данной [под страхом] божественной кары.

---

132 Синкодзи Сюё – настоящее имя Икэда Кагэё. Владения рода Икэда находились в местечке Икэда уезда Гамо (провинция Оми). Занимали в эпоху Муромати пост администратора во владениях храма Тодзи.

133 Годы жизни 1508–1579. Сын Гамо Такасато. Один из видных полководцев Роккаку Садаёри. После смуты Каннондзи был посредником между Роккаку Ёсихару враждовавшими с ним вассалами.

134 Аоти Нагацуна.

135 Сын Гамо Садахидэ, усыновленный Аоти Нагацуна. Перешел на сторону Ода Нобунага после его вторжения в Оми. Аоти происходили из рода Сасаки, владения находились в Аоти (уезд Курита, провинция Оми).

136 Младшая ветвь клана Сасаки. Владения были расположены в уезде Такасима провинции Оми.

137 Младшая ветвь клана Сасаки. Владения находились в уезде Курита провинции Оми.

138 Мабути – Ветвь рода Сасаки. С периода Камакура закрепились в сёэн Мабути уезда Гамо.

139 Сын Микумо (Мигумо) Садамоти. Возглавил клан Микумо после гибели старшего брата Катамоти в битве между силами Роккаку и Адзаи в 1566г. До окончательного падения дома Роккаку оставался вассалом Роккаку. Владения клана Микумо находились в уезде Кога.

140 Годы жизни (1534–1584). Сын Гамо Садахидэ. В 1568г. перешел на сторону Ода Нобунага, который подтвердил его права на прежние владения.

141 Текст клятвы адресован формально не даймё, а двум другим вассалам – Фусэ Авадзи нюдо и Кома Танго-но ками. *Доно* – значит «господин». По видимому оба они принадлежали к прямым вассалам даймё, ближнему кругу его наследственных служилых людей– годзэн киндзю, которые упомянуты в ст. 58 «РС».

6. Ныне установленные законы для княжества на вечные времена пусть пребудут нерушимы. Если же будет нужда внести [новые] статьи, снова следует, посоветовавшись с каждым[142] добавить.

7. Дабы высочайший суд был правым, не следует во время тяжбы из-за родства или иной близости, либо из-за пристрастий *содзя* оказывать неподобающее покровительство одной из сторон. [Но] по справедливости надлежит достойно судить весь народ.

8. Поскольку вражда между севером и югом достигла своего предела, [каждому вассалу] разумеется, важно выказать воинскую доблесть и не щадя себя преданно служить. Но не должно быть несправедливости и пристрастия при раздаче наград и милостей. Великие подвиги и великую верность насколько возможно следует принять во внимание [и воздать сторицей]. Оценив заслуги, следует соразмерно вознаградить, проявленная доблесть не должна быть никогда забыта. О деяниях всех воинов должно доносить прямо и без лжи.

Если кто нарушит вышеизложенные статьи, того сполна постигнет великий гнев священных божеств [перед которыми была дана присяга]. Такова первая часть [клятвы]

10-й год Эйроку, 4-й месяц, 18 день

Дзётэй[143] (монограмма)

Роккаку Ёсихару (монограмма)

Все[144] [вассалы]

Установлено

1. Известно нам, что по причине смуты бедствуют все самураи и жители [этих земель], и посему было объявлено высочайшее повеление о *токусэй*[145].

2. Изволили распорядиться о проявлении милосердия по отношению к народу, поэтому с тех, кто ходатайствует[146], взимать плату за это[147]

---

142 С каждым из двадцати присягнувших вассалов.

143 Дзётэй – монашеское имя (хо:мэй) Роккаку Ёсиката.

144 Все (*онономо*) – так обозначены вассалы, которым князья Роккаку обещают соблюдать положения свода.

145 *Токусэй* – «добродетельное правление». В древней Японии *токусэй* называлось частичное списание долгов или отмена податей и повинностей, объявлявшиеся государством во время неурожаев или после стихийных бедствий. В период Камакура и Муромати *токусэйрэй* – указы *бакуфу* и императорского двора об отмене долговых обязательств и возвращении прежним владельцам проданных или утраченных из-за неуплаты долгов земель. В период сэнгоку *токусэйрэй* принимались даймё после стихийных бедствий, неудачных войн и т. п. для поддержки вассалов, а в ряде случаев и крестьян, плативших подати в их казну. Подробнее о *токусэйрэй* Камакурского сёгуната см.: *Толстогузов А. А.* Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма. М.: «Восточная литература». РАН. 1995, главы 8 и 10. *Brown Delmer M.* The Japanese Tokusei of 1297. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol.12. no. 1/2 (Jun., 1949).

не надлежит. Однако если управитель уезда или *дзито* потребует ее, сказав де, что [собирает] *тансэн* или подношения [для даймё], не следует им повиноваться.

3. Ныне война между югом и севером в самом разгаре, в виду милости, явленной [даймё][148], откуда бы враг не пришел, нужно тотчас же выступить навстречу и дать ему отпор. Посему, не говоря уже о самураях, [все до единого] – стар и млад, монахи и миряне, крестьяне[149] и другие должны верно служить и сражаться.

Выше [записанные] статьи, а также кодекс[150], должны соблюдаться. Так приказано было.

10-й год Эйроку, 5-й месяц, 4-й день

Дополнительно установленные статьи

Положения, принятые [по воле даймё] для *бугё*, об исковых документах и плате за разбор тяжб, в связи с введением высочайших законов о разборе судебных дел.

4. Истцу следует обернуть [свиток] с иском [бумагой], запечатать её рисовым клеем, указать фамилию, должность и имя *содзя*, оставить свою личную роспись и передать [сверток] *бугё*. Также [истцу нужно] записать имя ответчика и суть иска на *оригами*[151] и передать *бугёнин*. Затем *бугё* должен доставить [иск] ответчику.

Кроме того, при разборе тяжбы всякий раз должны подаваться две исковых грамоты, одна преподносится даймё, другая передается *бугё*.

5. Хотя и [находятся] те, кто просят однажды поданный иск изменить или исправить, *бугё* строго запрещается это разрешать.

6. Хотя и будут такие, что попросят доложить о своем иске и передать за это плату тем из *вакасю*, кто не поставил свою подпись под клятвой, *бугё* это принимать не должен.

---

146 Перед словом иск (*сосё)* пропущено два иероглифа. Исходя из содержания статьи, могут подразумеваться иски заимодавцев о выведении конкретных долговых договоров за рамки действия *токусэйрэй*, объявленного даймё.

147 Имеется ввиду плата даймё за отмену долгов – *токусэй рэйсэн*. Последние три иероглифа в этом словосочетании отсутствуют и восстановлены Кацумата Сидзуо исходя из смысла остальной части статьи. Кацумата. Комментарии// Тюсэй сэйдзи…, с. 305. Подобная практика существовала еще в период Муромати, когда бакуфу требовало определенный процент от долга с должников, желавших, чтобы на них было распространено действие *токусэйрэй*.

148 «Милость, явленная даймё», – принятие указа о *токусэй*.

149 Слово *хякусё* переведено как «крестьяне». При этом *хякусё* иногда правильнее переводить как «простолюдины». К хякусё относились не только крестьяне, но и ремесленники, рыбаки и охотники и т. д.

150 «Кодекс» – «Роккакуси сикимоку».

151 Документ, написанный на бумаге *татэгами*, сложенный пополам

Глоссарий[152]

Бакуфу – в широком смысле система правления, установленная воинами в эпоху Камакура. Синоним слова сёгунат. В другом значении – центральные административные органы сёгуната.

Бугёнин (бугё) – вассалы и служилые люди, занимавшие административные посты в княжестве Роккаку.

Бугёнин рэнсё хосё – указы, писавшиеся по распоряжению даймё бугёнин; посредством них Роккаку управляли и вершили суд в своих владениях.

Бугёсё – усадьба, где находились разбиравшие судебные и иные дела *бугёнин*.

Годзэн вакасю – разряд вассалов дома Роккаку, часть их входила в число *госата содзя*. Играли центральную роль в административном аппарате.

Госата содзя – дословно «посредники по высочайшим судебным делам». В «РС» также именуются *содзя, торицуги*. Так назывались вассалы, имевшие право докладывать судебные дела даймё. Статусом *госата содзя* обладали подписавшие клятвенную присягу в конце «РС» вассалы.

Готюгэн – низкоранговые самураи, выполнявшие согласно «РС» полицейские функции (взыскание долгов, неуплаченных податей и т. п.) и подчинявшиеся напрямую даймё.

Дайкан – в широком смысле представитель, заместитель кого-либо. В период сэнгоку дайкан это – 1) назначенный хозяином вотчины «заместитель», который мог быть им смещен; 2) управляющий даймё, который собирал повинности с крестьян, а также ведал рудниками, портами, ярмарками, ростовщическими конторами в домене (прямых владениях) даймё. В «РС» термин употребляется в первом смысле. При этом дайкан – распорядитель не только во владениях храмов или столичных аристократов (кугэ) но и в вотчинах воинов. Дайкан могли быть представители самых разных социальных групп – вассалы даймё, провинциальные землевладельцы, буддийские священнослужители, ростовщики и др.

Дзиан – 1) в контексте статьи зависимые служилые люди, по положению близкие ёрики, проживавшие на территории принадлежавших вассалам Роккаку храмов; 2) Буддийские храмы, подвластные тому или иному вассалу даймё, платившие повинности и обязанные им военной службой.

Дзито в эпоху Камакура – пост (*сики*) в *сёэн*, который занимали прямые вассалы сёгуна. В период «воюющих провинций» *дзито* – вассалы даймё.

---

[152] В глоссарии приведены, прежде всего, те значения терминов, в которых они фигурируют в «Роккаку-си сикимоку».

Ёрики (в других источниках периода *сэнгоку* именуются *досин, ёрико*) Согласно «РС» *ёрико* были в меньшей зависимости от своего патрона, чем *хиканнин* от своего господина. Так иски *ёрико* против их покровителей принимались княжеским судом (ст. 58), тогда как согласно ст. 45 слугам (*хикан*) запрещалось жаловаться на своего господина.

Ёриоя – вассал даймё, которому князь в военное время поручал командовать отрядами мелких землевладельцев и богатых крестьян (*ёрико*), а в мирное время – исполнять для них же функции судебного посредничества. *Ёриоя* также могли жаловать *ёрико* земли.

Камбо – монах, защищающий храм.

Кигандзё (кигандзи) – храмы, находившиеся под особым покровительством бакуфу или даймё; как правило, получали частичный или полный налоговый иммунитет; обязаны были возносить молитвы о благополучии своих патронов.

Кокудзин – в XIV–XVI вв. провинциальные землевладельцы, нередко находившиеся в оппозиции *сюго* или становившиеся его вассалами.

Кэнсэкиси – в большинстве статей «РС» обозначает эмиссара землевладельца, который направляется им для истребования долгов и неисполненных повинностей.

Нэнгу – годовой оброк, выплачивавшийся землевладельцу натуральными продуктами или монетой. По замечанию Кацумата Сидзуо, в «РС» *нэнгу* означает не только платежи крестьян в пользу владельца *сёэн*, но и ренту *кадзиси токубун* (ее взимали с крестьян мелкие и средние землевладельцы, богатые крестьяне), а также *тансэн.*

Рёсю – «землевладелец». В «РС» *рёсю* – землевладелец вообще, а не только собственник *сёэн.*

Сакунин – крестьянин, который своими силами и силами своих домочадцев и зависимых людей обрабатывал земельный надел, подконтрольный сёмунин *Сёмунин, дзинуси, мёсю* – как считает Кацумата Сидзуо в «РС» это обладатели *мёсю сики*, взимавшие с остальных крестьян (*сакунин*) платежи, *кадзиси токубун.*

Сёэн – вотчины, находившиеся в частном земельном владении аристократии, храмов и святилищ начиная с эпохи Хэйан и заканчивая периодом Муромати. В XIII-XVI вв. сёэн в большинстве своем были постепенно захвачены воинами (*буси).*

Сики – в системе *сёэн* 1) административный пост, а также полагающийся с него доход – часть прибавочного продукта, распределявшегося между владельцем *сёэн* и его административным аппаратом; 2) право обработки земельного участка в *сёэн*. Сики могли быть объектом купли-продажи.

Сюго – в периоды Камакура и Муромати военный наместник провинции, назначавшийся бакуфу. В эпоху «воюющих провинций» часть сюго превратилось в фактически независимых от центра правителей

(*сэнгоку даймё*), часть лишилась власти в ходе войн и перипетий политической борьбы.

Тансэн – подать, взимавшаяся даймё. Генетически восходит к чрезвычайному налогу, вводившемуся двором тэнно для строительства императорского дворца и проведения важных церемоний (интронизации и т. п.). *Бакуфу* использовало тансэн для финансирования строительства дворца сёгуна и ряда других важных мероприятий (возведение и ремонт храмов и святилищ). В период упадка сёгуната Асикага *тансэн* стал одной из основных податей в налоговой системе *сэнгоку даймё*.

Татэфу – распоряжение о приостановке взыскания долга на ограниченный срок, в течение которого должник, опротестовавший приказ о взыскании долга, должен был представить даймё свои возражения.

Тосиёри – разряд вассалов Роккаку. Дословно «старейшие» вассалы – в противоположность «младшим» (вакасю). Составляли часть *госата содзя*. По мнению Симомура Исао, *тосиёри* – это представители младших линий рода Роккаку, а также могущественные вассалы Роккаку (не находившиеся с ними в родстве).

Тэра бугё – должностное лицо в системе управления княжества, ведавшее делами буддийских храмов.

Укэкири, укэцумэ, киримаи, дзётодай – договоры между землевладельцем и дайкан, по которым последний обязывался выплачивать оговоренный объем нэнгу в обмен на право использования земли.

Хиканнин (хикан) – в «РС» слуга, служилый человек вассала даймё; в период Муромати зависимость *хиканнин* варьировалась от полурабской до относительно слабой.

Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы

А. Е. Куланов

«Епископ Николай Японский был единственным русским, не покинувшим Страну восходящего солнца во время войны 1904–1905 гг.» – это клише стало классикой литературы о российско-японских отношениях начала XX в. Между тем, оно вряд ли имеет на это право, ибо не является истинным. Николай Японский не был единственным нашим соотечественником в Токио в те тяжелые дни, и сам он прямо упоминал об этом в своих дневниках. Рядом с ним находились те, чьи судьбы до сих пор остаются в тени научных исследований, невзирая на сыгранную ими важную роль в двусторонних отношениях. Речь идет о русских семинаристах[1].

Хотя о самом факте подготовки в Токийской православной семинарии профессиональных переводчиков-японистов было известно давно, эта тема до сих пор не привлекала пристального внимания историков. Исключением стали работы исследователя из Москвы А. Н. Хохлова[2], многочисленные упоминания о семинарском прошлом в биографии одного из учеников – Василия Ощепкова, а также в материалах, посвященных истории дзюдо в России, наполненных массой неподтвержденных подробностей и грубым вымыслом. Несколько лет назад С. И. Кузнецов из Иркутского государственного университета придал, казалось бы, новый импульс исследованиям в этой области, опубликовав уникальные документы, найденные им в архивах разведки Заамурского округа пограничной стражи (г. Харбин). Это были переведенные на русский язык статьи из японских газет и журналов, рассказывающих о «русских мальчиках», и комментарии к ним сотрудников русской разведки[3]. Однако и после этого «русские мальчики» по-прежнему остаются на периферии историко-японоведческих изысканий, время от времени фигурируя лишь на страницах разного рода «патриотических» сайтов, где служат невнятной иллюстрацией былого могущества царской России. Между

---

[1] Г. Д. Иванова в своей книге «Русские в Японии XIX – начале XX в.» (М., 1993) сообщала еще о двух спутниках архиепископа в годы войны: бывшем настоятеле посольской церкви С. Глебове и дьяконе Львовском. Однако дневники Св. Николая полностью опровергают эту версию.

[2] *Хохлов А. Н.* Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И. Д. Касаткина (вторая половина XIX в. – начало XX в.). – Восток. 1994; Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. – Православие на Дальнем Востоке, выпуск 2, СПб, 1996.

[3] http://ru-jp.org/kuznetsov03.htm

тем, изучение данного вопроса могло бы представлять интерес для историков широкого профиля. Выполненное в максимально полном объеме, оно бы значительно расширило общепринятые представления о событиях тех лет на Дальнем Востоке, помогло бы воссоздать более четкую и всестороннюю картину азиатской политики России и Советского государства, понять образ жизни и устремления людей на наших самых дальних рубежах, развенчать устоявшиеся мифы.

Опуская историю возникновения Токийской православной семинарии и роль в ее создании архиепископа Николая Японского (об этом написано достаточно много), стоит перейти непосредственно к истории появления в ней русских учеников. Условно ее можно разделить на три хронологических этапа: 1902–1906, 1906–1913, 1913–1919 годы. Что касается первого этапа, то он начинается в феврале 1902 г. с обращения Главного начальника Квантунской области и будущего наместника императора России на Дальнем Востоке, вице-адмирала Е. И. Алексеева к главе русской духовной миссии в Токио епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка Николай согласился, поставив при этом условия, которым следовал и в дальнейшем: семинаристы должны были быть не моложе 14 лет, постоянно находиться среди однокашников-японцев, одеваться в японскую одежду и питаться японской пищей, т. е. вести образ жизни, обычный для семинарии. Военное ведомство должно было возместить невысокую стоимость содержания русских воспитанников[4]. Стороны быстро сговорились, и в августе 1902 г. в Токио прибыли двое русских, которые вскоре разделили с Преосвященным тяготы пребывания во вражеском стане. В воскресенье 25 января (по старому стилю) 1904 г. глава миссии записал: «Здесь в Семинарии учатся японскому языку два русских мальчика из Порт-Артура, чтобы быть потом переводчиками. Приходили спрашивать: “Им уезжать или оставаться?”». Но куда же уезжать? В Порт-Артур теперь и попасть трудно. Притом, к кому им там? У одного (Легасова) родителей совсем нет – убиты были в Китайскую войну, а дядя уехал, кажется, в Россию; у другого (Романовского) родители вернулись в Россию. Оба они казачата. Они и сами больше склонны к тому, чтоб остаться и продолжать занятия. Конечно, им трудно будет. Сказал им терпеть и молчать, по пословице: “терпи, казак, атаманом будешь”; улыбнулись и ушли»[5].

Нельзя не отметить в связи с этим, что владыка Николай, очевидно, испытывал к первым своим русским ученикам искреннюю симпатию. В самом конце войны, когда в Японии находились десятки тысяч русских военнопленных, «казачата» по заданию главы миссии помогали им в переводах, а владыка Николай отмечал их успехи в языке: «На экзамене в 3-ем классе Семинарии по Гражданской Истории; 32 ученика и два

---

[4] Россія. 1908.31 декабря, № 953.

[5] Дневники Святого Николая Японского. Т.V, СПб, 2004, с. 11.

русских. Класс хороший, много способных; отвечали хорошо почти все. Русские – Романовский и Легасов идут наравне с японцами; то же самое выучили и почти так же складно говорят, как они»[6]. Окончив затянувшееся и наполненное чрезвычайными обстоятельствами обучение семинаристы уехали к местам службы, и здесь снова стоит процитировать их Учителя, оставившего подробную запись об этом событии: «14/27 июня 1906. Среда. Утром отправлены во Владивосток, чрез Цуруга, из Семинарии воспитанники Феодор Легасов и Андрей Романовский, которых в 1902 г. прислал сюда из Порт-Артура 14-тилетними мальчиками, чтобы научиться японскому языку и сделаться переводчиками, Адмирал Евг. Ив. Алексеев. Они стали говорить по-японски совершенно как японцы; изучили и письменный язык до чтения газет и нетрудных книг; кроме того, со здешними семинаристами получали общее образование. По сношении моем с Генералом Ник. Ив. Гродековым, командующим войсками на Дальнем Востоке, они назначены переводчиками, один к штабу в Харбине; другой в Хабаровск. Присланы они сюда на два-три года, но пробыли четыре; хотел я довести их до окончания семинарского курса, но им уже наскучило здесь, хотя товарищи были с ними очень хорошо, даже и во время войны обращались с ними деликатно. Жили они здесь в школе совсем по-японски – в японском платье, на японской пище, и были всегда здоровы»[7].

В дальнейшем владыка Николай еще раз вспомнил добрым словом Романовского и Легасова. Первый из них стал военным переводчиком, а второй – гражданским, но, к сожалению, больше никаких данных о судьбе этих людей у нас пока нет. На смену им в семинарию отправились целые группы будущих драгоманов, необходимость которых со всей очевидностью показала русскому командованию проигранная война. Сначала через военного агента (атташе) в Японии полковника В. К. Самойлова командование Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, а также некоторых других соединений русской армии, обратилось к главе православной миссии принять новые группы учеников – всего 26 человек. Владыка Николай дал согласие на обучение 10 человек, и, по данным А. Н. Хохлова, в августе-декабре 1907 г. в Токио приехали 11 русских подростков[8]. Правда, в дневниках владыки Николая называется другой год начала обучения – 1906[9]. Учитывая, что курс подготовки переводчиков в семинарии был шестигодичным, а год выпуска части из них известен точно – 1912, последний вариант выглядит вполне логичным. Более того, приводимый С. И. Кузнецовым

---

[6] Там же, с. 170 (запись от 8/21 декабря 1904 г.).

[7] Там же, с. 332–333.

[8] *Хохлов А. Н.* Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. – Православие на Дальнем Востоке. СПб, Выпуск 2, 1996, с. 70.

[9] Запись от 18 июня – 1 июля 1908. Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 402.

перевод статьи «Как Япония показалась русским мальчикам» из газеты «Тюо симбун» датирован 17 декабря 1906 г., а не 1907 г. Заметим, однако, что после отъезда Романовского и Легасова и до 1908 г. архиепископ Николай о русских семинаристах вообще не упоминает, а дневниковые записи за 1907 г. удивительно скудны.

Численность и состав русских учеников Токийской православной семинарии в бытность, когда главою миссии был св. Николай, до сих пор остаются одной из главных загадок – ни в одном из известных документов не содержится исчерпывающей информации на эту тему. Опубликованные С. И. Кузнецовым японские документы дают нам имена первого десятка. Внимательное чтение дневников владыки Николая показывает, что порою в семинарии одновременно училось до 18 русских юношей (декабрь 1910 г.), и далеко не все они содержались за счет военного ведомства. Не все смогли выдержать, судя по всему, довольно напряженное как в психологическом, так и в интеллектуальном отношении, обучение в семинарии. Об этом свидетельствует беспрецедентный процент (почти половина!) отчисленных по разным причинам[10]. Анализируя всю имеющуюся и очень разрозненную информацию, мы составили сводную таблицу полученных на известных нам русских учеников данных.

Как видно из таблицы, русские семинаристы, будучи примерно ровесниками, имели разные судьбы – об одних неизвестно практически ничего, даже год рождения и время обучения в семинарии, о других мы знаем немало. Естественно, основным источником информации о них после гибели во время Кантонского землетрясения 1 сентября 1923 г. миссийского архива остаются дневники св. Николая. Разбирая их, сложно отделаться от ощущения, что после возвращения на родину Легасова и Романовского архиепископ не испытывал к русским ученикам особой любви и был к ним, что называется, «строг, но справедлив». Причин такого сдержанно-сурового отношения было несколько. Во-первых, несмотря на то, что он знал, что семинария готовит из русских юношей переводчиков для нужд армии, владыка Николай подчеркивал, что главная задача семинарии заключается совсем в другом: «…Еще просьба принять ученика в Семинарию: Харбинский Генеральный консул ходатайствует за оного. Отбою нет. Совсем надоели. Тотчас же послал отказ с указанием, что здешняя Семинария имеет специальное назначение – готовит служителей для Японской Церкви, и что большое количество русских учеников в ней может мешать исполнению этого назначения»[11].

---

10 Условия обучения в семинарии и разного рода инциденты, происходившие с русскими учениками, могут стать темой отдельного исследования.

11 Запись от 29 августа/11 сентября 1909. Суббота // Дневники Святого Николая Японского, СПб, 2004, т. V, с. 570.

№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Время обучения в семинарии
1.	Романовский Андрей	? ?	1902 – 1906
2.	Федор Легасов	? ?	1902 – 1906
3.	Айсбренер Александр	1891 (?) – ?	1906–1908 (отчислен)
4.	Волков Александр	? ?	1906 – 1912
5.	Журавлев Гавриил Николаевич	1893 – ?	1908 – ?
6.	Зембатов Владимир	1889 (?) – ?	1906–1908 (отчислен)
7.	Кузнецов Павел	– ? ?	? – 1910 (отчислен)
8.	Незнайко Исидор Яковлевич	13.05.1893 – 28.05.1968	1906 – 1912
9.	Ощепков Василий Сергеевич	25.12.1892 – 10.10.1937	1907 – 1913
10.	Плешаков (Персяков) Владимир Дмитриевич	1892– 14(10?).10.1937	1906 – 1912
11.	Плешаков (младший)	? -?	? –?
12.	Попилев (Попелев) Трофим	1892 (?) – ?	1906 – 1912
13.	Попов Иван	? – ?	1907 – 1910 (отчислен)
14.	Родионов Емельян	? – ?	1906 – 1910 (отчислен)
15.	Сазонов Дмитрий	? – ?	? – ?
16.	Скажутин П.С.	? – ?	? – ?
17.	Сокольский Михаил	? – ?	? – 1911 (отчислен)
18.	Шишлов Иосиф	1892 (?) – ?	1906 – 1908 (отчислен)
19.	Юркевич Трофим Степанович	1891 – 10.07.1938	1906 –1910
20.	Юркевич Федор Степанович	1893 (?) – ?	1906–1907 (отчислен)

Во-вторых, часть учеников покинула Токио за поведение, несовместимое со статусом ученика православной семинарии, и О. Николай

осознавал, что каждый такой случай – удар по престижу Русской церкви в целом. Вот две характерные записи: «Ректор Семинарии И. А. Сенума и два главных наставника – кандидаты Арсений Ивасава и Марк Сайкайси – пришли коллективно просить удалить из Семинарии двух русских учеников из Харбина: Иосифа Шишлова и Александра Айсбренера – за слишком дурное поведение: начинают ходить по непотребным домам. Все японские ученики возмущены этим и собираются все ко мне прийти требовать исключения их, если я не послушаюсь ректора и наставников. Нечего делать! Шишлов и Айсбренер отосланы в Иокохаму к военному агенту Владимиру Константиновичу Самойлову, полковнику, для препровождения их в Харбин. Генералу Чичагову я написал, впрочем, что назначение, с которым присланы сюда эти ученики, наполовину исполнено: они могут служить толмачами для устных переводов с японцами»[12]. И далее: «Русских учеников ныне в Семинарии 13; и все ведут себя добропорядочно и учатся хорошо, кроме одного – Михаила Сокольского, с которым нет средств сладить: ничего не делает и постоянно нарушает школьные правила; а назначат наказанье – не обращает на это внимания; сколько не уговаривай – к стенке горох; над всем смеется, в глаза лжет; называет школу адом, клянет своего дядю, ротмистра, который четыре года назад определил его сюда. Как ни жаль его и его матери и бабки, но, кажется, придется послушать Ивана Акимовича Сенума, который больше всех терпит от него, и отослать его в Харбин»[13]. Подобным же образом (за непослушание, нежелание учиться или нарушение правил семинарии) были отчислены Емельян Родионов, Владимир Зембатов, Иван Попов, Павел Кузнецов. Младший из братьев Юркевичей – Федор – оставил семинарию «по неспособности к обучению». Все уволенные семинаристы получили проездные документы и деньги на дорогу до города, откуда они прибыли когда-то на учебу, и должны были отправиться на родину под контролем представителей военного ведомства (Федора Юркевича забрал домой приехавший за ним с Сахалина отец, и его дальнейшая судьба неизвестна)[14].

В-третьих, и эта претензия встречается чаще всего, глава миссии был недоволен успехами русских юношей в изучении японского языка и винил в этом приславшее их в Токио командование: «В 8 часов мы с Преосвященным Сергием пошли в Семинарию на экзамен… Экзаменовались 13 учеников русских по японскому языку, причем был Дмитрий Матвеевич Позднеев и О. Петр Булгаков; первый интересовался успе-

---

[12] Запись от 15/28 января 1908. Вторник// Дневники Святого Николая Японского. T.V. СПб, 2004, с. 351.

[13] Запись от 10/23 марта 1911. Четверг// Дневники Святого Николая Японского. T.V. СПб, 2004, с. 744.

[14] Россія. 1908. 31 декабря, №953.

хами их по поводу готовимой им брошюры о необходимости знакомства с японским языком у русских; успехи оказались плохими – подбор учеников совсем плохой. Военное начальство в Харбине и Хабаровске хочет приобрести переводчиков, даже и тратится на это, а чтобы прислать способных учеников – не подумало об этом»[15]. Несмотря на то, что подобные пассажи попадаются в дневниках еще не раз, именно этот фрагмент интересен обилием важных дополнительных сведений. Упоминается точное количество учеников на тот момент: 13 человек. На экзаменах присутствовали два особенно частых гостя семинарии: крупнейший востоковед того времени, будущий ректор Восточного института во Владивостоке и сам выпускник духовной академии, работавший на русскую разведку Д. М. Позднеев[16] и его родственник, помогавший в подготовке японских разведчиков[17], священник посольской церкви в Токио протоиерей Петр Булгаков (родной дядя знаменитого писателя). Под «брошюрой», возможно, имеется в виду «Грамматика разговорного японского языка», вышедшая в 1911 г. Наконец, несколько позже упоминается, что в тот день к проверяющим присоединились семеро японцев – учителей семинарии. Набор этих малозначительных, на первый взгляд, данных позволяет датировать одну из самых известных фотографий учеников семинарии, на которой запечатлены 49 человек, в том числе архиепископ Николай Японский, митрополит Сергий (Тихомиров), протоиерей Петр Булгаков, Д. М. Позднеев, ректор семинарии И. А. Сэнума[18], японские преподаватели, семинаристы-японцы и те самые 13 русских слушателей. Двоих из русских учеников мы знаем в лицо: Исидор Незнайко легко опознается по другим сохранившимся фотографиям очень хорошего качества, а для установления личности Василия Ощепкова специалистами Министерства обороны РФ была проведена судебно-медицинская портретная экспертиза. Еще двое – Владимир Плешаков и Трофим Юркевич пока находятся, что называется, под вопросом. И даже суровым лицам русских наставников на этом фото теперь можно дать объяснение: ученики отвечали плохо, да к тому же весь день шел дождь.

Впрочем, не все русские ученики и далеко не всегда отвечали плохо. Архиепископ не раз упоминает и об успехах ребят (особенно почему-то по японской географии), в том числе в присутствии высоких гостей

---

15 Запись от 16/28 июня 1908 г. // Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 400.

16 *Шулатов Я.А.* Разведка и японоведы: становление осведомительной службы…– История и культура традиционной Японии 3. М., 2010, с. 319.

17 *Баконина С. Н.* Харбинская епархия в период распространения советского влияния в Китае (1923–1924 гг.). – Вестник ПСТГУ. История Русской Православной Церкви, 2008, вып. 2–4(29), с. 92.

18 Иван Акимович Сэнума (Кавамото Какусабуро; 1868–1933) – ректор семинарии, переводчик и ближайший помощник архиепископа Николая.

«…Приехал Николай Андреевич (посол России в Японии Н. А. Малевский-Малевич – *А. К.*) вместе с сыном, лицеистом; экзаменовал в Семинарии русских по Японской Географии и хвалил ответы…»[19]. О некоторых же учениках мы вообще сегодня знаем только благодаря тому, что когда-то их ответы на экзаменах поразили св. Николая: «Был на экзамене в Семинарии в младшем классе, где 24 учащихся, по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Из русских младшие 5 учились с ними; отвечали плоховато, кроме младшего Плешакова»[20], или: «Утром экзаменовал 2-й класс Семинарии, 12 человек, по Священной Истории; все отвечали хорошо. Экзаменовались с ними и двое русских, из которых Скажутин так хорошо и таким правильным языком отвечал по-японски, что если не смотреть на него, а только слушать – не узнаешь, что говорит не японец»[21].

Таким образом, вопрос об уровне японского языка у русских семинаристов остается до конца невыясненным. Да, налицо недовольство архиепископа Николая. Но не является ли оно следствием изначально завышенных требований этого выдающегося человека, который блестяще владел японским языком? Вот еще одна запись из его дневника: «…Успехи их в изучении японского языка – для чего и живут здесь – не блестящи: и способностями они не отличаются, и вечно болтают между собою по-русски, что значительно мешает усвоению японского языка»[22]. С одной стороны, претензия вроде бы обоснована, а с другой – можно ли представить сегодня студентов, например, ИСАА при МГУ, разговаривающих между собой исключительно по-японски? Да и сам о. Николай отмечал, что, например, упоминавшиеся здесь Айсбренер и Шишлов, отчисленные на втором году обучения, «могут служить толмачами для устных переводов с японцами». Это ли не свидетельство высокого уровня интенсивности обучения в семинарии и соответствующего владения японским языком ее выпускниками? О возможной строгости архиепископа косвенно свидетельствует следующий факт. В 1909 г. Токио посетил А. Н. Вентцель (Венцель) – товарищ (заместитель) председателя правления КВЖД и остался вполне удовлетворен уровнем японского языка у русских семинаристов: «…Дети эти живут и учатся среди японских мальчиков, что способствует более быстрому усвоению ими на практике изучаемого языка. Преосвященный Николай очень доволен успехами юных заамурцев и ожидает, что из них со вре-

---

19 Запись от 15 июня/2 июля 1910 г. – Дневники Святого Николая Японского, СПб, 2004, т. V, с. 664.

20 Там же. Запись от 8/21 декабря 1910 г., с. 714. Личность «младшего Плешакова» остается загадкой. Никаких других упоминаний об этом человеке нет, а в следственном деле Владимира Плешакова по состоянию на 1937 г. младшие братья у него не значатся.

21 Там же. Запись от 15/28 июня 1911 г., с. 774.

22 Там же. Запись от 21 мая/3 июня 1910 г., с. 664.

менем выработаются весьма полезные для службы на Дальнем Востоке работники»[23].

С одной стороны, известна нелестная характеристика этого уровня, данная известным японоведом Е. Г. Спальвиным: «Меньше всего владеют японским языком воспитанники духовной семинарии архиеп. Николая, но, как бы то ни было, этими людьми положено очень много труда на передачу русских литературных произведений…»[24]. С другой стороны, далее речь идет о выпускниках-японцах, так что в высказывании Спальвина налицо некоторая нелогичность и, весьма вероятно, предвзятость. Не надо забывать и о дате отзыва: характеристика дана в 1926 г., когда любой положительный отзыв о «попах» мог автоматически перевести эксперта в стан «врагов трудового народа». Любопытно, что, по воспоминаниям внука одного из семинаристов – В. В. Незнайко, его дед с некоторым пренебрежением отзывался о языковых способностях своих однокашников, особенно тех, кто содержался «не на казенный кошт», а на средства родителей опекунов (таких было 2–3 человека). Но сравним выпускные ведомости Исидора Незнайко, поначалу обучавшегося на средства опекуна Василия Ощепкова.

Для И. Незнайко, окончившему семинарию в 1912 г. и получившему в награду за успехи открытку с видом Православной миссии и фотокарточку арх. Сергия с дарственной надписью, из 19 сдаваемых предметов семь относились к японской филологии (хотя и остальные изучались и сдавались на японском языке): «Чтение японских газет», «Японская грамматика», «Японский эпистолярный стиль», «Китайская письменность», «Японская письменная работа», «Японская словесность» и «Японская хрестоматия». По всем этим предметам он получил оценки «Очень хорошо» и «Хорошо».

В. Ощепков сдавал в 1913 г. другие выпускные экзамены, но и в его программе было восемь предметов из области японской словесности: «Японская грамматика», «Японская хрестоматия», «Японское чистописание», «Японское сочинение», «Теория японской словесности», «Чтение японских писем», «Перевод японских газет» и «Китайская письменность». По трем из этих предметов Ощепков получил оценки «Отлично хорошо (5)», а по остальным «Очень хорошо (4)». В 1912 г. и 1913 г. экзамены принимал митрополит Сергий, о котором сам архиепископ Николай писал: «Экзаменует отлично – строже, чем я»[25]. Так что в данном случае речь, скорее всего, может идти о каких-то личных отношениях, а не об объективной оценке владения языком, тем более, что нам неизвестно,

---

[23] Цит. по *Хохлов А. Н.* Роль Токийской православной семинарии в подготовке переводчиков-японистов. – Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 2, СПб. 1996, с. 71.

[24] Там же, с. 64.

[25] Запись от 18 июня / 1 июля 1909 г. – Дневники Святого Николая Японского. Т.V. СПб, 2004, с. 539.

кого именно из «частников» имел в виду И. Незнайко. Например, с тем же Ощепковым у него сложились очень неплохие отношения. Судя по всему, оба они – и Ощепков и Незнайко были в числе отличников, а Ощепков (единственный из второго набора семинаристов) удостоился многократного упоминания Св. Николаем.

Помимо общеобразовательных программ и групп предметов, относящихся к Закону Божиему, русские семинаристы занимались и специальной физической подготовкой в виде, предусмотренном в то время японским министерством просвещения, т. е. дзюдо. Любопытно в связи с этим упоминание об одном из случайных, казалось бы, визитов в семинарию: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши; показал Женскую школу и Семинарию, в которой ученики показали ему борьбу “дзюдзюцу”; время было после классов: больше видеть было нечего»[26]. Думается, высокопоставленному «путешественнику» было особенно интересно взглянуть на умение семинаристов бороться, а информацию об их успехах в японском он сполна получил у своего военного агента. Дело в том, что приезжий из Петербурга имел самое непосредственное отношение к обучению русских учеников: Ю. Н. Данилов, по прозвищу «Данилов-черный» (в одно время с ним в императорской армии были еще «Данилов-рыжий» и «Данилов-белый») был не просто генералом, а генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба, проще говоря, шефом русской военной разведки. И здесь уместно поднять другой важный вопрос – о связи Токийской православной семинарии и спецслужб Российской империи.

Архиепископ Николай никогда и нигде не упоминал о возможности использования русских выпускников семинарии для работы в разведке – переводы и только переводы. Очень похоже, что глава православной миссии, если и задумывался о такой перспективе, то гнал от себя эти мысли. Судьбы Легасова и Романовского в этом смысле могли его успокоить, хотя ни св. Николай, ни мы сегодня не можем с уверенностью говорить о том, что и кому переводили с японского языка первые семинаристы. Тем более что до 1905 г. вопросы военной разведки в регионе находились в ведении адмирала Е. И. Алексеева – того самого, который прислал их в Токио. Что же касается остальных, то Преосвященный не дожил до окончания ими семинарии, а знать о планах военного командования просто не мог. О том же, что такие прожекты существовали – обширные, детальные и исключительно амбициозные – свидетельствует историк военной разведки, скрывающийся под псевдонимом «Михаил Алексеев». В своей работе «Военная разведка России от Рюрика до Николая II» (Кн. 2, М., 1998) он подробно рассказывает о плане создания

---

[26] Там же. Запись от 23 сентября – 6 октября 1910 г., с. 691–692.

«Восточной коммерческой школы», а на самом деле «школе разведчиков Приамурского военного округа», состоящей: «а) из детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов»[27]. Проект этот был предложен специалистом по тайным операциям, участником Русско-японской войны, капитаном Генерального штаба И. В. Свирчевским, но в полной мере так никогда и не достиг стадии реализации, прежде всего, из-за сложности в исполнении и отсутствия должного финансирования. Тем не менее, усилия по хотя бы частичному претворению плана в жизнь военным командованием предпринимались, и в фокусе внимания разведчиков оказались возможности семинарии в Токио. В уже упоминавшихся архивных материалах разведки Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи С. И. Кузнецов обнаружил следующий документ: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе, выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более, что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая, прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»[28]. Этим же, в свою очередь, объясняется и удивительная настойчивость харбинского командования в попытках прислать в Токио все большее и большее число будущих шпионов, чему так противился глава миссии, раздраженный «плохим подбором учеников» и отсутствием возможности их размещения в семинарии.

Нет сомнений, что внимание русской разведки было сконцентрировано не на всех, а на некоторых подростках (специальный отбор предусматривал и план Свирчевского). Их дальнейшая история подтверждает это предположение. К сожалению, более или менее полные данные есть лишь по отдельным семинаристам, а из их числа выделяются, в свою очередь, двое наших знакомых: В. Ощепков и И. Незнайко. С них и начнем.

История жизни Василия Ощепкова еще ждет своего писателя и своего кинорежиссера[29]. Незаконнорожденный сын сахалинских каторжан, Ощепков рано лишился родителей и остался на иждивении опекуна,

---

27 *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., кн.2, 1998, с. 210–212.

28 http://ru-jp.org/kuznetsov03.htm

29 Беллетризированный вариант биографии В. С. Ощепкова: *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской, М., 2003. Первая попытка дать ее научное описание: *Куланов А. Е.* Василий Ощепков: Путь из ниоткуда в никуда.– Япония наших дней 1 (7), 2011. ИДВ РАН, 2011. М.2011.

который и отправил мальчика учиться в Японию. Василий, судя по всему, чем-то приглянулся отцу Николаю, и неслучайно тот упомянул мальчика как примерный результат семинарского воспитания в одной из своих статей[30]. Сирота, не уезжавший на каникулы, Ощепков даже стал первым русским гидом в Токио не из числа посольских: «…Внизу наткнулся на двух русских воспитанниц из Владивостока, просивших переводчика. Дал им Василия Ощепкова – в переводчики и провожатые по Токио»[31]. Но основные таланты Ощепкова лежали в другой области. Все русские мальчики занимались в семинарии дзюдо, но только Василий удостоился чести быть принятым в 1911 г. в институт дзюдо Кодокан – alma mater этого вида спорта. В 1913 г. с промежутком в неделю он окончил и Кодокан, и семинарию, став первым русским (и четвертым европейцем), получившим начальную мастерскую степень в дзюдо – 1-й дан, и сотрудником «контрразведочного отделения» Отдельного корпуса пограничной стражи в Харбине. Об Ощепкове точно известно, что он служил в контрразведке до конца 1917 г. – сначала в Харбине, потом в штабе Владивостокской крепости. Тогда же, в 1917 г., Василий снова побывал в Японии и сдал экзамены на 2-й дан, а во Владивостоке провел первые в мировой истории международные соревнования по дзюдо. С 1915 г. Ощепков руководил первым в России клубом дзюдо (двумя десятилетиями ранее японскую борьбу преподавал у нас «разведчик-доброволец» – глава Кокурюкай Утида Рёхэй, однако никакого следа в истории спорта этот факт не оставил), и тогда же он инициировал первую волну публикаций о дзюдо в отечественной прессе. По неподтвержденным пока данным, в 1920 г., служа в японском Управлении военно-полевых сообщений во Владивостоке, Ощепков начал сотрудничать с большевистским подпольем, а с 1921 г. уже работал «секретным сотрудником» Красной армии на северном Сахалине. В 1924–1926 гг. Василий Сергеевич стал первым известным нам нелегальным резидентом советской военной разведки в Японии, а затем до 1929 г. служил переводчиком с японского языка в частях Разведупра, не прекращая в это время занятий и пропаганды дзюдо. С 1930 г. он полностью посвятил себя любимому виду спорта, перейдя на работу в институт физкультуры (ГЦОЛИФК), где добился включения дзюдо в программу в качестве отдельной дисциплины. Разрабатывал Ощепков и комплексы рукопашного боя и самозащиты для милиции и РККА, и со-

---

30 В конце 1908 г. в Токийской православной миссии разгорелся медиа-скандал. Журналистка М. Горячковская, сначала просившая у архиепископа денег взаймы, а затем и рекомендации Преосвященного к премьер-министру России, чтобы ее оставили работать в Токио, получила отказ. Обиженная, она написала и опубликовала в газете «Россия» клеветнический памфлет на миссию и на семинарию. Вынужденный опровергать публикацию, о. Николай написал статью, в которой вспомнил и о Василии Ощепкове, как о положительном примере обучения в семинарии. – Россія. 1908.31 декабря, №953.

31 Запись от 3/16 июля 1909. Пятница. – Дневники Святого Николая Японского, СПб, 2004, т.V, с. 544.

ответствующий раздел для создаваемого тогда «Всесоюзного комплекса ГТО», открыл первую секцию дзюдо в Москве (его ученики сделали то же самое во многих городах СССР) и подготовил первый чемпионат Советского Союза, который тогда так и не состоялся. Переработав и приспособив технику дзюдо к советским реалиям, В. С. Ощепков стал одним из основных создателей новой борьбы – самбо. Впрочем, о ее официальном признании он не узнал. Арестованный по обвинению в шпионаже в пользу Японии, этот выдающийся выпускник Токийской православной семинарии умер от сердечного приступа в переполненной камере Бутырской тюрьмы 10 октября 1937 г.

Благодаря спортивной славе Ощепкова возник определенный интерес к другим семинаристам. В свою очередь, фамильной памяти внука одного из них – В. В. Незнайко, мы обязаны тем, что сегодня довольно много знаем о жизни его деда. Исидор Незнайко окончил семинарию на год раньше Ощепкова и отправился в Харбин вместе с Т. Попилевым, А. Волковым и В. Плешаковым, где проходил службу в штабе округа и в составе 563-й Саратовской пешей дружины – «с отличающей его старательностью, точностью и добросовестностью, проявляя во всех случаях (по отзывам японцев) прекрасное знание японского языка»[32]. В трудные времена бывший семинарист подрабатывал у известного харбинского торговца Чурина, но навсегда связал свою жизнь с японской словесностью. Это о нем писал упоминавшийся профессор Д. М. Позднеев, выполнявший в 1926 г. в Маньчжурии поручения уже не русской, а советской военной разведки: «В отношении японского языка дело поставлено еще слабее. На всю КВЖД имеется один работник Незнайко, который в постоянном разгоне и теперь давно уже отсутствует из переводческой комнаты, так как связан все время с Мукденскими конференциями»[33]. Всю свою дальнейшую службу, а И.Я. Незнайко до 1954 г. прослужил на различных участках и ответвлениях китайских железных дорог, он возглавлял переводческие отделы, изумляя совершенством японского языка. Вот забавная и очень характерная вырезка из одной из харбинских газет (к сожалению, название и дата утеряны): «Исидор Яковлевич Незнайко – сплошное “неизвецио”. Его японская речь немедленно вызывает в представлении присутствующих пышные хризантемы и миндалевидные глазки прелестных гейш. Недаром, даже японцы, знакомясь с И. Я. на улице, в заключение беседы просят его снять шляпу, чтобы убедиться по цвету волос, что он не их соотечественник»[34]. Разумеется, сам Исидор Яковлевич к японскому языку относился со всей серьезностью. Свидетельство тому – выпущенный им в Шанхае в 1942 г. «Учебник практического ниппонского

---

32 Из архива семьи Незнайко.

33 *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002, с. 150.

34 Из архива семьи Незнайко.

языка с приложением практических разговоров и словаря»[35]. В конце жизни Незнайко вернулся на родину – в Советский Союз, где скончался в 1968 г., став одним из немногих японистов, которых не затронули репрессии.

К сожалению, этого нельзя сказать о других его однокашниках. Владимир Дмитриевич Плешаков, прибывший вместе с Незнайко в 1912 г. в Харбин, стал, как и Василий Ощепков, профессиональным разведчиком. Во всяком случае, в документах, опубликованных М. Алексеевым, встречается упоминание о Плешакове – в 1925 г. переводчике представительства «Центосоюза» в Хакодатэ, как о желательном канале связи резидента «Монаха» (Ощепкова) с Центром. Упоминает «Монах» и о какой-то сложной ситуации, которая сложилась у него в японской столице: «…если бы не "Митрич", случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой»[36]. Много позже, на допросах в НКВД в 1937 г. он подтвердил, что в чине подпоручика служил в разведке Колчака (хотя, возможно, это был самооговор), с 1923 по 1928 г. работал в Центросоюзе в Хакодатэ. В документах, опубликованных М. Алексеевым, также встречается упоминание о Плешакове – в 1925 г. переводчике представительства «Центросюза» в Хакодатэ – как о желательном канале связи резидента «Монаха» (Ощепков) с Центром. Упоминает «Монах» и о какой-то сложной ситуации, которая сложилась у него в японской столице: «…если бы не "Митрич", случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой». Кстати говоря, имя и фамилия другого семинариста – Дмитрия Сазонова – так же известны нам лишь благодаря этим документам. Ощепков планировал выход на него, как на возможный источник информации о деятельности атамана Г. М. Семенова, у которого Сазонов работал личным секретарем. Пишет о Сазонове и Дани Савелли – исследователь творчества Бориса Пильняка, рассказывая о трудностях нахождения последнего в Японии: «Даже белогвардейцы, как, например, секретарь генерала Семенова Д. Сазонов, сетовали на слежку»[37].

Возвращаясь к В. Д. Плешакову, приходится констатировать, что в открытом доступе изложенная выше информация – это почти все, что мы знаем о нем сегодня, если не считать следующей записи в мартиро-

---

[35] В предисловии к учебнику, хранящемуся у внука И.Я.Незнайко, есть любопытный абзац: «При составлении настоящего учебника были использованы частично руководства по ниппонскому языку, выпущенные моим учителем и ректором Духовной Семинарии в Токио Иваном Акимовичем СЭНУМА, по которым я сам начал изучение ниппонского языка, за что считаю долгом выразить дорогому Ивану Акимовичу свою искреннюю благодарность и пользуясь этим случаем лишний раз свидетельствую ему свое уважение и благодарность за полученное воспитание и образование в Духовной Семинарии в Токио (1906–1912 г.г.)».

[36] *Лукашев М. Н.* Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской, М., 2003, с..29.

[37] *Дани Савелли*. Борис Пильняк в Японии. М., 2004, с. 222.

логе жертв сталинских репрессий, опубликованном обществом «Мемориал»: «Плешаков Владимир Дмитриевич родился в 1892 г., в Баку; русский; образование среднее (духовная семинария); б/п; ГУГБ НКВД СССР: переводчик японского языка 9-го (шифровального – *А.К.*) отдела. Проживал: Московская обл., ст. Пушкино Ярославской ж. д., ул. 2-я Домбровская, д. 2. Арестован 8 сентября 1937 г. Приговорен: Комиссией НКВД СССР и прокурора СССР 10 октября 1937 г., обв.: в принадлежности к шпионско-террористической организации и контрреволюционной троцкистской пропаганде. Расстрелян 14 октября 1937 г. Место захоронения – Московская обл., Бутово. Реабилитирован 2 июля 1957 г.»[38]. Однако, его следственное дело уже найдено, изучается, и есть надежда, что скоро мы сможем рассказать о судьбе этого человека более подробно.

Похожая ситуация сложилась и с Гавриилом Журавлевым, приехавшим когда-то в семинарию с Сахалина. Есть непроверенная информация о том, что он был связан с В. Ощепковым и родственными узами, но единственные официальные данные, которыми мы сегодня располагаем, это все та же справка «Мемориала»: «Журавлев Гавриил Николаевич, р. 1894 в Александровске-Сах. Проживал п. Дуэ Сах.обл. Переводчик рудника. Арестован 13.07.1931. Осужден 14.01.1932 ОС по ст. 58-6 УК РСФСР к 3 ГЛС. Освобожден из-под стражи 15.10.1935. Реабилитирован 28.07.1989. Источник: Книга памяти Сахалинской области»[39].

Значительно больше мы знаем о близком друге Ощепкова – Трофиме Юркевиче. С его отцом дружил политкаторжанин, бывший узник Шлиссельбурга Иван Ювачев, писавший под псевдонимом «Миролюбов» и ставший крестным отцом Трофима (родной сын Ювачева вошел в историю под псевдонимом «Даниил Хармс»). После окончания Токийской семинарии окончил Восточный институт во Владивостоке, после революции, по некоторым данным, служил у Колчака и в штабе японских оккупационных сил во Владивостоке, где работал на красное подполье (есть вполне правдоподобная версия, что это он привлек к сотрудничеству Ощепкова) и в конце 1921 г. даже был арестован контрразведкой правительства Меркулова, став таким образом одним из прообразов “советского Джеймса Бонда” – полковника Исаева из книг Юлиана Семенова. В дальнейшем Юркевич продолжил сотрудничество с разведкой и поддерживал тесную связь с В. Ощепковым, но уже к середине 1920-х годов, видимо, полностью ушел в японоведение. С 1921по 1930 гг. он преподавал «Японский язык», «Экономическую географию стран Дальнего Востока», «Основы перевода», «Военную терминологию» и «Образцы дипломатической переписки» в ДВГУ, после

---

38 http://lists.memo.ru/d26/f352.htm
39 http://lists.memo.ru/d12/f471.htm

чего переехал в столицу, где в качестве доцента продолжил работу в Московском институте востоковедения и Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ)[40]. В 1938 г. Т. С. Юркевич стал жертвой массовых репрессий против японоведов. 21 сентября 1937 г. по делу о контрреволюционном заговоре в ДВГУ» был арестован коллега Юркевича Н. П. Овидиев, который после пыток на допросе 1 февраля 1938 г. «показал»: «Юркевич Трофим Степанович, бывший доцент ДВГУ, ярый японофил, знакомый мне с 1914 года, с малых лет воспитывался в Японии в школе для бедных русских детей при духовной миссии в Токио, в годы интервенции – офицер–колчаковец и переводчик штаба и переводчик штаба японской армии в Приморье. Имеет много знакомых ему японцев из числа работающих в СССР, среди них есть его товарищи по учебе в Японии. Юркевич – старый японский разведчик, связанный с разведотделом генштаба японской армии в годы интервенции… В контрреволюционную организацию Юркевич привлечен мною в 1933 году. Информированный в целях и задачах организации Юркевич охотно согласился вести подрывную работу. Занимался вербовкой новых членов в организацию» [41]. Понятно, что эти показания мало что меняли в судьбе обреченного японоведа, но так или иначе 22 марта Т. С. Юркевич был арестован и, в свою очередь, вскоре дал признательные показания, заявив, что к работе на японскую разведку его привлек Василий Ощепков. Старые друзья – Юркевич и Ощепков общались в Москве, жили по соседству и конечно, Трофим Степанович знал об аресте Василия Сергеевича. Вероятно, он догадывался и о его гибели. Обвиненный в шпионаже в пользу Японии, сам Юркевич был расстрелян 10 июля 1938 г. на Бутовском полигоне под Москвой. Судьба его брата остается неизвестной.

Дела Юркевича, Плешакова хранятся в ГА РФ и ждут своих исследователей[42]. Информация о судьбах других семинаристов хранится в различных архивах от Санкт-Петербурга до Владивостока и Сахалина. Что же касается семинаристов «третьей волны», то, строго говоря, вообще неизвестно учились ли русские в Токио после 1913 г. – мы не знаем. Но это не значит, что этого не было.

---

40 *Хисамутдинов А. А.* Российские толмачи и востоковеды на Дальнем Востоке. Владивосток, 2008, с. 265.

41 http://src-h.slav.hokydai.ac.jp/publictn/acta/16/kihsamu/kinsamu-1/html

42 Копия дела В. С. Ощепкова полностью исследована и хранится у автора статьи. В то же время остается засекреченной большая часть дела Ощепкова в архиве ГРУ, где содержится обширная информация о его жизни.

Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914–1917 гг.) : малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества

Э. А. Барышев

Во время первой мировой войны Россия в огромных размерах производила закупки оружия, боеприпасов, медикаментов, металлов, пороха и других стратегических материалов за рубежом. В силу географической близости и наличия Сибирского железнодорожного пути одним из главных поставщиков товаров военного назначения стала Япония, волею случая оказалось в этом конфликте на стороне стран Антанты. Закупки и заказы на японском рынке осуществлялись военным и военно-морским ведомствами, министерством финансов, Главным управлением землеустройства и земледелия (с ноября 1915 г. министерством), российским обществом Красного Креста, различными частными компаниями. Разумеется, что военное министерство в лице Главных управлений – Артиллерийского, Интендантского, Военно-Технического и Военно-Санитарного – являлось основным заказчиком военных товаров (военной продукции) в Японии. Приобретением оружия и боеприпасов для русской армии заведовало Главное артиллерийское управление.

Вопросами, касающимися роли заграничного рынка в снабжении русской армии во время первой мировой войны, в первой половине XX в. занимались такие видные представители Главного артиллерийского управления (ГАУ), как А. А. Маниковский, В. С. Михайлов, П. В. Миронов, А. П. Залюбовский, Е. З. Барсуков, В. Г. Федоров. Они сумели обобщить ценнейшие документы и материалы российского военного ведомства, проанализировали процесс организации закупочного дела за рубежом, показали положительные и отрицательные стороны излишней зависимости царской России от «заграницы». Главным выводом русских военных специалистов, ясно осознававших пагубность зависимого состояния русской армии от внешних источников военных поставок, было признание необходимости развития отечественной военной промышленности. Можно сказать, что их выводы, выстраданные за время Великой войны, стали залогом промышленного развития СССР во время первых пятилеток и победы советского народа в Великой отечественной войне. Таким образом, указанные выше исследования имели предельно прагматическую направленность: России необходимо

было сделать выводы из опыта первой мировой войны, чтобы избежать повторения подобных проблем в будущем[1].

Вместе с тем, указанные выше представители русской армии не имели возможности и времени заниматься теоретическим изучением вопроса военных заказов в каждой из стран мира в отдельности. Их основное внимание было сосредоточено на подсчете абсолютных показателей «помощи» заграничных стран за весь период первой мировой войны. В частности, генерал Маниковский в своем сочинении от 1920 г. оценил общий объем «союзнических» поставок винтовок в 1 млн. 803 тыс. стволов, указав, что из них 635 тыс. было поставлено из Японии, а 128 тыс. японских винтовок поступило в Россию из Англии. В отечественной историографии эти данные использовались в последующем как базисные[2]. Однако в японских официальных документах утверждается, что за время войны через японское военное ведомство в Россию было поставлено 821,4 тыс. винтовок[3]. Как объяснить существующее расхождение? Чьи же данные следует признать верными? В данной статье автор пытается последовательно и, по возможности, детально рассмотреть известные сделки российского правительства с японскими поставщиками относительно покупки винтовок, раскрыть их характер и содержание, обращая первостепенное внимание на мотивы и обстоятельства оказания японской военной помощи России во время первой мировой войны.

* * *

---

[1] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., ч. I–II. М.: Военно-историческая комиссия; Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн, 1920–1922; *В. С. Михайлов* (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности (первое изд. вышло в 1929 г.). М., РОССПЭН, 2007, с. 424.; *Миронов П. В.* Боевое снаряжение Русской армии в войну 1914–1918 гг. и роль участия в нем заграничного рынка (исследование 1932–1933 гг.) – ГАРФ. Ф. Р-6173, оп. 1, д. 26. Рукопись (машинописная копия) книги, с. 261; *Залюбовский А. П.* Снабжение Русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград: Издание Центрального правления Общества русских офицеров-артиллеристов за рубежом, 1936. 127 с.; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Издание 3-е, переработанное и дополненное Е. З. Барсуковым для «Библиотеки командира». М., ГВИЗ, 1937. 693 с. ; *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в мировую войну, т. I–II. М., Воениздат НО СССР, 1938–1940; *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника, 1900–1935), ч. II. Оружейное дело в первую империалистическую войну. Издание Артиллерийской ордена Ленина академия РККА им. Дзержинского, М., 1939, с. 131; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.), в 4-х томах. Воениздат МВС СССР, М., 1948–1949; Федоров В. Г. В поисках оружия. М., Воениздат, 1964, с. 216.

[2] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., ч. I. М., Военно-историческая комиссия, 1920, с. 83–84; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.), т, 1, с. 359; Там же, т. 2, с. 288, 299, 314.

[3] *Сакамото Масако*. Дзайбацу то тэйкокусюги: Мицуи буссан то тюгоку (Финансовая олигархия и империализм: Мицуи Буссан и Китай), Токио, Минэрува-сёбо, 2003, с. 163.

Начиная с первых дней Европейского конфликта дипломатические, военные и торговые представители Японии стали настойчиво предлагать российской стороне всемерную поддержку в деле снабжения российской армии и предложили отправить в Токио соответствующих представителей военного ведомства. За этим движением стояли такие ведущие внешнеторговые компании Японии, как «Мицуи Буссан», «Окура» и «Такаката», объединенные в проправительственный синдикат «Тайхэй кумиай», монопольно осуществлявший продажу оружия за рубеж. Особенно бросалась в глаза деятельность «Мицуи Буссан», которая была серьезно обеспокоена приостановкой учета векселей на лондонском рынке и разыскивала новые источники финансовых поступлений. Положив глаз на российское золото в Лондоне, компания уже в первые дни августа обратилась по своим дипломатическим и военным каналам с предложением поставки различного рода оружия и боеприпасов. Эта инициатива целиком принадлежала торгово-промышленным кругам и связанным с ними представителями правящего класса Японии, однако руководство компании пыталось искусно создать у российского правительства впечатление, что на оказание помощи России готово правительство Японии. Не удивительно, что в этих условиях российское военное ведомство сразу же ухватилось за японские предложения о помощи. По инициативе ГАУ было «высочайше повелено командировать в Японию и Америку» специальную техническую комиссию «для покупки необходимых артиллерийскому ведомству изделий и материалов». 25 августа (здесь и далее все даты указаны по новому стилю) из Санкт-Петербурга (столица была переименована в Петроград 31 августа) в Японию отправилась особая военно-техническая комиссия во главе с заведующим артиллерийскими приемками генерал-майором Эдуардом Карловичем Гермониусом (1864–1938 гг.), уполномоченным вести переговоры о покупке оружия и боеприпасов с фирмой «Мицуи Буссан». Перед генералом Гермониусом была поставлена задача приобрести в числе прочего «до миллиона винтовок, состоящего на вооружении японской армии образца с патронами по тысяче на каждую винтовку»[4].

10 сентября российская военно-техническая миссия прибыла в Токио, где ее представители сразу же приступили к переговорам с руководством компании «Мицуи Буссан» и военным министерством Японии по вопросу военных заказов. Уже в первые дни своего пребывания в

---

[4] РГВИА. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба – далее ГУГШ), оп. 1, д. № 4060, л. 15, 15 об., 24–25; Хомпо ни ойтэ каккоку но хэйки гундзюхин тётацу канкэй иккэн (О закупках в Японии различными державами оружия и боеприпасов). – Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы – далее НГБ), Токио, 1914 г., т. III,. – МИД Японии, 1966, с. 680. Подробно о японской миссии Гермониуса см.: *Baryshev Eduard,* The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War. – Acta Slavica Iaponica (Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University), June 2011, vol. 30.

Токио российские военные получили от японской компании предложение приобрести 20 тыс. 350 винтовок и 15 тыс. 50 карабинов, изготовленных по заказу Мексики под маузеровский патрон в 7 мл. Цена одной винтовки со штыком и кожаным ремнем была достаточно низкой, менее 30 иен, в то время как изготовленная на российских заводах «трехлинейка» в мирное время стоила от 37 до 45 рублей. Вместе с винтовками «Мицуи Буссан» предложила приобрести 23 млн. патронов[5], что составляло более 650 штук на винтовку. Винтовки и карабины были новейшей системы, но их количество было для российской стороны, запрашивающей миллион ружей, просто смехотворным, поэтому поначалу русские военные отнеслись к данному предложению без особого воодушевления. Однако положение на русском фронте было крайне тяжелым, и руководство ГАУ решило немедленно приобрести эту партию винтовок[6].

Контракт на «мексиканские» ружья был, по-видимому, подписан между 9 и 13 октября после получения генералом Гермониусом разрешения самостоятельно заключать торговые сделки в Токио. 14 октября вышло официальное распоряжение военного министерства Японии о выдаче ружей. Уже на следующий день в Йокогамском порту началась погрузка винтовок на пароход Добровольного Флота «Эриванъ», а 17 октября судно отправилось к российским берегам. «Мексиканки» должны были поступить на вооружение полков пограничной стражи в Маньчжурии с тем, чтобы отправить на фронт все имеющиеся там русские «трехлинейки»[7]. Общая сумма сделки составила 200 тыс. фунтов стерлингов, или около двух миллионов рублей. Это было первое приобретение, сделанное миссией Гермониуса в Японии. Поставщиком «мексиканских» ружей была компания «Мицуи Буссан», сумевшая неплохо заработать на этой сделке, положив на свой опустевший счет в Лондоне указанную выше сумму[8].

---

[5] По данным японского военного ведомства, синдикату было уступлено 11,4 млн. патронов, однако в записной книжке генерала Гермониуса указано 23 млн. шт. Автор считает, что данные Гермониуса заслуживают доверия.

[6] *Федоров В. Г.* В поисках оружия, с. 13, 36–37; его же. Оружейное дело на грани двух эпох, с. 13–14; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937, с. 276; ГАРФ. Ф. Р-6173 (Э. К. Гермониус), оп. 1, д. 11, л. 1.

[7] Секретные телеграммы посла в Токио министру иностранных дел от 2/15 октября (№ 264) и 4/17 октября 1914 г. (№ 265). – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133 (Канцелярия министра), оп. 470, д. 70; *Федоров В. Г.* В поисках оружия, с. 37.

[8] Г5АРФ. Ф. Р-6173, оп. 1, д. 11, л. 1; Архив внешней политики Японии (далее – АВПЯ). 5.1.5.17-7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тётацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (О закупках в Японии различными державами оружия, боеприпасов и других товаров: Россия), т. IV, с. 1712; Мицуи буссан ситэнтё кайги гидзироку (Протоколы заседаний начальников отделов компании «Мицуи Буссан», т. 9 (1915 г.). Токио, Архив Мицуи, 2004, с. 107–108.

В то же время, оказалось, что военное ведомство смотрит на мысль о предоставлении оружия России с гораздо меньшим энтузиазмом. Оно всячески тянуло с ответом, поэтому в первой декаде октября, когда терпению русских военных пришел конец, глава миссии Гермониус вынужден был даже заявить японской стороне, что в этой ситуации ему ничего не остается, как вернуться в Россию[9]. Этот «ультиматум», тотчас же переданный Самойловым военному министру Ока Итиносукэ (1860–1916), подействовал. Чтобы сгладить создавшуюся неловкость для представителей ГАУ вновь был устроен пышный банкет в помещении Русско-японского общества. На следующий день в резиденции военного министра в торжественной обстановке было заявлено следующее: японская сторона по низкой цене готова уступить России 200 тыс. винтовок Арисака образца 1897 г. и 20 млн. патронов из расчета 100 штук на ружье. При этом российских военных предупредили, что патроны будут старые и часть из них придется собирать даже в гарнизонах Кореи; первые 70 тыс. винтовок будут поставлены уже в октябре, а остальная часть будет передана в конце декабря.

По воспоминаниям члена русской военной миссии В. Г. Федорова (1874–1966), отвечавшего тогда за приемку ружей, «вопрос о патронах, безусловно, был наиболее важным, наиболее неблагоприятным... Было ясно, что японское военное министерство не желало ослаблять себя уменьшением запасов своих патронов, считая, вероятно, что война с Германией и окончательная победа над ней вряд ли входит в число задач, которые могли бы стоять перед Империей Восходящего Солнца. Ослабление западного соседа России вряд ли приносило непосредственные выгоды Японии; взятие же Циндао, конечно, было для японцев только вопросом времени». «Настойчивые хлопоты» российских военных привели к тому, что после долгих ожиданий японская сторона пообещала «увеличить комплект на каждую винтовку на 25 патронов», т. е. согласилась уступить России дополнительно 5 млн. патронов, однако это, по словам того же Федорова, было «равносильно отказу»[10].

Таким образом, в начале октября военное министерство Японии решилось на поставку России значительного количества оружия и боеприпасов. В инструкции заместителя военного министра Осима Кэнъити (1858–1947) военному агенту во Франции полковнику Фукухара от 28 декабря 1915 г. причины данного шага объяснялись следующим образом: «*Спустя некоторое время после начала войны к нам поступила просьба от России об уступке 300 тысяч винтовок* (если это действительно так, то нужно признать, что осенью 1914 г. японское правительство почти удовлетворило пожелания России, уступив общим числом

---

[9] Дайтюмон-сю: Рококу кара дзокудзоку райтё (Крупнейшие заказчики: прибывают один за одним из России). – Хоти симбун, 14.10.1914 г., № 13509, с. 7.

[10] *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 15.

235 тыс. винтовок; в то же время эти данные расходятся с теми, которые отмечены в переписке российских военных – 1 млн. – *Э. Б.*). *Наших складских запасов не хватало для того, чтобы удовлетворить эту просьбу. В этих условиях мы пошли на то, чтобы ускорить рассчитанный на один-два года процесс перехода от винтовок 1897 г. на винтовки 1905 г., и решили уступить 200 тыс. винтовок и все имеющиеся в наличии патроны, считая выгодным для нас уступку винтовок старой модели*» (здесь и далее курсив автора)[11]. Иными словами, японское военное командование решило форсированно произвести осуществление плана по модернизации японской армии, в частности, путем замены винтовок Арисака модели 1897 г. на новую модель 1905 г., массовое производство которой началось с 1910 г.

Снятые с вооружения, а значит, негодные для японской армии винтовки 1897 г. уступались российскому правительству всего по 16,85 иен за штуку (с доставкой во Владивосток) – по условиям военного времени почти даром. В то же время японскими военными было подсчитано, что производство новой винтовки обойдется примерно в такую же сумму. Уступать как старое списанное оружие, так и новое, находящееся в действующей армии оружие, японское правительство не имело права. Что касается торговли оружием через синдикат «Тайхэй кумиай», то формально он сбывал оружие, произведенное Токийским и Осакским арсеналами. В этих условиях военное министерство нашло для себя удобную лазейку: оно сдавало Токийскому арсеналу старые винтовки якобы для исправления, арсенал, в свою очередь, «после исправления» уступал их России, а новые – таким же числом – передавал на вооружение японской армии. В то же время синдикат «Тайхэй кумиай» платил деньги якобы за произведенные арсеналом винтовки, а фактически авансом оплачивал министерский заказ на винтовки нового образца. Таким образом, по согласию с министерством финансов удалось обойтись только внутриведомственными расчетами, без проведения этого вопроса через парламентские слушания. Кабинет министров Окума признал такой шаг уместным как с точки зрения выполнения своих «союзнических обязательств», так и в смысле усиления обороноспособности страны: армия тотчас же получала 200 тыс. новых винтовок, а финансы Японии при этом оставались совершенно нетронутыми[12].

---

11 *Акутагава Тэцуси.* Буки юсюцу но кэйфу: Дайитидзи сэкай тайсэн но буки юсюцу (1) (Как развивался экспорт оружия: Экспорт оружия во время первой мировой войны, ч. 1). – Гундзи сигаку (Военная история), март 1987 г., т. 22, № 4, с. 28; Архив министерства обороны Японии (далее – АМОЯ), т.3–6.39. Дзи Тайсё 3 нэн итару до 11 нэн. Каккоку-гун ни гунки кёкю ни кансуру цудзури (Подшивка материалов о поставке оружия армиям различных стран, 1914–1922 гг.), с. 282–283.

12 *Такэтоми Токитоси*. Окума найкаку дзайсэй кайсороку (Финансовая политика кабинета Окума: Воспоминания) – *Сибутани Сакусукэ*, Такэтоми Токитоси, Токио, 1934, с. 26–33.

Согласно данным записной книжки генерала Гермониуса, контракт № 3027 на получение 200 тыс. винтовок Арисака 1897 г. и 20 млн. патронов к ним был подписан 21 октября 1914 г. Согласно своему обещанию, японская сторона уступала России сверх контракта 5 млн. винтовочных патронов, последняя, в свою очередь, должна была уплатить в течение двух месяцев со дня полной передачи заказа синдикату «Тайхэй кумиай» сумму равную 4 млн. 660 тыс. иен. К слову, для синдиката оружие стоило 3 млн. 486 тыс. иен, т. е. прибыль компании составляла почти 20% от начальной стоимости. От имени синдиката контракт был подписан его исполнительным директором Суда Нобуцугу, представлявшим в нем интересы торгового дома «Таката»[13].

К концу 1914 г. российскому военному командованию стало очевидно, что нехватка винтовок и патронов достигает катастрофических размеров. Было очевидно, что в кампанию 1915 г. русская армия столкнется с острейшей нехваткой оружия и боеприпасов. В этих условиях оставалась единственная надежда на то, что Япония как «невоюющий союзник» согласится уступить России часть своих военных резервов. 23 декабря военный министр Сухомлинов обратился к министру иностранных дел Сазонову со следующим письмом: «В настоящее время военное ведомство стоит перед трудной задачей приобретения в наикратчайший срок для запасных частей и частей государственного ополчения значительного количества винтовок. Принятые в этом отношении меры, в том числе и покупка 200 тыс. винтовок в Японии, оказались недостаточными и в настоящее время крайне необходимо неотложное приобретение еще не менее 150 тыс. винтовок. В виду изложенного, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство поручить нашему послу в Японии войти в сношение с японским правительством о продаже нам еще 150 тыс. винтовок с возможно большим количеством патронов»[14].

На следующий день содержание просьбы министра было передано Малевскому, который немедленно – совместно с генералом Самойловым – предпринял необходимые шаги в этом направлении. Однако потребности русской армии росли не по дням, а по часам: всего через четыре дня после своего обращения генерал Сухомлинов направил новое письмо Сазонову, в котором сообщал, что действительная потребность составляет не 150, а 300 тыс. винтовок. Данное «уточнение» дошло до Малевского уже 29 декабря, однако с новой просьбой к японскому правительству решено было обратиться после получения ответа на просьбу об уступке 150 тыс. винтовок[15].

---

[13] ГАРФ. Ф. Р-6173, оп. 1, д. 11. л. 2; АМОЯ, т..3–5.28. Оукэ дайникки, октябрь 1914 г., т.II, с. 1294–1295.

[14] АВПРИ: ф. 150 (Японский стол), оп. 493, д. 1868, л. 97.

[15] АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1868. л. 98–106; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869, л. 3–5.

Когда японское правительство передало российским представителям в Токио о своем принципиальном согласии уступить еще одну крупную партию винтовок, доподлинно неизвестно, однако Самойлов сообщал об этом в своей шифрованной телеграмме от 14 января, передавая, что военное ведомство готово продать России 100 тыс. винтовок после их ремонта, а также 30 млн. патронов. В тот же день русский посол вновь посетил резиденцию японского министра иностранных дел и попросил японское правительство уступить России из своих запасов военного времени до 300 тыс. винтовок. В ответ на это Като заявил, что «как он лично, так и председатель Совета министров и маршал Ямагата приложили немало усилий, чтобы убедить военного министра отпустить из нового запаса некоторое их количество, но встретили со стороны генерала Ока отказ, основанный на постановлении закона государственной обороны»[16].

Что касается 100 тыс. винтовок, на уступку которых военное ведомство дало свое согласие, то заведомо предполагалось, что они будут хуже уступленных ранее. В своем докладе от 22 января генерал Гермониус прямо говорил о них, как о винтовках «весьма сомнительного достоинства»[17]. Однако выбирать не приходилось. После получения соответствующей инструкции из ГАУ 28 января 1915 г. генерал Гермониус подписал с представителями «Тайхэй кумиай» новый контракт на поставку 85 тыс. винтовок и 15 тыс. карабинов образца 1897 г., а также 22 млн. 600 тыс. различных патронов на общую сумму в 2 млн. 612 тыс. иен. Кроме того, в соответствии со своим обещанием, японское правительство согласилось уступить России 10 млн. остроконечных патронов нового образца 1905 г., контракт на поставку которых был подписан 3 февраля. В качестве срока поставки винтовок и патронов по первому контракту была определена середина апреля 1915 г.[18] «Уступка» данной партии винтовок была осуществлена тем же образом, что и передача ранее 200 тыс. ружей. Ружья старых образцов после снятия японских клеймо и легкого ремонта передавались российским представителям как вновь изготовленные, а деньги, уплачиваемые российской стороной, шли на оплату заказа арсеналам на изготовление винтовок нового образца в том же самом количестве. Этот трюк позволял японскому военному министерству избежать вынесения данного вопроса на обсуждение правительства и быстро и просто осуществить модернизацию своей армии. Сделки относительно поставки 100 тыс. винтовок Арисака и 32,6 млн. патронов были последними крупными контрактами, заключенными генералом Гермониусом, отбывшим 1 марта в Россию.

---

16 РГВИА: Ф. 2000 (ГУГШ), оп. 1, д. 4454. л. 10; НГБ. 1915 г. , кн. III, т. II, с. 992; АВПРИ, ф. 133, оп. 47, л. 2.

17 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869. л. 17 об.

18 ГАРФ. Р-6173, оп. 1, д. 11. л. 4, 74; АВПРИ. ф. 133, оп. 470, д. 82, л. 9.

Что же касается просьбы России об уступке 300 тыс. винтовок, впервые озвученной Малевским при встрече с Като 14 января, то эти винтовки стали своего рода разменной монетой во время начавшихся 18 января с подачи так называемого «21 требования» японо-китайских переговоров. Японская сторона предусмотрительно тянула с уступкой ружей, желая заручиться российской политической поддержкой во время переговоров. Можно сказать, что винтовки были предназначены в качестве «пряника» России за лояльное отношение к японской экспансионистской политике в Китае. 4 марта во время ужина в японском посольстве Сазонов вновь передал японскому послу Мотоно пожелание о приобретении 300 тыс. винтовок и просил его сообщить об этом в Токио. Причем, на этот раз российская сторона в обмен на немедленную уступку уже готова была «взаимообразно» оплатить последующий заказ японского правительства арсеналам для производства такого же количества ружей и произвести сопутствующие этому «разного рода накладные расходы»[19]. Таким образом, тактика переговоров и варианты возможного взаимодействия все более усложнялись, однако уступки оружия в самый разгар японо-китайских переговоров не входили в планы японского правительства, предпочитавшего иметь при себе постоянный, но веский инструмент воздействия на позицию России. Уже 8 марта Малевский сообщал, что «неоднократные обращения к маршалу Ямагате, который много содействовал получению нами предметов вооружения от японского ведомства выяснили, что уступка нам ружей задерживается не только техническими соображениями, *но и политическими, в связи с нынешними переговорами в Пекине и предстоящими через две недели выборами в парламент. До окончания Пекинских переговоров и выяснения результатов выборов трудно рассчитывать на изменение взглядов японского военного ведомства, которое, видимо, опасается, что оппозиция вновь поставит в вину правительству его готовность делиться с союзниками предметами вооружения*»[20].

Позиция японской стороны действительно смягчилась лишь после завершения японо-китайских переговоров и принятия Китаем японского ультиматума. 10 мая 1915 г. военный представитель Японии в Ставке Верховного Главнокомандующего генерал-майор Накадзима Масатакэ (1870–1931), прибывший в Россию в начале марта на смену генерал-майору Оба Дзиро (1864–1935), открыто заявил начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу (1868–1918), что «теперь Япония всецело к услугам России». Несомненно, это было выражением благодарности японских военных по отношению к России, оказавшей молчаливую поддержку Японии во время японо-китайских

---

[19] АВПРИ. Ф. 133, оп. 470, д. 82. л. 46; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869. л. 69; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1868.. л. 106.

[20] АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869. л. 64.

переговоров. Есть основания предполагать, что данная инициатива генерала Накадзима также была осуществлена с ведома негласного главы японского Генерального Штаба маршала Ямагата. 14 мая генерал Накадзима прибыл из Ставки в Петроград, чтобы передать в японское военное ведомство личную просьбу Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (1856–1929) об уступке необходимых русской армии боеприпасов и винтовок. Таким образом, Ямагата и его верным приближенным удалось задействовать механизм «дворцовой дипломатии». Обращение от имени великого князя должно было иметь успех, ибо связи между императорскими домами были вне компетенции японского правительства, и Ямагата имел возможность непосредственно обратиться к императору и просить одобрения своей инициативы на правах его старшего советника[21].

20 мая во дворце состоялось совещание пяти фельдмаршалов и военного министра, на котором было решено немедленно выдать России из неприкосновенного запаса японской армии 100 тыс. винтовок с патронами. Решение это было одобрено императором и тотчас же передано послу Малевскому. 25 мая Малевского посетил представитель синдиката «Тайхэй кумиай» Никата, передавший послу, что отпускаемые России 100 тыс. винтовок по цене 40 иен за ружье и 20 млн. патронов будет проданы российскому правительству через данную фирму и могут быть отправлены партиями в течение месяца. Приказ о выдаче винтовок и патронов вышел накануне 24 мая. Одновременно с получением положительных известий для российских представителей Малевский ходатайствовал о «пожаловании лицам, непосредственно участвующим в этом деле соответственных наград». К числу таких лиц были отнесены товарищ военного министра Осима, помощник начальника Генерального Штаба генерал Акаси Мотодзиро (1864–1919), начальник Разведывательного (Иностранного) отдела Главного Штаба генерал Фукуда Хикосукэ (1875–1959), генерал-майор Танака Гиити (1864–1929) и адъютант военного министра подполковник Нагао Цунэкити (1875–1953)[22]. Все перечисленные лица входили в когорту фельдмаршала Ямагата.

Следует отметить, что уступка оружия из мобилизационного запаса представляла собой беспрецедентный случай как в истории японского военного ведомства, так и, пожалуй, в истории российско-японских отношений. Примерно через неделю после передачи официального ответа российской стороне Като телеграфировал послу в Лондоне Иноуэ, что выдача России «*100 тыс. винтовок из неприкосновенного запаса японской*

---

21 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869, л. 125; НГБ. 1915 г., кн. 3, т. 2, с. 1003-1004. О «дворцовой» дипломатии фельдмаршала Ямагата. См.: *Барышев Э. А.* Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: За кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию. – Япония 2007, ежегодник, М., АИРО–XXI, 2007, с. 249–165.

22 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869, л. 135, 141; АВПРИ, ф.133, оп. 470, д. 82, л. 104, 108, 110.

армии отнюдь не должна быть рассматриваема как выполнение какого-либо заказа; выдача эта состоялась по мотивам политического свойства в виде исключения и никаких больше винтовок из своих запасов Япония не может выдать ни России, ни Англии, ни другому иностранному государству ранее пополнения собственных потребностей японской армии, то есть не прежде, как года через два»[23].

12 июня Като официально сообщил Малевскому о том, что японское правительство готово уступить России из своих военных запасов 100 тыс. винтовок нового образца с 20 млн. патронов к ним. Это был окончательный ответ японского правительства на запрос, переданный российским послом 14 января 1915 г. об уступке 300 тыс. винтовок. Учитывая то обстоятельство, что российский военный министр обратился с данной просьбой в МИД еще 27 декабря, а передача винтовок и боеприпасов завершилась уже к середине июля, можно сказать, что на удовлетворение этой просьбы потребовалось более шести с половиной месяцев[24].

* * *

Уже в конце мая, сразу после получения известия о том, что японское военное ведомство согласилось уступить из своих резервов 100 тыс. новых винтовок, российская сторона вновь обратилась к японскому правительству с просьбой уступить ей дополнительно 200 тыс. винтовок и 300 млн. патронов. Японское военное министерство отказалось от немедленной выдачи винтовок из своих запасов, однако выразило готовность изготовить некоторое количество ружей и патронов на своих арсеналах, ставя условием принятия такого заказа предоставление российской стороной некоторых необходимых материалов, таких как цинк, никель, олово, пружинная и инструментальная сталь. В середине июля японское военное ведомство принципиально согласилось приступить после выполнения текущих контрактов к изготовлению патронов для российского правительства и уступить в первые шесть месяцев после получения необходимого сырья 25 млн., а в последующие шесть месяцев еще 37 млн. патронов. Кроме того, было предложено изготовить с декабря 1915 г. и в течение следующего года примерно 130 тыс. винтовок[25].

К началу августа между военными ведомствами двух стран была достигнута договоренность об уступке Японией очередной партии стрелкового оружия, однако в условиях все ухудшающегося положения на рус-

---

[23] АВПРИ, ф.133, оп. 470, д. 82, л. 115.

[24] НГБ, 1915 г., кн. 3, т. 2, с. 1020; АВПЯ, 5.1.5.17–7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тётацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (О закупках в Японии различными державами оружия, боеприпасов и других товаров: Россия), т. I., с. 334–336, 339; АВПРИ, ф.133, оп. 470, д. 82, л. 131.

[25] НГБ. 1915 г., кн. 3, т. 2, с. 1014–1015, 1027–1029; АВПЯ, № 5.1.5.17–7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тётацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (О закупках в Японии различными державами оружия, боеприпасов и других товаров: Россия), т. II, с. 505–510.

ском фронте нужда в винтовках и патронах все более возрастала. 11 августа Сазонов вызвал японского посла к себе в министерство, сообщил о крайне тяжелом и опасном положении на Северо-Западном фронте и, подчеркнув, что в настоящих условиях никто не может помочь России, кроме Японии, заявил о желании получить от японского правительства дополнительно 1 млн. винтовок с соответствующим запасом патронов. Сазонов сообщил при этом о состоявшемся накануне заседании Совета обороны, на котором было принято принципиальное решение пойти на возможные уступки по отношению к Японии в случае удовлетворения данной просьбы. Обращает на себя внимание комментарий, приложенный Мотоно к своему докладу о беседе с российским министром: «*Сегодняшняя просьба России – есть результат согласований между союзными державами. Если Япония не откликнется на эту просьбу и одна из союзных держав потерпит поражение, часть прав, приобретенных японцами в Китае, обратится в прах. С другой стороны, убежден, что, если союзники достигнут победы, несмотря на отсутствие помощи с нашей стороны, голос Японии во время мирных переговоров заметно ослабнет. Если же японское правительство посчитает, что в настоящих условиях угрозы миру на Дальнем Востоке не существует и пойдет на предоставление России части своего оружия из своих оборонных запасов, я уверен, что имеется возможность разрешить вопрос железной дороги от Сунгари до Чаньчуня. Слова российского министра иностранных дел о том, что Россия готова на известную компенсацию, по всей видимости, нужно понимать именно таким образом*»[26].

19 августа английский, французский и российский послы обратились к премьер-министру Окума с просьбой помочь России с предоставлением необходимых видов оружия и боеприпасов. Тем не менее, несмотря на столь мощное сопровождение просьбы русского правительства, правительство Японии не могло и, по-видимому, не желало менять на ходу только что согласованные между ведомствами двух стран условия поставок оружия. 19 августа граф Окума направил послу Мотоно сообщение с указанием передать российскому правительству, что предоставить оружие сверх обещанных в годичный или полуторагодичный срок 150 тыс. ружей и 100 млн. патронов к ним, а также 50 тыс. исправленных винтовок старого образца оно не может. Посол Малевский и послы дружественных держав прилагали усилия к тому, чтобы добиться большего, однако на этот раз японские военные не решились поставить вопрос снабжения России оружием на политическую почву, как это было сделано во время японо-китайских переговоров[27].

---

[26] НГБ. 1915 г., кн. 3, т. II, с. 1039-1040.

[27] НГБ. 1915 г., кн. 3, т. II, с. 1058–1059, 1069–1070, 1072; Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств, 1878–1917 гг.

В конечном счете, осенью 1915 г. были заключены несколько крупных контрактов на поставку винтовок и патронов. Во-первых, в начале сентября генералом Самойловым был заключен контракт № 578 на поставку с ноября 1915 по декабрь 1916 г. 150 тыс. винтовок Арисака 1905 г. и 84 млн. патронов к ним. Сумма контракта могла достигнуть 10,5 млн. иен. По-видимому, японское военное ведомство решило воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы осуществить программу по расширению своих арсеналов. Кроме того, примерно в середине сентября японское военное министерство согласилось дополнительно уступить России до начала следующего года 40 тыс. пехотных винтовок, 10 тыс. кавалерийских карабинов (и те, и другие образца 1897 г.) и 1 млн. 411 тыс. патронов к ним[28].

Общее количество винтовок, закупленное российским правительством при посредстве японского военного ведомства к октябрю 1915 г., составило 635 тыс. 400 шт., т. е. почти в точности соответствовало расчетам генерала А. А. Маниковского. Тем не менее, существовали сделки, оставшиеся вне поля зрения как российских, так и японских военных исследователей. К числу таковых следует отнести контракты, заключенные по линии военно-морского ведомства, также вносившего посильный вклад в дело снабжения русской армии оружием. Еще в конце апреля 1915 г. морским агентом Воскресенским был заключен с морским министерством Японии контракт на поставку 4 млн. патронов к винтовкам Арисака образца 1897 г. на сумму 161 тыс. 480 иен. Затем, в середине августа 1915 г. Воскресенский подписал еще один контракт на поставку России из запасов японского военно-морского ведомства 37 тыс. винтовок старого образца и 10 млн. патронов. Винтовки и патроны должны были быть переданы России до конца марта 1916 г. небольшими партиями по 3–5 тыс. ружей и 1 млн. патронов в месяц, начиная с августа 1915 г. Общая сумма сделки составила около 1 млн. 910 тыс. иен[29].

Разумеется, что закупленные в Японии в первый год войны винтовки не могли удовлетворить все нужды русской армии, однако они все же предоставили русским войскам некоторую передышку. Любая боеспособная винтовка была тогда в прямом смысле на вес золота, и по этой причине японские винтовки Арисака оказались вкрапленными почти по все части фронта. Следует отметить, что других поставок ружей из-за границы до осени 1915 г. не было, а приблизительные расчеты показывают, что примерно каждая десятая винтовка на русском фронте к тому времени была японской. Первоначально японские вин-

---

(далее – МОЭИ). Серия III, т. VIII, ч. 2, М., Государственное социально-экономическое издательство, 1935, с. 100 (прим. 1), 142.

28 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 82, л. 185, 235.

29 Тайсё сэнъэки сэндзи сёруй (Документы по военным конфликтам эпохи Тайсё), т. 109. Хэйки дзёто 4-домэ. Рококу сэйфу ни тайсуру бун (Уступки оружия, ч. 4. Оружие, уступленное российскому правительству). – АМОЯ, Т3–106.563, с. 47–55, 94–129.

товки направлялись преимущественно на вооружение ополченческих бригад, этапных батальонов и других второстепенных частей фронта, однако в конце 1915 г. российское военное командование приняло решение сосредоточить японские винтовки на Северном фронте, предполагая организовать для них постоянное снабжение патронами и ремонт «пострадавших» винтовок. Наравне с «трехлинейками» и австрийскими трофейными винтовками Манлихера было решено использовать японские винтовки Арисака на передовой линии фронта[30].

Необходимо отметить, что Англия, чрезвычайно напуганная чередой тяжелых поражений русской армии летом 1915 г., приведших к оставлению Варшавы, попыталась помочь России как путем оказания некоторого давления на Японию, так и своими собственными средствами. Так, к ноябрю 1915 г. Англия согласилась передать России не только заказанные ею в Японии 17 млн. «неснаряженных» винтовочных патронов, но и все имеющееся у нее в наличии японское стрелковое оружие, приобретенное Англией и Францией с начала войны: 128 тыс. 141 ружье и 68 млн. патронов. 60 тыс. японских винтовок были переправлены в Россию из Англии в конце 1915 г., а остальные – в начале 1916 г. Кроме этого, России удалось добиться согласия английского правительства на производство и поставку патронов к японским винтовкам, начиная с марта 1916 г. Благодаря принятым мерам, к весне 1916 г. 6-ая и 12-ая армии Северного фронта были целиком переведены на японскую винтовку Арисака[31].

В условиях срыва военных поставок из Америки и Англии Россия попыталась упрочить отношения с дальневосточной соседкой. Японский визит великого князя Георгия Михайловича в январе 1916 г., казалось бы, создал необходимый для этого фундамент, однако поток действительно военной помощи из Японии – особенно в рамках всех заграничных поставок – все редел. Японские военные потеряли веру в русское оружие, и «кредит» России в глазах японцев все более падал. Как указывалось выше, еще в августе 1915 г. российское правительство приняло принципиальное решение о возможности уступки южного участка КВЖД Японии в обмен на крупную партию винтовок, однако японская сторона не отреагировала на него должным образом. Во время дипломатических переговоров о заключении нового политического соглашения японская сторона предложила за участок железной дороги от Харбина до Чаньчуня от 100 тыс. до 150 тыс. винтовок, однако к этому

---

30 *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 19, 21, 26, 51, 72, 74; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, с. 204–205, 213, 291–292; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.), т. I, с. 359; т. II, с. 278, 286–287, 293, 299–300.

31 *Залюбовский А. П.* Русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним, с. 105–107; *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 61–63.

времени вопрос обеспечения русской армии винтовками был в основном решен, и такой обмен выглядел для России малопривлекательным[32].

Еще в декабре 1915 г. японское военное ведомство предложило уступить России небольшую партию в 6 тыс. старых пехотных винтовок и 500 кавалерийских карабинов образца 1897 г. Нет сомнения, что российское военное ведомство отнеслось к данному предложению без особого интереса. После визита великого князя российское правительство планировало приобрести в Японии дополнительно 200 тыс. винтовок с 300 млн. патронов, однако финансовые трудности помешали реализации плана. Вместо этого в апреле-мае 1916 г. Япония согласилась уступить России к февралю 1917 г. 30 тыс. винтовок Арисака образца 1905 г., 8,1 млн. патронов образца 1905 г., передав их к июлю 1916 г. и 680 тыс. патронов образца 1897 г. – в течение 1916 г. В силу неизвестных обстоятельств указанные сделки – 36,5 тыс. винтовок и 8,78 млн. патронов – также не были учтены генералом Маниковским и его последователями в своих трудах. В японских же документах они указаны как проданные военным министерством российскому правительству. По японским данным, старые винтовки Арисака числом в 6,5 тыс. стволов были переданы России уже к середине мая 1916 г.[33]

Таким образом, усилившиеся с осени 1915 г. надежды на масштабную помощь Японии в обеспечении русской армии винтовками и патронами не оправдались, и российское военное командование вынуждено было заказывать необходимые боеприпасы в Англии. Вследствие этого, с весны 1916 г. до октября 1917 г. в Англии было приобретено около 490 млн. патронов к японским винтовкам. Насколько хорошо в заключительный период войны было поставлено снабжение японских винтовок патронами, говорит то обстоятельство, что первый отечественный автомат В. Г. Федорова был сконструирован под японский патрон[34].

* * *

Как указывалось выше, японские поставки оружия были вызваны первоначально желанием японских крупнейших внешнеторговых компаний получить суммы в иностранной валюте в Лондоне. В известной мере благодаря случайному совпадению интересов синдиката «Тайхэй

---

32 МОЭИ. Серия III, т. X, с. 205, 223, 567–570; АВПРИ, т. 134 (Архив «Война»), оп. 473, д. 152., л. 31; *В. Г. Федоров* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 74, 85–86.

33 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 82, л. 283; АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 152, л. 24 об., 26–27; АМОЯ. Дзи Тайсё 3 нэн итару до 11 нэн. Каккоку-гун ни гунки кёкю ни кансуру цудзури (Подшивка материалов о поставке оружия армиям различных стран, 1914–1922 гг.), т. 3–6.39, с. 614.

34 *Залюбовский А. П.* Русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним, с. 107; *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 114–120;*Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., ч. 1, с. 117–118.

кумиай» и военного ведомства осенью 1914 – зимой 1915 г. японская сторона уступила России 35,4 тыс. «мексиканских» ружей, 300 тыс. винтовок старого образца и небольшое количество патронов. Благодаря этому экономические круги Японии поправили свое финансовое положение, а военное ведомство сумело оснастить армию новым оружием. Япония практически завершила свои военные действия к началу ноября 1914 г. после взятия Циндао, однако начавшиеся японо-китайские переговоры вновь поставили вопрос о судьбе дальнейших российско-японских отношений на Дальнем Востоке. Пытаясь заручиться будущей поддержкой России, руководство Японии пошло на уступку, предоставив из своих военных запасов еще 100 тыс. новых винтовок и некоторого числа патронов.

К маю 1915 г. военные и политические задачи Японии на Дальнем Востоке были почти решены, поэтому курс политического руководства страны по отношению к России претерпел немалые изменения. Теперь вопрос вставал уже не просто о дальнейшем взаимодействии двух стран на Дальнем Востоке, а о месте Японии в послевоенном мире. По мнению посла Мотоно, поддержка России как «слабого звена» Антанты была необходимым условием того, что Япония сможет укрепить свое влияние среди великих держав на предстоявшей мирной конференции. «Государственные старейшины» во главе с князем Ямагата также считали, что сближение с Россией во время войны будет способствовать усилению Японии в международной политике. В этих условиях осенью 1915 и весной 1916 г. японское правительство согласилось дополнительно уступить России 93,5 тыс. винтовок старого образца из запасов военного и морского ведомства, а также произвести на своих военных заводах 180 тыс. винтовок новой модели.

В итоге, к моменту Февральской революции российским правительством было приобретено в Японии 708,9 тыс. винтовок и 225,78 млн. патронов. Кроме того, как говорилось выше, примерно 128 тыс. ружей и 68 млн. патронов были переданы России в конце 1915 – начале 1916 г. Англией. Из данного количества 35,4 тыс. «мексиканских» винтовок остались в Маньчжурии, а остальные (801 тыс. 641 штук) были переданы в действующую армию. Указанного выше количества винтовок было достаточно для вооружения более 50 дивизий русской армии, и они, вне всякого сомнения, способствовали укреплению русского фронта во время первой мировой войны. Что касается японских статистических данных, то они учитывают также заказы на оружие, выполненные уже в 1917 г. после известных политических потрясений. К числу таковых относится заказ на 55 млн. патронов, предположительно переданных с января по лето 1917 г., и контракт на 150 тыс. винтовок, заключенный

уже в сентябре 1917 г.[35] Разумеется, что оружие и боеприпасы стали лишь «хворостом», брошенным в пламя грядущей гражданской войны. Это уже была не столько военная помощь России в ее войне с Германией, сколько борьба за «новую Россию», в которую включилась и Япония после Февральской революции.

В заключение можно сказать, что японская военная помощь России во время первой мировой войны объяснялась прежде всего относительной слабостью «страны Восходящего Солнца» в мировой политике, финансовыми затруднениями и амбициями ее торгово-промышленных кругов, а также желанием руководства Японии заручиться дальнейшей поддержкой России в своей дальневосточной политике. По мере «насыщения» Японии российскими военными заказами и ухудшения положения России двустороннее сотрудничество становилось все более вялым.

---

[35] АМОЯ. Дзи Тайсё 3 нэн итару до 11 нэн. Каккоку-гун ни гунки кёкю ни кансуру цудзури (Подшивка материалов о поставке оружия армиям различных стран, 1914–1922 гг.), т. 3–6.39, с. 648–682.

Роль внешних факторов в процессе реформирования государства и общества Японии

К. В. Белов

В настоящей статье анализируются место и роль внешнего фактора в процессе развития японского государства и общества. Рассматривается влияние внешних факторов на Японию в исторической перспективе, а также показывается их решающая роль в процессе трансформации страны. Иными словами, в исторической перспективе в первую очередь именно внешние силы предопределяли выбор того или иного пути развития нации.

Таким образом, целью настоящей работы является попытка на историческом материале обосновать ведущую роль феномена *гайацу* в становлении и развитии японского общества и государства в целом.

В японском языке словосочетание «*гайацу*» имеет значение «внешнее давление» и состоит из слов «*гай*» – «внешний, иностранный» и «*ацу*» – «нажим, давление». Это понятие является объектом изучения представителей различных направлений науки, от экономики до политологии.

Влияние феномена *гайацу* на вектор развития страны может быть обнаружено в любой исторический промежуток. Вместе с тем, в большинстве случаев такое влияние имело не просто важное, но решающее (при сравнении с внутренними источниками давления) значение: практически все системные реформы и структурные изменения, происходившие когда-либо в Японии, в той или иной степени реализовывались под влиянием фактора иностранного давления, участия «извне».

Феномен внешнего давления принято понимать в качестве одной из наиболее характерных черт национальной культуры японцев, часто сводимой к зависимости внутреннего развития Японии от влияния на страну независящих от нее обстоятельств. Однако в данном случае мы отходим от рассмотрения *гайацу* в качестве подобной «уникальной» черты развития Японии [1]. Согласно нашей концепции, случаи влияния факторов внешнего давления на внутрияпонские общественно-политические процессы различного характера имеют рациональную основу и поэтому должны рассматриваться как проявления осознанного курса элит, контролирующих меры воздействия внешнего влияния на общество и государство.

---

[1] Например, см. попытку отследить связь между структурой политической культуры современного японского общества и воздействием на него *гайацу*: *Katzenstein P. J.* Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1996, p. 37–38.

В отечественной науке есть работы, рассматривающие и анализирующие роль внешних факторов в истории Японии. Среди них – знаковый для 1990-х годов сборник статей «Японский феномен». В разделе «Японский тип государства», касающегося основополагающей роли, которую в рамках политической истории Японии занимает *гайацу*, указывается следующее: «Внешних потрясений, которые привели к серьезным сдвигам в государственности и политическом процессе, можно насчитать как минимум четыре»[2]. Это – проникновение буддизма в VI–VIII вв., западных идей в страну в XV в., изменения периода реставрации Мэйдзи середины XIX в., реформы, последовавшие за поражением Японии во второй мировой войне и последующей оккупацией Японских островов.

Также в этой связи необходимо выделить статью А. Н. Мещерякова «Внешний фактор в истории культуры Японии»[3], а также монографию отечественного востоковеда С. В. Чугрова «Япония в поисках новой идентичности»[4] , в которой автор утверждает, что «в различные периоды своей истории японцы, по меньшей мере, трижды оказывались перед… импульсами, волнами, толкающими к современности… И каждый раз это происходило в периоды интернационализации, которые сопровождались давлением “чужих” ценностных систем на традиционные нормативные системы японцев…»[5].

Помимо этого, отметим подход А. И. Шейнфельда, используемый в диссертации «Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации». Автор делает удачную попытку рассмотреть имевшие место в стране перемены путем их встраивания в рамки теории «Вызова-и-Ответа» А. Дж. Тойнби, смысл которой состоит в том, что любой «вызов», брошенный обществу со стороны соседей или просто исторических условий стимулирует в нем поиски «ответа», т. е. процессы, направленные на усложнение и совершенствование его внутренней структуры [6].

Понимание характера политической культуры, а также содержания социально-политических процессов Японии, используя анализ феномена *гайацу*, позволяет обнаружить высокую степень зависимости внутреннего политического курса от внешних по отношению к Японии сил, регулярное обращение к иностранным источникам для разрешения существующих в обществе проблем.

Однако нельзя утверждать, что данное явление имеет однозначно культурологический характер. Речь идет о трактовке феномена *гайацу*

---

[2] Японский феномен, М., 1996, с. 41–42.

[3] *Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций. СПб., Гиперион, 1996.

[4] *Чугров С. В.* Япония в поисках новой идентичности.– Восточная литература, 2010, с. 18.

[5] Там же.

[6] *Шейнфельд А. И.* Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации. Автореферат. Нижний Новгород, 2007, РГБД ОД, 61:07–23/238.

как одного из проявлений «уникальности» японской нации (наиболее полно неправомерность подобного подхода показана в работах М. Н. Корнилова [7] и В. М. Алпатова[8]). Вернее будет указать на особенности политико-географического положения Японского архипелага, обусловившие вектор становления и развития проживающей в их условиях японской нации. Иными словами, в случае стремления добиться тех же целей и задач, стоявших перед японским обществом, любое другое явление, будучи поставлено в аналогичные условия, пошло бы по схожему пути.

В историческом приближении говорить о проявлениях феномена *гайацу* применительно к Японии возможно, начиная с формирования ранней японской государственности в VI–VII вв. Отсутствие обособленной правящей элиты вплоть до этого периода не способствовало стремлению к консервации системы сложившихся общественно-политических отношений, ибо преодоление их было бы невозможно лишь усилиями внутри страны. Для понимания характера и способов проявления *гайацу* в истории страны обратимся к конкретным историческим примерам.

Одновременно с началом формирования праяпонской нации, ее представители приступили к постепенному оттеснению на север исконных обитателей Японских островов – народа айнов, благодаря чему им удалось захватить территории, на которых в дальнейшем была сформирована японская государственность.

Параллельно с ведением войны за территорию, в то же самое время праяпонцы активно заимствовали многое из элементов культуры айнов. В частности, велика вероятность того, что сам символ Страны восходящего солнца – белый флаг с красным кругом в центре – является непосредственным заимствованием из культуры айнов. Прообразы сакральных символов императорской власти в Японии (меч, зеркало и яшмовая печать) также обнаруживаются в культуре айнского народа задолго до того, как они были признаны священными артефактами у японцев[9].

Проявившийся на данном примере и широко известный в настоящее время процесс заимствования японцами духовных и материальных ценностей из других культур, зародившийся одновременно с японской нацией, носит название «иитоко-дори»[10]. Иитоко-дори является культур-

---

[7] *Корнилов М. Н.* О типологии японской культуры (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон»). –. Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., Наука, 1985, с. 36–58.

[8] *Алпатов В. М.* Япония: язык и культура. Глава «Японский национализм и картины мира». М., Наука, 2008, с. 43–60.

[9] Более подробно вопросы заимствований японцами из культуры айнов рассматриваются в диссертации *Соколова А. М.* – Материальная культура айнов (XIII–XIX вв.): историко-этнографическое исследование. Диссертация кандидата исторических наук. СПб., 2007, РГБ ОД, 61 07–7/238.

[10] Подробнее о традиции иитоко-дори см.: Япония – как ее понять. Очерки современной японской культуры. Под. ред. Дж. Дэвиса, Осаму Икэно. М., АСТ–Астрель, 2006, с. 137–144.

ным феноменом, свойственным исключительно японской нации. Под этим термином также часто понимается процесс включения в сферу интересов японской нации тех или иных изначально чужеродных для нее областей – «процесс селекции необходимых западных культурных ценностей и их использование для последующей трансформации общественных отношений»[11].

Феномен *гайацу* часто воспринимается как составная часть иитоко-дори, что является искажением по той причине, что первый обладает универсальным характером, будучи зависим от геополитических, экономических, исторических и иных условий, в которых пребывает страна (не обязательно Япония), тогда как второй является порождением культурных особенностей японской нации.

В отличие от иитоко-дори, *гайацу* является внешним давлением на все сферы общественно-политических отношений внутри Японии и не зависит от культурной атрибутации проживающих в стране людей. Однако по причине относительного подобия, понимание двух терминов часто искажается, а их смысл обобщается.

Для рассмотрения факторов влияния *гайацу* обратимся к периоду формирования на Японских островах первичной государственности, когда впервые были сформулированы основные принципы, обеспечившие инерционный (в терминах политической модернизации) путь государственного развития последующих столетий. В отечественной науке этот факт понимается как зарождение в тот исторический период «японской эпистемы развития… фактически постулирующей прежде всего преемственность и не предусматривающей возможностей для революционных преобразований и разрыва времен»[12].

Проявлением внешнего давления той эпохи стало привнесение на территорию страны религий, в дальнейшем используемых правящими кругами для обеспечения легитимизации собственной власти в глазах населения путем ее сакрализации. Религиозным учением, призванным исполнять данную функцию, изначально являлся буддизм, но в дальнейшем к нему были добавлены идеи джусианства и неоконфуцианства[13].

Появление необходимости в импортировании с материка новых религиозных учений было обусловлено тем, что исконно японская религия синто, существующая с догосударственной эпохи, не вбирала в себя принципов, способных облегчить консолидацию власти в руках но-

---

[11] *Мирча А. В.* Трансформация гендерных отношений в условиях культурной глобализации: социально-философский анализ. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Новосибирск, 2011.

[12] *Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций, СПБ, Гипперион, 1996, с. 34.

[13] Распространившиеся в Японии идеи джусианства и неоконфуцианства принято обобщенно понимать как идеи конфуцианства, в действительности значимо отличных от идей конфуцианства, изначально получивших распространение в Китае.

вых правящих кругов. На тот исторический момент синто не способствовала укреплению институтов молодого японского государства, а также созданию легитимных оснований власти правящих кругов[14].

В литературе процесс восприятия религиозно-культурных заимствований получил наименование «первой волны» внешнего влияния на страну, датируемой VI–VIII вв. и понимаемой как «призванную обеспечить цементирование складывающегося государства»[15].

Для успешного развития молодому японскому государству требовались новые типы легитимной поддержки, основанной на новых способах организации общественно-политических отношений. Однако в этом процессе непросто выделить какую-либо культурную специфику: за неимением внутренних ресурсов, правящая элита Японии закономерно устремила свои интересы во внешний мир. Более того, в данной ситуации уместна аналогия с событиями отечественной истории, имевшими место в ту же историческую эпоху. Так, христианизация Руси (а также предшествовавшие ей попытки реформ языческого культа) преследовала аналогичные цели и задачи, что и импорт материковых религий на территорию Японских островов, что проявилось в принципиально схожем характере генезиса и динамики процессов внедрения новых религиозных учений.

Рост влияния института императорской власти, достигнутый путем импорта идейно-философских компонент новых религий, явился первым значимым проявлением влияния *гайацу*, вместе с тем, заложившим основания для последующей эпохи стабильности, в рамках которой не осталось места для структурных изменений. Политическая система пользовалась поддержкой со стороны населения, а фактору неразрывности протекающих в стране процессов отводилась особая роль.

Это стало возможным по причине того, что в характеризующийся этими свойствами период прямого правления императорского двора, давление «извне» на Японию практически отсутствовало. В связи с этим, структурные реформы не осуществлялись, а все усилия государства были направлены на поддержание стабильности, выгодной аристократической элите, находящейся у власти на тот момент.

Причины длительности периода относительного затишья в истории страны, растянувшегося на несколько столетий, могут быть обнаружены в предшествующем им *гайацу*, заключавшемся в кратком периоде активных действий молодого государства на международной арене.

---

[14] Более того, синто разобщал формирующуюся нацию по причине наличия собственного пантеона богов-покровителей в границах отдельных регионов, что способствовало поддержанию микрообществ и дезинтеграции в целом. В период же реставрации Мэйдзи роль синто была иной: путем создания культа «государственного синто» был поднят престиж императорской власти в глазах японцев.

[15] *Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций, СПБ, Гипперион, 1996, с. 47.

Именно крупные поражения на суше и на море японских войск, посылаемых для ведения боевых действий с корейским государством Силла в VI–VII вв. и, как итог, проигранная война, обусловили «отказ от проведения активной внешней политики и начала энергичного обустройства внутренней жизни»[16] со стороны Японии на протяжении последующих столетий, в результате чего «этот конфликт оказался даже полезен Японии, значительно ускорив проведение реформ, необходимых для укрепления страны»[17].

Началом проведения политики консервации режима, нацеленной на поддержание авторитета существующей власти, а также предотвращения возможного вмешательства извне, которое могло негативно сказаться на политической обстановке внутри страны, стала вторая половина IX в. К этому периоду устройство нового общества было окончательно сформировано, а власть элит окрепла, что побудило аристократическую верхушку начать проведение курса на самоизоляцию страны.

Первым шагом на этом пути стало снижение числа въезжающих и выезжающих из страны путешественников. Постепенно их общая численность упала до нескольких десятков в год. Следующим шагом стало прекращение исторически сложившейся практики отправления посольств в Китай (в 838 г. туда была послана последняя миссия). С конца X в. в качестве венца «мирной» политики власти ввели прямой запрет на контакты с внешним миром. С этого момента «начинается период добровольной самоизоляции»[18] государства.

В качестве подтверждения существовавших ограничений на контакты с внешним миром можно указать на происходившее в тот период изменение японских письменных источников, в которых стал отчетливо проявляться мотив боязни всего «внешнего» и «чужого», способного разрушить устоявшийся порядок. Вот почему «герметизация правящего класса (поддерживаемая системой сакральных генеалогий), его абсолютная стабильность приводят к тому, что государство (двор) теряет интерес к историческим формам самопознания: устоявшиеся социальные жизнеформы вполне устраивали его,… /а/ стабильное настоящее, считавшееся проекцией далекого прошлого, не давало повода к новым трактовкам истории…»[19]. В данной ситуации проявилось острое стремление правящей элиты заморозить сложившиеся установки на уровне не только идеологии, но и самой истории.

Таким образом, окончание периода ранней японской государственности характеризовалось самоизоляцией страны от внешней среды и

---

16 Там же, с. 32.

17 *Гаджиева Е. А.* Страна восходящего солнца. История и культура Японии. Ростов-на-Дону. Феникс, 2006, с. 67.

18 *Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций, СПБ, Гипперион, 1996, с. 40.

19 Там же, с. 32.

присущего внешнему миру потенциала к социально-политическим трансформациям, который стал расцениваться закрепившимися у власти элитами как избыточный и даже опасный.

Период с X в. до окончательной концентрации власти в руках милитаристской элиты под началом сёгунов кланов Минамото и Асикага характеризовался тенденцией постепенного перехода властных полномочий от аристократической элиты к элите военной, представленной самурайским сословием. Частично этот процесс был обусловлен внутрияпонскими процессами, однако основной причиной концентрации власти в руках военного сословия стал мощнейший внешний толчок, изменивший вектор дальнейшего развития страны.

В период прямого императорского правления Япония не нуждалась в сильной армии, так как вооруженные столкновения между различными кланами внутри страны носили локальный характер, племена айнов по причине своей малочисленности и оттеснения на север реальной угрозы не представляли, а внешних угроз Япония благополучно избегала. Массовые волнения (в особенности при сравнении с положением находящегося по соседству Китая) в стране также практически отсутствовали.

Появление реальной опасности монгольского завоевания, в свете не увенчавшихся успехом попыток вторжения в 1274 и 1281 гг., резко ускорило процесс смены элит, причиной чего стали, в том числе, многолетние приготовления к отражению монгольских вторжений, обусловивших возникновение системного кризиса в Японии. Поражения японских армий в схватках против экспедиционных войск монголов на юге Кюсю показали необходимость повысить боеспособность войск до уровня, когда они будут способны физически защитить государство от вторжений извне. Политика самоизоляции не давала ответа на вопрос, как этого достичь, откуда следовала необходимость ее видоизменения.

Итогом этого явился полудобровольный переход власти от аристократических кругов во главе с императорским двором к самурайскому сословию, возглавляемому сёгуном. Проводивший милитаристскую политику новый режим был более приспособлен к отражению внешних угроз, что и требовалось в сложившейся ситуации.

Новая правящая элита страны была вынуждена опираться на иные легитимные основания своей власти в обществе. В поиске путей индоктринации населения с целью признания своего главенства, самурайство, за неимением альтернатив, было вынуждено обратиться к внешнему миру, контакты с которым практически не поддерживались на протяжении нескольких сотен лет. «Переход властных функций к самурайству потребовал от него усилий по культурной самоидентификации. Поскольку культурная легитимность не могла быть обеспечена за счет генеалогического кода, то для достижения этой цели самурайство в это переходное время обратилось к Китаю…»[20].

---

[20] Там же, с. 42.

Военной элите требовались новые способы утверждения власти в глазах населения, но по причине того, что в рамках традиционной политической культуры они отсутствовали, обращение к внешним источникам (по большей части, китайским) было единственно возможным решением.

Именно этим могут быть объяснены причины широкого распространения идей дзен-буддизма, философии джусианства, а также неоконфуцианства[21], последовавшие за консолидацией власти в руках самурайства. Благодаря выборочной адаптации идей, составляющих указанные учения (предпочтение отдавалось идеям, обосновывающим необходимость почитания властей, непротивление, принятие властей и мира такими, каковы они есть, и т. п.), самурайскому сословию удалось сформировать в глазах населения страны легитимную базу своей власти. Главным итогом такой политики явилось создание основ для дальнейшего доминирования военного сословия на протяжении последующих столетий.

Следующее значимое в плане трансформации внутренней политической парадигмы развития страны явление – период междоусобиц XVI в., известный как *сэнгоку дзидай* – «Эпоха воюющих государств», также во многом обусловлена изменениями, происходившими в Японии после сильного и целенаправленного влияния на страну извне.

Так, первые появившиеся на Японских островах европейцы принесли с собой не только новую религию (христианство), но и новые знания, технологии, в том числе, военные, так интересовавшие японцев. Благодаря новому вооружению и европейским способам ведения боя, а также лучшим подходом к стратегии и тактике, заимствованным некоторыми представителями военной элиты у иностранцев, уже в скором времени Япония была консолидирована под властью единого правителя, сумевшего извлечь наибольшую выгоду из присутствия первых европейцев на территории Японских островов[22].

Вместе с тем, вероятность того, что в случае отсутствия возможности использования европейских технологий, гражданская война в Японии затянулась бы на неопределенно долгий срок, была крайне высока, так как объективных предпосылок для ее прекращения не имелось. Таким

---

[21] Важно отметить, что неокунфуцианство, признанное при Токугава в качестве официального государственного учения, до того момента имело более чем ограниченное число последователей в стране. Таким образом, его выбор со стороны сёгуната, оценившего потенциал содержащихся в нем идей по достоинству, был осознанным. Путем обращения к содержанию идей неокунфуцианства в дальнейшем Токугава поддерживали стабильность и порядок в обществе, а также пресекали попытки зарождения контрэлит.

[22] Речь идет о знаменитых объединителях Японии: Нобунага, Хидэёси, Токугава. В большей мере они сумели добиться искомой цели благодаря обращению к европейским технологиям и применению прогрессивных идей в регулировании общественного устройства и контролю над ресурсами, которые были привнесены первыми европейцами.

образом, обращение к *гайацу* было единственным реальным выходом из сложившейся ситуации, чтобы не допустить дальнейшей эскалации противостояния, разрухи военного времени и окончательного упадка.

Клан Токугава, в конечном итоге вышедший победителем из эпохи нескончаемых войн, во многом благодаря личным качествам своего лидера – Иэясу Токугава, а также его проницательности, проявившейся в понимании возможностей, которые предоставлял факт присутствия в стране европейцев, видел не только важность, но также осознавал все те же опасности, таящиеся в «заигрывании» с внешним миром, что и предыдущие поколения правящих элит. По этой причине, вскоре после консолидации власти в своих руках, клан Токугава изменил свое отношение к иностранцам и всему иностранному, в связи с очевидными рисками для представителей клана.

Таким образом, Токугава Иэясу начал, а его сын и следующий сёгун Японии Токугава Хидэтада продолжил реализовывать целенаправленный набор мер, призванных максимально ограничить связь Японии с внешним миром. Целью политики самоизоляции, в японском языке именуемой «*сакоку*»[23], была попытка избежать нежелательных для клана системных изменений в политической системе. Токугава понимали, что катализатор любых возможных изменений лежит не внутри, а исключительно вовне страны.

Путем ликвидации всех следов присутствия европейцев, насильственного изгнания с Японских островов христианства, а также постановки под жесткий контроль всех контактов с внешним миром, род Токугава удерживал в своих руках власть на протяжении последующих 250 лет.

В связи с целенаправленным проведением политики *сакоку*, следующее проявление *гайацу* стало возможным лишь в середине XIX в. и было обусловлено независящими от Японии обстоятельствами. Открытие страны «черными кораблями» ВМС США под предводительством коммодора Мэтью Пери за несколько лет до начала событий, известных как реставрация Мэйдзи, обусловило неизбежность дальнейших глубинных и системных изменений, послужив *гайацу*, в очередной раз изменившим вектор развития Японии.

Восстановление в результате реставрации Мэйдзи прямого правления императорского дома необходимо рассматривать с двух позиций. Так, любые изменения политической сферы Японии проходят в соответствии с национальными традициями и политической культурой нации. На примере реставрации Мэйдзи это проявилось в том, что реформы проводились под лозунгами восстановления стабильности, ассоциируемой с прошлым, и утраченной после открытия Японии для иностранцев из-за «ошибочной» политики сёгуната. Нельзя не согласиться, что «в постановке и достижении модернизаторских целей общенацио-

---

23 *Чугров С. В.* Япония в поисках новой идентичности, с. 26.

нальным интегратором выступали традиционные ценности…, т. е. восстановление «изначального» порядка вещей, который ассоциировался со «справедливостью». Реформаторы… таким образом облекали себя в одежды фундаменталистов, что отвечало устоям национального характера японцев»[24].

Таким образом, реформация Мэйдзи являлась проявлением национальных особенностей японского народа, однако, по нашему мнению, не этот фактор являлся решающим при выборе сценария, на тот исторический момент реализовывавшегося в Японии.

В частности, активное развитие событий в тот период стало возможным благодаря тому, что территориальные владения кланов Сацума и Тёсю, явившихся непосредственными инициаторами восстания, были расположены на острове Кюсю, располагаясь в непосредственной близости от портового города Нагасаки, наделенного эксклюзивным правом на торговлю с иностранцами. Это позволило представителям кланов различными путями ввезти в страну наиболее современное зарубежное вооружение, по своей эффективности в разы превышавшее оружие, находившееся в руках правительственных армий. Во многом именно это обусловило успехи при ведении боевых действий повстанцев с защитниками режима Токугава. Более того, в отсутствии данного преимущества, обусловленного близкими контактами с иностранцами, маловероятно, что кланы Сацума и Тёсю решились бы выступить против многократно превышающих их по численности правительственных войск.

Вот почему одной из важнейших причин возможности проведения самой реставрации Мэйдзи нам представляется тот факт, что этому предшествовало начало политики «открытия» Японии миру, явившейся причиной нового витка влияния *гайацу*, лавинообразно повлекшего за собой последующие перемены. В результате падение режима Токугава бакуфу стало неизбежным. Осознание своего реального положения на международной арене и накопившейся за период самоизоляции отсталости, а также социальная напряженность и экономические диспропорции, почти одновременно обрушившиеся на Японию, не могли не привести к глубочайшим переменам, наступление которых искусственно задерживалось в течение предшествующих 250 лет. Тем самым и здесь «ключевым мотивом модернизации был, скорее, внешний, нежели внутренний кризис»[25].

Благодаря достигнутым успехам Японии удалось избежать участи превращения в одну из многочисленных европейских колоний, печальный пример чему – Филиппины. Однако навязывание стране неравноправных договоров (так называемых «Ансэйских договоров», т. е. договоров эпохи Ансэй – 1854–1859 гг.), в которых напрямую указыва-

---

[24] *Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в истории культуры Японии, с. 49.

[25] *Чугров С. В.* Япония в поисках новой идентичности, с. 36.

лось приниженное положение Японии, вызвало у новой элиты страны желание как можно скорее выйти из под влияния этих договоров.

С этой целью в качестве официальной государственной политики был выбран модернизационный путь развития экономики, армии, флота, а также выстраивания политической системы по западному образцу. Такая политика позволила Японии в течение нескольких десятилетий совершить гигантский скачок и стать первой незападной страной, вошедшей в клуб мировых держав. Основополагающей причиной этого скачка являлась необходимость соответствовать требованиям, нашедшим наиболее отчетливое отражение в тексте «Ансэйских договоров».

Вслед за ростом влияния страны на международной арене к концу XIX в. и постепенным прекращением действия неравноправных договоров, стремительно возрастала степень влияния внешних факторов на сферу японской политики, что проявилось в еще большем усилении роли *гайацу*, сказывавшемся при формировании уже не только внутренней, но и всей внешней политики государства. Принимая те или иные решения, Япония отныне руководствовалась не столько собственными интересами, сколько результатами, ожидаемыми от этой политики.

Вхождение и дальнейшее нахождение в списке ведущих мировых держав требовало от Японии непосредственного встраивания в систему империалистических отношений (что стоило ей нескольких войн: с Китаем, Кореей и Россией), причины чего могут быть также отслежены через осуществляемое на страну давление извне.

Необходимость усиления роли армии и флота, порожденная возросшим числом внешних угроз и характером существующих рисков, уже в скором времени обернулась ускоренной милитаризацией государства. Как следствие, возросло влияние элит, видевших Японию развивающейся по пути наращивания военной мощи, что, вкупе с присущими японцам максималистскими установками[26], предопределило ход дальнейшей военизации, продолжавшейся непрерывно, вплоть до поражения страны во второй мировой войне.

В свою очередь, демократизация политической системы Японии путем принятия конституции, введения института выборов, разрешения деятельности политических партий и других нововведений периода Мэйдзи также может быть отнесена к результатам воздействия *гайацу*, так как со стороны населения (за исключением небольшой части его политизированных представителей) социально-политического заказа на изменения подобного рода не существовало. Более того, осуществляемый курс на демократизацию и либерализацию базировался на осознании того, что на тот момент любое относящее себя к ведущим мировым

---

[26] Речь идет о феномене «*гамбари*» – присущей японскому обществу черте, когда его члены стараются любой ценой максимально преуспеть в том деле, которое они считает «своим». Подробнее см.: Япония – как ее понять… М., 2006. с. 73–86.

державам государство должно было обладать политическим устройством европейского типа. Вот почему публичная политика в Японии того периода носила исключительно поверхностный характер, что послужило причиной ее относительно легкой капитуляции в 1930-х годах, так как ее сущность (в том числе в период так называемой «демократии Тайсё») была продиктована лишь ответом на запрос «извне».

Основной причиной перехода к открытой милитаризации в 1930-х годах также являлись внешние для страны факторы. На тот момент Япония искала союзников, что должно было способствовать поддержанию темпов военной экспансии и последующему сохранению захваченных территорий. Тот факт, что выбор пал на лагерь во главе с Германией и Италией, был во многом обусловлен тем, что адаптация внутренней политической системы страны к системам блока новых союзников казалась японской правящей элите наиболее безболезненной, учитывая высокую степень их соответствия. Переход японской экономики на военные рельсы, создание «новых» дзайбацу[27], обслуживающих нужды милитаристского правительства[28], успешная индоктринация населения путем перенесения некоторых доктрин нацизма на японскую почву[29] и другие изменения подобного рода позволили Японии органично влиться в новый союз. И все же процессы милитаризации 1930-х годов не были естественным шагом и осуществлялись в связи с необходимостью получения внешней поддержки путем адаптации страны под существующий *гайацу*.

Поражение во второй мировой войне принесло с собой самую сильную зависимость от внешнего мира, которую Япония когда-либо знала. Впервые происходящие в обществе изменения диктовались напрямую «извне», не являясь результатом переработки властями чужеродного материала, из которого выбиралось лишь ими одобренное.

Прямой конституциональный запрет на наличие вооруженных сил и милитаризацию, внедрение новых демократических институтов, ликвидация полуфеодальных принципов государственного устройства, сохранившихся с домэйдзийской эпохи, десакрализация императорского престола, системное изменение законодательства, перестройка социального

---

27 «*Дзайбацу*» – крупный финансово-промышленный холдинг в предвоенной Японии, как правило, формирующийся вокруг общей и единой для всего холдинга финансовой структуры.

28 Созданные на волне военных успехов начала XX в., новые дзайбацу Японии отличались от традиционных, в том числе, и тем, что были целиком ориентированы на обслуживание военных потребностей милитаристского правительства, что в дальнейшем послужило основной причиной их полного запрета и роспуска по итогам второй мировой войны.

29 Более подробно данный вопрос рассмотрен в работах Маруяма Масао – японского автора, доказавшего наличие связи идейных оснований режима предвоенной милитаристской Японии с идеями европейского фашизма и национализма. Например см.: *Maruyama M.* The Ideology and Dynamics of Japanese Fascism. // Ivan Morris, ed., Thought and Behavior in Modern Japanese Politics. Oxford, 1963, p. 25-83.

устройства и многие другие реформы послевоенного периода представляли собой кардинальную перемену в векторе развития Японии, а также начало новой модернизационной волны [30]. В результате роль *гайацу* в рамках понимания существующего тренда серьезно возросла, оторвавшись от изначально политического содержания. Отныне *гайацу* являлся движущей силой перемен уже не только в общественно-политической, но и в экономической, научной, культурной и многих других сферах.

Наиболее широко в литературе освещен вопрос экономического *гайацу*, так как для послевоенной Японии именно экономика стала основным «полем битвы» за превосходство с остальными странами. Однако сама подобная возможность проводить собственную финансово-экономическую политику, которую страна получила после поражения во второй мировой войне, являлась результатом компромисса в других сферах, и в первую очередь, в политической, что подтверждается продолжающимся по сей день следованием Японии в фарватере внешнеполитической линии США, за что ее нередко именуют «51-м штатом США»[31].

Однако в условиях биполярного мира зависимость внешнеполитического курса от решений других стран была довольно распространенным явлением. Тем не менее, говорить по этой причине об уникальном характере сложившейся в случае Японии ситуации, заключающейся лишь в сохранении привязки к политическому курсу США в более поздний период, нельзя.

Однако, широко проявляясь во внешней политике, зависимость Японии от американского влияния затронула также и сферу отношений внутри общества, что уже нельзя отнести к стандартной модели реакции на вызовы окружающего мира, и поэтому может быть охарактеризовано как оказание «сверх» *гайацу* на Японию.

Подтверждением усиления влияния *гайацу* на Японию во второй половине XX в., в особенности в сфере общественных отношений, служит тот факт, что подавляющее большинство социально-значимых изменений послевоенного периода было связано с дестабилизирующим систему (как в отрицательном, так и в положительном смыслах) влиянием извне.

Доказательство этого тезиса обнаруживается путем анализа основных общественных движений, являвшихся важной составляющей послевоенного японского общества, тогда как консолидирующим фактором, вне зависимости от формы их организации, а также идейного наполнения деятельности, явились нормы и ценности, привнесенные в Японию извне.

---

[30] Подробнее о демократических принципах послевоенной политической системы см.: *Еремин В. Н.* Политическая система современного японского общества. М., Наука, 1992, с. 140–142.

[31] How Hatoyama will alter U.S. relations still unclear. – Japan Times. 26.09.2009.

Так, инициатором массовых волнений 1950-х годов выступали прогрессистские партии, идеология которых заключалась в продвижении коммунистических и социалистических ценностей – исторически чуждых японскому обществу. Будучи созданы еще в XIX в., реальное влияние на политическую жизнь Японии они начали оказывать лишь в послевоенный период.

В период антивоенного движения, развернувшегося в Японии в 1960-х годах, причиной вовлеченности в события тех лет всех слоев общества стала агрессия США во Вьетнаме, грозившая Японии непосредственным вовлечением в вооруженный конфликт, а также многими иными негативными последствиями.

Подъем движения в защиту окружающей среды в 1970-е годы также был обусловлен внешними факторами. Перевод экономики страны на экспортные рельсы вызвал, помимо ее резкого экономического подъема, также и сильнейшее загрязнение окружающей среды, которое Япония когда-либо знала[32]. Ответом на это внешнеэкономическое *гайацу* стало формирование движения в защиту окружающей среды, большая часть деятельности которого осуществляется иностранными общественными организациями, зарегистрированными в Японии.

Последнее значимое изменение в социально-политическом устройстве Японии, произошедшее в последние годы и именуемое в отечественной литературе «третьей интернационализацией»[33], также не могло быть реализовано без участия внешних сил. Проявлением этого является построение в стране полноценного гражданского общества в кратчайшие сроки, Поэтому, когда мы говорим о резком росте влияния третьего сектора в японском обществе, необходимо понимать наличие связи с существующим *гайацу*: «Без нажима извне идея включения и формирования партнерства (японского государства) с крошечными международными НГО, организованными гражданами, не могла быть столь очевидной, как это имело место. В особенности, подъем международного интереса к роли международных НГО… обусловил давление на японское правительство с целью заставить его пересмотреть собственные отношения с обществом и, так или иначе, показать, что Япония также располагает деятельным сектором международных НГО»[34].

Подводя итоги настоящей статьи, скажем, что нами был представлен тезис о том, что роль внешнего влияния на Японию является одним из основных факторов, удерживающих страну на острие прогресса. Сегодня, как и раньше, любой внешний толчок способен вызвать необратимые

---

32 Подробнее см., например: *Латышев И. А.* Лицо и изнанка «экономического чуда» Японии. М.: Наука, 1970.

33 *Чугров С. В.* Япония в поисках…, 2010, с. 19.

34 *Reimann K. D.* Building Global Civil Society from the Outside in? Japanese International Development NGOs, the State, and International Norms // Frank J. Schwartz, Susan J. Pharr, eds., The State of Civil Society in Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 304.

изменения в ее устройстве. Именно этим, отчасти, можно объяснить отсутствие модернизации политических и общественных институтов сверх необходимого уровня, минимально удовлетворяющего *гайацу*, оказываемого на Японию мировым сообществом. Это нашло свое отражение во второй половине XX в. в модернизации через либерализацию японской экономики, последовательную демократизацию политических отношений и придание протекающим в стране процессам соответствующей степени транспарентности.

Резюмируя, приведем цитату российского исследователя А. Н. Мещерякова, наиболее полно и точно передавшего смысл и содержание рассмотренной нами темы в утверждении, что для Японии «внешний мир выступал в качестве детонатора реформ, изменений, которые не могли быть обеспечены исключительно напряжением внутренних сил, поскольку те ценности, с которыми японцы идентифицировали себя, обеспечивали, прежде всего, не динамизм, а консервацию уже существующего»[35]. Подчеркнем, что правдоподобность данного тезиса была не раз подтверждена за прошедшие столетия, но вместе с тем и сегодня можно говорить о соответствии его непреходящей актуальности.

Таким образом, курс, выбираемый на любом этапе развития Японии, несмотря на кажущуюся неординарность и даже непонятность, был каждый раз обоснован и продуманно рационален, что не может быть расценено иначе, кроме как историческая целесообразность. Согласно позиции С.В. Чугрова, «нельзя отрицать, что в случае с Японией ее географическое положение оказало критически важное влияние на формирование ее внешнеполитического менталитета и национальной идентичности»[36].

При ответе на вопрос о причинах особой значимости, которую для понимания процессов развития и модернизации Японии представляет феномен *гайацу*, необходимо учитывать тот факт, что существует множество примеров, когда в схожих историко-политических условиях других стран реализовывался курс, практически аналогичный японскому. Однако при рассмотрении феномена *гайацу* вместе с системой установок политической культуры нации, становится ясно, что в случае Японии внешнее давление имеет все же более весомое (по сравнению с другими странами) значение, продиктованное практически полным отсутствием у нее внутренних ресурсов для проведения системных реформ и изменений.

---

35 *Мещеряков А.Н.* Внешний фактор…, 1996, с. 22.
36 *Чугров С.В.* Япония в поисках…, 2010, с. 26.

Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода

В. Ц. Головачев

История японских этнологических исследований на Тайване давно служит предметом внимания мировой науки. В 1950–1980-х годах эта тема регулярно освещалась в историографических статьях тайваньских и японских ученых[1]. В 1980–2000-х годах ее изучение вышло на более широкий международный уровень и заметно оживилось во многом под влиянием небывалых общественно-политических перемени на Тайване, возродившегося интереса к истории и культуре острова, а также назревшей потребности в объективном переосмыслении японского научного наследия и колониального периода[2].

Огромный массив сведений по этнической истории острова в XVII–XX веках зафиксирован в документах и сочинениях голландцев и китайцев. Но, как наука, этнология зародилась на Тайване лишь в годы японского господства (1895–1945). Ее ведущую роль в колониальном правлении определил занимавший пост главы гражданской администрации острова в 1898–1906 гг. Гото Симпэй, который считал, что курс всей политики, все планы управления нужно строить на основе этнологии [3]. Помимо ответа на практические нужды колониальной политики, этнические исследования японцев явились своего рода откликом на звучавшие в то время призывы мировой антропологии к спасению исчезающих этнических культур[4].

---

[1] *Лю Бинь-сюн*, Изучение народностей «гаошань» японскими учеными. – Сборник исследований по аборигенной культуре Тайваня, под ред. Хуан Ин-гуй. – Тайбэй, 1986, 69–87, с. 69 劉斌雄. 日本學人之高山族研究// 臺灣土著文化研究論文集/黃應貴主編. Статья впервые издана в «Бюллетене института этнологии» академии Синика (中央研究院 «民族學研究所集刊», № 40, 1976.06, с. 5–16; *Сюй Му-чжу, Чжань Ци-фэнь*. Романтичные открыватели дикости? – Этнологические исследования на Тайване. – Вэнь ши чжиши. Специальный выпуск по Тайваню, т. 1 – 1990, №4(106), с. 113–117许木柱, 詹琪芬. 浪漫的蛮荒探险者? – 台湾的民族学研究文史知识. 台湾专号 (上编)

[2] *Barclay Paul D.*, An Historian Among the Anthropologists: The Inō Kanori Revival and the Legacy of Japanese Colonial Ethnography in Taiwan. – Japanese Studies 21.2 (September 2001): c. 117–136 (Published on behalf of the Japanese Studies Association of Australia); *Barclay Paul D.* Contending Centres of Calculation in Colonial Taiwan. The Rhetorics of Vindicationism and Privation in Japan's «Aboriginal Policy». – Humanities Research, vol. XIV, № 1, 2007: 67–84; *Doak, Kevin M.* Building National Identity Through Ethnicity: Ethnology in War-time Japan and After. – Journal of Japanese Studies 27.1 (winter 2001): 1-40; *Matsuda Kyōko*. Inō Kanori's «History» of Taiwan: colonial ethnology, the civilizing mission and struggles for survival in East Asia. and Anthropology. – Routledge, vol. 14, Issue 2, June 2003, p.179–196.

[3] *Тадао Янайхара*. Формоза под властью японского империализма. М., 1934, с. 149.

[4] *Сюй Му-чжу, Чжань Ци-фэнь*. Романтичные открыватели дикости? с. 114.

Первые сообщения об экзотической жизни новых подданных империи распространились в Японии в июне 1895 г., уже в первые дни после учреждения генерал-губернаторства в Тайхоку (Тайбэ). Работа Такигава Миётаро «Наша новая территория: остров Тайвань» тиражировала поверхностные этнографические сведения, ранее изложенные в известном военно-разведывательном рапорте Уэно Сэн-ичи о жизни аборигенов. Сам рапорт Уэно представлял собой смесь записок очевидца и информацию, собранную британским смотрителем маяка Джорджем Тэйлором [5]. В 1896 г. Ириэ Ханабуса издал в Японии «Атлас диких народностей Тайваня»[6] в четырех частях: пинпу, атайял, бунун и цоу, пайвань[7].

Первые научные изыскания на острове велись в основном членами Токийского антропологического общества[8] при поддержке колониальных властей. Ведущими учеными были Ино Канори[9], Тории Рюдзо[10], Мори Усиносукэ[11] и другие, чьи исследования затронули многие туземные народности в горных районах острова, а также народность Ями на о-ве Орхидей. В частности, проводивший полевые исследования на о-ве Орхидей Тории Рюдзо издал в 1902 г. «Отчет об обследовании туземных обычаев Острова красноголовых», который стал первой японской монографией, посвященной этнографии аборигенов Тайваня.

Используя полевые материалы, китайские и западные письменные источники, японцы собрали богатейшие этнографические данные, разработали терминологию, схемы и подходы, оказавшие громадное влияние не только на современную им политику и науку, но и на все дальнейшее развитие тайваньских и мировых исследований по этнологии острова. Но противоречивость положения японских этнологов заключалась в том, что, работая на колониальные власти в роли «интеллектуальных посредников», они не являлись авторами этнической политики и при этом не были до конца свободными и последовательными в своих научных выводах. Выступая с передовыми научными теориями в защиту аборигенов, на деле они должны были искать ответы на вопросы,

---

[5] *Barclay Paul D.* Contending Centres of Calculation in Colonial Taiwan, p. 70, 83; Шинри чи Тайван то (Наша новая территория: остров Тайвань). *Такигава Миётаро* (ред.),– Токио: Кокондо, 12.06.1895, с. 160–202; Hashiguchi Bunzo. Taiwan jij (Условия на Тайване). – Tokyo chigaku kyokai ho koku (Журнал Токийского географического общества). – 17,3 (1895): 313–8; *Уэно Сэн-ичи*. Тайван то дзисэн року (Практический путеводитель по Тайваню). – Токио тигаку кёкай хококу 13, 11 (февраль 1892), с. 21–48.

[6] *Ириэ Ханабуса*. Атлас диких народностей Тайваня. – Токио, 1896人江英. 臺灣番族圖繪

[7] *Сюй Юй-цунь*. Общее описание исследований по аборигенам Тайваня в период японского правления. – Электронный журнал музея первобытной истории, 03.01.2003, № 7. 徐雨村. 日治時期的台灣原住民研究概況//史前館電子報: http://www.nmp.gov.tw/enews/no7/5.htm

[8] Основано в 1884 г. на базе кафедры антропологии Токийского университета.

[9] Ино Канори (Kanori Ino 伊能嘉矩 1867–1925). Антрополог и фольклорист, известный своими исследованиями аборигенов Тайваня.

[10] Тории Рюдзо (Torii Ryūzō 鳥居龍藏1870–1953). Этнолог, антрополог и фольклорист, известный своими научными изысканиями на Тайване, Амуре и в Северо-восточной Азии.

[11] Мори Усиносукэ (Mori Ushinosuke 森丑之助1877–1926). Антрополог, коллега и переводчик Тории Рюдзо. С 1900 г. посвятил жизнь изучению тайваньских аборигенов

продиктованные интересами колониальных властей, и поставляли «научные» доводы для репрессий против немирных, якобы неспособных цивилизоваться «дикарей»[12].

Типична в этом плане судьба Ино Канори, который прибыл на Тайвань в ноябре 1895 г. и заслужил своими научными трудами авторитет «отца» тайваньской этнологии. В своих работах Ино призывал коллег антропологов выявлять особенности отдельных тайваньских племен и народностей, чтобы лучше понять отличия между двумя макро-группами, именовавшимися при цинах как «шэн фань» (неокультуренные дикари) и «шу фань» (окультуренные дикари). При этом Ино открыто заявлял, что антропология должна верно служить государству путем сбора новых сведений. Но, как точно отметил П. Барклай, по мере того, как эти две цели вступали в конфликт, Ино был вынужден делать выбор между преданностью науке и подчинением своим бюрократическим начальникам[13].

С 26 мая по 1 декабря 1897 г., по поручению колониального бюро образования, Ино провел 192-дневную экспедицию по острову. Ино и его напарнику Курино Дэнондзё было поручено составить общую картину туземного общества и подготовить предложения по образовательной работе среди туземцев. Отчет об экспедиции был представлен Гото Симпэю 9 января 1899 г. под названием «Состояние дел среди дикарей Тайваня»[14]. Эта крупнейшая работа Ино, изданная в 1900 г. под тем же названием, представляет собой богатый фактами, описательный, внутренне противоречивый документ эпохи, отразивший посредническую роль ученых в колониальной системе. На основе полевых наблюдений, китайских письменных источников и интервью с местными колониальными чинами Ино представил важнейшие сведения по антропометрии и демографии, среде обитания и средствах к существованию туземцев, их языках, истории, социальной организации, материальной культуре, обычаях и нравах, религии и другие данные. Исходя из этих сведений, Ино впервые предложил новую классификацию тайваньских туземцев, разделив их на ряд различных по местам расселения и культурным особенностям народностей, а именно: «4 группы, 8 народностей, 11 племен»[15], к которым чуть позже добавил девятую народность – Рукай. В 1911г., исходя из классификаций Рюдзо, Канори и Курино Дэнондзё, японское генерал-губернаторство выпустило «Отчет о контроле над

---

12 Подробнее об этом см.: *Barclay Paul D.*, Contending Centres of Calculation in Colonial Taiwan, с. 67–84.

13 Ibid., с. 71.

14 *Ино Канори, Курино Дэнондзё*, Тайван банцзинь цзицзё (Состояние дел среди варваров Тайваня). – Тайван сотокуфу минсейбу бунсёка (Документы министерства гражданского правления при генерал-губернаторстве Тайваня), Тайбэй, 1900, 3283 с., карты.

15 Восемь народностей включали: Атайял, Ами, Бунун, Цоу, Сайся, Бинань Пайвань, Пинпу. Ино был первым ученым, отказавшимся от прежней, очень условной китайской классификации, делившей всех аборигенов лишь на две группы: «окультуренных варваров» и «диких варваров».

дикарями на Формозе», в котором официально разделило аборигенов острова на девять племен[16].

Разрозненные исследования первых лет активизировались и обрели системный характер после 1905 г., когда колониальные власти упрочили свой контроль над островом, а японские ученые развернули масштабное комплексное изучение не только современного состояния, но и истории управления аборигенами и местными китайцами. Если итоги ранних японских исследований на острове публиковались в основном в журнале Токийского антропологического общества, то со временем на свет появились обобщающие монографии, вроде названных книг Тории и Ино, печатавшиеся на самом острове, в Японии и за рубежом.

В начале 1900-х годов Ино, как известный эксперт по вопросам управления туземцами в цинский и японский периоды, выступил в роли «придворного историка» генерал-губернаторства, сместив фокус внимания с современного этнокультурного пространства на изучение насущных исторических тем. Этот новый подход отражен в работах «Описание правлений дикарями Тайваня» (Тайбэй, 1904 г.), «Руководство Тайванем от начала и до конца» (Тайбэй, 1904 г.) и в изданном после смерти Ино трехтомнике «Описание истории культур Тайваня» (Токио, 1928 г.)[17].

История японского правления изложена Ино в изданной в 1905 г. работе «10 лет истории оккупации Тайваня»[18]. В предисловии к книге Гото Симпэй подчеркнул, что сама история Тайваня свидетельствует в пользу достижений Японии как современной колониальной державы. Следуя этой официальной точке зрения, Ино представил запутанную историю японо-туземных отношений в виде линейно-прогрессивного развития, в котором «карательная политика» Японии играла роль движущей силы. Ино также сглаживал данные о конфликтах, связанных с управлением и пограничной дипломатией раннего периода. А это упрощение, в свою очередь, стирало из официального текста картину различий среди аборигенного населения, при этом сохраняя главное различие между китайцами и австронезийцами.

Глава «десятилетней истории» о японском управлении туземцами игнорирует первые восемь месяцев военного закона на Тайване (август 1895 г. – март 1896 г.) и начинается с указа генерал-губернатора о введении гражданского правления с 1 апреля 1896 г. Такое вступление

---

16 Атайал, Бунун, Цоу, Сарисэн, Пайвань, Пуюма, Ами, Ями, Сайсьят. См.: *Лю Бинь-сюн.* Изучение народностей «гаошань» японскими учеными, с. 74.

17 В переводе на кит. яз.: *Ино Канори*. Описание правлений варварами Тайваня. Ред. и пер. на китайский язык Вэнь Цзи – Тайбэй, 1957 伊能嘉矩. 台灣番政志, 溫吉編譯 – 台北: 台灣省文獻會; На яп. языке: *Ино Канори*. Руководство Тайванем от начала и до конца. Тайбэй, 1904領台始末 – 台灣日日新報社; *Ино Канори*. Описание истории культур Тайваня. Токио, 1928, т. 3臺灣文化史誌.

18 История 10 лет руководства Тайванем, ред. Ино Канори, Тайбэй: Shink*ō*d*ō*, 1905 伊能嘉矩. 領臺十年史

имело особый смысл, поскольку вводило в повествование Ино конфуцианский подтекст: гражданское правление – нормально и похвально, тогда как военное положение – последнее средство и итог сбоев гражданской политики. Вслед за Мочидзи Рокусабуро, считавшимся главным разработчиком аборигенной политики Гото, Ино рисует требующих «силы и устрашения» северных и достойных «образования и щедрости» южных аборигенов, хотя это надуманное деление исходило из политических оценок японских властей и противоречило научным выводам самого Ино о крайней разнородности тайваньских аборигенов[19].

Своеобразно выглядели и попытки Ино объяснить, каким образом японцы, веками перенимавшие высшие достижения китайской цивилизации, могли «цивилизовать» остров, обжитый миллионами китайцев и китаизированных туземцев. В своих этноисторических работах Ино решает эту дилемму путем утверждений о том, что династия Цин, обязанная хранить и олицетворять китайскую цивилизацию, оказалась «отсталой» и не сумела выполнить свою «цивилизаторскую миссию» среди туземцев на острове. В свою очередь Ино представлял японцев в роли опекунов и просветителей аборигенов. Используя западную идею «цивилизаторской миссии», он убеждал, что туземная политика Японии, в отличие от правления Цин, доказала ее достойное место среди цивилизованных и современных колониальных держав[20].

Прогрессивный политик, историк и парламентарий Такэкоси Ёсабуро (1865–1959) прибыл на Тайвань в июне 1904 г., чтобы написать работу о новой колонии. В изданной в сентябре 1905 г. книге «Японское правление на Формозе» автор, используя архивы генерал-губернаторства и личные впечатления, описывает историю острова и небывалые успехи японского правления.

При описании положения туземцев Такэкоси ссылается на авторитетное мнение Ино, но при этом восхваляет еще более широкие виды Гото на развитие всего острова. Взгляды самого автора на положение аборигенов к 1904 г. изложены более мягко и неоднозначно, чем в публикациях Ино. Но, будучи, как и Гото, больше политиком, чем ученым, Такэкоси куда сильнее заинтересован в воздействии на мнение властей, избирателей и налогоплательщиков в метрополии. Поэтому его взгляды на перспективы управления аборигенами в колонии имели более практичный, откровенно конъюнктурный характер. Как писал Такэкоси: «Почти всякий, кто вступал в контакт с дикарями, заявляет, что они вполне способны быть выведенными из своего нынешнего состояния варварства… Но вопрос в том, как долго еще японские власти пожелают

---

19 *Barclay Paul D.* Contending Centres of Calkulation in Colonial Taiwan, c. 75–79.

20 *Matsuda Kyōko,* Inō Kanori's «History» of Taiwan: colonial ethnology, the civilizing mission and struggles for survival in East Asia. – History and Anthropology. – Routledge, vol. 14, Issue 2, June 2003, p. 179–196.

продолжать свою нынешнюю политику умеренности и доброй воли, и оставлять в их руках почти половину острова. Если бы была перспектива, что они станут более управляемыми через десять или даже через двадцать лет, то нынешняя политика могла бы быть продолжена на такой *временный срок*. Но если процесс потребует столетия или около того, вполне очевидно, что у нас нет такого свободного *временного срока*. Это не значит, что мы не имеем никакой симпатии к дикарям. Это просто означает, что мы должны думать больше про наших 45 000 000 сыновей и дочерей, чем про примерно 104 000 дикарей. Мы не можем позволить себе терпеливое ожидание, пока они отбросят варварство … Куда лучше и очень необходимо для нас проложить силой свой путь в центр их территорий и передать под возделывание все пустующие земли»[21]. В то же время, с учетом провалов ассимиляционной политики в колониях Франции, Такэкоси активно выступал против «ассимиляции» жителей Формозы [22].

После 1905 г. японцы сочли возможным предъявить итоги своего колониального правления уже не только согражданам в метрополии, но и вниманию мировой общественности. Насущность этой задачи усиливалась из-за критики колониальной политики Японии, звучавшей со страниц многих мировых СМИ того времени. В противовес этой критике японские власти пытались представить остров как образцовую модель правления, успешно внедряющую достижения науки и весь лучший опыт других колониальных держав. Для этого они стали издавать в переводе на европейские языки официальные отчеты, пропагандистские опусы высших колониальных чинов и крупные научно-популярные труды[23]. К последним относилась уже упомянутая книга

---

[21] *Takekoshi Yosaburo,* Japanese Rule in Formosa, George Braithwaite, trans. (London, New York, Bombay & Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1907), c. 230; *Barclay Paul D.*, Contenting Centres of Calculation in Colonial Taiwan, c. 79–81.

[22] См.: Тайваньский исторический словарь 台灣歷史詞典: http://nrch.cca.gov.tw/ccahome/website/site20/PDFFiles/0308.pdf

[23] *Goto Shimpei,* Dr. Formosa (Tai-wan): Its present financial and economic position – London, 1902, p.19 ; Government of Formosa. Report on the Control of Aborigines in Formosa – Taihoku, 1911; Hishida Seiji. Formosa: Japan's First Colony // Political Science Quarterly 22.2 (June 1907), p. 267–281; *Ino, Kakyo*. Die wilden Stämme von Formosa, ihre Einteilung und ihr ulturzustand (Дикие племена Формозы: их классификация и их культурное состояние). –Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin 34(1899), p/ 63–74; The Progress of Taiwan for ten Years: 1895–1904 гг. Published by the Formosan Government; *Takekoshi Yosaburō*. Japan's Colonial Policy. – In «Japan to America», ed. *Naoichi Masaoka* – NY: J. P. Putnam's sons, 1915, p.95–99; *Takekoshi Yosaburō*. Japanese Rule in Formosa, London, 1907; *Takekoshi Yosaburō*. Japan's Colonial Policy. – In «Japan to America», ed. *Naoichi Masaoka* – NY: J. P. Putnam's sons, 1915, p. 95–99; *Torii R.* Etudes anthropologiques: Les aborigenes de Formose (2e fascicule) (Антропологические штудии: аборигены Формозы, 2-й буклет). – Journal for College of Science. Tokyo Imperial Univ. Tokyo, 1910, vol. 32, p. 1–75; *Torii R.* Etudes anthropologiques: Les aborigenes de Formose (2e fascicule). 1. Caracteres Physiques: Une tribu Yami – Tokyo Imperial Univ, Tokyo, 1922.

Такэкоси «Japanese Rule in Formosa», переведенная на английский язык по заказу генерал-губернаторства и изданная в 1907 г. в Лондоне. В предисловии к книге, явно адресованном мировому читателю, гражданский губернатор Гото Симпэй открыто заявлял, что в то время как «мир все еще сомневается в наших колонизаторских способностях, … наши планы по колонизации острова уже увенчались великой мерой успеха»[24]. Так или иначе, после выхода в свет все эти переводные работы сразу же активно цитировались в других публикациях, издававшихся учеными разных стран на западных языках.

Богатый этнографический материал собран в ежегодно издававшейся серии исследований и отчетов «Временного комитета по обследованию старинных обычаев», учрежденного на острове 25 октября 1901 г., под началом Окамацу Сантаро и самого Гото Симпэя.[25] Основанный при этом Комитете с 1909 г. «отдел по делам дикарей» выпустил в 1913–1922 гг. 27 томов исследований. В них вошли три восьмитомника: «Отчеты об обследованиях диких народностей» (1913–1921 гг.). Основное содержание: материальная культура и повседневные обычаи, право, «Отчеты об обычаях диких народностей» (1915–1921 гг.). Основное содержание: социальная организация, система родства и пр.[26] и «Исследование обычаев диких народностей Тайваня» (основное содержание: общее описание туземных народностей, система родства, браков и пр.), принадлежащее перу Окамацу Сантаро. Оставшиеся три тома составили работа Мори Усиносукэ «Описание диких народностей Тайваня» (1917) и его же двухтомник «Картография диких народностей Тайваня» (1918).

В отличие от «горцев» (гаошань), равнинные туземные народности «пинпу» удостоились куда меньшего внимания японских ученых. С изучением «пинпу» были связаны выписки из китайских письменных источников, собранные и систематизированные Ино Канори в первые годы его изысканий [27], работы Курино Дэнондзё (1900 г.), Уцусикава Нэнодзо (1930 г.), Мабути Тоити[28] книга Мураками Наодзиро «Доку-

---

24 *Takekoshi Yosaburo*, ibid., p.V–VI.

25 *Чэнь Ци-лу*. Исследования Тайваня и народностей гаошань во Временном комитете по обследованию старинных обычаев». Тайвань фэн-у, 1974, № 4, с. 7–34陈奇禄. «臨時臺灣旧慣調查會»臺灣与高山族研究 // 台湾风物

26 Временный комитет по обследованию старинных обычаев при генерал-губернаторстве Тайваня. Отчеты по обследованию обычаев диких народностей. – Тайбэй, 1996 臺灣總督府臨時臺灣舊慣調查會. 番族慣習調查報告書

27 Собранные Ино материалы по «пинпу» на равнинах Даньшуй, Илань и в других районах острова публиковались в «Токийском антропологическом журнале» и в его монографиях. Ино был также первым ученым, который, исходя из особенностей языка и обычаев, разделил «пинпу» на 10 групп: Tao, Siraya, Lloa, Pazzehe, Arikun, Vupuran, Taokas, Ketagaran, Kuvarawan, Amutoura (Сайсьят). Всего Ино издал около 200 работ об аборигенах, многие из которых содержали ценные сведения о пинпу

28 Уцушикава Нэнодзо, его ассистент Миямото Нобуто и ученик Мабути Тоити собирали и изучали песни и предания «пинпу» во многих районах и селениях по всему острову

менты в письменах Синьган» (1931)[29] , работа Кокубу Наоити «Деревни жертвенных сосудов: обследование народных обычаев южного Тайваня» (1944)[30], основанная на опросах выходцев народности Сирайя в районе Тайнань, и т. д.[31] Немало материалов по «пинпу» содержится в переписях, статистических отчетах и других официальных документах японской колониальной администрации. В целом, хотя изучение «пинпу» было второстепенной темой для японских этнологов, благодаря их усилиям было собрано очень много эмпирических материалов по этим народностям. Несмотря на прикладной характер и относительную тенденциозность, эти материалы и исследования имеют высокую научную ценность и стали солидной основой для изучения «пинпу» после 1945 г.[32]

Что касается этнических китайцев, то важные сведения о них собраны в отчетах уже названного «Временного комитета по обследованию старинных обычаев» (1-й отдел комитета собирал данные о традиционном праве, 2-й отдел – об обычаях в аграрной, промышленной, торговой и других сферах экономики). Ежегодно публиковавшиеся комитетом материалы включали «Очерки по обычаям Тайваня»習紀臺灣慣事 и «Частное право Тайваня» 臺灣私法 (более 20 томов, 1903–1911гг.), «Административное право государства Цин» 清國行政法 (8 томов, 1905–1915 гг.), «Отчет по экономическим материалам» 經濟資料報告書 (2 тома, 1905г.) и другие издания. По завершении порученных исследований, Комитет был закрыт и распущен 6 мая 1919 г., хотя публикация собранных материалов продолжалась и позднее.

---

29 Письмена Синьган – фонетическая азбука-латиница. Голландские миссионеры изобрели ее в XVII в. для туземцев народности Сирайя ради упрощения христианской проповеди на острове. Записанные этой азбукой договоры были собраны, систематизированы и изданы в 1931 г. японцами как «Документы в письменах Синьган» 新港文書, а в 1938 г. опубликованы на английском языке как «Sinkan Manuscripts» (Naojiro Murakami).

30 *Кокубу Наоити*. Деревни жертвенных сосудов: обследование народных обычаев южного Тайваня. – Япония, 1944 国分直一. 壺を祀る村:南台灣民俗考. Кокубу считал, что «пинпу» совсем растворились среди китайцев и утратили свои языки. Но изучение немногих оставшихся обычаев и ритуалов могло бы сыграть важную роль в выяснении границ обитания пинпу и их отношений с ханьцами. В итоге, локализация обычая молений предкам с жертвенными сосудами стала важным средством для выявления мест расселения народности Сирайя в префектуре Тайнань. А обследованные селения получили название «деревни жертвенных сосудов». Первая статья Кокубу на эту тему под названием «Записи о поисках ритуала поклонения предкам Али» вышла в журнале «Тайвань в народных обычаях». – Минсу Тайвань – 1942, т. 2, № 7/8, с. 6-8, 26–27 國分直一. 阿立祖巡禮記//民俗台灣. В 1970–1980–х гг. тайваньские ученые продолжили эти исследования и в других районах острова. См.: *Пань Ин-хай*. Выяснение роли жертвенных сосудов – от «деревень жертвенных сосудов» до «общей роли сосудов в вероисповедании». – Справочная сеть по культуре пинпу潘英海. 祀壺釋疑一從«祀壺之村»到«壺的信仰叢結». 平埔文化資訊網: http://ianthro.tw/p/105.

31 *Сюй Му-чжу, Чжань Ци-фэнь*. Романтичные открыватели дикости? с. 115.

32 *Чжоу Дянь-энь*. От «научного пустяка» до «нового научного фаворита»: ретроспективный обзор и анализ исследований тайваньских пинпу. – Центр публикаций Наньао, 07.03.2010, с. 1周典恩. 从 «学术鸡肋» 到 «学 术新宠»: 台湾平埔族研究的回顾与反思 // 南粵论文中心, http://www.nylw.net/Art/wenxuelunwen/20100307/nylw_377.html

Как указывал Мабути Тоити, по масштабам государственной поддержки, объемам и широте охвата, собранные с подачи японских властей историко-этнографические материалы сопоставимы лишь со «Сборниками сведений об обычаях и законах» 慣習法集成 Adatrechtbundel, составленными в свое время голландским колониальными властями в Индонезии[33].

Изданные при поддержке японских властей этнологические материалы и исследования активно использовались в публикациях колониальных чиновников. В этих работах, подобных многократно переиздававшемуся сочинению Гото Симпэя «Взгляд на колониальную политику Японии. Теория японской экспансии», неизбежно затрагивались важнейшие аспекты этнической истории и современной этнической политики[34].

Знаменательно, что публикация официальных сводок и отчетов колониальной администрации на Формозе имела двойственные последствия, послужив объективной почвой не только для восхваления метрополии ее колониальными служащими, но и для критики со стороны противников колониализма и имперской политики Токио. Одним из таких критиков был крупнейший знаток японских колоний, социалист Янайхара Тадао 矢內原忠雄 (1893–1961гг.), автор многих известных работ[35], в том числе написанной в 1929 г. и изданной в 1934 г. на русском языке в СССР книги «Формоза под властью японского империализма». Эта книга, основанная на широком круге источников, содержит анализ и критику колониальной политики Японии, а также прогнозы в отношении этой политики и будущего формозцев. В ней собраны ценные сведения об истории и этнополитической ситуации на острове, заслуживающие упоминания в данном обзоре.

В гл. 1 Тадао дает краткий очерк колонизации Тайваня китайцами и европейцами, вплоть до его захвата в 1895 г. Японией. Затем следует описание аграрной политики, за счет которой власти колонии передали земли и леса формозцев (китайцев и туземцев) в руки новых хозяев – японцев[36]. Крайне ценны материалы гл. 8 о положении японцев и значении Формозы для японской иммиграции. По поводу миграционной политики Тадао сообщает, что на западе и на востоке Формозы переселение японских крестьян вызывалось в основном нуждами сахарной

---

33 *Лю Бинь-сюн*. Изучение народностей «гаошань» японскими учеными, с. 77–78 .

34 Мочицзи Рокусабуро. Колониальная политика на Тайване.– Токио, 1912 持地六三郎. 台湾植民政策, 東京: 富山房; Гото Симпэй. Взгляд на колониальную политику Тайваня. Теория японской экспансии. – Токио, 1921 後藤新平. 日本植民政策一班. 日本膨脹論 – 東京: 拓殖新報社; Такахама Сабуроу. Общая история правлений на Тайване. – Токио: 1936, с. 53 . 高濱三郎.臺灣統治概史東京: 新行社

35 См.: *Yanaihara Tadao*. Militaristic and Assimilationistic: On the Comparison between Japanese and French Colonial Policies (1930). – In Yanaihara Tadao zenshu. – Tokyo: Iwanami shoten, 1963, p. 276–306.

36 *Тадао Янайхара*. Формоза под властью японского империализма, с. 8–17.

индустрии. Но, несмотря на затрату огромных средств и времени, частные и государственные попытки массового переселения японцев на восток Формозы потерпели неудачу, хотя восток острова был все же японизирован заметно сильнее запада. В итоге, заключает Тадао: «Значение Формозы в деле размещения избыточного населения империи чрезвычайно невелико». Этот вывод подтверждает тот факт, что большинство живших на Формозе японцев являлись госслужащими, людьми свободных профессий и торговцами, и лишь в очень незначительном числе – крестьянами[37].

Тадао также привел в книге статистику по численной динамике разных этнических групп (1905–1927гг.), сведения об экономической и культурно-образовательной политике, законах, судах и административном управлении островом. Все эти данные приводят автора к мысли, что «экономическая и образовательная "ассимиляция" выгодна японцам, а политика управления, покоящаяся на системе абсолютизма губернаторов, является единственной политической формой, способной реально охранять неприкосновенность японских прибылей. В этом и состоит империалистическое значение всего механизма управления»[38].

Касаясь социальных противоречий (гл. 11), Тадао указывает на тесное смешение классовой и национальной розни. В целом, жившие на острове японцы тяготеют к крупному капиталу и властям, тогда как все формозцы сближаются с крестьянами и рабочими. Национальная рознь между формозцами и японцами осложнена сильной дискриминацией, политической и классовой борьбой между угнетателями и угнетенными[39]. В главе о национально-освободительном движении Тадао выявил основной курс и методы японских властей в сфере национальной политики (гл. 12). Узловым пунктом японской политики управления Формозой являлась задача его отрыва от Китая и укрепление связей с Японией. А принципы правления заложил Гото Симпэй, считавший, что эффективную политику нужно строить на основе этнологии, т. е. на точном знании обычаев и условий жизни формозцев. При этом выбор методов этой политики, по Гото, был таков: «Как бы мы ни стремились к мягкости и ассимиляции, на практике, бывает, необходима и жестокость»[40].

В историческом плане Тадао видит два периода в этнической политике японцев. Первый период – 1895 – 1918(19) – правление под лозунгом губернатора Кодама и Гото о признании особых условий Формозы и уважения местных обычаев. Второй, который «длится до настоящего времени» (рубежа 1930-х – *В. Г.*), отличается не столько речами об «особых социальных условиях на Формозе», сколько реальным пово-

---

37 Там же, с. 115–117.
38 Там же, с. 117–127.
39 Там же, с. 134, 147.
40 Там же, с. 148–150.

ротом политики в сторону «ассимиляции» и уравнения в правах с Японией. На первое место благодаря этому выдвинуто образование, лозунги гражданского управления и национального мира[41].

Особым фактором, тесно связанным с колониальной политикой, был рост национального движения. После первой мировой войны, пишет Тадао, все империалистические страны стремились всячески погасить национальные движения внутри колоний. Политика японизации управления Формозой отвечала духу времени и была призвана ослабить все стихийные и организованные формы национального движения, охватывавшего китайское население острова. Для этого власти жестоко подавляли антияпонские бунты и запрещали все партии, в программах которых имелся хотя бы намек на национальную рознь. В то же время японцам приходилось учитывать рост национального самосознания формозцев и допускать деятельность умеренных партий. Например, партии «Тайвань Минсюто» (Демократическая партия Тайваня), ратовавшей за демократизацию в рамках Конституции и участие в самоуправлении на острове, за равноправие японского и формозского языков, обязательное преподавание китайской литературы в начальных школах, уравнение в правах японских и китайских учебных заведений и т. д. Рост организованного национального движения внутри и за пределами Тайваня Тадао называет поворотным пунктом в политической истории острова. Но, оценивая современное положение, он верно заключает, что время широкого социального движения еще не пришло[42]. Национальное движение также исследовалось в монографии Идзуми Фуро «Тайваньское национальное движение» [43] и в работах других японских авторов тех лет. В 1920-х годах. увидели свет и отдельные статьи тайваньских общественных деятелей, выражавших в них свое сложное отношение к японской ассимиляционной политике на острове[44].

Что касается аборигенной темы, то период с рубежа 1920-х годов до открытия в 1928 г. императорского университета в Тайбэе ознаменовался заметным спадом в изучении аборигенов. Известным этнологом этих лет был Коидзуми Маганэ, который четырежды посетил остров в 1925–1928 гг. и публиковал полевые материалы по социальной организации и обычаям туземцев на востоке и севере Тайваня[45].

В целом, сбор первичных полевых материалов по этнографии аборигенов в японский период длился около 30 лет. Новый этап наступил после

---

41 Там же, с. 151.

42 Там же. с. 152–156, 161–162.

43 *Izumi Furō*. Taiwan no minzoku undō (Тайваньское национальное движение). – Taichu: Taiwan shimbunsha, 1928.

44 *Цай Пэйхэ*. Мои взгляды на ассимиляцию (Tsai Pei-huo. Gojing no dōka kan). – Taiwan seinen (Тайваньская молодежь) I, № 2 (1920), с. 67–82.

45 Основные работы Коидзуми Маганэ – «Записи об образе жизни дикарских деревень» 蕃鄉風物記(1932), «Описание туземных обычаев Тайваня» 台灣土俗志 (1933) и др.

1928 г., когда при Тайбэйском императорском университете открылась «Лаборатория изучения рас и туземных обычаев», сосредоточившаяся в основном на культуре аборигенов, реконструкции их исторического прошлого и разработке теоретических основ для научных изысканий. Если раньше такие исследования вели нанятые колониальными властями ученые-одиночки, то после 1928 г. они велись в основном силами преподавателей и студентов университета и уже меньше зависели от политической конъюнктуры. Ведущими учеными лаборатории были ее создатели, профессора Уцусикава Нэнодзо, Миямото Нобуто, а также их ученик Мабути Тоити[46].

В 1930–1940-х гг. увидел свет целый ряд важных работ японских ученых по темам социального строя, систем родства, материальной культуры, обрядов, образа жизни, а также происхождения и места тайваньских туземцев в истории и культуре Юго-Восточной Азии[47]. Пристальное внимание японских ученых привлекали также вопросы ассимиляционной политики[48], китайская система образования, использование китайского языка и другие проблемы, от которых зависела выработка языковой и образовательной этнокультурной политики.

В 1941г. тайваньские ученые Чэнь Шао-сян (陳紹馨) и Хуан Дэ-ши (黃得時), совместно с несколькими японскими коллегами (Канасэки Такэо и др.), основали на острове журнал «Народные обычаи Тайваня» 民俗臺灣. Несмотря на любительский статус журнала, в нем было собрано немало результатов этнологических исследований[49], а публикации «Народных обычаев Тайваня» оказали немалое влияние на первое послевоенное поколение тайваньских исследователей.

Таким образом, исследования японских этнологов на Тайване в 1895–1945 гг. можно разделить на три периода: 1) период изучения силами Токийского антропологического общества (1895–1900 гг.); 2) период деятельности «Временного комитета по обследованию старинных

---

46 *Лю Бинь-сюн*. Изучение народностей «гаошань» японскими учеными, с. 78.

47 *Коидзуми Маганэ*. Описание туземных обычаев Тайваня – Токио, 1933 小泉铁.台湾土俗志; *Уцусикава Нэнодзо, Миямото Нобуто, Мабути Тоити*. Исследование системы родства тайваньских гаошань – Тайхоку, 1935, т. 2 移川子之藏, 宫本延人, 馬洲東一. 臺灣高砂族系統所屬の研究; *Мабути Тоити*. Место материнских родов в патрилинейной системе родов «гаошань» в центральной части Формозы – 1938 中部高砂族父系制中的母族的地位; *Ван Тянь-цянь*, Семья и род нецивилизованных обществ» – 1942 王田谦.未開化社會的家族; *Фуруно Киёто*, Жертвенные обряды в жизни гаошань – Тайбэй 1945, Токио 1945古野清人.高砂族の祭仪生活; *Кано Тадао,*Иллюстрированная этнография народности Ями – 1945 鹿野忠雄.亞美族圖解民族志, а также двухтомник «Изучение этнологии и первобытной истории народов ЮВА» – Токио, 1946, 1952, 2 т. 鹿野忠雄. 東南亞細亞民族學先史學研究и т. д. См. *Лю Бинь-сюн*, Изучение народностей «гаошань» японскими учеными, с. 81; *Сюй Му-чжу*. Чжань Ци-фэнь. Романтичные открыватели дикости? с. 114–115.

48 *Washinosu Atsuya*. Taiwan Hōkō kōminka tokuhon – Taihoku: Taiwan Keisatsu Kyokai 台湾警察協会, 1941.

49 *Сюй Му-чжу*, Чжань Ци–фэнь, Романтичные открыватели дикости,с. 115.

обычаев Тайваня» (1901–1928 гг.); 3) период с основания Тайбэйского университета до 1945 г. При этом первые два этапа были связаны преимущественно со сбором эмпирических материалов, а плоды этнологических изысканий были прямо ориентированы на интересы японской колониальной политики. На третьем этапе эти исследования обрели менее политизированный характер, а полевой сбор этнографических фактов дополнился применением кросс-культурных подходов, компаративистских методик и, в итоге, более глубоким теоретическим осмыслением научных материалов.

В целом, за полвека работы на Тайване японские этнологи (профессионалы и любители, естественники и гуманитарии, и пр.) подняли изучение аборигенов и местных китайцев на небывалый научный уровень, а их научные труды заложили солидную основу для продолжения этнических исследований на острове после 1945 г.

С этого времени японские ученые утратили прежние возможности и мотивы для ведения научной работы на Тайване. Лишь немногие из них, в частности, Кокубу Наоити и Канасэки Такэо (1897–1983 гг.), остались на острове, где продолжали преподавание и исследования «пинпу». Но в 1949 г., после принятия Закона о военном положении (1949–1987 гг.), им тоже пришлось покинуть Тайвань.

В 1950-х гг. в Японии продолжали выходить отдельные работы по этнологии Тайваня. Но лишь с конца 1960-х гг., после более чем 20-летнего перерыва, японские этнологи стали вновь приезжать на остров для ведения исследований. Используя фонды колониальных архивов, полевые материалы и работы тайваньских коллег, японцы в послевоенный период сосредоточились в основном на теме колониальной политики в 1895–1945 гг.[50], а также на истории и этнографии отдельных аборигенных народностей острова (социальная организация, обычаи, религии, миграции и пр.)[51]. Продолжают выходить и историографические работы,

---

50 *Ihara Kichinoshke*. Taiwan no kōminka undo – shōwa junendai no Taiwan (2) (Движение *kōminka* на Тайване: Тайвань во втором десятилетии Сёва) – В сб. под ред. *Накамура Коси.* Nihon no nanpo kanyo to Taiwan – Nara: Tenrikyo doyusha, 1988, p. 271–386; *Takeshi Komagone*. Japanese Colonial Rule and Modernity: Successive Layers of Violance. – Traces 2(2001); *Курихара Цзюн*. Ассимиляционная политика на Тайване под господством Японии – изучение процесса установления закона о смешанных браках (перевод на кит. яз. Чжун Шу-минь). – Сб. статей 4-й научной конференции по архивам генерал-губернаторства Тайваня – Наньтоу, 2006, с. 187–243 栗原純著. 日本統治下台灣的同化政策— 共婚法成立過程之研究. 鍾淑敏譯 // «第四屆臺灣總督府檔案學術研討會論文集 – 南投: 台灣文獻館; *Курихара Цзюн*. Граждане Тайваня и проблема японского гражданства. (перевод на кит. яз. Чжун Шу-минь). – Сб. Статей научной конференции по упорядочению и изучению документов и материалов по истории Тайваня – Наньтоу, 2000, с. 424–450 栗原純著. 臺灣籍民與國籍問題. 鍾淑敏譯 // «臺灣文獻史料整理研究學術研討會論文集» – 南投: 臺灣省文獻委員會

51 *Накамура Такаси*. Деревня Куатаон на западе центрального Тайваня под господством Голландии. – Тайвань фэн-у, 1992, т. 43, № 43(4), с. 238–306 (кит. яз.) 中村孝志. 荷蘭統治下位

обобщающие наследие японских этнологов, работавших на Тайване в колониальный период[52].

В целом, послевоенные работы японских этнологов по Тайваню носят относительно разрозненный, частно-эмпирический, позитивистский характер, а этнополитическая тематика занимает в них довольно скромное место. Но в последние годы стали появляться и внушительные обобщающие труды, подобные вышедшей в 2002 г. в Токио и переизданной в 2004 г. на Тайване книге Киния Суэмицу «История Тайваня: Тайвань в эпоху японского господства»[53], где систематично представлены все основные аспекты японского правления на Тайване, включая этническую историю и политику. При этом сегодня, в эпоху стремительной глобализации, японские научные исследования становятся все более важной частью региональных и общемировых исследований по этнологии и этнической истории Тайваня, и должны рассматриваться как органичная составляющая этих исследований.

於台灣中西部的Quataong 村落 // 台灣風物; *Чэнь Вэнь-дэ*. Исследование народности Амэй японскими учеными после «гуанфу», Сы юй янь,1985(июль), т. 23, №2, с. 42-64 陳文德. 光複後日本學者對阿美族的研究 // 思与言; *Фудзии Шицзуэ*, Покорение аборигенов: политика периода японского правления на Тайване (1895–1915).

52 Дневники тайваньской экспедиции Ино Канори. ред. Моригучи Кацзунари, – Тайбэй: Тайвань Фэн-у цзачжи шэ, 1992森口雄稔.伊能嘉距の台湾踏査日記 // 台湾風物雑誌社; *Касахара Масахару*. Ино Канори и его исследовательская деятельность на Тайване, 1895–1906). – Исследования аборигенов Тайваня, т. 3 (1998), с. 54–78伊能嘉距の時代: 台湾原住民初期研究史 // 台湾原住民研究; *Suenari Michio*. A Century of Japanese Anthropological Studies on Taiwan Aborigines. – History, Culture and Ethnicity: Selected Papers from the International Conference on the Formosan Indigenous Peoples – Taipei, SMC Publishing, 2006; *Matsuda Kyōko*, Inō Kanori's «History» of Taiwan: colonial ethnology, the civilizing mission and struggles for survival in East Asia. History and Anthropology. – Routledge, vol.14, Issue 2, June 2003, p. 179–196.

53 *Киния Суэмицу*, История Тайваня. Тайвань в эпоху японского господства: 50-летний след (1895-1945/46) 末光欣也. 台灣の歷史: 日本統治時代の台灣. 1895-1945/46 50 年の軌跡 – Тайбэй: Чжи лян чубаньшэ, 2004, 624 с.

Памяти Нины Ивановны Чегодарь

7 мая 2011 г. ушла из жизни Нина Ивановна Чегодарь. Мы потеряли замечательного человека, известного ученого-востоковеда, прекрасного знатока японской литературы и культуры страны в целом.

Нина Ивановна родилась 9 сентября 1924 г. в с. Грушино Воронежской области. Окончив с отличием Московский институт востоковедения в 1948 г., а затем курсы повышения квалификации в 1950 г., она получила распределение на практическую работу, а в 1956 г. поступила в Институт востоковедения Академии наук СССР, где занималась научной работой до 2002 г.

При подготовке кандидатской диссертации ей посчастливилось работать под руководством Анны Евгеньевны Глускиной, авторитетнейшего специалиста по японской литературе и театру, поэта, переводчика, члена Союза писателей.

В 1960 г. Нина Ивановна защитила кандидатскую диссертацию по теме «Значение повести “Снегозащитная роща” в творчестве Кобаяси Такидзи», а в 1990 г. докторскую диссертацию – «Взаимодействие исторической и художественной реальности в послевоенной прозе Японии».

Нина Ивановна была разносторонне образованным человеком. Она одинаково прекрасно знала как литературу Востока, так и Запада. У нее были глубокие знания в области музыки и архитектуры, литературы и театра, скульптуры и живописи. Она блестяще владела несколькими иностранными языками, свободно изъяснялась на японском, английском и немецком языках. Ее обширные знания, которыми она щедро делилась с окружающими ее коллегами, во многом помогли ей творчески прорабатывать большой фактический материал и проводить глубокий анализ исследуемых проблем японской литературы.

С первых шагов научной работы сферой ее интересов стала современная японская литература. Ее первая книга «Кобаяси Такидзи. Жизнь и творчество» была опубликована в 1966 г. Затем в соавторстве с Л. Д. Гришелевой ею были написаны две работы:

«Культура послевоенной Японии» (издана в 1981 г.), в которой рассматриваются культурные процессы первых десятилетий после окончания войны, анализируются общие тенденции и явления, характерные для каждого этапа культурного развития страны и исследуются творческие достижения наиболее известных представителей тех или иных культурных направлений; и «Японская культура нового времени (эпоха Мэйдзи), которую Нина Ивановна дописала и опубликовала уже после смерти соавтора. Книга вышла в 1998 г.

Последняя работа Нины Ивановны – «Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами» – была издана в 2004 г. Она посвящена творчеству писателей 20–30-х годов прошлого века и общественно-литературным течениям того времени. Этот период, весьма сложный и даже драматический в истории страны, сыграл важную роль в формировании современной национальной литературы Японии.

Нина Ивановна неоднократно принимала участие в написании разделов, посвященных литературе и культуре Японии, в коллективных монографиях, а также статей в различные сборники и журналы. Их насчитывается свыше 100 единиц.

В повседневной жизни это был исключительно скромный, всегда подтянутый, корректный, собранный, доброжелательный человек. Светлый образ Нины Ивановны Чегодарь навсегда останется в памяти всех знавших ее.

Наши авторы

Барышев Эдуард Анатольевич, доктор философии, Университет Кюсю (Япония)

Белов Константин Владимирович, аспирант, Санкт-Петербургский Государственный университет, Факультет филологии, Кафедра международных политических процессов

Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Головачев Валентин Цуньлиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Колотова Елена Викторовна, магистрант Университета Отяномидзу, Токио

Корчагина Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, кафедра иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики Государственного университета ВШЭ

Куланов Александр Евгеньевич, сотрудник Московского представительства газеты «Иомиури»

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Молодяков Василий Элинархович, доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Ноздрев Станислав Борисович, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, ИМЭМО РАН

Полхов Святослав Александрович, научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Спиридонов Глеб Борисович, кандидат искусствоведческих наук, преподаватель японского языка Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, МГИМО(У) МИД РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Молодяков В. Э. Япония после 11 марта 2011 г.: итоги и уроки Великого Восточнояпонского землетрясения **5**

Стрельцов Д. В. Политика Японии в сфере энергосбережения: исторические и правовые аспекты **17**

Добринская О. А. Энергетическая дипломатия Японии и Центральной Азии **38**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Маркарьян С. Б. Аграрная политика демократов **52**

Ноздрев С. В. Биржевая система Японии: современное состояние и тенденции развития 70

Лебедева И. П. Автомобильная промышленность Японии: национальные особенности **90**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

Герасимова М. П. Особенности художественной культуры в Японии **110**

Колотова Е. В. Новый вызов традиционной культуре Японии **124**

Спиридонов Г. Б. Божество Хатиман: истоки почитания и процессия ходзё-э **135**

Катасонова Е. Л. Мураками Такаси и его теория суперплоскости **155**

Корчагина Т. И. Обучение японскому языку студентов экономического вуза **168**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Полхов С. А. «Роккаку-си сикимоку» – свод законов периода воюющих провинций» **181**

Куланов А. Е. Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы **222**

Барышев Э. А. Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914–1917 гг.): малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества **238**

Белов К. В. Роль внешних факторов в процессе реформирования государства и общества Японии **255**

Головачев В. Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода **270**

Памяти Нины Ивановны Чегодарь 285

Наши авторы

Научное издание

Япония 2011

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

_____

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
http://www.airo-xxi.ru

Подписано в печать 19.11.2011 г. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 20
Тираж 400 экз.